

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гуманитарный институт
Высшая школа международных отношений

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург

2026

УДК 327
ББК 66.4
М43

Рецензенты:

Доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
З. З. Бахтуридзе
Доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
О. К. Павлова

Международные отношения в глобальном измерении : сборник научных трудов. Вып. 10 / под ред. А. С. Матвеевской. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2026. – 252 с.

В сборнике представлены материалы научных исследований, рассматривающих современные тенденции мирополитических процессов, актуальные вопросы экологических трендов, проблемы социальных и политических практик в условиях глобализации. Сборник включает научные работы, освещающие вопросы международного сотрудничества и межкультурного диалога.

Предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется современными проблемами международных отношений, социогуманитарного и политического знания.

Все материалы публикуются в авторской редакции, точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук, профессор *С. Н. Погодин*
Кандидат философских наук, доцент *Л. И. Евсеева*
Кандидат экономических наук *Чжан Ваньтин*
Кандидат политических наук *Ван Цзюньтао*
Кандидат географических наук, доцент *А. С. Матвеевская*

Ответственный редактор – кандидат географических наук,
доцент кафедры мировой политики СПбГУ *А. С. Матвеевская*

Печатается по решению

Совета по издательской деятельности Ученого совета
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

ISBN 978-5-7422-9422-1 (вып. 10)
ISBN 978-5-7422-7581-7

© Матвеевская А. С., научное
редактирование, 2026
© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Представляю вашему вниманию десятый, юбилейный выпуск сборника научных трудов «Международные отношения в глобальном измерении», подготовленный Высшей школой международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. За прошедшие годы наше издание стало авторитетной площадкой для публикации результатов исследований, в которых осмысливаются ключевые вызовы и тренды современной мировой политики, истории дипломатии, межкультурной коммуникации и международного права.

Десятый выпуск выходит в период, когда международная система переживает фундаментальную трансформацию: меняется конфигурация глобальных центров силы, ускоряются интеграционные и дезинтеграционные процессы, формируются новые нормативные и институциональные рамки взаимодействия государств. В этих условиях перед научным сообществом стоит задача не просто фиксировать происходящие изменения, но и предлагать глубокий аналитический инструментарий для их понимания и прогнозирования. Именно такую задачу ставят перед собой авторы, чьи работы вошли в настоящий сборник.

Рукопись включает семь тематических разделов, которые отражают многообразие исследовательских подходов и направлений.

Первый раздел — «Мир вокруг нас: история и практика международных отношений» — объединяет статьи, посвященные конкретным кейсам двусторонних и региональных взаимодействий. Здесь анализируются реализация свободы слова в электронных СМИ стран Азии, влияние социальных медиа на восприятие российско-казахстанских отношений молодежью, ресурсные стратегии стран «литиевого треугольника» Латинской Америки, промышленная кооперация в рамках ЕАЭС, а также вопросы миграции, бизнес-адаптации и публичной дипломатии. Особо хочется отметить скрупулезную работу с эмпирическим материалом: авторы используют данные национальных статистических служб, результаты социологических опросов, материалы международных организаций и контент-анализ цифровых платформ.

Второй раздел посвящен теории и методологии. В нем представлены статьи, переосмысливающие классическое наследие — от Фукидида до Липсета и Роккана — в контексте современных международных реалий. Глубокий теоретический анализ сочетается здесь с постановкой актуальных вопросов о природе государственного суверенитета, многополярности и путях деглобализации.

Третий раздел — «Мирополитические аспекты современного развития» — фокусируется на пространственной уязвимости, гуманитарных вызовах и роли международных организаций. Исследования энергетической безопасности Вьетнама, правового статуса Международного комитета Красного Креста, а также экономической дипломатии БРИКС и культурной реституции в Германии демонстрируют высокую практическую значимость и междисциплинарный характер представленных работ.

Четвертый раздел посвящен международному сотрудничеству и межгосударственному взаимодействию. Здесь рассматриваются Германия как «мотор» европейской солидарности в вопросах временной защиты беженцев,

перспективы сотрудничества российского Дальнего Востока и Беларуси, российско-китайское стратегическое партнерство, противодействие терроризму в рамках региональных организаций, Форум Китай–CELAC как инструмент сдерживания американской гегемонии, а также политическая эволюция Африканского национального конгресса.

Пятый раздел — «Межкультурный диалог: история и современность» — включает оригинальные исследования по гастрономической дипломатии Санкт-Петербурга, культурным связям России после 2022 года, культурной дипломатии России и Республики Корея, морфологии русской сказки как ресурсу гуманитарной политики, а также сравнительному анализу национальных моделей публичной дипломатии США, РФ и КНР. Эти работы демонстрируют, как культурное наследие и символические ресурсы становятся эффективными инструментами «мягкой силы».

Шестой раздел — «Актуальные вопросы международного права» — затрагивает проблемы несправедливости в праве, государственности Курдистана, инициативы «Один пояс, один путь» как политико-правового института и нарушения международного гуманитарного права в сербско-косовском кризисе.

Седьмой, заключительный раздел — «Тренды и практики социально-политических процессов» — включает исследования стратегической неопределенности Республики Корея, коммуникационного сопровождения коммерческих компаний, состояния нефтяной отрасли России, восприятия национального бренда «Сделано в России» молодежью, институциональных ограничений для экологического туризма, а также влияния беспилотных летательных систем на индо-китайский пограничный конфликт и эволюции образа турецкого султана в России.

Хотелось бы выделить несколько ключевых достоинств представленных материалов. Авторы успешно сочетают методы политической науки, истории, права, социологии, культурологии и экономики. Это позволяет рассматривать международные отношения не как изолированную сферу, а как сложный комплекс взаимосвязей, где дипломатия переплетается с культурными кодами, экономические интересы — с правовыми нормами, а технологические инновации — с традиционными институтами.

Большинство статей опирается на свежий фактический материал, включая события 2024–2026 годов. Авторы анализируют санкционное давление, перестройку логистических цепочек, миграционные кризисы, трансформацию публичной дипломатии и медиапространства. При этом широко используются данные международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ЕС, ОЭСР), национальные законодательства и статистические базы.

Работы не ограничиваются констатацией фактов; в них прослеживается стремление к теоретическому обобщению. Ревизия классических концепций (реализм, конструктивизм, теория размежеваний, концепция «мягкой силы») ведется через призму современных вызовов, что позволяет не только применять, но и творчески развивать научный инструментарий.

Многие статьи содержат конкретные рекомендации для лиц, принимающих решения: от оптимизации транспортных коридоров до разработки стратегий культурного брендинга и правового регулирования экотуризма. Это делает сборник полезным не только для академического сообщества, но и для специалистов-практиков.

В сборнике представлены исследования, охватывающие все ключевые регионы мира: Европу, Азию, Латинскую Америку, Африку, Ближний Восток и постсоветское пространство. Такая панорама позволяет увидеть глобальные процессы в их локальной специфике.

Выражаю искреннюю признательность членам редакционной коллегии — доктору исторических наук, профессору С. Н. Погдину, кандидату философских наук, доценту Л. И. Евсеевой, кандидату экономических наук, доценту Чжан Ваньтин, кандидату политических наук, доценту Ван Цзюньтао — за неоценимую помощь в отборе и рецензировании материалов. Отдельное спасибо рецензентам — доктору политических наук, профессору З. З. Бахтуридзе и доктору исторических наук, профессору О.К. Павловой — за тщательный анализ и конструктивные замечания, которые позволили улучшить качество публикуемых работ.

Благодарю всех авторов, приславших свои статьи. Ваш энтузиазм, научная добросовестность и готовность к диалогу сделали этот выпуск живым и содержательным.

Приглашаю коллег к дальнейшему сотрудничеству на страницах нашего сборника. Одиннадцатый выпуск планируется к изданию во второй половине 2026 года. Надеюсь, что традиция публикации лучших исследований в области международных отношений, глобальной политики и межкультурной коммуникации будет продолжена.

С уважением, *Ответственный редактор*
кандидат географических наук,
доцент кафедры мировой политики
Санкт-Петербургского государственного университета

А. С. Матвеевская

РАЗДЕЛ I. МИР ВОКРУГ НАС: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 351.751

РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ КИТАЯ, СИНГАПУРА, МЬЯНМЫ И ТАИЛАНДА INTERNET MEDIA FREEDOM IN CHINA, MYANMAR, AND THAILAND

А.М. Быстрова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

A.M. Bystrova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: nastya240805@mail.ru

А.А. Копань,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

A.A. Kopan,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: arinakopan@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает комплексный анализ реализации свободы в электронных средствах массовой информации Китая и трех странах Юго-Восточной Азии – Таиланда, Мьянмы и Сингапура. Актуальность темы статьи обусловлена быстрыми темпами повсеместной цифровизации государственного контроля и ведущей ролью Китая в ней, в сравнении с другими азиатскими странами, где сочетаются элементы формальной свободы и институциональных ограничений. Авторы рассматривают конституционные гарантии и свободы слова в отдельных государствах, а также выделяют ключевые правовые, административные, судебные механизмы, ограничивающие деятельность СМИ. Особое внимание уделяется сравнительному анализу по трем критериям: конституционные гарантии, законодательные ограничения и административное регулирование. Выделяются сходства регулирования свободы слова в представленных странах, указывающие на заимствование механизмов у КНР. Также приводятся различия, обусловленные разницей политических режимов в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: свобода слова, СМИ, Китай, Сингапур, Мьянма, Таиланд.

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the implementation of internet media freedom in China and three Southeast Asian countries – Thailand, Myanmar, and Singapore. The relevance of the study is driven by rapid widespread digitalization of state control and China's leading role in this process, in comparison with other Asian countries where elements of formal freedom coexist with institutional restrictions. The authors examine constitutional guarantees of freedom of speech in the selected states and identify key legal, administrative, and judicial mechanisms that restrict media activities. Particular attention is paid to a comparative analysis based on three criteria: constitutional guarantees, legislative restrictions, and administrative regulation. The study highlights similarities in the regulation of freedom of media across the examined countries, indicating the borrowing of certain mechanisms from the People's Republic of China. It also identifies alternations due to differences in political regimes between China and the Southeast Asian states.

Key words: Mass Media, freedom of expression, China, Singapore, Myanmar, Thailand

Свобода слова в СМИ – один из ключевых показателей демократического развития государства и уровня защиты прав человека. В современности СМИ зачастую используются как инструмент управления мнением населения, поэтому вопросы государственного регулирования медиапространства приобретают особую значимость.

В текущей обстановке, именно Китай демонстрирует большие успехи в использовании медиа в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности. Страны Юго-Восточной Азии заимствуют некоторые практики Китайской Народной Республики в вопросах регулирования СМИ, адаптируя их под свои политические реалии. Вместе с тем, способы и характер применения этих механизмов существенно различаются, что отражается на уровне фактической реализации свободы слова в каждом из государств.

Для выявления общих тенденций и ключевых различий в регулировании средств массовой информации, целесообразно провести исследование правовых и институциональных особенностей в Китае, Таиланде, Мьянме и Сингапуре. Выбор стран обоснован различиями между их политическими режимами, а также разными образами в СМИ, несмотря на территориальную принадлежность к одному региону.

Свобода слова в СМИ Китая

Прежде всего, важно отметить, что свобода слова в Китае строго ограничивается законодательством. Конституции КНР 1982 г., закрепляет для СМИ основные права, которые имеют следующие положения:

Статья 35. Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций.

Статья 41. Граждане Китайской Народной Республики имеют право обращаться с критикой или предложениями в адрес любых государственных органов или государственных служащих [1].

Однако государственное регулирование электронных СМИ в Китае на этом не заканчивается. Государством предусмотрены законодательные акты, которые регулируют деятельность СМИ в Интернете. В частности, в 2000 г. Госсоветом КНР был выпущен закон о «Порядке осуществления информационных услуг в Интернете» [2], который накладывает на поставщиков запреты на дублирование, создание, публикацию или распространение информации, которая:

- выступает против основополагающих принципов, закрепленных в Конституции; ставит под угрозу государственную безопасность, разглашает государственные секреты;
- подрывает государственную власть или наносит ущерб национальному единству; наносит ущерб достоинству или интересам государства;
- разжигает этническую ненависть или расовую дискриминацию, или наносит ущерб межэтническому единству;
- подрывает государственную религиозную политику или распространяет еретические учения или феодальные суеверия;

Наряду с законодательной деятельностью, в Китае функционирует система административного контроля за публикациями в СМИ. Для этого созданы специализированные органы, занимающиеся регулированием цензуры в Интернете, такие как Центральное управление пропаганды [3]. Главная задача организации состоит в регулировании публикуемого издателями контента – в частности новостного – с тем, чтобы он не противоречил политическим догмам Коммунистической партии.

Контроль осуществляется двумя способами:

- Проверка статей, посвященных государственным лидерам, а также важным политическим вопросам в области внешней дипломатии, национальных отношений или религии.
- Публикация уведомлений издателям и редакторам о том, какие темы можно освещать, а какие нет, и с какой идеологической позиции следует подходить к обсуждению тех или иных вопросов.

Наконец, важным инструментом ограничения свободы слова в Китае выступает судебная система. Суды вправе привлекать к ответственности лиц исключительно за высказывания, противоречащие позиции КПК. Показательным примером является дело редакторов закрытого гонконгского издания Stand News – Чунг Пуй-куэн и Патрика Лама, которых признали виновными в сговоре с целью публикации подстрекательских материалов, в том числе новостных репортажей, интервью, очерков и авторских колонок, которые нарушают закон Гонконга о подстрекательстве к мятежу [4].

Таким образом, законодательство Китая гарантирует свободу слова в СМИ, подстраивая под политический курс КПК, социальные ценности и государственную безопасность. Контроль реализуется на трех уровнях: законодательные акты, административное регулирование и судебное преследование.

Свобода слова в СМИ стран Юго-Восточной Азии

Сингапур

В отличие от Китая, в Сингапуре СМИ являются, как и партнерами правительства, так и его оппонентами. Поэтому свобода слова и выражения регулируется основным законом, Конституцией, в которой предусмотрено следующее:

Статья 14. (а) каждый гражданин Сингапура имеет право на свободу слова и самовыражения

Кроме того, парламент Сингапура в 2019 г. опубликовал закон «О защите от распространения в интернете фейковой информации и манипуляций», в котором запрещается распространение ложных заявлений, противоречащих общественным интересам. Лицо, признанное виновным в нарушении закона, может быть оштрафовано на крупную сумму и/или приговорено к тюремному заключению сроком до пяти лет [5].

Помимо законодательных основ, свобода выражения регулируется Управлением по развитию СМИ при Министерстве информации, коммуникаций и искусств. Оно подвергает цензуре онлайн-медиа и вещательные СМИ, в том числе следит за соблюдением законов, взаимодействует с поставщиками контента, формирует стандарты контента и налагает штрафы за их несоблюдение [6].

Существенную роль в ограничении свободы слова в СМИ играет закон о защите от клеветы, который охватывает как гражданско-правовую, так и уголовную ответственность. Согласно статье 499 Уголовного кодекса, органы полиции могут арестовать преступника за клевету, если есть достаточные доказательства нарушения [7]. Этот закон чаще всего применяется к государственным или общественным деятелям, но тем не менее распространяется и на СМИ. Например, было возбуждено уголовное дело против Сюй Юаньчэня главного редактора The Online Citizen, где размещалась статья, в которой содержалась фраза о «коррупции в высших эшелонах власти». Впоследствии суд признал его виновным, приговором стал штраф в размере 8 000 сингапурских долларов [8].

Мьянма

Свобода слова в Мьянме декларируется Конституцией в следующей формулировке: «Любой гражданин, если только это не противоречит законам, принятым для обеспечения безопасности, торжества закона и порядка, общественного мира и спокойствия, общественного порядка и морали, свободен в использовании своих прав: а) выражать и свободно распространять свои убеждения и мнения...» (ст. 354 Конституции Республики Союза Мьянмы) [9]. Данное утверждение формально подкрепляется «Законом о медиа», в котором закреплена свобода от цензуры, право критики власти, право беспрепятственного расследования и публикации информации в соответствии с Конституцией. Однако к цензуре в данном законе относят только предварительные запреты до публикации, а постпубликационные санкции цензурой формально не считаются. Кроме того, в законе присутствует запрет на публикации, «влияющие на репутацию» и «оказывающие негативное воздействие на права человека». Так, в Мьянме свобода слова формально провозглашается Конституцией, но при этом может быть нарушена из-за широких формулировок в соответствующем законе о медиасфере [10].

Основным органом власти, отвечающим за цензуру и лицензирование СМИ, является Министерство информации, подконтрольное военной хунте. Министерство включает несколько департаментов, каждый из которых отвечает за определенные источники информации. За лицензирование СМИ, согласно официальному сайту министерства, отвечает Департамент информации и связей с общественностью. Так, управление медиа осуществляется именно за счет государственного контроля – подконтрольные СМИ, государственные издательства и издания под управлением Министерства информации [11].

На практике же, с момента прихода к власти военной хунты в Мьянме в феврале 2021 года было принято множество репрессивных мер в отношении СМИ. Одна из таких мер – введенная после переворота статья 505(а) Уголовного Кодекса, которая запрещает распространение «ложных новостей» и «подстрекательство к преступлениям против государственных служащих» [12]. На практике это означает, что любое сообщение, критикующее военный режим или освещающее деятельность сил сопротивления, считается преступлением. Так, журналистка Хтет Хайн, сотрудничавшая с BBC Media Action, была арестована в августе 2021 года по обвинению в сотрудничестве с запрещенной в Мьянме радиостанцией [13]. Еще одной из репрессивных мер является закон «О кибербезопасности» 1 января 2025 года. Закон ввел обязательную регистрацию цифровых платформ с более чем 100 тыс. пользователей, удаление платформами информации, «нарушающей единство и общественный порядок», право государства блокировать платформы и изымать оборудование [14].

Таиланд

Таиланд в рейтинге свободы прессы от «Репортеров без границ» за 2025 год занимает 85 место, что свидетельствует о хрупкой, но сравнительной стабильности СМИ в этой стране. Конституция Таиланда гарантирует свободу слова через запрет монополизации СМИ, свободу расследования, запрет предварительной цензуры (ст. 45-48). При этом, частоты радио- и телевидения принадлежат государству и регулируются им [15]. Главную угрозу свободе слова в Таиланде представляет уголовная ответственность за «оскорбление величества» – клевету в отношении королевской семьи (ст. 112 Уголовного кодекса) [16]. Так, в 2023 году в Таиланде

двое журналистов были обвинены в «соучастии в повреждении исторического объекта» за публикацию о граффити, нанесённом политическим активистом на стену храма в марте 2023 года; изображение содержало анархистский символ и зачёркнутую цифру 112, отсылающую к статье 112 Уголовного кодекса Таиланда [17].

Основным государственным органом, отвечающим за СМИ в целом, является Министерство цифровой экономики и общества Таиланда, при котором функционирует Центр противодействия фейковым новостям. Однако, по мнению Азиатского форума по правам человека и развитию, данный инструмент используется правительством Таиланда для манипулирования общественным мнением и легитимизации репрессивных законов [18]. Помимо этого, правом цензуры обладает и Королевская Полиция Таиланда, обладающая широким спектром полномочий, включая цензуру интернет-СМИ.

Таким образом, правовая модель Таиланда характеризуется формально развитой системой конституционных гарантий свободы слова, которая на практике существенно ограничена за счет уголовно-правовых и административных механизмов.

Сравнительный анализ реализации свободы слова в СМИ в Китае и странах Юго-Восточной Азии

Исходя из вышеперечисленных характеристик, можно выделить ряд принципиальных различий в подходах к реализации свободы слова в СМИ. Для проведения сравнительного анализа, необходимо обозначить следующие критерии:

1. Конституционные гарантии.
2. Законодательные ограничения – санкции, тяжесть наказаний.
3. Административное регулирование СМИ – лицензирование, цензура.

Конституционные гарантии

Свобода слова СМИ имеет конституционные гарантии как в Китае, так и в странах Юго-Восточной Азии (Сингапура, Мьянмы и Таиланда). Основной закон КНР закрепляет положения, в которых граждане имеют право на свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций. Кроме того, граждане могут обращаться с критикой или предложениями в адрес любых государственных органов или государственных служащих.

Статья 14 Конституции Сингапура наделяет каждого гражданина правом на свободу слова и самовыражения.

Схожие конституционные нормы содержатся и в Конституции Мьянмы. Ст. 354 закрепляет за гражданином свободу в использовании своих прав, а именно выражать и свободно распространять свои убеждения и мнения, если это не противоречит законам, принятым для обеспечения безопасности, торжества закона и порядка, общественного мира и спокойствия, общественного порядка и морали.

Таиланд гарантирует свободу слова в статьях 45-48, согласно которым запрещена монополизация СМИ, предварительная цензура, однако журналисты в праве проводить расследования без необходимости запрашивать разрешение от органов власти или владельцев бизнеса.

Законодательные ограничения – санкции, тяжесть наказаний

Китай предусматривает закон о «Порядке осуществления информационных услуг в Интернете» 2000 г., в котором в случае создания, воспроизведения, распространения или транслирования информации, содержащей материалы,

которые: выступают против основополагающих принципов, закрепленных в Конституции; подрывают государственную власть и национальное единство; разжигают этническую ненависть и т.д., то эти действия признаются уголовно наказуемыми и виновник подлежит уголовной ответственности.

Аналогичный подход наблюдается и в Сингапуре. В законе «О защите от распространения в интернете фейковой информации и манипуляций» 2019 года гражданин, признан виновным в нарушении закона, может быть оштрафован на крупную сумму и/или приговорен к лишению свободы сроком до пяти лет.

Мьянма демонстрирует ещё более жесткое регулирование свободы слова. Статья 505 (а) устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с добавлением штрафа, за распространения ложных сведений.

Таиланд в свою очередь тоже имеет один из самых жестких механизмов регулирования свободы слова. Согласно статье 112 Уголовного кодекса, лица, оскорбляющие королевскую семью, подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

Административное регулирование СМИ – лицензирование, цензура

В Китае СМИ подлежат обязательной государственной регистрации и строгому регулированию со стороны Отдела пропаганды ЦК КПК. Для получения лицензии требуется статус юрлица и китайский хостинг. В китайской системе, основными органами предварительной цензуры являются Центральное управление пропаганды и Главное управление по делам прессы, издательств, радиовещания, кино и телевидения. Интернет-провайдеры и медиа-платформы осуществляют последующую цензуру через модерацию.

Лицензирование СМИ в Сингапуре, как и в Китае, требует регистрации компании, местного офиса и директора. Цензура направлена на материалы, которые направлены на разжигание розни и затрагивают сферу политики, а также содержат заведомо ложные заявления. Надзор осуществляют государственные (MediaCorp) и полугосударственные (SPH Media) медиакомпании. Так, в Сингапуре, как и в Китае присутствует жесткий прямой и косвенный контроль государства над СМИ.

В Мьянме, как и в Сингапуре, нельзя выделить один конкретный орган, ответственный за цензуру в СМИ. Медиапространство представлено лишь подконтрольными Министерству информации СМИ, из чего следует, что процесса лицензирования или регистрации СМИ в Мьянме не существует. В сравнении с Китаем, здесь применяются куда более жесткие методы, превращающие деятельность СМИ в прямой инструмент государства без видимости свободы слова.

В Таиланде крупнейшие СМИ контролируются правительством, порядок получения лицензии совпадает с китайским. При этом, в медиапространстве присутствует и доля негосударственных СМИ, деятельность которых, однако, существенно ограничена. Надзор за медиа осуществляется Национальной комиссией по телерадиовещанию и телекоммуникациям. Система схожа с китайской, так как допускает ограниченную свободу негосударственных СМИ в рамках политической повестки, однако государственные издания удерживают доминирующую роль.

Административное регулирование СМИ в Китае имеет более фундаментальный и структурированный характер в сравнении с рассмотренными странами Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что цензурирование СМИ характерно для всех рассмотренных стран, именно в Китае оно имеет больше открыто закрепленных механизмов реализации. Китайская система контроля над

СМИ имеет более широкий ряд инструментов правительственного надзора, а директивность политической повестки выстраивает четкую коммуникацию властей с частными изданиями и интернет-платформами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чжунхуа жэньминь гунхэ го сяньфа 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики] // Чжунхуа жэньминь гунхэ чжун'ян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 12.02.2026);
2. Administration of Internet Information Services Procedures // China Services Inf: [сайт]. URL: <https://govt.chinadaily.com.cn/s/201903/27/WS5c9ad101498e079e6801be9e/administration-of-internet-information-services-procedures.html> (дата обращения: 12.02.2026);
3. Agencies Responsible for Censorship in China // Congressional- Executive Commision on China: [website]. URL: <https://www.cecc.gov/agencies-responsible-for-censorship-in-china> (accessed: 12.02.2026);
4. Hong Kong: Stand News journalists 'jailed for doing their job'. 26.09.2024 // Amnesty International: [website]. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/09/hong-kong-stand-news-journalists-jailed-for-doing-their-job/> (accessed: 12.02.2026);
5. Constitution of the Republic of Singapore // Singapore Statutes Online: [сайт]. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CONS1963?ProvIds=pr14-> (дата обращения: 13.02.2026).
6. Measures for the Administration of Internet Information Services // Appfiling China: [сайт]. URL: <https://www.appfilingchina.com/blog/measures-for-the-administration-of-internet-information-services> (дата обращения: 12.02.2026);
7. Penal Code of Singapore 1871 // WIPO: [website]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23431> (accessed: 21.02.2026).
8. The Online Citizen editor, article author on trial for defaming Singapore cabinet. 27.10.2020 // Malaymail: [website]. URL: <https://www.malaymail.com/news/singapore/2020/10/27/the-online-citizen-editor-article-author-on-trial-for-defaming-singapore-ca/1916605> (accessed: 13.02.2026).
9. Constitution of the Republic of the Union of Myanmar (2008) // World Constitutions: [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=311> (accessed: 19.02.2026);
10. Media Law (Unofficial Translation of Myanmar's newly enacted Media Law) // Myanmar Law Library: [website]. URL: <https://myanmar-law-library.org/topics/myanmar-intellectual-property-law/copyright/media-law-2014.html> (accessed: 21.02.2026);
11. Background History of Ministry of Information // The Republic of the Union of Myanmar Ministry of Information: [website]. URL: <https://www.moi.gov.mm/moi:eng/index.php/about-moi> (accessed: 12.03.2026);
12. Myanmar Criminal Code (as amended by Act No. 10/2019 of 25 March 2019) // WIPO: [website]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20213> (accessed: 21.02.2026).
13. Journalists Htet Khine and Sithu Aung Myint arrested in Myanmar. 26 August 2021 // Committee to Protect Journalists: [website]. URL: <https://cpj.org/2021/08/journalists-htet-htet-khine-and-sithu-aung-myint-arrested-in-myanmar/> (accessed: 21.02.2026);
14. Cybersecurity Law (State Administration Council Law No. 1/2025) // International Center for Not-for-Profit Law (ICNL): [website]. URL: <https://www.icnl.org/resources/library/cybersecurity-law-state-administration-council-law-no-1-2025> (accessed: 21.02.2026);
15. Constitution of the Kingdom of Thailand // World Constitutions: [website]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=329> (accessed: 27.02.2026);
16. Criminal Code B.E. 2499 // ThailandLawOnline: [website]. URL: <https://www.thailandlawonline.com/laws-in-thailand/thailand-criminal-law-text-translation#chapter-1> (accessed: 14.03.2026);
17. Thailand: Two journalists charged with vandalism for reporting on graffiti critical of monarchy // Reporters Without Borders: [website]. URL: <https://rsf.org/en/thailand-two-journalists-charged-vandalism-reporting-graffiti-critical-monarchy> (accessed: 27.02.2026);
18. Thailand: Do not open Anti Fake News Centre // Forum- Asia: [website]. URL: <https://forum-asia.org/thailand-do-not-open-anti-fake-news-centre/> (accessed: 12.03.2026).

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ВОСПРИЯТИЕ
РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE PERCEPTION
OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS AMONG YOUTH**

Е.О. Иокша

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

E.O. Ioksha,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: demichova@inbox.ru

Е.В. Кучумова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

E.V. Kuchumova,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: kuchumova_ev@spbstu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена роли социальных медиа в формировании восприятия российско-казахстанских отношений молодежью (1997-2012 года рождения) в условиях цифровизации публичной дипломатии. На основе контент-анализа ключевых новостных каналов и VK-групп были проанализированы тенденции, а также выявлены доминирующие нарративы: позитивное восприятие экономического партнёрства (ЕАЭС, ШОС) сочетается с опасениями по вопросам миграции и культурной идентичности. Исследование актуально для анализа трендов политической социализации поколения Z в евразийском пространстве.

Abstract. This article is devoted to the role of social media in shaping the perception of Russian-Kazakh relations among young people (born in 1997-2012) in the context of digitalization of public diplomacy. Based on the content analysis of key news channels and VK groups, trends were analyzed and dominant narratives were identified.: The positive perception of the Economic Partnership (EAEU, SCO) is combined with concerns about migration and cultural identity. The study is relevant for analyzing the trends of political socialization of generation Z in the Eurasian space.

Ключевые слова: социальные медиа, цифровая дипломатия, российско-казахстанские отношения, молодёжь, публичная дипломатия, ЕАЭС, политическая социализация

Key words: social media, digital diplomacy, Russian Kazakh RELATIONS, youth, public diplomacy, the EAEU, political socialization

В современном мире социальные сети стали ключевым инструментом формирования общественного мнения. С полной уверенностью можно сказать, что цифровизация общества и появление различных медиа существенно изменили способы воздействия на молодое поколение, определяя траектории социализации и межгосударственных восприятий. В развитии российско-казахстанских отношений, которые значительно укрепляются институтами ЕАЭС и ШОС, цифровые медиа становятся полем как для сотрудничества на высоком уровне, так и для потенциальных нарративных конфликтов.

Целью статьи является анализ влияния социальных сетей на восприятие двустороннего сотрудничества молодежью (1997-2012 года рождения) в Российской Федерации и Казахстане. Релевантным материалом является контент новостных Telegram-каналов, постов в TikTok, а также групп в социальной сети VK (ВКонтакте), где происходит наиболее активное взаимодействие разных слоев общества. Актуальность исследования обусловлена ростом роли поколения Z как будущего политического актора евразийского пространства и необходимостью понимания медийных трендов для стратегического партнерства двух стран.

Бесспорно, социальные медиа выступают мощным каналом публичной дипломатии, в котором государства могут конкурировать за умы аудитории через нарративы softpower. Дж. Най утверждал, что страна может получить необходимый результат без угроз и подкупа, а лишь тем, что другие страны восхищаются ее ценностями, подражая примеру и стремясь к открытости и процветанию [1]. Именно в цифровую эпоху соцсети усиливают этот эффект, ускоряя распространение необходимого образа или стереотипа о той или иной стране. Тем не менее, необходимо учитывать, что неправильный либо неясный пост из-за собственной формулировки может не только спровоцировать отрицательную оценку со стороны целевой аудитории, но и вызвать неустойчивую мировую и финансовую обстановку [2].

Анализ цифрового присутствия. Социальные сети в России и Казахстане активно продвигают нарратив стратегического партнерства между странами. В официальном Telegram-канале МИД Казахстана [3] преобладают материалы с позитивной коннотацией. Основными направлениями являются статьи о ЕАЭС и ШОС (52% постов), визитах лидеров государств (28% постов), культурных и гуманитарных обменах и сотрудничествах (15%). Вовлеченность данного канала высока: средний пост имеет около 2000 просмотров, 450 репостов в другие каналы или социальные сети.

В официальном Telegram-канале МИД России [4] контент фокусируется на институциональной цифровой дипломатии с акцентом на глобальную повестку, но российско-казахстанские отношения нередко упоминаются в контексте евразийской интеграции (ЕАЭС, ШОС). Процент постов, посвященных многосторонним форматам сотрудничества, в которые включен Казахстан, составляет 15% от их общего числа. Для привлечения внимания молодежи и наилучшего взаимодействия «цифровых дипломатов» с потенциальной молодой аудиторией можно отметить использование эмодзи для визуализации, резкое членение на абзацы и лаконичного языка с позитивной коннотацией [5]. Рассмотрим на примере поста от 13 марта 2026 года [https://t.me/MID_Russia/75610]:

13 марта 2026 года в Москве состоялась встреча заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова с Постоянным представителем Казахстана при ООН, номинированным председателем Главного комитета 2 на предстоящей 11-й Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (#ДНЯО) К.Е. Умаровым. #Нераспространение: Проведён обстоятельный обмен мнениями по текущему состоянию международного режима нераспространения ядерного оружия, в том числе в контексте ситуации вокруг Ирана, в свете предстоящей Обзорной конференции ДНЯО (Нью-Йорк, 27 апреля – 22 мая).

Несмотря на различные исследования, позволяющие сделать вывод, что Россия может восприниматься в качестве конкурента и даже не нравиться казахской

оппозиции, контент в социальных сетях, распространяемый среди молодежи, говорит об обратном [6]. Молодежь позитивно воспринимает интеграцию, однако локальные проблемы, такие как миграция, могут снижать лояльность целевой аудитории.

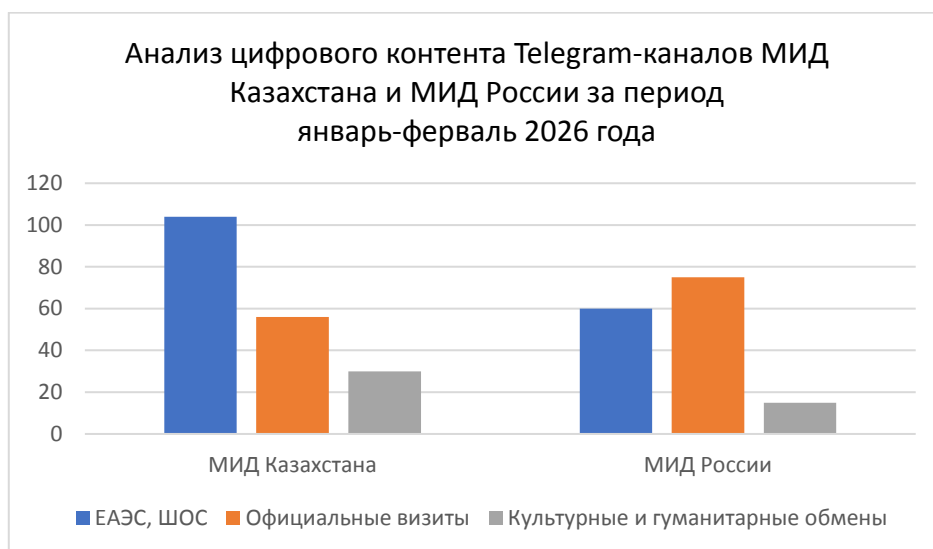

**Рис. Анализ цифрового контента за период январь-февраль 2026 года
(количество постов)**

Важно отметить, что большая часть российских постов в социальных сетях Казахстана дублируется на русском языке, что подтверждает тот факт, страна стремится сохранить близость культур. Д.В. Братковская в своих исследованиях отмечает наличие трех языковых стратегий:

- адаптационной (локализация под аудиторию),
- унифицированной (единый язык для региона),
- гибридной (двуязычие) [7].

Исходя из этого, медиа Казахстана используют гибридную модель. Эффективность использования такой модели позволяет увеличить вовлеченности молодежной целевой аудитории на 22%, а также усиливает ощущение «общности пространства», которое формируется через партнерство стран между собой (ЕАЭС, транспортные коридоры).

При этом большая доля присутствия русского языка в СМИ является ресурсом цифровой дипломатии и обеспечивает охват более 140 миллионов человек в ЕАЭС-пространстве. Однако в данных условиях важно сохранять баланс между эффективностью коммуникации и национальной идентичностью [8].

Концепция политической социализации молодежи говорит о том, что поколение Z формирует политические установки преимущественно через онлайн-контент [9]. Однако в постсоветском пространстве это проявляется в смешанных нарративах, поэтому поддержка интеграции (ЕАЭС) соседствует с локальной идентичностью, которая является крайне актуальной в современном обществе Казахстана. Для грамотного построения молодежной политики необходима целенаправленная казахская языковая стратегия для предотвращения восприятия языковой асимметрии как культурного доминирования [10].

Что касается молодежи России, необходимо учесть амбивалентность настроений в социальных медиа. С одной стороны, особо популярными являются посты в социальной сети VK (ВКонтакте), где освещаются совместные научные достижения Казахстана и Российской Федерации, культурные мероприятия и гуманитарные контакты, которые достигли максимального сближения. Тем не менее, 12% контента касается миграции, где коннотация смещается к негативу, так как присутствуют жалобы на «нелегальных мигрантов». Молодежная аудитория России активно комментирует данные посты и участвует в дискуссиях [11].

При анализе цифрового контента за период январь-февраль, сравнение платформ выявляет асимметрию. Можно отметить, что на платформах преобладают различные ключевые темы, которые затрагивают контекст российско-казахских отношений: Telegram более институционален (70% позитивной коннотации), TikTok более эмоционален, так как именно там присутствует полная свобода выражения молодежи (культурные и политические мемы демонстрируют 68% вовлеченности молодых людей).

Таблица

Анализ цифрового контента за период январь-февраль 2026 года

Площадка	Посты (N)	Позитив (%)	Негатив (%)	Ключевые темы
Telegram	45	70	5	ЕАЭС, визиты
VK	32	60	15	Экономика, миграция
TikTok	28	85	5	Культура
Итого	105	72	8	

В ходе исследования анализ цифрового контента показал, что большая часть молодежи считает социальные медиа основным источником информации о стране-партнере. Исходя из проведенного контент-анализа, можно отметить, что Россия ассоциируется с «экономическим лидером» (65% казахстанцев), Казахстан, в свою очередь, с «надежным союзником» (59% россиян).

Таким образом, социальные медиа играют ведущую роль в формировании восприятия российско-казахстанских отношений среди молодежи, усиливая позитивные нарративы стратегического партнерства при одновременном рассмотрении локальных напряжений (вопросы миграции, идентичность казахов). Нынешнее поколение приобретает политические навыки главным образом через интернет, поэтому изменилась сама культура потребления политической информации и способы ее распространения [12]. Целенаправленная цифровая дипломатия не только отражает текущие тренды политической социализации, но и формирует будущее стратегического партнерства Российской Федерации и Казахстана в условиях глобальной многополярности. Кроме того, проведенный анализ помогает рассмотреть социальные медиа как инструмент «мягкой силы», который оказывает необходимое позитивное воздействие на восприятие российско-казахстанского взаимодействия в глазах молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Леонова О. Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – с. 101-114
2. Синчук, Ю. В., Власов Б. Е., Огурцов А. Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 4 (849). – с. 52-61
3. МИД: Казахстан продвигает международное сотрудничество и культурно-образовательные инициативы за рубежом // KAZAKHSTAN TODAY. – 2026. – 17 марта. URL: https://www.kt.kz/rus/politics/v_kazahstane_zh_poslednie_tri_goda_v_razvitie_1377989209.html (дата обращения: 18.03.2026).
4. Официальный Telegram-канал МИД России. – URL: https://t.me/s/MID_Russia?before=75744 (дата обращения: 18.03.2026).
5. Лукашевич Е. В. Тенденции развития языка цифровой дипломатии в медиаполитическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – № 6. – с. 91-98
6. Панарин С. А., Разумов Я. В. Как воспринимают Россию в Казахстане? // Вестник Евразии. – 2008. – № 1. – с. 129-148
7. Братковская Д. В., Рогова Я. Д., Токарева С. А. Цифровая дипломатия как инструмент экономического продвижения: языковые стратегии в международной коммуникации // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № S2. – с. 95-103
8. Кабазиев М. Ш. Формирование национальной идентичности Республики Казахстан: особенности и противоречия // Современная Европа. – 2022. – № 7 (114). – с. 221-231
9. Киселева Л.С., Семёнова А.А., Сидорова У.И., Киселева О.А. Исследование механизма онлайн социализации молодежи в российском политическом пространстве // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №7 (121). – с. 170-174
10. Молодежная (онлайн) дискуссия «Цифровой Левиафан: трансформация государства, общества и институтов в эпоху диджитализации» (Минск, 20 февраля 2024 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/104956/1/Tsybulkina_119_123.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
11. Архангельская И.Б. «Свой круг»: Медиапотребление российской молодежью развлекательного контента в социальных сетях 2022–2024 (по результатам эмпирического исследования) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. №2 (52). – с. 75-84
12. Цыбулькина, М. А. Влияние социальных сетей на политическую социализацию молодежи: сравнительный анализ // Материалы молодежной (онлайн) дискуссии «Цифровой Левиафан: трансформация государства, общества и институтов в эпоху диджитализации». – Минск, 2024. – С. 119–123.

**ЛИТИЕВЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:
РЕСУРСНАЯ БАЗА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ**

**THE LITHIUM TRIANGLE OF LATIN AMERICA:
RESOURCE BASE AND NATIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES**

М. С. Карандаков,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

M. S. Karandakov,

Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: maxkarandakov@gmail.com

Аннотация. В данной статье литиевый треугольник Латинской Америки рассматривается как ключевой элемент формирующейся ресурсной базы, необходимой для глобального энергетического перехода. Анализируются географические и природные особенности региона, обеспечивающие высокую концентрацию литиевых ресурсов, а также сопоставляются национальные стратегии их освоения в Аргентине, Боливии и Чили. Особое внимание уделяется различиям в моделях государственного регулирования, инвестиционной политике и степени интеграции в глобальные цепочки поставок. Оценивается экономическое значение литиевой отрасли для стран региона и её роль в их социально-экономическом развитии. Делается вывод о том, что эффективность использования ресурсного потенциала треугольника определяется не только объёмами запасов, но и выбранными институциональными и экономическими стратегиями.

Abstract. In this article, the lithium triangle of Latin America is considered as a key element of the emerging resource base necessary for the global energy transition. The geographical and natural features of the region that ensure a high concentration of lithium resources are analyzed, and national strategies for their development in Argentina, Bolivia, and Chile are compared. Special attention is given to the differences in government regulation models, investment policies, and the degree of integration into global supply chains. The economic significance of the lithium industry for the countries of the region and its role in their socio-economic development are assessed. It is concluded that the efficiency of using the triangle's resource potential is determined not only by the volume of reserves, but also by the chosen institutional and economic strategies.

Ключевые слова: литиевый треугольник, энергетический переход, литий, критические минералы, Латинская Америка, Аргентина, Боливия, Чили, национальные стратегии, глобальные цепочки поставок, геоэкономика

Key words: lithium triangle, energy transition, lithium, critical minerals, Latin America, Argentina, Bolivia, Chile, national strategies, global supply chains, geoeconomics

Сам термин «литиевый треугольник» закрепился в научной и экспертной литературе сравнительно недавно, а именно в начале 2010-х годов, когда стало очевидно, что значительная часть мировых запасов этого металла сосредоточена в высокогорных солончаковых бассейнах центральной части Южной Америки. Именно здесь находится крупнейшая в мире концентрация литиевых соляных озёр, сформировавшихся в результате уникальных геологических и климатических условий Анд. Географически регион располагается на территории так называемого Пуна-де-Атакама – высокогорного плато, лежащего на высоте от 3 до 4 тысяч метров

над уровнем моря. Засушливый климат, высокая солнечная радиация и ограниченное количество осадков создали здесь идеальные условия для образования солончаков (замкнутые бассейны, в которых на протяжении тысячелетий происходило накопление минерализованных рассолов), в которых и содержатся высокие концентрации лития [1].

Наиболее известным месторождением региона является солончак Атакама в северной части Чили. По оценкам геологических служб, именно здесь сосредоточена одна из самых богатых в мире литиевых рассольных систем. Высокая концентрация металла и благоприятные климатические условия делают добычу лития в этом районе сравнительно экономичной. Благодаря этому Республика Чили на протяжении многих лет остаётся одним из ведущих мировых производителей лития.

Вторым ключевым участником треугольника является Аргентина, где сосредоточено большое количество солончаков в северо-западных провинциях - прежде всего в Жужуе, Сальте и Катамарке. Буэнос-Айрес в последние годы активно привлекает международные инвестиции в добычу лития, что позволило стране существенно увеличить объёмы производства [2], в результате чего она стала одним из наиболее быстрорастущих производителей лития в мире.

Но самые значительные ресурсы располагаются на территории Боливии [3]. Центральным элементом боливийской литиевой географии является солончак Уюни – крупнейший солончак планеты, площадь которого превышает 10 тысяч квадратных километров. По оценкам международных геологических организаций, именно здесь может находиться крупнейший в мире запас лития [4]. Но, к сожалению, особенности химического состава рассолов и сложные географические условия существенно усложняют какую-либо промышленную разработку этих ресурсов.

Конечно, подобная концентрация стратегического сырья в относительно небольшом географическом пространстве является редким явлением в мировой ресурсной географии, но значение литиевого треугольника определяется совсем не только масштабом запасов. Не менее важным фактором является характер самого ресурса. В отличие от твёрдых литиевых руд, добываемых, например, в Австралии, южноамериканские месторождения представляют собой рассольные системы. Литий извлекается из подземных соляных растворов, которые перекачиваются на поверхность и испаряются в больших искусственных бассейнах. Этот процесс требует значительных территорий и может продолжаться от нескольких месяцев до года, а подобная технология добычи тесно связана с природными условиями региона [5]. Высокая солнечная активность и сухой климат пустыни Атакама делают испарительные методы экономически эффективными, но в то же время такая технология оказывает заметное воздействие на местные водные ресурсы, а это становится предметом всё более острых экологических и политических дискуссий.

Несмотря на общность географического пространства и схожую ресурсную базу, государства литиевого треугольника выработали заметно различающиеся модели управления отраслью. Это многообразие связано не только с экономическими приоритетами, но и, конечно, с политической историей, институциональной структурой государств и их подходом к регулированию природных ресурсов. Вся литиевая индустрия в регионе атипично развивается по трём достаточно разным траекториям, каждая из которых отражает, по своей сути,

собственное понимание роли государства и иностранных инвестиций в добывающем секторе.

Наиболее либеральную модель предсказуемо сформировала Аргентина. В соответствии с её конституцией право распоряжения природными ресурсами принадлежит провинциям, а не федеральному правительству [6]. Это обстоятельство создало относительно децентрализованную систему регулирования, в рамках которой региональные власти очень активно привлекают международные компании к разработке месторождений [7]. Такой подход ожидаемо привёл к быстрому росту добычи. В северо-западных провинциях страны за последнее десятилетие даже реализовано несколько крупных проектов, и число разрабатываемых месторождений только продолжает увеличиваться. Аргентина стала одним из наиболее энергичных игроков мирового литиевого рынка. По состоянию на середину 2020-х годов в стране действуют десятки проектов на различных стадиях разработки, а международные горнодобывающие корпорации рассматривают аргентинский сектор как одно из ключевых направлений инвестиций [8]. Вся политическая логика аргентинской стратегии строится вокруг идеи интеграции в глобальные цепочки поставок. Правительство страны стремится использовать растущий мировой спрос на литий для привлечения капитала, развития инфраструктуры и расширения экспортных возможностей, что в долгосрочной перспективе должно сыграть государству на руку, но в то же время такая модель порождает и внутренние дискуссии, так как часть политических сил выступает за более активное участие государства в управлении отраслью и переработке сырья, впрочем, администрация уверяет, что такой сценарий не будет осуществлён [9].

Совершенно иной подход реализуется в Боливии. Её стратегия строится на принципе сильного государственного контроля над стратегическими ресурсами. Литий рассматривается правительством как национальное достояние и ключевой элемент долгосрочной промышленной политики. Центральную роль в отрасли играет государственная компания Yacimientos de Litio Bolivianos, созданная для управления проектами добычи и переработки этого металла [10]. Боливийские власти на протяжении многих лет стремились реализовать модель, предполагающую развитие полного производственного цикла внутри страны, что объясняется стремлением избежать традиционной для многих сырьевых экономик зависимости от экспорта необработанного сырья. Но множество факторов явно не способствует этому. В их числе: технологическая сложность переработки литиевых рассолов Уюни, ограниченность инфраструктуры и необходимость значительных инвестиций. Зная это, становится очевидным, почему Боливия, даже не смотря на такие внушительные запасы этого минерала, значительно отстаёт от других стран, специализирующихся в том числе на литиевой отрасли. Однако, понимая свои потенциальные возможности, Ла-Пас в последние годы постепенно расширяет сотрудничество с различными иностранными компаниями, пытаясь восполнить недостаток капитала, необходимого для промышленного освоения месторождений [11].

Республика Чили же, являющаяся одним из старейших производителей лития в мире, демонстрирует третью возможную модель развития, которая сочетает активный государственный контроль над некоторыми важными ресурсами с известными рыночными механизмами. Стоит помнить, что этот металл внутри страны официально классифицируется, как стратегический, что, закономерно,

весьма ограничивает возможности его свободной разработки [12]. Исторически, его добыча сосредоточена в руках нескольких крупных компаний, работающих на основе специальных контрактов с государством. Этот механизм эффективно позволяет правительству действовать достаточно вариативно, одновременно сохраняя и контроль над отраслью, и привлекая так необходимый частный капитал и технологические ресурсы.

Благодаря благоприятным природным условиям солончака Атакама и развитой инфраструктуре Чили на протяжении многих лет остаётся одним из крупнейших экспортёров лития. Но даже несмотря на это, в последние годы в стране усилились дискуссии о необходимости пересмотра модели управления отраслью. В 2023 году правительство объявило о новой национальной стратегии развития литейного сектора, предусматривающей более активное участие государства в добыче и переработке ресурса [13]. Предполагается, что государственные структуры будут играть ключевую роль в новых проектах, тогда как частные компании смогут участвовать в них в формате партнёрства.

Обобщая, можно резюмировать, что в то время, как Аргентина делает ставку на открытость для международных инвестиций, Боливия стремится сохранить максимальный национальный контроль над ресурсами, а Чили ищет баланс между государственным регулированием и участием частного капитала. Соответственно, различия в инвестиционных режимах, налоговой политике и условиях доступа к месторождениям напрямую влияют на динамику добычи и распределение международных капиталовложений.

Сама экономическая роль рассматриваемой отрасли в странах литейного треугольника определяется не только масштабами запасов, но и тем, какое место этот ресурс начинает занимать в структуре национальных экономик. В условиях растущего мирового спроса на аккумуляторные материалы литий постепенно превращается в один из ключевых экспортных товаров региона, объёмы которого, конечно, вирируются в зависимости от уровня развития добывающей промышленности, институциональной политики и степенью интеграции в мировые рынки.

К примеру, Чили на протяжении десятилетий занимает важное место на рынке лития и входит в число крупнейших экспортёров этого металла. По данным международных статистических служб, в 2023 году Чили произвела около 44 тыс. тонн лития (в пересчёте на металлический), уступив по объёмам добычи только Австралии [14]. Значительная часть продукции экспортируется в страны Восточной Азии и Северной Америки, где сосредоточены крупнейшие производители аккумуляторов. А уж для самой чилийской экономики минерал стал одной из наиболее быстроразвивающихся статей экспортных товаров. В отдельные годы его доля в общем объёме национального экспорта превышала 7–8%, что сопоставимо с традиционными сырьевыми секторами страны [15]. Доходы от отрасли стали крайне важным источником бюджетных поступлений. В условиях высоких мировых цен на литий в начале 2020-х годов налоговые и рентные платежи от добывающих компаний значительно увеличили государственные доходы.

По иной траектории развивается ситуация в Аргентине. Хотя объёмы добычи в стране пока уступают чилийским, аргентинская литейная отрасль демонстрирует наиболее быстрые темпы роста в регионе. В северо-западных провинциях активно реализуются новые проекты, а международные инвестиции в сектор в последние

годы достигли нескольких миллиардов долларов. Эта индустрия постепенно становится мощным двигателем экономического развития для отдалённых горных регионов страны. Разработка месторождений естественным образом стимулирует строительство дорог, энергетической инфраструктуры и логистических объектов, которые ранее практически отсутствовали в этих районах. Помимо прямых инвестиций в добывающие проекты, растёт и сопутствующая экономическая активность (сервисные компании, транспортные услуги и т.д.). Но пока что значение лития для экономики ограничено сравнительно небольшими объёмами добычи. В структуре национального экспорта основную роль по-прежнему играют сельскохозяйственные товары и углеводородное сырьё [16]. Конечно же, ожидаемый запуск новых месторождений может существенно изменить эту ситуацию в течение ближайшего десятилетия.

А вот наиболее сложную экономическую ситуацию демонстрирует Боливия. Даже несмотря на наличие огромных запасов лития в солончаке Уюни, страна значительно отстаёт от соседей и находится на начальной стадии какого-либо экономического освоения этих ресурсов. Из-за попытки правительства справиться с развитием отрасли преимущественно своими силами, литий ещё не играет какой-либо заметной роли в структуре государственного экспорта, и его вклад в бюджет, соответственно, остаётся ограниченным [17], что, конечно, со временем может измениться, учитывая инициативу Боливии, к примеру, сотрудничество с зарубежными компаниями для строительства перерабатывающих мощностей и внедрения новых технологий извлечения лития из рассолов [18].

Теперь, исходя из общего представления о влиянии лития на регион сейчас и в будущем, можно задуматься о всех плюсах, которые он принесёт для стран треугольника, но важно понимать, что зависимость от экспорта может привести к становлению, так называемой, сырьевой экономикой, что создаёт глубокие для государства уязвимости, включая слишком высокую зависимость от внешнего спроса или от колебания мировых цен. Именно поэтому стоит сосредоточиться не только на добыче ресурсов, какие бы выгоды это не приносило в моменте, но и на развитии, к примеру, перерабатывающих мощностей, необходимых для занятия более высокого места в звеньях мировых цепочек поставок, ведь от способности стран эффективно интегрироваться в мировую аккумуляторную индустрию, и будет зависеть их место в формирующейся экономике энергетического перехода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литиевый треугольник: технологические и инженерные аспекты добычи лития из рассолов Чили, Аргентины и Боливии // Technical Engineering Systems URL: <https://teswork.com/articles/litievyy-treugolnik-tekhnologicheskie-i-inzhenernye-aspekty-dobychi-litiya-iz-rassolov-chili-argenti/> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Rio Tinto secures \$1.175 billion financing package for Rincon lithium project in Argentina // Rio Tinto URL: <https://www.riotinto.com/en/news/releases/2026/rio-tinto-secures-1-175-billion-financing-package-for-rincon-lithium-project-in-argentina> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Mineral Commodity Summaries 2025 // U.S. Geological Survey URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2025/mcs2025-lithium.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).
4. Литий мира // Nedradv URL: <https://nedradv.ru/nedradv/ru/ratings?rubric=10bf605261c2320b59dda400e8765096> (дата обращения: 23.02.2026).
5. Producción verde del litio // SQM URL: <https://sqmlitio.com/sostenibilidad/produccion-sostenible/> (дата обращения: 23.02.2026).

6. Конституция Республики Аргентина "Constitución de la Nación Argentina." от 22.08.1994 // Congreso de la nación argentina. – Ст. 124
7. Gobernadores del NOA rechazaron la OPEP del Litio y celebran nacionalización chilena: "Traerá inversiones a la Argentina" // Ambito URL: <https://www.ambito.com/politica/gobernadores-del-noa-rechazaron-la-opec-del-litio-y-celebran-nacionalizacion-chilena-traera-inversiones-la-argentina-n5729680> (дата обращения: 24.02.2026).
8. LITHIUM M&A PROJECTS IN ARGENTINA // Chambers and Partners URL: <https://chambers.com/articles/lithium-m-a-projects-in-argentina-2> (дата обращения: 24.02.2026).
9. Argentina assures that the lithium industry will not be nationalized // Inspecnet URL: <https://inspenet.com/en/news/argentina-lithium-industry-nationalized/#:~:text=Argentina%20assures%20that%20the%20lithium,Table%20of%20Contents> (дата обращения: 24.02.2026).
10. Misión, Visión, Valores y Principios // Acimientos de Litio Bolivianos URL: <https://www.ylb.gob.bo/index.php/declaracion-de-la-mision-vision-valores-y-principios-de-la-entidad/> (дата обращения: 25.02.2026).
11. Bloomberg: Боливия пересмотрит контракты по литию с Россией из-за США // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/25563479> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Указ-закон "Decreto Ley 2886" от 14.11.1979 № 2886 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile
13. Заявление "Discurso de S.E. el Presidente de la República, Gabriel Boric Font, al presentar la Estrategia Nacional del Litio" от 21.04.2023 // <https://prensa.presidencia.cl/lfi-content/uploads/2023/04/21.04.2023-presentacion-estrategia-nacional-del-litio-en-antofagasta.pdf>
14. Lithium: Chile leads Latin American exports and global price continues to fall // America Economía. URL: [https://www.americaeconomia.com/en/node/288277#:~:text=Main%20Navigation,\\$70,000%20per%20ton%20in%20Asia](https://www.americaeconomia.com/en/node/288277#:~:text=Main%20Navigation,$70,000%20per%20ton%20in%20Asia) (дата обращения: 27.02.2026).
15. Copper, Lithium and More: Chile's Exports Delivering Vital Industrial Inputs and Agricultural Products // Andaman Partners. URL: [https://andamanpartners.com/2025/09/copper-lithium-and-more-chiles-exports-delivering-vital-industrial-inputs-and-agricultural-products/#:~:text=Lithium%20is%20another%20vital%20Chilean,and%20South%20Korea%20\(5%25\)](https://andamanpartners.com/2025/09/copper-lithium-and-more-chiles-exports-delivering-vital-industrial-inputs-and-agricultural-products/#:~:text=Lithium%20is%20another%20vital%20Chilean,and%20South%20Korea%20(5%25)) (дата обращения: 27.02.2026).
16. Los complejos exportadores evolucionan entre el RIGI, las retenciones y la apertura // El Litoral URL: https://www.ellitoral.com/economia/exportaciones-soja-automotrices-litio-oro-cobre-ahora-hoy-argentina_0_ssc2anRW7v.html (дата обращения: 27.02.2026).
17. Boletines Estadísticos // Instituto Nacional de Estadística URL: <https://www.ine.gob.bo/index.php/estadisticas-economicas/comercio-exterior/exportaciones-boletines-estadisticos/> (дата обращения: 28.02.2026).
18. Предложен экологичный способ добычи лития из переработанных батареек // ТАСС URL: https://tass.ru/nauka/25463123?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 28.02.2026).

**ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ В ЕДИНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС: ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

**INDUSTRIAL CLUSTERS IN THE UNIFIED ECONOMIC SPACE OF THE
EAEU: BASICS OF COMPARATIVE ANALYSIS**

Т.А. Момотова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Tatiana A. Momotova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: momotova_ta@spbstu.ru

М.В. Цивилева,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Maria V. Tsivileva,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: tsivileva.mv@edu.spbstu.ru

Аннотация. В условиях формирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза промышленные кластеры приобретают особую значимость как потенциальные ядра (полюса) трансграничной кооперации. Однако эффективное взаимодействие предприятий из разных стран Союза возможно лишь при наличии устойчивых точек соприкосновения — совпадающих отраслевых специализаций, совместимых производственных цепочек и взаимодополняющих ресурсов. Для выявления таких зон потенциальной интеграции требуется системный сравнительный анализ промышленных кластеров стран ЕАЭС, основанный на единых методологических принципах. Настоящая статья направлена на разработку теоретико-методологических основ данного анализа.

Abstract. With the formation of a single economic space within the Eurasian Economic Union, industrial clusters are acquiring particular significance as potential hubs for cross-border cooperation. However, effective interaction between enterprises from different Union countries is only possible with stable points of contact—matching industry specializations, compatible production chains, and complementary resources. Identifying such areas of potential integration requires a systematic comparative analysis of industrial clusters across the EAEU countries, based on common methodological principles. This article aims to develop the theoretical and methodological foundations for such an analysis.

Ключевые слова: ЕАЭС, промышленные кластеры, сравнительный анализ, кластерная политика, экономическая интеграция.

Key words: EAEU, industrial clusters, comparative analysis, cluster policy, economic integration.

Промышленные кластеры становятся стратегическим инструментом реализации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) [1].

Кластер — это группа взаимосвязанных промышленных и связанных с ними организаций, взаимодополняющих друг друга и за счёт этого усиливающих свои конкурентные преимущества. Как правило, кластеры представляют собой географически сконцентрированные группы предприятий, объединённых

производственно-технологическими связями, а также отношениями сотрудничества и конкуренции [2].

В условиях углубления экономической интеграции особенно актуальным становится вопрос о том, как сопоставить кластеры разных стран ЕАЭС, чтобы выявить возможности для их совместного развития. Ответ на этот вопрос требует не только понимания сущности кластера, но и чёткой методологии сравнения, учитывающей национальные особенности и наднациональные интеграционные рамки.

Промышленный кластер — это территориально локализованная совокупность взаимосвязанных предприятий одной или смежных отраслей, дополненная организациями поддержки: университетами, научно-исследовательскими институтами, бизнес-инкубаторами и органами власти. Такой подход позволяет объединить предприятия, науку и инфраструктуру в единую экосистему, где усиливается синергия и формируются условия для технологического рывка.

На рисунке 1 представлены основные функции промышленных кластеров.

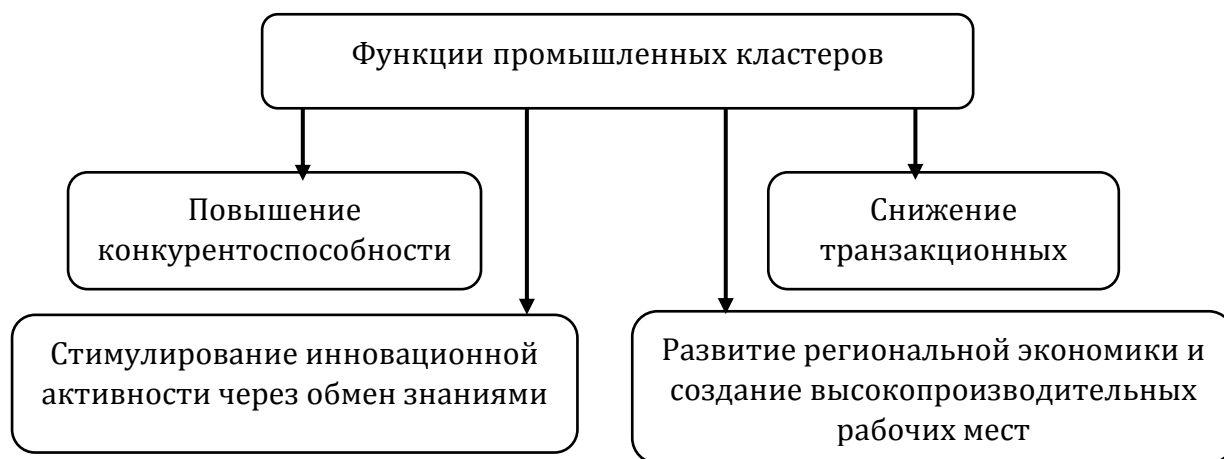

Рис. Функции промышленных кластеров

Источник: составлено авторами по: [2].

Развитие промышленных кластеров в рамках ЕАЭС происходит в двух взаимосвязанных измерениях: на уровне наднациональной интеграционной стратегии и через национальные модели кластерной политики. Их согласованность определяет потенциал для трансграничной кооперации [3].

На наднациональном уровне ключевым документом выступают «Основные направления промышленного сотрудничества государств-членов ЕАЭС до 2030 года», которые задают общую повестку – стимулирование опережающего роста промышленного производства, локализацию совместных производств на территориях стран Союза, укрепление кооперационных связей и создание механизмов поддержки совместных проектов [4]. Эти цели формируют институциональную основу для сближения национальных подходов.

Промышленная кооперация также является важным направлением стратегического планирования евразийской интеграции и укрепления технологического суверенитета стран ЕАЭС. Так, объединение усилий по локализации совместного производства на территориях государств-членов в приоритетных для них направлениях, а также развитие механизмов поддержки

кооперационных проектов обозначены в качестве ключевых инструментов формирования общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития в долгосрочной перспективе [5].

В свою очередь, страны ЕАЭС реализуют собственные модели кластерного развития, адаптированные к их промышленной структуре и национальным стратегическим приоритетам. Рассмотрим в качестве примера кластерную политику Казахстана, Беларуси, России.

В Казахстане кластерная политика ориентирована на создание территориально сконцентрированных промышленных экосистем с общей отраслевой специализацией [6]. Примером может служить горнометаллургический кластер вокруг Корпорации «Казахмыс», охватывающий полный цикл: от добычи руды и производства катодной меди до выпуска цинка, медной катанки, энергообеспечения и транспортной логистики. До 2028 года в стране планируется запуск 17 крупных промышленных проектов с инвестициями около 15 трлн тенге, что направлено на импортозамещение, экспортную диверсификацию и технологическую модернизацию.

В Беларуси кластерная модель развивается преимущественно в машиностроительном секторе. Наиболее зрелым является инновационно-промышленный кластер в области электротранспорта, объединяющий ОАО «МАЗ», «БЕЛАЗ», «МТЗ», «Белкоммунмаш», а также научные структуры НАН и БНТУ [7]. Такая интеграция обеспечивает не только производство конечной продукции, но и координацию в сфере НИОКР, подготовки кадров и стандартизации компонентной базы.

В России кластерная политика претерпела значительную трансформацию после 2022 года. Были отменены жёсткие требования по кооперации, введены льготные займы, субсидии на страховые взносы и снижено налоговое бремя. В результате в реестре Минпромторга РФ сегодня насчитывается 78 кластеров, объединяющих более 800 предприятий и реализующих свыше 200 проектов, независимых от внешних поставок. Это свидетельствует о переходе от формального соответствия критериям к реальному формированию устойчивых производственных экосистем.

Сближение этих национальных моделей становится возможным благодаря новым инструментам наднациональной поддержки. В частности, с 2026 года в ЕАЭС запускается механизм финансового содействия, предусматривающий субсидирование процентных ставок по кредитам на реализацию совместных кооперационных проектов [8].

Этот шаг создаёт прямые экономические стимулы для формирования межгосударственных кластеров, способных функционировать в едином экономическом пространстве.

Проведение содержательного сравнительного анализа промышленных кластеров стран ЕАЭС невозможно без единой методологической платформы. Различия в национальных подходах к определению, регистрации и оценке кластеров создают риск несопоставимости данных, что затрудняет выявление реальных точек интеграции.

На основе анализа международной практики (ОЭСР, ЮНИДО) и особенностей промышленной структуры стран Союза предлагается использовать пять ключевых критериев, представленных в таблице 1 [9].

**Система критериев и показателей для сравнительного анализа
промышленных кластеров стран ЕАЭС**

Критерий	Показатели
Уровень специализации	Индекс локализации (LQ), доля отрасли в валовом региональном продукте
Масштаб производства	Объём выпуска, численность занятых, количество предприятий-участников
Инновационная активность	Доля затрат на НИОКР в выручке, число зарегистрированных патентов, уровень внедрения цифровых технологий
Экспортный потенциал	Доля экспорта в общем объёме выпуска, количество стран-партнёров, диверсификация экспортных рынков
Вовлечённость в глобальные цепочки создания стоимости	Наличие иностранных поставщиков/покупателей, участие в трансграничных кооперационных проектах, сертификация по международным стандартам

Источник: Составлено авторами по: [9] с учётом методологии ОЭСР и ЮНИДО.

Источниками данных могут служить национальные статистические службы, отчёты министерств промышленности, реестры кластеров, а также базы Евразийской экономической комиссии, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Организации Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Использование такой системы позволит выявить зоны комплементарности между кластерами стран ЕАЭС и сформировать основу для целенаправленного развития трансграничных коопераций [10].

Формирование единой методологической платформы для сравнительного анализа промышленных кластеров стран ЕАЭС является необходимым условием для выявления точек соприкосновения и построения устойчивых трансграничных коопераций. В настоящей статье представлены теоретико-методологические основы такого анализа с учетом современных практик России, Казахстана и Беларуси.

Последующие исследования могут быть направлены, во-первых, на эмпирическое применение предложенной системы показателей к конкретным отраслевым кластерам — таким как машиностроение, химическая промышленность или металлургия. Во-вторых, дальнейшие исследования будут направлены на разработку практических рекомендаций по конкретным, в том числе платформенным, решениям для повышения эффективности кластерного сотрудничества в ЕАЭС с учетом лучшего международного, а также национального, в том числе российского опыта. В этой связи заслуживает внимание, например, европейский опыт, связанный с работой Европейской платформы сотрудничества кластеров (European Cluster Collaboration Platform), дополненной Платформой умной специализации (Smart Specialisation Platform) и Европейской обсерваторией по кластерам и промышленным изменениям (The European Observatory For Clusters), а также российский опыт деятельности национального портала о кластерах и кластерной политике — Карты кластеров России и Российской кластерной обсерватории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 28.02.2026).
2. Портер, М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: практическое руководство / М. Портер. – 4-е изд. – Москва: Альпина Паблишер, 2026. – 716 с.
3. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» // Гарант: [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71050302/> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Решение Евразийского межправительственного совета от 01.10.2024 № 2 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года» // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487283/ (дата обращения: 28.02.2026).
5. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/408293527/> (дата обращения: 28.02.2026).
6. Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан. Обсуждение стратегии промышленного сотрудничества государств-членов ЕАЭС до 2030 года: [сайт]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/788853?lang=ru> (дата обращения: 28.02.2026).
7. Юрченко, А. С. Действующие кластеры в Республике Беларусь / А. С. Юрченко, С. С. Полоник // Беларусь – 2030: государство, бизнес, наука, образование : материалы VI Международная научная конференция (Минск, 16 дек. 2019 г.). – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2019. – С. 200–202.
8. Решение Высшего совета ЕАЭС от 26.12.2024 № 15 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2025 год» // Правовой портал ЕАЭС: [сайт]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/242/9797/> (дата обращения: 28.02.2026).
9. Промышленная политика в условиях новой индустриализации. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2015. – 252 с.
10. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 28.02.2026).
11. О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2026 год» // Правовой портал ЕАЭС: [сайт]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/447/10309/> (дата обращения: 28.02.2026).
12. Изотов В.С. Промышленные инициативы ЕАЭС как основа для сопряжения в Большой Евразии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. №3. – с. 241-254
13. Иванова С.А. Евразийские инновационные промышленные кластеры как приоритетный механизм управления и стимулирования развития промышленности в рамках ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 8-2(61). – С. 42-48.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПОЛИТИКЕ США ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 2026 ГОДУ**

**MASS CULTURE AS A MEAN OF NATURALIZING U.S. MILITARY ACTIONS
IN THE MIDDLE EAST IN 2026**

Ю.А. Петухова

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

I.A. Petukhova,

Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: petukhova.oblako@bk.ru

Т.Д. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

T.D. Kuznetsov

Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: timofeikapitan@gmail.com

Аннотация: В 2026 году политика США на Ближнем Востоке вновь эскалировала: агрессия в виде ударов по хуситам в Йемене и поддержки Израиля в войне против Ирана становится примером закрепляющейся нормы в международном дискурсе. Военные действия США под руководством администрации Трампа не только приобретают подрывной характер в контексте международного права, но и активно влияют на современную систему международных отношений. Для того чтобы нормализовать военные действия в глазах населения и вызвать положительный отклик, Белый Дом активно использует элементы массовой культуры в своих постах, освещающих операцию в Иране. Цель исследования – выявить, в каких форматах США проводит политику по натурализации военных действий на Ближнем Востоке в социальной сети X, и проанализировать, почему актуальны именно эти методы.

Abstract: In 2026, U.S. policy in the Middle East has escalated once again, with aggression against the Houthis in Yemen and support for Israel in its war against Iran becoming an example of a consolidating norm in international discourse. The military actions of the U.S. under the leadership of the Trump administration are not only subversive in the context of international law but also have a significant impact on the current system of international relations. In order to normalize military actions in the eyes of the public and elicit a positive response, the White House is actively using elements of popular culture in its posts covering the operation in Iran. The purpose of this study is to identify the formats in which the United States is pursuing a policy of naturalizing military operations in the Middle East on social network X, and to analyze why these methods are relevant.

Ключевые слова: Ближний Восток, Дональд Трамп, США, нормализация насилия, военные действия на Ближнем Востоке, теория конструктивизма в МО, Виртуальная война

Key words: Middle East, Donald Trump, USA, normalization of violence, military operations in the Middle East, constructivism theory in international relations, virtual war

В 2026 году политика США на Ближнем Востоке вновь эскалировала: агрессия в виде ударов по хуситам в Йемене и поддержки Израиля в войне против Ирана становится примером закрепляющейся нормы в международном дискурсе. Военные действия США под руководством администрации Трампа не только

приобретают разрушительный характер в контексте международного права, но и активно влияют на современную систему международных отношений. Для того чтобы нормализовать военные действия в глазах населения и вызвать положительный отклик, Белый Дом активно использует элементы массовой культуры в своих постах, освещающих операцию в Иране. Цель исследования – выявить, в каких форматах, используя социальную сеть X, США проводят политику по натурализации военных действий на Ближнем Востоке, и проанализировать, почему актуальны именно эти методы.

Теоретическая база исследования

В первую очередь обзор теоретической базы следует начать с определения термина “нормализация” и его значения в контексте статьи. Нормализация — это процесс, при котором политические действия, проходя сквозь некоторые механизмы конструирования, воспринимаются как естественные. Поэтому рассмотрение процесса нормализации сквозь призму теории конструктивизма в международных отношениях делает анализ глубже. Само понятие “конструктивизм” было введено Николасом Онуфом в 1989 г. Конструктивисты считают, что у определенной вещи появляется смысл только в конкретном контексте, когда человек наделяет этот предмет особым смыслом, они верят в социальное конструирование норм и идентичностей, изучают возможности применения образов, стереотипов и т.д. как возможный инструмент идеологического влияния [1]. Реальность и значимость международных конфликтов конструируется и разрабатывается посредством работы механизмов, субъективных смыслов и дискурсов. Массовая культура формирует коллективное представление о “враге”, о противостоянии “своих” и “чужих”. Методы ведения социальной сети X специально не отражают войну как таковую, а конструируют ее легитимность, рисуя образ Ближнего Востока как естественного поля битвы, стабилизируя политический и социокультурный нарратив США “Америка vs. терроризм и диктатура”. Повторяющиеся нарративы стирают эмоциональный вес насилия, оставляя только навязанный дискурсом смысл.

Говоря об эмоциональном весе насилия и его роли, важно также обратиться к теории виртуальной войны Дер Дериана [2]. Теория виртуальной войны — это политологическая и культурологическая концепция, разработанная американским исследователем Джеймсом Дер Дерианом в начале XXI века на фоне падения Берлинской стены, развала СССР и теракта 11 сентября 1991 года. Работа описывает, как современные технологии и медиа стирают грань между реальностью и симуляцией в военных конфликтах. Технологии войны и ведения СМИ дистанцируют зрителей от физического ужаса насилия и военных действий, превращая войну в абстрактный и игровизированный процесс. В современном дискурсе уже привычными стали тенденции на притупление чуткости человеческой души к фундаментальным понятиям о стыде, боли, страхе и т.д., а стиль США ведения социальных сетей еще больше усыпляет чувствительность современного американского потребителя, делая равнодушным к процессам, происходящим за пределами государства. Кадры, на которых видны точные удары и эстетически красивые ракурсы запуска ракет, а не окровавленные тела и страдания гражданского населения, притупляют эмпатию, создают ощущение чистых, даже стерильных боевых действий, которые становятся скорее фоном для жизни, чем новостями, заставляющими задуматься и ужаснуться. Посредством создания роликов с записями военных действий на Ближнем Востоке, в формате видео игр или других

нарративов массовой культуры, мягкая сила США как минимум нормализует военные действия, а как максимум превращает их в развлекательный контент.

Методология и дизайн исследования

Для данного исследования будут выделены следующие типы постов, освещающих военные действия США в Иране:

1) Видео с элементами анимации, использующие юмор в представлении военной операции – ключевые критерии: наличие анимированной составляющей, использование ассоциаций с играми и массовой культурой, добавление звуков, ассоциирующихся с мемами;

2) Эмоционально заряженные посты, подчёркивающие силу и мощь ВС США – ключевые критерии: присутствие героических мотивов, представление войны в свете патриотизма и защиты Соединённых Штатов;

3) Картинки с короткими лозунгами, выражающие позицию администрации Президента – ключевые критерии: сочетание хлёсткого лозунга с политически заряженным подтекстом, связывающим текущий военный конфликт с общим курсом администрации президента Трампа.

В качестве эмпирической базы исследования используются посты на странице официального аккаунта Белого дома (The White House) в соцсети X, сделанные в первые две недели войны США с Ираном (28 февраля – 13 марта 2026 года), и попадающие под один из трёх форматов, описанных выше. Отбор проводился по критерию применения элементов массовой культуры, а также популярности того или иного поста, что позволило составить целостную картину информационной политики администрации.

На основе выработанной типологии будет проведён качественный дискурс-анализ, направленный на выявление основных методов и форматов, используемых Белым домом для нормализации военных действий на Ближнем Востоке путём героизации собственных войск, демонизации и расчеловечивания противника и подчёркивании превосходства ВС США над Ираном.

Ограничения исследования связаны с выборкой постов, которые при своей уникальности могут не отражать общих тенденций в действиях Белого дома. Также проблемой может являться чёткое отнесение постов к определённым форматам, перечисленным выше, что решается с помощью достаточно жёстких критериев для каждой из категорий.

“Милитаристский юмор” и расчеловечивание

Одним из самых противоречивых типов постов, освещающих боевые действия на Ближнем Востоке, стали видео, в которых совмещаются кадры нанесения ударов по иранским позициям и элементы каких-либо игр, как компьютерных, так и спортивных. В период с 28 февраля по 13 марта на официальной странице Белого дома в X было опубликовано около 5 постов, которые могут быть классифицированы как юмористические, и при этом относящиеся напрямую к текущей войне с Ираном. Важно отметить, что формат этих постов, несмотря на разницу в подаче, кардинально не отличается: в начале показывается какой-либо кадр, связанный с компьютерной игрой, спортивным матчем или смесью анимации и реальности, а затем, в соответствии с ритмом музыки, картинка сменяется на видео ударов по иранским позициям, объектам, кораблям и так далее. Причём сами видео занимают около минуты, что вполне соответствует феномену “клипового мышления”, который наблюдается у молодого поколения [3] – это

позволяет сделать вывод, что первоочередной аудиторией такого контента является молодёжь.

Первым кейсом, который будет рассмотрен, является 36-секундное видео, опубликованное на странице 7 марта 2026 года, спустя неделю после начала боевых действий [4]. Подпись к видео – “Touchdown” (“Тачдаун”) – термин из американского футбола (рэгби), обозначающий самый эффективный способ набора очков в игре. Видео начинается и сопровождается кадрами с игроками, которые бегают по полю и сталкиваются друг с другом; в момент удара кадр резко сменяется на видео ударов по Ирану. Всё это сопровождается композицией Thunderstruck группы AC/DC. Видео, по сути, сравнивает войну с американским футболом, явно подчёркивая, что США совершают тачдаун, то есть очень успешно набирают очки и движутся к победе. Здесь, в соответствии с теорией виртуальной войны, прямо прослеживается превращение реальных боевых действий в визуальное представление, имеющее мало общего с реальностью, и апеллирующая к понятным для людей образам, в данном случае, рэгби. При этом разрушается общий фон, который обычно сопутствует войне – привычные для этого явления убийства и разрушения предстают в виде обычной спортивной игры, смещая акцент с катастрофических последствий боевых действий на дух соперничества, зрелищность и доминирование Соединённых Штатов.

Внимания также заслуживает другой пост, который стал крайне популярным в X и набрал более 100 миллионов просмотров. Он датирован 12 марта 2026 года, длится 52 секунды и выложен под заголовком “Undeated” (“Непобеждённый”) [5]. При сохранении основных черт, которые присущи постам подобного формата, он обладает рядом особенностей. Так, он начинается с кадров запуска игры, похожей на Wii Sports от компании Nintendo с названием “Operation Epic Fury” (по наименованию операции США в Иране), после чего следует чередование кадров видеоигры с кадрами ударов по Ирану под весёлую и мультяшную музыку, которая используется в настоящей игре. Здесь стратегия правительства США становится ещё более явной: смешение формата видеоигры, в которую в большинстве своём играют дети и подростки, и кадров войны призвано переложить несерьёзность и детскость на вооружённый конфликт. Таким образом напрямую рушится реальность войны как таковая: образы разрушений вписываются в игровой процесс, что полностью аннулирует какую-либо серьёзность происходящего. Речь идёт уже не о величии США или соревновательном духе, – видео создаёт чувство нереальности войны и возводит развлекательный аспект съёмки ударов Соединённых Штатов в абсолют.

С помощью данного формата видео администрация президента Трампа намеревается провести виртуализацию войны напрямую, увязывая её с ненасильственными образами. Причём видно, что степень оторванности от реальности прогрессирует: сначала война сопоставлялась с довольно жестокой игрой в регби, а затем перешла в разряд видеоигры для детей. Таким образом достигается необходимая степень нереальности происходящего, чтобы война казалась развлечением и фоном, а не трагедией для людей, в ней участвующих.

Сила и мощь

Второй тип постов представляет собой совершенно другой по форме, но схожий, по сути, феномен, который подразумевает скорее не унижение противника, превращение серьёзных сцен войны в юмор и выставление всего происходящего

в качестве лёгкой прогулки, де-факто игры, а, напротив, подчёркивает американскую доблесть и честь, военную мощь и непреклонную волю президента США. Они же, по своей сути, подразделяются на ещё два подвида, в зависимости от основной идеи, стоящей за ними: либо пафос американской военной машины, либо скорбь по павшим доблестным солдатам.

Здесь следует обратить внимание на видео, опубликованное 9 марта 2026 года, продолжительностью рекордные для данного исследования 1 минуту 48 секунд [6]. Подпись гласит: “Режим скоро выучит, что никто не должен бросать вызов СИЛЕ и МОЩИ Вооружённых Сил США”, а ниже прикреплен сам ролик, выполненный в эстетике трейлера к фильму. Кадры с Дональдом Трампом, запуском ракет, отправкой самолётов и т.д. идут под зловещую и торжественную музыку вперемешку с отдельными заявлениями политиков и журналистов, касающихся непосредственно действий Трампа в Иране. Можно предположить, что такой видеоролик выполняет две задачи: 1) создаёт картинку, схожую с трейлером фильма, что делает происходящее менее реальным и 2) эстетизирует ВС США, показывая их престиж, красоту и непревзойдённую мощь.

Совершенно другой эстетикой обладает ролик, тоже выложенный 9 марта 2026 года, продолжающийся уже 53 секунды [7] и посвящённый боевым потерям США. Он сопровождается лирической церковной музыкой, содержит мрачные кадры выгрузки гроба, покрытого американским флагом; за процессом наблюдают официальные лица США, в том числе и президент Трамп. Подпись к посту сохраняет минор, однако добавляет осмысленности и величественности: “Свобода никогда не бесплатна. Америка никогда не забудет их службу и жертву”. Так администрация президента Трампа стремится построить мост между суровой реальностью войны (смерть людей) и собой, подчеркнув, что президент Трамп уважает американских военных, и почитает павших в бою солдат на самом высшем уровне. Данный пост не ставит своей главной целью сделать войну менее реалистичной, однако придаёт смерти более достойный и красивый вид.

Оба поста по-своему дополняют друг друга и служат общей цели: эстетизация реалий войны. Военные действия предстают как что-то концептуально-киношное, а смерть на поле битвы – как величайшая честь, которая не будет забыта.

Постеры и лозунги

Последним рассматриваемым типом постов являются картинки, которые официальный аккаунт Белого дома публикует с разной степенью периодичности по совершенно разным поводам, в том числе в отношении текущей войны с Ираном. Сами по себе такие публикации не являются информативными, однако содержат очень чёткий месседж.

Вышедший 6 марта 2026 года пост с подписью: “EPIC FURY” (ЭПИЧЕСКАЯ ЯРОСТЬ) содержит в себе картинку с изображёнными на ней четырьмя американскими боевыми самолётами [8]. Между самолётами располагается цитата министра обороны США Пита Хегсета: “Мы только начали сражаться, и сражаться решительно”. Второй подобный пост вышел 8 марта с подписью: “ICYMI” (in case you missed it – в случае, если вы пропустили) и изображением пилота ВВС США с дополнительным текстом на картинке: “Патриоты контролируют ситуацию” [9]. Фактически оба поста складываются в простую картинку, понятную большинству читателей официального аккаунта Белого дома в X, вне зависимости от их родного языка. Прослеживаются основные элементы пропагандистского постера: яркая

картинка, вызывающая чувство гордости или мощи, броская подпись и дополнительный пафосный текст, закрепляющий эффект.

При помощи подобных постов администрация Трампа стремится упростить войну до образов, восприятие которых требует минимальных усилий. В отличие от видео, которые необходимо посмотреть, здесь политическая позиция считывает сразу. Отсутствие же непосредственно кадров войны в данных публикациях лишь закрепляет эффект превращения реальных боевых действий в виртуальные: человеку не обязательно видеть, как наносятся удары по Ирану, достаточно лицезреть красивую картинку с надписью, чтобы сформировать “собственное” мнение по проблеме.

Вывод: почему данные форматы используются США?

Форматы контента, используемые Белым Домом в попытках нормализировать военные действия против Ирана, идеально соответствуют представлениям администрации президента США о когнитивных и культурных особенностях американского общества и основного электората Республиканской партии на момент 2026 года [10]. Населению активно навязываются нарративы о том, что Ближний Восток — “игровой сервер, где США всегда выигрывают”, о доблести армии США и о зрелищности войны в целом. При этом сам президент и его соратники активно используют войну для продвижения собственного образа хорошего отношения к военным, уважению воинской чести и жертвы солдата. Таким образом военные действия в Иране активно виртуализируются, что способствует их легитимации и снижает общий моральный эффект, вызываемый войной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кочетков, В.В. Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Глобалистика и геополитика. 2024. № 3(27). С. 3-18
2. Der Derian, J. Virtuous War/Virtual Theory // International Affairs. 2000. Vol. 76. № 4. pp. 771-788.
3. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3. С. 66-71.
4. Touchdown // The White House: официальный аккаунт в X. 07.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2030051395294941427> (Дата обращения: 20.03.2026)
5. UNDEFEATED. // The White House: официальный аккаунт в X. 12.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2032115039985881556> (Дата обращения: 20.03.2026)
6. The White House: официальный аккаунт в X. 09.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2031031695659462864> (Дата обращения: 22.03.2026)
7. Freedom is never free // The White House: официальный аккаунт в X. 09.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2030999216277884997> (Дата обращения: 22.03.2026)
8. EPIC FURY // The White House: официальный аккаунт в X. 06.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2029690155632652409> (Дата обращения: 22.03.2026)
9. ICYMI // The White House: официальный аккаунт в X. 08.03.2026. URL: <https://x.com/i/status/2030674844707070226> (Дата обращения: 22.03.2026)
10. Трамп против Харрис: выборы разделили избирателей по образованию и гендеру // MKRU Deutschland. 07.11.2024. URL: <https://www.mknews.de/social/2024/11/08/tramp-protiv-kharris-vybory-razdelili-izbirateley-po-obrazovaniyu-i-genderu.html?ysclid=mn3djgs3ru649088327> (Дата обращения: 23.03.2026)

**ЭВОЛЮЦИЯ МОТИВОВ УКРАИНСКОЙ МИГРАЦИИ В ЕС
(2022–2026 гг.)**

**EVOLUTION OF MOTIVES FOR UKRAINIAN MIGRATION TO THE EU
(2022–2026)**

А. А. Радченко,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

A. A. Radchenko,
Saint-Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: RadchenkoAlex77@gmail.com

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу эволюции мотивов украинской миграции в страны Европейского Союза в 2022–2026 гг. В работе рассматриваются масштабы и динамика миграционного потока, социально-демографический состав беженцев, а также ключевые факторы, влияющие на их решение остаться за границей или вернуться на родину. Особое внимание уделяется процессам адаптации и интеграции украинцев, а также сравнительному анализу ситуации в основных принимающих странах. Делается вывод о том, что первоначально вынужденный характер миграции к 2025–2026 гг. дополнился устойчивыми экономическими и социальными мотивами, что ставит под вопрос автоматизм возвращения даже после окончания военной операции и создаёт долгосрочные демографические и экономические последствия как для Украины, так и для ЕС.

Abstract. This article analyzes the evolution of motives for Ukrainian migration to the European Union countries in 2022 – 2026. The paper examines the scale and dynamics of the migration flow, the socio-demographic composition of refugees and the key factors influencing their decision to stay abroad or return home. Particular attention is paid to the processes of adaptation and integration of Ukrainians, as well as a comparative analysis of the situation in the main host countries. It is concluded that the initially forced nature of migration was supplemented by 2025 – 2026 with stable economic and social motives, which calls into question the high probability of return after the end of the military operation ends and creates long-term demographic and economic consequences for both Ukraine and the EU.

Ключевые слова: Украинские беженцы, эволюция мотивов миграции, временная защита, Европейский Союз, интеграция беженцев, возвратные настроения, демографические последствия, социально-экономические факторы.

Key words: Ukrainian refugees, evolution of migration motives, temporary protection, European Union, refugee integration, return intentions, demographic consequences, socio-economic factors.

Украинская миграция в связи с событиями 24 февраля 2022 года является крупнейшим внутриевропейским миграционным потрясением после Второй мировой войны. За 4 года активных боевых действий количество украинских мигрантов в Европейском Союзе увеличилось с 1,57 млн [1] (костяк которых составляли трудовые мигранты в Польше) до 4,9 млн человек [2], большая часть из которых покинула Украину в 2022 году. Беспрецедентный масштаб и скорость миграции, её география, продолжительность, социально-экономический и событийный фон в родном государстве — всё это так или иначе отражается на мотивах эмигрирующих и на их планах в принимающей стране. Несмотря на

очевидную связь роста числа украинских беженцев с военными действиями, побуждающие к миграции факторы в действительности намного разнообразнее и с течением времени претерпевают существенные изменения. Настоящее исследование ставит целью проследить эволюцию мотивов украинской миграции в страны ЕС в 2022–2026 годах и выявить, какое место в этой динамике занимают экономические факторы и качество жизни по сравнению с изначальным стремлением к безопасности. Гипотеза состоит в том, что первоначально доминировавший фактор вынужденности (бегство от войны) к 2025–2026 годам дополнился, а для значительной части беженцев и заместился прагматичными соображениями: более высоким уровнем жизни, перспективами для себя и детей, успешной интеграцией, а для мужчин также рисками мобилизации. Проверка этой гипотезы позволит оценить, насколько украинская миграция остаётся вынужденной и какие долгосрочные последствия для Украины и ЕС она может иметь.

Наибольший миграционный поток наблюдался в первые месяцы после начала боевых действий. Только за март 2022 года из страны выехало 2 057 447 человек [3]. С самого начала география выезда определялась не столько близостью к зонам боевых столкновений, сколько наличием ресурсов и социальных связей, а также субъективным восприятием угрозы. Согласно опросу, проведённому УВКБ ООН (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев) среди украинских беженцев в июле и августе 2022 года, почти половина (45%) покинувших страну на том этапе были жителями центральных областей, причём 23% всех опрошенных – непосредственно из Киева и ещё 9 % – из Киевской области [4]. Выходцы с востока составили 31 %, с юга – 16 %, и 8 % с наиболее «безопасного» запада Украины [4]. Таким образом, ядро первой волны сформировали не столько жители прифронтовых территорий (большинство поспешило к границе ещё до того, как боевые действия подошли к Киеву), сколько представители городского среднего класса и их семьи – люди с высшим образованием (83%), работавшие до войны как высококвалифицированные специалисты, руководители, предприниматели [4]. Именно эта категория людей обладала наибольшими возможностями для быстрого выезда: имела загранпаспорта, финансовую подушку, родственников или знакомых за границей. Женщины с детьми составили абсолютное большинство (93%) [4], поскольку мужчины призывного возраста (18–60 лет) оставались в стране из-за мобилизации. Это существенно отличается от ситуации с сирийскими беженцами в 2015 году, где доля мужчин среди мигрантов составляла около 70% на ранних этапах (мужчины стремились «разведать» маршрут и обстановку, заработать денег с целью перевезти семью позже). Такая социально-демографическая структура первой волны определила и первоначальные мотивы выезда – физическую безопасность для себя и детей, но одновременно заложила основу для последующей трансформации этих мотивов по мере адаптации к жизни за границей.

Вооружившись опытом миграционного кризиса 2015 года и, предположительно, заранее ожидая подобного развития событий, Европейский Союз впервые в истории активировал Директиву о временной защите (2001/55/ЕС), предоставившую украинцам немедленный доступ к рынку труда, жилью, образованию и медицинскому обслуживанию без прохождения длительной процедуры убежища [5]. Такая преференциальная для украинцев программа также подтолкнула к переезду многих прежде сомневавшихся граждан.

Первичное расселение украинских беженцев в странах Европы оказалось крайне неравномерным. Основную нагрузку приняли на себя сопредельные с

Украиной государства, прежде всего Польша, которая к январю 2023 года зарегистрировала свыше 1,56 млн человек со статусом временной защиты. Германия, хотя и не имеет общей границы, стала второй по количеству принятых беженцев – более 1 млн зарегистрированных, из которых 881 тыс. получили статус защиты. Третье место заняла Чехия с 483 тыс. человек [5].

Как уже было упомянуто, подавляющее большинство беженцев — это женщины и дети, приехавшие без мужей и отцов. Сложилась довольно необычная в исторической практике ситуация, когда оставшиеся в воюющей стране мужчины спонсировали пребывание своих семей в качестве беженцев в Европе. При этом значительная часть женщин не имела возможности устроиться на работу. Это во многом определило структуру занятости украинцев за границей в первые два года. Те немногочисленные мужчины, которые всё же оказались в Европе, выходили на рынок труда значительно быстрее женщин. Работодатели охотнее брали их на физическую работу, у них не было проблем с детьми. К 2025 году среди отцов с детьми до 6 лет работали 63 %, тогда как среди матерей с детьми того же возраста работали только 23 % [6].

В вопросах трудоустройства украинские мигранты сразу столкнулись с двумя проблемами: языковым барьером и деqualификацией. Уже летом 2022 года 65 % опрошенных назвали незнание языка страны пребывания главной проблемой (в Германии этот показатель достигал 80 %) [4]. Именно языковой барьер оказался основным препятствием для трудоустройства и социализации, особенно для женщин, которые и так были ограничены необходимостью ухаживать за детьми. К 2025 году, несмотря на то что около трёх четвертей беженцев в Германии прошли хотя бы один языковой курс, лишь 27 % подтвердили сертификатом необходимый для многих профессий уровень B2 [6]. Это затормозило их выход на рынок труда на квалифицированные позиции. Несмотря на высокий образовательный уровень (напомним, 83% первой волны имели высшее образование), беженцам до сих пор сложно рассчитывать на признание своих дипломов и профессионального опыта. На рынке труда для них оказались доступны прежде всего вакансии, не пользующиеся спросом у местного населения: низкоквалифицированная и минимально оплачиваемая работа в сельском хозяйстве, строительстве, сфере услуг [7]. Хотя уровень занятости украинцев в Европе к 2025 году значительно вырос, большинство из них работают на должностях, не соответствующих их образованию и опыту. Однако даже такие осложнения не становятся стимулом уехать обратно.

Ситуация с трудоустройством существенно различалась в зависимости от страны. В Германии, где беженцам предоставляются наибольшие социальные выплаты и работает система интеграционных языковых курсов, уровень занятости вырос с 16 % летом 2022 года до 43 % в конце 2024-го и 51 % в 2025 году [6]. Однако исследователи отмечают, что активное участие в интеграционных мероприятиях в первые два года задерживало выход на рынок труда. Кроме того, на занятость женщин по-прежнему сильно влияет необходимость ухода за детьми. Напротив, в странах с менее щедрыми социальными системами, таких как Польша, уровень занятости украинцев изначально был выше, но там острее встали проблемы с жильём и интеграцией детей в школы. Эти различия в условиях жизни и занятости напрямую сказались на том, как беженцы оценивают свои перспективы возвращения.

На фоне адаптации к жизни в Европе и затягивания войны намерения украинских беженцев относительно возвращения на родину претерпели изменения.

Если попытаться выстроить хронологию, картина получается следующая. В 2022 году лишь 6,8 % опрошенных заявляли, что вообще не планируют возвращаться [4]. Три четверти тогда ещё надеялись на скорое возвращение. Уже осенью 2022 года Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев фиксировало резкий перелом: доля тех, кто намеревался остаться за границей, выросла до 63 %, а вернуться планировали только 14 % [5]. В 2023 году желание вернуться выражали рекордные 75 % опрошенных. Однако это, скорее всего, был эмоциональный всплеск в связи с ситуацией на фронте, не подкреплённый реальными долгосрочными планами. Уже в 2024 году этот показатель упал до 55 %, а в 2025 году снова вырос до 64 %. Но здесь важна не столько сама цифра, сколько её качественное наполнение. Главное изменение, которое фиксируют социологи – смена ключевого фактора, удерживающего людей за границей. Если в 2024 году на первом месте была безопасность, то в 2025 году главным мотивом стало более высокое качество жизни в Европе [2][8].

Украинских беженцев можно сегментировать на четыре группы с разной вероятностью возвращения. Первая группа – «военные беженцы», те, кто уехал из-за активных боевых действий (26 % жили в зоне конфликта, ещё 27% жили рядом). Их мотивация – безопасность, и они с наибольшей вероятностью вернутся после окончания войны. Однако изначальная мотивация не обязательно означает, что люди из этой группы впоследствии не перейдут в разряд закрепившихся и интегрированных. Вторая группа – имеющие прочные связи с Украиной (21,6 %), у них на родине остался бизнес, работа, близкие родственники (не только мужья на фронте, но, например, родители, которые не уехали). У них тоже довольно высокая вероятность возвращения на данном этапе. Третья группа – (22,2 %) те, кто успешно интегрировался: дети ходят в местные школы, появилась работа и друзья. Возвращаться они не планируют. Четвёртая группа – экономически уязвимые (17,4 %), живут на пособия, но возвращаться боятся, потому что на Украине для них ещё хуже. Они тоже скорее останутся, если позволят условия [4].

Лишь 23 % украинцев планируют вернуться в случае отмены временной защиты. При этом 47 % уже подготовились к жизни после неё: 21 % получили альтернативные документы на проживание, ещё 26 % планируют это сделать в ближайшее время [4].

В большинстве стран Европы украинцы демонстрируют устойчивый тренд на изменение долгосрочных планов в пользу продолжения жизни в Европе. Такая тенденция характерна как для более простой для интеграции Польши, так и для стран с повышенными для украинцев трудностями, такими как Германия и Дания. В Дании зафиксирован рекордный рост желающих остаться: с 50 % в 2023 году до 69 % в конце 2024 и 76 % к началу 2026 года [10]. Примечательно, что среди возрастных групп 18-49 лет этот показатель достигает 80 %, тогда как среди украинцев старше 60 лет остаться хотят только 52 %. Исследователи связывают эту динамику с укреплением социальных связей и успешной адаптацией.

В Германии процент также стабильно повышался и к 2026 году достиг около 50 %, хотя, как уже было упомянуто, многие граждане продолжают сталкиваться с трудностями, связанными с языком и подтверждением квалификации. Польша, несмотря на долгую историю украинской миграции, представляет собой более сложный случай. Доля желающих остаться здесь ниже, чем в Германии или Дании, и составляет около трети [7]. Высокий уровень занятости и языковая близость

способствуют интеграции, однако нарастающая усталость от беженцев в польском обществе, подогреваемая поведением отдельных политически активных украинцев, может подталкивать часть беженцев к переезду. Поддержка приёма украинцев в Польше снизилась с более чем 90 % в начале войны до 48 % в конце 2025 года [8]. Кроме того, ужесточение жилищной политики и требование к детям посещать польские школы создают дополнительные барьеры. И всё же большинство из тех, кто не желает оставаться в Польше, предпочитают не возвращаться на Украину, а переезжать в другие страны ЕС.

Отдельного внимания заслуживает украинская молодёжь, от мнения и выбора которой будет зависеть долгосрочная демографическая ситуация на Украине и будущее украинской диаспоры в Европе. Молодые люди до 35 лет составляют более половины всех украинских беженцев (56 %). Их число продолжает расти, и при текущих миграционных тенденциях Украину ежегодно будет покидать до 200 тысяч граждан. Большинство из них – молодёжь, перебирающаяся в Европу для учёбы и дальнейшей работы. После снятия ограничений на выезд из Украины для мужчин 18-22 лет в августе 2025 года миграционный поток усилился в разы. Процент мужчин среди украинских мигрантов в Европе увеличился с 10 до 25 % только за 2025 год [10]. Согласно исследованию Берлинского центра исследований Восточной Европы (ZOiS), 70 % молодых мужчин-беженцев считают причиной своего переезда боевые действия на родине, 30 % назвали причиной мобилизацию или желание учиться и работать в Европе ввиду отсутствия перспектив на Украине. 31% молодых мужчин планируют возвращение на Украину (против 43 % среди всех беженцев), а 53 % заявляют, что не планируют возвращаться вовсе. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) в своём докладе за 2025 год отмечает, что среди украинских беженцев в возрасте 18-29 лет доля тех, кто планомерно строит долгосрочные планы за пределами Украины, достигает 28-32 %, причём ключевыми мотивами для молодёжи выступают «доступ к образованию, профессиональная самореализация и стремление к стабильности», которые дополняют соображения безопасности. В том же исследовании отмечается, что реальный уровень возвращения среди этой возрастной группы в среднесрочной перспективе не превысит 15-20 % даже при благоприятном развитии ситуации, поскольку молодые люди активно интегрируются в принимающие сообщества [11]. Стоит также отметить, что большая часть украинской молодёжи (особенно те, кто может позволить себе переезд) политически активна, и те, кто указал в опросе в качестве причины миграции военные действия, могли сделать это для привлечения внимания к проблеме поддержки Украины в Европе.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что за четыре года полномасштабной войны структура мотивации украинских беженцев претерпела существенную трансформацию. Динамика этих изменений отчётливо прослеживается по этапам: если весной-летом 2022 года доминировало исключительно вынужденное бегство от реальной угрозы жизни (пик выезда – более 2 млн человек в марте, лишь 6,8 % не планировали возвращаться), то уже осенью того же года, после первых массированных ударов по энергоинфраструктуре, УВКБ ООН зафиксировало резкий скачок доли желающих остаться до 63 %. Переломным моментом стало лето 2023 года, когда провальное контрнаступление ВСУ разрушило надежды на скорую победу, и желание вернуться упало с рекордных 75% до 55%. К 2024 – 2025 годам на первый план вышли уже не столько соображения

безопасности, сколько качество жизни в Европе, стабильные доходы и перспективы для детей. Фактор «более высокого качества жизни» впервые обошёл безопасность по значимости среди причин не возвращаться. К началу 2026 года мы наблюдаем всё большую прагматизацию: даже в сценарии отмены временной защиты в марте 2027 года лишь 23 % украинцев планируют вернуться, тогда как 47 % уже оформили или оформляют альтернативные документы на проживание.

Экономические мотивы вышли на первый план. Высокое по сравнению с Украиной качество жизни, пособия и льготы, перспективы стали главными причинами не возвращаться. Для людей 18-34 лет, как показали опросы, именно экономическая ситуация является ключевой. При пессимистическом сценарии готовы вернуться лишь 2,7%. Социальная интеграция играет решающую роль для семей с детьми, ведь родители, чьи дети посещают европейские школы, говорят на языке, имеют друзей среди местных, в подавляющем большинстве не планируют возвращение.

Такое невозвращение создаёт для Украины серьёзные демографические и экономические риски. Страна теряет наиболее образованную, экономически активную и молодую часть населения. Ограничения и послабления, постепенно вводимые в странах Евросоюза, и попытки украинского руководства вынудить мужчин вернуться путём махинаций с продлением загранпаспортов не помогают в снижении темпов миграции, а только ускоряют её.

Разумеется, данное исследование имеет ограничения, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Ранние опросы 2022 года проводились по нерепрезентативным выборкам, отсутствие панельных исследований не позволяет отследить изменение настроений одних и тех же респондентов во времени, а данные по России и Беларуси остаются крайне приблизительными из-за отсутствия внятной статистики. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на более детальный анализ факторов, влияющих на возвратные настроения в разрезе кейсов отдельных стран, а также на изучение долгосрочных последствий пребывания украинских детей в образовательных системах европейских стран. Важно также отслеживать, как будет развиваться ситуация после отмены временной защиты в 2027 году и какие решения выберут как сами беженцы, так и принимающие государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Eurostat. Ukrainian citizens in the EU // Statistics Explained: – 2022. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Ukrainian_citizens_in_the_EU (дата обращения: 09.03.2026).
2. UNRIC. Ukraine: Over 6 million Refugees Spread Across Europe // United Nations Regional Information Centre: – 11 September 2024. – URL: <https://unric.org/en/ukraine-over-6-million-refugees-spread-across-europe/> (дата обращения: 09.03.2026).
3. UNHCR Ukraine Border Monitoring // ReliefWeb: – 2025. – URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/unhcr-ukraine-border-monitoring-snapshot-october-2025> (дата обращения: 20.03.2026).
4. UNHCR. Lives on Hold: Intentions and Perspectives of Refugees from Ukraine #2 // ReliefWeb: – 2022. – URL: <https://reliefweb.int/report/poland/lives-hold-intentions-and-perspectives-refugees-ukraine-2-september-2022> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2022. – № 2. – С. 7–15

6. Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung (BiB). Ukrainian refugees in Germany // BiB.bund.de: – 19 February 2026. – URL: <https://www.bib.bund.de/EN/News/2026/2026-02-19-New-publication-Ukrainian-refugees-in-Germany.html> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Зверева Т.В. Украинские беженцы в странах Европейского союза в 2023–2024 гг. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2025. – № 3. – С. 86–97
8. Габарт А.А. Влияние конфликта на Украине на социально-экономическое развитие Польши в 2022–2023 гг. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. № 4 (20). 2023. – с. 111-122
9. Informationsdienst Wissenschaft. More and more Ukrainians want to stay in their country of refuge // IDW Online: – 24 February 2026. – URL: <https://nachrichten.idw-online.de/2026/02/24/more-and-more-ukrainians-want-to-stay-in-their-country-of-refuge> (дата обращения: 11.03.2026).
10. ZOiS Spotlight. Patterns Among Ukraine ‘s Young Male Refugees // Berlin Centre for East European Studies: – February 2026. – URL: <https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-spotlight/patterns-among-ukraines-young-male-refugees> (дата обращения: 12.03.2026).
11. OECD. Young Ukrainian Refugees in Europe: Aspirations, Integration and Return Intentions // OECD Publishing: – 2025. – URL: <https://www.oecd.org/ukraine-hub/en/policy-responses/young-ukrainian-refugees-in-europe-aspirations-integration-and-return-intentions/> (дата обращения: 20.03.2026).

**ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В ТУРЦИИ
ПОСЛЕ 2022 ГОДА**

**ORGANIZATION OF RUSSIAN BUSINESS IN TÜRKİYE
AFTER 2022**

В. Е. Рыбакова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

V. E. Rybakova,

Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: v.rybakova24@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется адаптация российского бизнеса в Турции после 2022 года в условиях санкционного давления. Турция, отказавшись присоединиться к западным санкциям, стала одним из ключевых экономических партнеров РФ. Рассматривается динамика товарооборота: рост на 84% в 2022 году и последующее снижение до 49,1 млрд долларов в 2025 году. Выделены основные стратегии адаптации: параллельный импорт и реэкспорт через свободные экономические зоны Турции. Проанализированы финансовые стратегии, включая переход на расчеты в национальных валютах и мультисчетные схемы. Систематизированы основные барьеры: санкционные и репутационные риски, банковские ограничения, задержки платежей, а также макроэкономическая нестабильность в Турции. Определены факторы успешной адаптации: использование механизма параллельного импорта, попытки перехода на нацвалюты и поддержка со стороны посольств.

Abstract. The article analyzes the adaptation of Russian business in Turkey after 2022 in the face of sanctions pressure. By refusing to join Western sanctions, Turkey has become one of Russia's key economic partners. The dynamics of trade turnover is being considered: an increase of 84% in 2022 and a subsequent decrease to 49.1 billion dollars in 2025. The main adaptation strategies are highlighted: parallel import and re-export through Turkey's free economic zones. Financial strategies are analyzed, including the transition to settlements in national currencies and multi-account schemes. The main barriers are systematized: sanctions and reputational risks, banking restrictions, payment delays, as well as macroeconomic instability in Turkey. The factors of successful adaptation have been identified: the use of a parallel import mechanism, attempts to switch to national currencies, and support from embassies.

Ключевые слова: Россия, Турция, санкции, параллельный импорт, реэкспорт, национальные валюты, банковские ограничения, адаптация бизнеса, вторичные санкции, товарооборот.

Key words: Russia, Turkey, sanctions, parallel imports, re-exports, national currencies, banking restrictions, business adaptation, secondary sanctions, bilateral trade.

После введения западными странами в 2022 году беспрецедентных санкций против России Турция заняла уникальное положение – являясь членом НАТО и страной-кандидатом в ЕС, Турецкая Республика отказалась присоединиться к санкционным ограничениям. В этих условиях в парламентском запросе Европейской комиссии отмечалось, что «продолжающаяся политика Турции по неприсоединению к ограничительным мерам против России вызывает растущее беспокойство, в связи со свободным обращением товаров, включая товары двойного назначения, в рамках Таможенного союза Турция-ЕС» [1]. Тем временем, Турция стала одним из ключевых экономических партнеров России: по данным ФТС, Республика заняла третье место среди основных партнеров РФ после Китая и Индии, по общему

товарообороту России за десять месяцев 2024 года (584 млрд долларов), на долю Турции пришлось около 48 млрд долларов [2], что составляет 8,3%. Для российского бизнеса турецкое направление стало «окном возможностей», но при этом отмечается ряд ограничений. Цель настоящей статьи – выявить ключевые стратегии организации российского бизнеса в Турции после 2022 года, систематизировать барьеры и определить факторы успешной адаптации.

В первую очередь, стоит сказать, что ключевым фактором, определяющим специфику организации российского бизнеса в Турции, является особая геополитическая позиция Анкары. Исторически отношения между двумя странами характеризовались сочетанием конкуренции и взаимозависимости. Турция импортирует российский газ, является третьим по товарообороту экономическим партнером РФ. Вместе с этим, Турция поставляет Украине беспилотники и закупает западную военную технику. Такая стратегия балансирования создает для российского бизнеса одновременно возможности и риски. С одной стороны, Турция предоставляет альтернативу российскому бизнесу, попавшему под ограничения; с другой, ситуация может меняться крайне быстро и непредсказуемо.

По данным Федеральной таможенной службы (ФТС) товарооборот двух стран в 2021 году равнялся 33 млрд долларов, а в 2022 году Турция стала вторым после Китая главным экономическим партнером РФ, товарооборот с Анкарой вырос на 84% [3]. В 2023 году Россия стала главным партнером Турецкой Республики по импорту, на нее пришлось 14,5% от общей доли [4]. При этом по итогам 2023 года товарооборот снизился до 57 млрд долларов, что было связано преимущественно с ужесточением санкций. В 2024 г. с небольшим отрывом Китай обошел Россию по доле импорта, став первым партнером Турции, и общий товарооборот между РФ и Турцией вновь снизился, до 52,6 млрд долларов [5]. В 2025 году тренд на снижение продолжился, и показатель уменьшился до 49,1 млрд долларов [6]. Таким образом, очевидно, что открывшаяся возможность расширения сотрудничества была воспринята обеими сторонами положительно, о чем свидетельствует резкий рост товарооборота. Однако дальнейшее ежегодное снижение показателей говорит о существующих препятствиях, о чем речь пойдет ниже.

Выделим ряд основных стратегий организации российского бизнеса в Турецкой Республике после 2022 года.

Первой и ключевой стратегией считается параллельный импорт. Такой вид экономической деятельности, ранее запрещенный в РФ, был легализован Постановлением Правительства от 29 марта 2022 г. [7]. Турция, находясь на стыке Европы и Азии, обладая выгодным географическим положением и имея выход к Средиземному и Черному морям, стала значимым партнером Москвы, играющим посредническую роль между Европой и Россией. Механизм параллельного импорта заключается в том, что оригинальные товары ввозятся в страну без согласия правообладателя, а категории данных товаров регулируются Минпромторгом. Турция является наиболее удобной транзитной точкой на карте с позиции географии и логистического положения. При этом, для Анкары возможность увеличения поставляемых в Россию товаров так же выгодна, поскольку это может изменить отрицательное торговое сальдо страны в положительную сторону и повлиять на соотношение импорта и экспорта в товарообороте двух стран.

Реэкспорт как другой механизм организации внешнеторговой деятельности российских компаний предполагает вывоз ранее ввезенного товара из страны

(в нашем случае, Турции) с целью его перепродажи в другой стране (России). Отличие от параллельного импорта в том, что юридически такая операция является стандартной экспортной. Турецкое торговое право позволяет «реэкспортировать» продукцию за счет 18 свободных зон Турции [8]. У России есть успешный пример региональной авиакомпании, закупившей детали для самолетов иностранного производства в Европе и доставившей их через свободную зону в Мерсине [9]. Если параллельный импорт связан с категориями товаров, нацеленных скорее на простого потребителя, то реэкспорт подразумевает сделки с крупными поставщиками в области строительства, машиностроения, промышленности. Реэкспортный механизм, наряду с параллельным импортом, сейчас находится в основе новой модели экономических отношений между Россией и Турцией, формирующейся с 2022 года.

Как показывают исследования, Турция увеличила экспорт подсанкционных товаров на российский рынок на 8,9% по стоимости и 5,8% по количеству по сравнению с товарами, не попадающими под санкции [10]. Это говорит о том, что вместе с количеством таких товаров увеличились и цены на них. Турецкие фирмы воспользовались появившимися возможностями российского рынка, частично освободившегося ввиду ухода западных компаний, и заняли свою долю в этой нише.

Помимо вышеперечисленных способов организации российского бизнеса стоит также выделить финансовые стратегии. Тогдашний посол РФ в Турции Алексей Ерхов в феврале 2025 г. заявлял, что западные санкции негативно влияют в том числе и на банковскую сферу в отношениях России и Турции, а ограничения создают сложности для открытия счетов в турецких банках [11]. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, компании используют ряд методов. Одним из них является переход на расчет в национальных валютах, в первую очередь, связанный с отключением российских банков от системы SWIFT [10]. Часть фирм, преимущественно без или с малой долей западного участия, стала отказываться от доллара как единицы расчета. Несмотря на провал идеи перевода расчетов в нацвалютах после введения дополнительных санкций Западом в 2022 году, четыре года спустя, в 2026-м, Москва и Анкара продолжают искать пути решения проблемы [12]. Для России главными позитивными аспектами будут снижение санкционных рисков и поддержка рубля, поскольку повышение его использования в международных расчетах повышает спрос на валюту. Для Турции переход в лиры так же бы укрепил нацвалюту, но в то же время турецкие компании всё ещё предпочитают доллар как более надежный и привычный способ расчетов. Помимо этого, еще одним финансовым способом организации бизнеса является создание параллельных счетов в разных турецких банках, что позволяет российским компаниям меньше зависеть от блокировок или задержек в связи с проверками. Кроме этого, компании предпочитают работать без авансов и отсрочек платежей [13]. Что касается стратегий повседневного управления бизнесом в Турции, российским компаниям необходима интеграция в локальную среду и привлечение местной целевой аудитории и местных кадров, поскольку постоянно проживающих в Турции россиян недостаточно, чтобы обеспечить устойчивый спрос, необходимый для долгосрочного роста бизнеса. Помимо этого, российские компании часто делегируют юридические задачи профильным турецким фирмам, знакомыми с местной спецификой [13]. В целом, в нынешних условиях как российские компании

в Турции, так и их партнеры предпочитают выбирать финансовые и организационные механизмы с наименьшими для себя рисками.

Можно выделить целый ряд подобных барьеров. Главной является проблема санкций. США и ЕС усиливают санкционное давление не только против России и российских компаний, но и против их партнеров. Так, например, в 2023 году Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC) добавило в подсанкционные списки несколько турецких компаний, сотрудничавших с Россией [14]. Кроме того, в 17-й пакет санкций Евросоюза, принятый в мае 2025 года, помимо российских компаний и физических лиц были включены 13 зарубежных, из них 6 – из Турции [15]. Подобные действия являются главным барьером при организации российского бизнеса в Турции. Внесение в список санкций или наличие контракта с подсанкционным предприятием несет для турецких компаний риски потери репутации, отказа западных фирм от сотрудничества и закрытие для них рынков сбыта на Западе. Таким образом, во многом, именно вопрос санкционных рисков стал ключевым фактором, приведшим к падению уровня товарооборота между Россией и Турцией. Если в 2022 году наблюдался резкий рост, то в 2026 году заметно ежегодное снижение показателей, что связано с усилением давления на турецкие компании со стороны США и ЕС. Для российского бизнеса это означает, что использование турецкой юрисдикции больше не может быть гарантией свободного ведения торговли с иностранными лицами и защиты от санкций.

Еще одним барьером представляются банковские ограничения. Опасаясь вторичных санкций, турецкие банки, как частные, так и государственные, проводят более тщательные проверки переводов и платежей. В работе с российскими клиентами банки соблюдают особую осторожность, из-за чего наблюдаются отказы в открытии счетов, запросы полного пакета документов, задержки платежей на срок до полутора месяцев [13]. Все это затрудняет сотрудничество, особенно для малого бизнеса, не обладающего достаточными ресурсами для долгого ожидания. Среди банковских барьеров также есть и проблема перехода на национальные валюты. Отсутствие договоренности по этому вопросу, гиперинфляция в Турции и привычность расчетов в долларах на сегодняшний день препятствуют росту товарооборота между двумя странами. Более ощутимой эта проблема становится для малого и среднего бизнеса, вынужденного использовать мультисчетные схемы, посредников и работать в режиме постоянной неопределенности. Банковские ограничения на сегодняшний день являются фундаментальным элементом в экономических отношениях между российскими и турецкими компаниями. Они определяют саму возможность ведения бизнеса с Турцией. Если в 2022 году в Турецкой Республике было зарегистрировано 1363 компании с российским участием, то к 2025 году многие из них ушли с рынка [16].

Макроэкономическая нестабильность в Турции также создает барьеры для организации российского бизнеса. Она, в отличие от предыдущих двух, является следствием внутренних факторов, а не внешней геополитической турбулентности. Турецкая экономика переживает серьезный кризис: высокая инфляция, пик которой пришелся на 2023 г. (65%), и сейчас зафиксированная на уровне 30,7% [17]; волатильность лиры и увеличение операционных издержек для бизнеса. Нестабильность и непредсказуемость экономической ситуации в Турции мешает

планированию долгосрочных инвестиций и вызывает опасения у предпринимателей из России.

Однако, несмотря на внешние и внутренние ограничения в партнерстве компаний двух стран, в высших кругах отмечается успех сотрудничества с Турцией [18]. Как турецкое правительство, так и турецкие компании, выбирают стратегию баланса. Турецкое руководство не отказывается от сотрудничества с Россией, но и не противостоит Западу. Турецкий бизнес, с рисками для себя и очень осторожно, но продолжает иметь партнерские связи с российскими компаниями. Исходя из этого можно определить факторы успешной адаптации. В первую очередь, к ним относится легализация и налаживание механизма параллельного импорта. Турция стала ключевым посредником между Россией, находящейся под западными санкциями, и европейскими и американскими компаниями. Этому также способствовало наличие в Турции свободных зон, выгодное географическое положение и создание логистических хабов на Черноморском побережье. Помимо этого, к факторам адаптации можно отнести, пусть еще не очень успешные, попытки закрепить систему расчетов в национальных валютах. В 2022 году турецкие банки продолжили обрабатывать транзакции россиян и после отключения от системы SWIFT, а также приняли российскую платежную систему «Мир». Даже несмотря на последующий отказ от нее под давлением Запада, двусторонние переговоры по этому вопросу продолжаются, что свидетельствует о желании Турции и России найти взаимовыгодные способы расчетов. Третьим фактором адаптации стало участие посольств, которые наряду с торговыми представительствами принимают активное участие в поддержке контактов между российскими и турецкими предпринимателями. Посол России в Турции Алексей Ерхов в 2025 году заявил о создании «чего-то вроде горячей линии», которая функционирует в торгпредставительстве [11]. Совокупность данных факторов позволяет обеим странам адаптироваться к нынешней ситуации, поддерживать и развивать экспорт и импорт, несмотря на сохраняющиеся барьеры.

Подводя итог, стоит отметить, что Россия и Турция, как на уровне правительств, так и на уровне бизнеса, заинтересованы в развитии экономических отношений с выгодой для обеих сторон. Для турецких компаний российский бизнес, попавший под санкции, стал перспективным рынком: став посредниками между Россией и Западом, турецкие фирмы извлекли собственную выгоду. При этом для российского предпринимательства Турция стала если не единственным, то самым удобным хабом для параллельного импорта. Снижение уровня товарооборота, наблюдающееся с 2023 года, связано с усилением давления Запада и увеличением рисков. При этом желание укрепления торговых связей между Россией и Турцией выражается открыто среди российского руководства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Parliamentary question: Turkey 's refusal to go along with sanctions on Russia and its transformation into a Russian 'transit hub'// European Parliament: – 24 October 2022. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-9-2022-003535_EN.html (дата обращения: 01.03.2026).
2. Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России // РБК. – 2 января 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39> (дата обращения: 01.03.2026).
3. В ФТС России назвали основных торговых партнеров России по итогам 2022 года – комментарий ФТС России // Федеральная таможенная служба РФ: официальный сайт. – URL:

- <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/376199?ysclid=mm513itl9204773308> (дата обращения: 01.03.2026)
4. Dış Ticaret İstatistikleri, Aralık 2023 // Türkiye İstatistik Kurumu : официальный сайт Турецкой статистической службы. – URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/tr/press/49630> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Dış Ticaret İstatistikleri, Aralık 2024 // Türkiye İstatistik Kurumu : официальный сайт Турецкой статистической службы. – URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/tr/press/53538> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Dış Ticaret İstatistikleri, Aralık 2025 // Türkiye İstatistik Kurumu : официальный сайт Турецкой статистической службы. – URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/tr/press/53911> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Правительство легализовало параллельный импорт для удовлетворения спроса на востребованные зарубежные товары // Правительство РФ: официальный сайт. – 29 марта 2022. – URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Gümrük rehberi. Serbest bölgeler // T.C. Ticaret Bakanlığı: официальный сайт Министерства торговли Турции. – URL: <https://www.gumrukrehberi.gov.tr/sayfa/serbest-bölgeler> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Реэкспорт через Турцию: компании сохраняют доступ и оригинальный товар // РБК Компании. – 16 октября 2025. – URL: <https://companies.rbc.ru/amp/news/6872bf65-a6ca-474b-8ce1-e7b5bac8bc8d/> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Corsetti, G. Trading around Geopolitics / G. Corsetti, B. Demir, B.S. Javorcik // CEPR Discussion Paper. – 2025. – No. 20625. – URL: <https://cepr.org/publications/dp20625> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Посол Ерхов: бизнесу РФ в Турции помогают решать вопросы взаимных расчетов // Вести.ру. – 11 февраля 2025. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4354510> (дата обращения: 01.03.2026).
12. Россия и Турция рассматривают переход на нацвалюты в торговле // РИА Новости. – 2 января 2026. – URL: <https://ria.ru/20260102/ispolzovanie-2066029543.html?ysclid=mmc2q04czn128564269> (дата обращения: 01.03.2026).
13. Колиева, Н. Как не прогореть в Турции: опыт предпринимателей из России / Н. Колиева // РБК Компании. – 6 октября 2025. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/RouupAMWUDU/kak-ne-progoret-v-turtsii-opyit-predprinimatelej-iz-rossii/> (дата обращения: 01.03.2026).
14. Russia-related Designations, Designations Updates, and Designations Removals; Issuance of Russia-related General Licenses // Office of Foreign Assets Control (OFAC): официальный сайт Управления по контролю за иностранными активами Минфина США. – 14 September 2023. – URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20230914> (дата обращения: 01.03.2026).
15. EU adopts 17th package of sanctions against Russia // European Commission: официальный сайт Европейской Комиссии. – 20 May 2025. – URL: https://finance.ec.europa.eu/news/eu-adopts-17th-package-sanctions-against-russia-2025-05-20_en (дата обращения: 01.03.2026).
16. Костров, А. Самые перспективные сферы сотрудничества с Турцией для российского бизнеса / А. Костров // Российский совет по международным делам. – 2025. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/samye-perspektivnye-sfery-sotrudnichestva-s-turtsiey-dlya-rossiyskogo-biznesa/?ysclid=mm3h1b5yfn761219467> (дата обращения: 01.03.2026).
17. Inflation Report 2026 – I // Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası : официальный сайт Центрального банка Турецкой Республики. – URL: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/en/tcmb+en/main+menu/publications/reports/inflation+report/2026/inflation+report+2026+-+i> (дата обращения: 01.03.2026).
18. Товарооборот России и Турции вырос в 2025 году // РИА Новости. – 20 февраля 2026. – URL: <https://ria.ru/20260220/turtsiya-2075878740.html?ysclid=mmj0u6lijr789740250> (дата обращения: 01.03.2026).

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

УДК 327

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КУЛЬТУРА У ФУКИДИДА: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ДЛЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HUMAN NATURE AND CULTURE IN THUCYDIDES: SOME LESSONS FOR INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Н. Н. Гудалов,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
N. N. Gudalov,
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: n.gudalov@spbu.ru

Аннотация. Статья нацелена на то, чтобы выявить у Фукидида сложное соотношение человеческой природы и культуры, до сих пор важное для осмысления и критики реализма в теории международных отношений. Несмотря на регулярные обращения к древнему классическому тексту, слишком часто международники сводили его взгляды к идее фиксированной человеческой натуры, почти игнорируя другие уровни анализа. Методологически статья является междисциплинарной, сочетая контекстуализм и теоретические генерализации. Показано, что все три идеи у Фукидида: о неизменности природы человека, её роли как главного уровня анализа и её негативном наполнении, – дополняются факторами культурного свойства: сложилась ли в поведении людей культура согласия или хотя бы диалога или, наоборот, культура конфликта и навязывания своих взглядов. Достижение такого согласия или диалога желательно и возможно даже по Фукидиду.

Abstract. The article's aim is to bring out in Thucydides a complex relationship between human nature and culture, which is still important for understanding and criticizing realism in international relations theory. Despite regular references to the ancient classic, international relations scholars have too often reduced his perspective to the idea of a fixed human nature, thus almost ignoring the other levels of analysis. In terms of methodology, the article is interdisciplinary and combines contextualism and theoretical generalisations. It is shown that Thucydides' three ideas: those of a fixed human nature, of its being the main analytical level, and of its negative contents, – are complemented by cultural factors: whether there has been formed a culture of agreement or at least dialogue in people's behaviour or, conversely, a culture of conflict and the imposition of one's views. Reaching such agreement or dialogue are desirable and possible even according to Thucydides.

Ключевые слова: теория международных отношений, античность, Фукидид, реализм, природа человека, уровни анализа

Key words: international relations theory, ancient epoch, Thucydides, realism, human nature, levels of analysis

Цель настоящей статьи – выявить у Фукидида [1]¹ идеи, касающиеся неоднозначного соотношения человеческой природы и культуры, которые представляются важными для лучшего осмысления и критики реализма в теории

¹ Мы оставляем специалистам-историкам решение вопроса о том, в какой именно степени дошедший до нас текст «Истории» принадлежит самому Фукидиду.

международных отношений (ТМО). Такая цель затрагивает как «вечные» философские, так и актуальные вопросы. К числу первых принадлежит, конечно, сама постановка вопроса о природных и культурных факторах общественной жизни. Эта проблема осознавалась и во времена самого Фукидида: соотношение «фюсиса» и «номоса» – одна из центральных тем у софистов и Сократа (см., напр., [2]). С другой стороны, данный вопрос был и остаётся в центре внимания современной ТМО [3]. Классический политический реализм зачастую пытался редуцировать международные отношения к якобы неизменной и давно открытой человеческой природе [4]; неореализм в основном отверг подобный редукционизм и сосредоточился на изучении системных факторов [5; 6]; однако с 1990-х гг. неоклассический реализм возвращается к анализу некоторых внутренних особенностей государств [7]. Хотя «окончательный» набор подобных особенностей в данной теории пока едва ли понятен, логически она едва ли сможет игнорировать и вопрос о соотношении человеческой природы и факторов культурного порядка, на первый взгляд, сильнее зависящих от специфики отдельного государства. Соответственно, по сути спор об уровнях анализа в ТМО оказывается тесно связанным с проблемой природы и культуры. Эта же проблема находит отражение и в фундаментальной для общественных и гуманитарных наук дискуссии об агентах (в данном случае – индивидах с их «природой») и структурах (во многом и являющихся культурой), в рамках которой обсуждается, в какой степени агент – творец структуры, и в какой он – её продукт. Конечно, для ТМО непосредственный интерес представляет соотношение именно международных агентов (прежде всего государств) и структур; но поскольку государство может быть рассмотрено как подсистема, состоящая из структур и индивидов, то вопрос воспроизводится и на уровне отдельного государства (см., напр. [8]). Отметим, наконец, что особую актуальность вопрос о человеческой природе приобретает с ростом возможностей человека по изменению его собственной природы и осознанием соответствующих биологических и моральных проблем.

Вместе с тем, попытка выявить у Фукидида весомую роль культурных факторов представляется оригинальной. Если оценивать огромную литературу о Фукидиде и её периодические ревизии (их детальный анализ не может быть дан в краткой статье) с точки зрения поднятого нами вопроса, то можно констатировать: его взгляды фактически сводились к идее неизменной человеческой природы [9]. Новый взгляд на эти аспекты позволяет обогатить и понимание реализма в целом. Этим определяется новизна работы.

Наше внимание к тексту Фукидида и его историческому контексту, с одной стороны, и к их значению для современной ТМО, с другой, предопределяет и теоретико-методологическую специфику исследования. Оно является междисциплинарным и основывается на достижениях истории идей и теории международных отношений. Это ведёт к сочетанию контекстуализма – учёта конкретных идей Фукидида в их уникальных исторических обстоятельствах – и попытки генерализации для развития нынешних теоретических подходов (пример такой методологии см. в [3]).

Аргументами, которые позволяют назвать Фукидида родоначальником или прототипом, по крайней мере, определённого течения в реализме, могут служить те пассажи, где он говорит о (1) неизменности человеческой природы, (2) её роли как главного «уровня анализа», а также (3) её негативных аспектах. Именно эти

фрагменты привлекли к себе наибольшее внимание в ТМО. Уже среди вводных комментариев встречаем идеи (1) и (2): в ставшем среди международников знаменитом месте историк заявляет о том, что его исследование является «достоянием навеки», что у человеческой природы есть определённое «свойство», которое и ведёт к тому, что сходные события будут повторяться в будущем в сходных обстоятельствах [1, с. 18]. В ряде других фрагментов содержится идея (3). Так, Фукидид говорит о «тяжких бедствиях», к которым ведёт человеческая натура [1, с. 222]. Ещё в одном месте (впрочем, в главе, которую ряд исследователей считают неподлинной [1, с. 717]) природа человека изображается как «всегда готовая преступить законы», несправедливая, завистливая, мстительная [1, с. 225]. Самой известной «пессимистической» частью является, конечно, Мелосский диалог, где афинские послы на место принятых моральных соображений ставят силу, на место надежд на будущее – реалии настоящего момента, на место надежд на союзников – надежду на себя, на место богов – земную политику [1, с. 386-394].

Тем не менее, гораздо меньше внимания международники обращали на другие места и аспекты у Фукидида; представляется, что должного значения не придавали контекстам, в которые вписаны и сам историк, и его отдельные пассажи.

Во-первых, там же, где историк пишет об упомянутых «бедствиях», он признаёт, что человеческая натура может по-разному проявляться «в зависимости от обстоятельств» [1, с. 222]. Он, правда, не разъясняет полностью, какова эта зависимость, но сам факт её признания нельзя отрицать. Уже в следующей главе становится ясно, что такие бедствия возникают, например, во время острых междоусобиц, таких, какие происходили на Керкире и во многих других полисах в контексте Пелопоннесской войны [1, с. 222-225]. И здесь можно найти любопытные детали. Так, описав все ужасы гражданских распри на Керкире, Фукидид отмечает, что такие «политические страсти... впервые овладели жителями Керкиры» [1, с. 226]. Значит, *раньше* таких страстей либо не было, либо, как минимум, они сдерживались в рамках политического порядка – если угодно, сложившейся *культуры* мирного гражданского сосуществования.

Во-вторых, в этом же контексте «борьба партий породила в Элладе всяческие пороки и нечестия, а душевная простота и добросердечие – качества наиболее свойственные благородной натуре – исчезли» [1, с. 224]. На это место стоило бы обращать гораздо больше внимания в ТМО. Здесь «пороки и нечестия» – вовсе не первопричина конфликта, коренящаяся на уровне индивида, а *следствие* конфликта, вытекающее, опять же, из социальных обстоятельств. Более того, Фукидид прямо признаёт существование «благородной» природы человека.

В-третьих, внимательные исследователи Фукидида и его исторического контекста давно обратили внимание на то, что слова афинян в Мелосском диалоге, весьма вероятно, вовсе не отражают взглядов *самого* Фукидида на политику – наоборот, они служат Фукидиду, чтобы «показать моральное вырождение афинян», «высокомерие», опьянение своим кажущимся могуществом [1, с. 751]. Отсюда, опять-таки, следует, что *раньше* афиняне были, по мнению историка, лучше – т. е. природа человека может меняться (в т. ч. «вырождаться») и демонстрирует если не лучшие грани, то, как минимум, лучшие *проявления* в тех или иных обстоятельствах.

В-четвёртых, мало внимания в ТМО обращали на рассказ Фукидида об афинской чуме (интересный сюжет сам по себе для изучения других эпидемий!). Между тем, чума, а не якобы неизменная человеческая природа, стала причиной соответствующего разгула беззакония и безнравственности в Афинах [1, с. 130-131, 227].

В-пятых, весь исторический контекст, в котором творил Фукидид, подсказывает, что его нужно интерпретировать, скорее, не с точки зрения редукционистского взгляда на природу человека, а с точки зрения ситуаций, в которых человек действует (более или менее по своей воле). Конечно, главной такой ситуацией для греков была трагедия и один из её главных мотивов – чрезмерные притязания (или просто везение) героя и божественная кара за это. Едва ли Фукидид мог обойти этот мотив, очевидный у его крупнейшего «коллеги» Геродота (прежде всего в главном сюжете – провале персидского нашествия) [10] и у всех трёх великих трагиков – Эсхила (например, в «Агамемноне»), Софокла («Антигона»), Еврипида («Медея») [11]. Конечно, трагедия опьянения афинян собственными амбициями и наказания за это находится в центре Фукидидова повествования.

Наконец, многие взгляды Фукидида вполне можно объяснить с опорой не на неизменную и негативную природу человека, а на *язык* – фактор культурного и социального свойства *по преимуществу*. Историк не мог не испытать некоторого влияния софистов (пусть даже отвергая их идеи; см. также [1, с. 751] о Мелосском диалоге), для которых различные использования и искажения языка составляли, во многом, суть философии и общественной жизни. Для Протагора мерой всех вещей был, конечно, человек, но это не значит, что для софистов самым важным фактором была биологическая природа человека. Фукидид напрямую связывает гражданские распри в полисах с тем, что «[и]зменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий» [1, с. 223]. Далее Фукидид приводит примеры парадоксальности – того, как одним и тем же качествам или действиям придавали разную оценочную окраску с помощью разных слов: «осмотрительность» могла клеймиться как «трусость», «всестороннее обсуждение» – как «совершенная бездеятельность», пассивность [1, с. 223].

Таким образом, мы показали, что все три упомянутые идеи у Фукидида – о неизменности природы человека, её роли как главного уровня анализа и её негативном наполнении – нуждаются в серьёзных оговорках. Факторы культурного свойства – насколько в поведении людей устанавливается культура согласия или хотя бы диалога или, наоборот, культура конфликта и навязывания своих взглядов – оказываются как минимум не менее важными.

Данные выводы, как представляется, имеют теоретическую и практическую значимость. Они могут служить для критики редукционистских (например, социобиологических) подходов в реализме и вне его, а также для обогащения трактовок реализма – например, значимости для него языка (см., напр., [12]). Так или иначе, все три классических уровня анализа – индивид, государство, международная система – уже у Фукидида оказываются важными и демонстрируют взаимные зависимости. То же можно сказать о соотношении агентов и структур. Наконец, подобное прочтение древнего историка проливает критический свет на злободневные практические и нормативные аспекты. Претензии таких международных акторов, как США и Евросоюз, на всемирную гегемонию оказываются не неизбежным следствием якобы фиксированной и порочной человеческой природы, а конкретной ситуацией, выбором, за который соответствующие акторы должны нести ответственность. По Фукидиду, вполне возможно лучшее состояние международных отношений, при котором бы установилась культура диалога и взаимоуважения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фукидид. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 800 с.
2. Зайцев А.И. Софисты // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef74c672acbda62e9dbe> (дата обращения: 17.03.2026).
3. Ивонин Ю.П., Иволина О.И. Homo Politicus и его окружение: концепт природы человека в европейской политической философии. – М.: Проспект, 2024. – 464 с.
4. Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Alfred A. Knopf, 1961. – 600 p.
5. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Reading: Addison Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
6. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – NY: Norton, 2001. – 500 p.
7. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. №1. С. 50-66.
8. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. – М.: Аспект-Пресс, 2025. – 304 с.
9. Алексеева Т.А. Перечитывая «классиков»: Фукидид и политический реализм // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. №3. С. 7-20.
10. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
11. Античная трагедия. Эсхил, Софокл, Еврипид. – М.: Издательство Аст, 2023. – 736 с.
12. Gudalov N. Thomas Hobbes and the Linguistic Construction of the International Political Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / Eds. R. Bolgov et al. – Cham: Springer, 2023. – P. 171-185.

ТЕОРИЯ ЛИПСЕТА – РОККАНА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ

LIPSET-ROKKAN THEORY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE FRENCH PARTY SYSTEM

А.А. Куцин,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

A.A. Kucin,

Lomonosov Moscow State University,
(Moscow, Russia)

E-mail : a.kutcin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется теория социальных размежеваний С. М. Липсета и С. Роккана и ее применимость к современной партийной системе Франции. Исследование опирается на классические работы авторов, а также на более поздние критические концепции, раскрывающие эволюцию линий конфликта в постиндустриальную эпоху. Особое внимание уделяется трансформации четырех основных расколов во французском политическом пространстве. Показано, что классические размежевания не исчезли, но претерпели содержательную реконфигурацию: классовый конфликт дополнен культурными и интеграционными противоречиями, религиозный перерос в противостояние идентичностей, а раскол «город — деревня» трансформировался в оппозицию глобализированных мегаполисов и периферии. В заключении обосновывается эвристическая ценность данной теории при условии ее динамической интерпретации, учитывающей новые линии конфликта и стратегическую автономию партийных акторов.

Abstract. The article examines the theory of social cleavages by S. M. Lipset and S. Rokkan and its applicability to the contemporary party system of France. The study draws on the classical works of the authors as well as on later critical concepts that reveal the evolution of conflict lines in the post-industrial era. Special attention is paid to the transformation of the four main cleavages in the French political space. It is shown that the classical cleavages have not disappeared but have undergone a substantive reconfiguration: the class conflict is now complemented by cultural and integration-related contradictions, the religious cleavage has evolved into a confrontation of identities, and the “city—countryside” divide has transformed into an opposition between globalized metropolises and the periphery. In conclusion, the heuristic value of this theory is substantiated provided it is interpreted dynamically, considering new lines of conflict and the strategic autonomy of party actors.

Ключевые слова: теория размежеваний, Липсет – Роккан, партийная система, Франция, классовый раскол, идентичность.

Key words: cleavage theory, Lipset – Rokkan, party system, France, class cleavage, identity.

Теория социальных размежеваний Липсета – Роккана

В своём труде американский социолог С.М. Липсет и норвежский социолог С. Роккан рассматривают возникновение партийных систем в Европе как результат двух ключевых исторических процессов: Национальной революции (XVI–XVIII вв.) и Индустриальной революции (XIX–XX вв.). Первая привела к возникновению территориальных, культурных и религиозных разногласий, а вторая — к появлению социально-классовых и функционально-экономических противоречий [1]. Авторы выделили четыре основных размежевания (cleavages), которые стали основой партийных систем в Западной Европе:

1. «Центр – периферия»: возник в процессе формирования национальных государств и отражал конфликт между централизующей властью столицы и

региональными, этническими, языковыми меньшинствами, которые сопротивлялись ассимиляции.

2. «Церковь – государство»: сформировался в ходе борьбы между секулярно-либеральными и традиционными-клерикальными группами, которые отстаивали роль церкви в социальной жизни общества.

3. «Город – деревня»: возник как следствие противоречий между аграрными, традиционными элитами и городской буржуазией, заинтересованной в индустриализации и свободной торговле. Часто этот конфликт проявлялся в тарифных разногласиях.

4. «Собственники – наемные рабочие»: классический классовый раскол, возникший в эпоху Индустриальной революции. Противостояние между капиталом и трудом легитимизировало появление социалистических, социал-демократических и коммунистических партий.

Каждое из четырех размежеваний трактуется как устойчивый конфликт между социальными группами, обладающий тремя взаимосвязанными измерениями: структурным (социально-экономическое или культурное положение групп); ценностно-нормативным (осознание и выражение интересов); организационным (наличие коллективных субъектов – партий, профсоюзов, религиозных организаций, групп давления и т. д.).

Липсет и Роккан, проведя анализ возникновения партийных систем, также вывели знаменитую гипотезу о «замерзании партийных систем» (frozen party systems). По их мнению, после волны демократизации и масштабной политической мобилизации в 1920-х гг. конфигурация ключевых расколов стабилизировалась, а массовые партии, сформировавшиеся на их основе, сделали партийную конкуренцию чрезвычайно инерционной. В результате, за небольшим исключением, партийные системы Западной Европы отражают структуру расколов, характерных для 1920-х годов. Основные партии по своей организационной структуре значительно старше большинства своих избирателей [2].

Данный подход долгое время оставался доминирующим объяснением стабильности партийных систем стран Западной Европы. Однако он также стимулировал обширную дискуссию об актуальности теории «замерзания» партийных систем и их потенциальном «оттаивании» [3]. К примеру, важный вклад в развитие теории внес итальянский политолог Ханспетер Криези. Он предложил разграничивать структурный, культурный и организационный аспекты раскола и анализировать не только их сохранение, но и изменения в условиях постиндустриального общества [4]. Его работы показали, что ослабление традиционных классовых и религиозных связей не означает исчезновения структур конфликта, а ведет к их переформатированию и появлению новых линий противостояния (например, между «новыми средними слоями» с различными ценностями) [5].

Однако эта теория столкнулась с серьёзной критикой. Известный итальянский политолог Джованни Сартори подчеркивал избыточный детерминизм и слабую проработанность механизмов партийной агентности в исходной модели. Дж. Сартори подчеркивал, что партиям присуща значительная стратегическая автономия, а не только функция пассивных «переводчиков» социальных конфликтов [6]. В своих работах он аргументировал, что партии способны сами формировать повестку, конструировать идентичности и даже «создавать» социальные группы, а не просто отражать существующие как в теории Липсета – Роккана. Другие авторы (Л. Хугхе, Г. Маркс, К. Уилсон) в схожем ключе показали, что реакция партий на наднациональные вызовы, например в случае взаимодействия институтов ЕС,

фильтруется через исторически сложившиеся предрасположенности, но отнюдь не сводится к автоматическому выражению социальных структур [7].

В начале XXI в. в академической среде утвердилось представление о трансформации партийных систем Западной Европы. Ключевыми фигурами обсуждения стали Стефано Бартолини и Питер Мэр. Он ввели теоретический нюанс, касающийся изменения природы классового раскола. Авторы установили, что раскол не исчез, но изменил свою функцию: он переместился из «измерения конкуренции» в «область идентификации» [8]. Класс перестал быть острой линией электорального противостояния, однако сохранился как основа устойчивой партийной идентификации избирателей. Бартолини и Мэр также поставили под сомнение линейную логику процесса «замерзания» партийных систем Европы, предложив более сложную картину взаимодействия социальных структур и институциональных стимулов. Основываясь на анализе 303 всеобщих выборов в 13 западноевропейских демократиях, пришли к выводу, что век европейской электоральной истории был скорее «веком стабилизации», нежели дестабилизации [9].

Партийная система Франции в зеркале теории Липсета – Роккана

Анализ современной Франции демонстрирует, что четыре классических раскола, выделенных Липсетом и Рокканом, либо утратили структурообразующее значение, либо претерпели глубокую реконфигурацию, уступив место новым линиям конфликта. К примеру, классический классовый раскол «собственники – наемные рабочие», долгое время определявший биполярную структуру французской партийной системы, перестал играть доминирующую роль. Главные традиционные акторы левого спектра, представлявшие интересы рабочего класса, переживают значительный кризис. Французская коммунистическая партия маргинализировалась, а Социалистическая партия показывает неубедительные результаты на президентских выборах – всего 1,7% голосов за А. Идальго в 2022 г.

Вопреки классической логике, значительная часть представителей рабочего класса переместилась к правым партиям. На выборах 2022 г. Марин Ле Пен получила около 35% голосов в первом туре, что на 10% больше, чем у Жана-Люка Меланшона, представителя левой оппозиции [10]. Этот феномен получил название «отклонение рабочего голоса» (*détournement ouvrier*). Он связан с постепенной деиндустриализацией экономики страны и утратой профсоюзного влияния, а также смещением внимания с экономических проблем на вопросы, касающиеся культуры и идентичности. Бывшие шахтерские и сталелитейные районы (О-де-Франс на севере или Гранд-Эст на востоке) стали новыми оплотами «Национального объединения». Сегодня разлом «владельцы – рабочие» структурируется не только экономическим антагонизмом, но и культурными и интеграционными противоречиями.

Традиционный раскол между светским государством и католической церковью, который был одним из самых острых во Франции на протяжении XIX–XX вв., утратил свою структурообразующую остроту. Французское общество сегодня характеризуется высокой степенью секуляризации, а массовая политическая мобилизация вокруг противостояния клерикализму и антиклерикализму практически исчезла.

Тем не менее, тема религии не исчезла из общественного поля, а трансформировалась в конфликт идентичностей. Обсуждение сместилось с традиционной оппозиции «католики — секуляристы» к вопросам, касающимся ислама, интеграции мигрантов и границ светского государства. Споры, возникшие в 2021 году вокруг «закона о сепаратизме» (*loi confortant le respect des principes de la République*), и запрет на использование религиозных символов в

общественных местах демонстрируют, что традиционная концепция «государство — церковь» трансформировалась в новую модель «республиканский универсализм — коммунитаризм».

Новый раскол касается вопросов идентичности, памяти, гендера и экологии. Прогрессистский лагерь включает «Непокорную Францию», «Европу Экологию Зеленые», а также часть центристов. Они выступают за мультикультурализм, ценности эмансипации, активную экологическую политику и критикуют так называемый «республиканский универсализм» государства. Национал-консервативный лагерь представлен движением «Национальное объединение» и некоторыми представителями Республиканской партии. Они акцентируют внимание на защите национальной идентичности, ужесточении иммиграционной политики, критике «деконструкции» традиционных ценностей и считают, что коммунитаризм представляет угрозу для единства республики. Обвинения в коммунитаризме стали основным инструментом правых сил в борьбе против признания культурных, религиозных и постколониальных различий. Споры вокруг законов о светскости и запрете религиозных символов в общественных местах демонстрируют, что этот раскол в обществе не менее значим для формирования политического ландшафта, чем экономические противоречия.

В отличие от двух предыдущих размежеваний, раскол «город — сельская местность» сохранил свою значимость, но радикально изменил содержание. Классический конфликт между аграрным традиционализмом и городским либерализмом сменился противостоянием «глобализированных мегаполисов» и «периферии». Начиная с 2017 г. на французских избирательных картах наблюдается четкая закономерность: в крупных городах, таких как Париж, Лион, Бордо, Страсбург и Ренн, отдают предпочтение центристско-либеральному блоку Эммануэля Макрона и лево-экологической коалиции. В то же время сельские и полусельские территории, а также малые и средние города (особенно постиндустриальные) выбирают «Национальное объединение» и, в меньшей степени, традиционные правые партии.

Движение «Желтых жилетов» стало символом данного раскола. Движение возникло в ответ на повышение налога на топливо, который был воспринят как «налог для бедных». «Желтые жилеты» отразили глубокое недовольство жителей периферии, которые сталкиваются с проблемами социального обеспечения, включая своевременную медицинскую помощь и транспортную доступность. Участники движения чувствовали себя брошенными политическим классом, сосредоточенным в столице Пятой республики. Большинство участников движения составляли жители сельских и пригородных районов, а также малые предприниматели, что подтверждает «периферийный» характер протестов [11].

В теории Липсета — Роккана данный конфликт связан с противостоянием интересов промышленного капитала и аграрного сектора. Во французских реалиях сегодняшнего дня данный раскол трансформировался в конфликт между процессом глобализации и вопросом о сохранении национального суверенитета. Пока мегаполисы благодаря глобализации становятся центрами финансовых вливаний и инноваций, периферия сталкивается с большинством негативных последствий данного противоречивого процесса, что закономерно негативно сказывается на ее развитии.

Французские партии крайних спектров, такие как «Национальное объединение» справа и «Непокорная Франция» слева, представляют в данном конфликте полюс, защищающий суверенитет страны. Данные партии критикуют внешнеполитический курс Франции внутри ЕС и стремятся к сохранению

суверенитета страны на мировой арене, даже несмотря на идеологические различия по большому ряду вопросов между ними. Отношение политиков к глобализации и ее последствиям теперь зачастую ставится во главу угла у избирателей во время выборов. Значительная часть французского рабочего класса переходит к правым популистам, особенно в регионах, переживающих процесс деиндустриализации.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, теория Липсета – Роккана по-прежнему сохраняет свою актуальность и имеет право быть примененной для исследования современных партийных систем. Однако в свете новых вызовов для стабильности политических систем современных государств она требует определенного переосмысления. Ключевые линии раскола претерпевают сегодня явную глубокую трансформацию. Во-вторых, как раз таки на примере Франции, можно увидеть смещение содержания расколов из индустриальной эпохи в постиндустриальную. Стремительно развиваются конфликты, связанные с культурой и интеграцией. Размежевание по религиозному фактору трансформируется в конфликт идентичности и светскости. Противостояние между городским и сельским населением развивается в конфликт между мегаполисами и периферией. В-третьих, современное состояние французской политической системы подтверждает гипотезу о постепенном «оттаивании» партийных систем. Традиционные партии в лице социалистов и республиканцев теряют свою монополию на власть. На авансцену политической жизни страны приходят новые акторы, задающие свою повестку дня на основе новых ценностных и идейных расколов. Благодаря исследованиям Х. Криези, С. Бартолони и П. Мэра, становится ясно, почему традиционные линии раскола не исчезли, но претерпели значительную трансформацию в XXI в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Липсет С.М. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политология: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2002. – С. 204–234.
2. Lipset S. M. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction // Party systems and voter alignments: cross-national perspectives – New York: Free Press, 1967. – P. 1–64.
3. The transformation of party systems in Europe // West European Politics. – 2025. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01402382.2025.2560781> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Kriesi H. Il cambiamento dei cleavages politici in Europa // Italian Political Science Review. – 1998. – Vol. 28, № 1. – P. 3–30.
5. Kriesi H. Grande, R. Lachat, M. Dolezal, S. Bornschie, Frey T. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared // European Journal of Political Research. – 2006. – Vol. 45, № 6. – P. 921–956.
6. Sartori G. European political parties: a case of polarized pluralism // Political parties and political development – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 137–176.
7. Hooghe L., Marks G., Wilson C.J. Does left/right structure party positions on European integration? // European integration and political conflict – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 120–140.
8. Bartolini S. Identity, competition, and electoral availability: the stabilisation of European electorates 1885–1985 / S. Bartolini, P. Mair. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. – 308 p.
9. Bartolini S. Cleavages and divides in voting and political theory / S. Bartolini // Religious voting in Western democracies / ed. by J.R. Montero, P. Segatti, K. Calvo. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – P. 60–85.
10. Официальные итоги первого тура президентских выборов 2022 года // Министерство внутренних дел Франции. URL: <https://www.resultats-elections.interieur.gouv.fr/presidentielle-2022/FE.html> (дата обращения: 20.03.2026).
11. La couleur des gilets jaunes // La Vie des Idées. – 2018. URL: <https://laviedesidees.fr/La-couleur-des-gilets-jaunes> (дата обращения: 20.03.2026).

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ:
РОЛЬ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ РЕСУВЕРЕНИЗАЦИИ**

**THEORETICAL ASPECTS OF DEGLOBALIZATION:
RUSSIA'S ROLE IN THE PROCESS OF REGAINING SOVEREIGNTY**

И. А. Скиблюк,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

I. A. Skiblyuk

St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: skibluk@bk.ru

Аннотация. Данная статья посвящена эволюции международных отношений от послевоенной интеграции к современным деглобализационным процессам. Анализируется феномен глобализации как преодоления государствоцентризма и его трансформация в деглобализацию через механизмы ресувверенизации. Особое внимание уделяется кейсу Российской Федерации, которая в условиях геополитической напряженности и санкционного давления стала одним из ключевых акторов, отдав приоритет реализации национальных интересов. Исследуется влияние кризиса 2008 года, событий 2014 и 2022 годов на внешнеполитический и экономический курс России, а также роль объединения БРИКС как инструмента многополярности.

Abstract. This article is devoted to the evolution of international relations from post-war integration to modern deglobalization processes. The article analyzes the phenomenon of globalization as overcoming state centrism and its transformation into deglobalization through the mechanisms of re-centralization. Special attention is paid to the case of the Russian Federation, which has become one of the key actors in the context of geopolitical tensions and sanctions pressure, giving priority to the realization of national interests. The article examines the impact of the 2008 crisis, the events of 2014 and 2022 on Russia's foreign policy and economic course, as well as the role of the BRICS association as an instrument of multipolarity.

Ключевые слова: Глобализация, деглобализация, ресувверенизация, международные отношения, Россия, БРИКС, суверенитет, многополярность, национальные интересы, государствоцентризм

Key words: globalization, deglobalization, re-sovereignization, international relations, Russia, BRICS, sovereignty, multipolarity, national interests, state centrism

У людей науки, посвятивших себя историческим, политическим и международным исследованиям история XX в. в первую очередь определяется Первой и Второй Мировыми войнами, противостоянием советского социалистического блока и стран, разделявших идеологию капитализма, в котором лидерствовали США, а также последовавший распад такой мощной державы как СССР. Меньше уделяется внимание Великой экономической депрессии 1929–1933 гг. или до сих пор находящейся в стадии замороженного конфликта Корейской войне.

Однако, прошлое столетие было насыщено и другими не менее важными событиями. Одно из таких явлений носит наименование «глобализация». Началом процесса стало образование международного института ООН, ставшего наследником не самой успешной Лиги Наций, что позволило взять на себя ответственность исправить ошибки прошлого. Первый шаг в направлении глобализации был сделан практически сразу после войны, но этого было недостаточно. План Маршалла 1947

года и План Шумана-Моне 1950 года заложили фундамент взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего в европейском регионе. Подписание Римских договоров 1957 года и образование Европейского экономического сообщества стали первой успешной попыткой создания общего рынка [2].

Термин «глобализация» был введен в научный оборот американским экономистом Теодором Левиттом в 1983 году в работе «Глобализация рынков». Он описывал слияние рынков и интеграционные экономические явления [3]. Хотя иногда эту заслугу ошибочно приписывают Карлу Марксу, анализ оригинальных текстов которого подтверждает, что Маркс лишь описывал процесс, но не использовал сам термин [4]. В современном научном дискурсе под глобализацией понимаются естественные и искусственные процессы ослабления или уничтожения межгосударственных барьеров на путях разного рода обменов и потоков. Это подтверждается созданием общих рынков, снятием ограничений в товарообороте, свободным перемещением капитала и рабочей силы [5].

Создание Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), трансформировавшегося впоследствии во Всемирную торговую организацию (ВТО), способствовало ослаблению тарифных барьеров. Это привело к прогрессу в интернационализации хозяйственной деятельности, росту конкуренции, снижению цен и повышению качества товаров. В основу данного явления был заложен известный гуманистический принцип: «торговать лучше, чем воевать» [6].

Характерной чертой глобализации стал рост влияния в пользу негосударственных акторов. Ключевую роль здесь сыграли транснациональные корпорации (ТНК): аккумулируя капитал, они фактически превратились в полноценных участников мировой политики и посредников в межгосударственных отношениях. Статистика середины 90-х годов иллюстрирует масштаб этого явления: около 40 тысяч ТНК контролировали от 30% до 50% мирового промышленного производства и обеспечивали более половины всех торговых операций. Технологический рывок 1990–2000-х годов, который часто называют «золотой эпохой» глобализации, упростил трансграничное взаимодействие, что стимулировало обмен информации, кадров и инноваций, а также пошло на пользу развитию мультикультурализма и социокультурного разнообразия [7].

Однако у интеграционных процессов имелась и обратная сторона. Снятие барьеров объективно расширило возможности для нелегального рынка. По разным оценкам, оборот оружия и наркотиков занял до 10% мировой торговли. Одновременно выросли риски, связанные с терроризмом и незаконной миграцией, а стремление ТНК к монополизации нередко подавляло конкурентоспособность малого и среднего бизнеса внутри национальных экономик. Кроме того, глобализация запустила процесс преодоления государствоцентризма. Классическая система международных отношений, где государство было единственным главенствующим игроком, подверглась переосмыслению. Государства были вынуждены подстраиваться под регламент наднациональных институтов (ООН, НАТО, ЕС), что запускало процесс десуверенизации [8].

Трансформация мирового порядка: уход от глобализации

Вступление в международные организации требовало соблюдения уставных норм, что часто входило в противоречие с принципами суверенитета. Например, членство в НАТО предполагало демократический строй, рыночную экономику и отказ от угрозы силой в международных отношениях, а принцип коллективной

обороны ограничивал самостоятельность государств в вопросах безопасности. Аналогично, вступление в Европейское экономическое сообщество требовало изменения национальных законов и политических структур. Таким образом, в послевоенное время процесс преодоления государствоцентризма в пользу нетрадиционных игроков получил активное развитие [9].

«Золотая эпоха» глобализации, длившаяся более двух десятков лет, сменилась периодом стагнации и обратных процессов. Корень проблем лежал в самом механизме процесса: блага и ресурсы распределялись неравномерно между бенефициарами и второстепенными государствами. Конкуренция способствовала росту сильных компаний, в то время как слабые игроки фиксировали падение производств. Экономика оказалась монополизирована крупными игроками, что привело к росту социально-экономического неравенства. Парадокс глобализации заключался в том, что условием рентабельности инноваций является рост уровня жизни потребителей, однако уменьшение этой составляющей вело к снижению инвестиций и глобальной рецессии.

Существенную роль сыграла асинхронность между экономической и политической ветвями интеграции. Если в экономике выгоден коллективизм, то в политике игроки склонны к обособленности, отдавая предпочтение национальным интересам. Либеральная школа предполагала, что экономическая взаимозависимость опередит политический реализм, однако практика показала обратное: политическая сфера стала заглавной во внешней политике.

Переломным моментом стал мировой финансовый кризис 2008 года. Локальный американский финансовый кризис, вызванный перекредитованностью экономики, перерос в глобальную катастрофу из-за высокой степени интегрированности государств. Банковская система США допустила ошибки в ипотечной стратегии, последствия которых почувствовал весь мир [10]. После пика кризиса крупные политические игроки (Великобритания, США при Д. Трампе и Россия) приняли решение пересмотреть отношение к полной взаимозависимой интеграции.

Так наступила эпоха деглобализации – обратного процесса интеграции, подразумевающего восстановление государствоцентризма. Термин «деглобализация» был публично использован в научной среде еще в 1989 году, однако конкретный анализ появился в 2005 году благодаря филиппинскому ученому Уолдену Белло. В труде «Деглобализация – идеи для новой мировой экономики» он критиковал современную модель, где развитые страны эксплуатируют развивающиеся через наднациональные институты (ВТО, МВФ). Белло призывал государства следовать прежде всего национальным интересам для снижения рисков зависимости [11]. Деглобализация проявляется в трех экономических аспектах: росте объемов международной торговли (который сменился спадом), увеличении потоков инвестирования (которое сократилось) и расширении международного производства под контролем ТНК (которое замедлилось). Статистические показатели свидетельствуют об упадке международной торговли в мировом ВВП: с 61% в 2008 году до 52% к 2020 году [12]. Это связано не только с экономическими циклами, но и с системной перестройкой экономической политики государств в сторону протекционизма и усиления барьеров.

Политический аспект деглобализации связан с переходом от однополярного мира под гегемонией США к многополярной системе. После распада СССР США

заняли гегемонистское положение, но спустя 20 лет, в связи с финансовыми кризисами и ростом влияния Китая и России, система трансформировалась. Многополярность в новом варианте не несет блоково-идеологический характер, а сосредотачивает внимание элит на национальных интересах, деля политический мир фрагментарно. Многие исследователи, особенно во Франции и Африке, трактуют глобализацию как проявление неоимпериализма, цель которого – ликвидация абсолютного суверенитета.

Процесс возвращения суверенитета получил название «ресуверенизация». Это политический и геополитический аспект деглобализации, означающий процесс полного или частичного возвращения утраченной в интеграционной деятельности доли независимости. Государства начинают руководствоваться не либеральными установками, а «*realpolitik*», ставя в приоритет независимость и самостоятельную реализацию частных национальных интересов. Этому способствует и «откат демократии»: по данным Freedom House, 2020 год стал 15-м годом упадка свободы подряд, что идет вровень с эпохой деглобализации. Авторитарные принципы выходят на первый план, способствуя укреплению реалиям в рамках деглобализации [13].

Яркими примерами деглобализации стали Brexit и политика Дональда Трампа. Выход Великобритании из ЕС в 2016 году стал актом ресуверенизации, обусловленным нежеланием жертвовать национальной независимостью ради наднациональных институтов, а также недоверием к политическим институтам ЕС после долговых кризисов. Политика Д. Трампа («Америка прежде всего») включала торговую войну с Китаем, критику НАТО, акцент на двусторонних соглашениях и протекционистские меры. Введение пошлин в размере 25% на китайскую продукцию и ответные меры КНР сократили объемы экспорта на сотни миллиардов долларов [14].

Россия в эпоху деглобализации: путь к ресуверенизации

Особое место в процессе деглобализации занимает Российская Федерация. Внешнеполитическая деятельность России под руководством Владимира Путина, особенно начиная с третьего срока (с 2012 года), демонстрирует стремление к возвращению утраченной мощи и влияния. В начале 2000-х годов национальную экономику можно было охарактеризовать как открытую: отношение торгового баланса к ВВП составляло более 54%. В предвыборной программе стояла цель вхождения в ВТО, что упростило бы восстановление потенциала. Однако президент, несмотря на стремление к глобальному строю, неоднократно совершал действия, заключающиеся в протекционной политике.

Процесс вступления в ВТО занял 17 лет с момента подачи заявки и завершился в 2012 году. Еще в 2009 году Владимир Путин заявлял, что первостепенной задачей не является занятие места в ВТО в полном объеме, говоря о перспективе стать членом Таможенного союза с Казахстаном и Беларусью [15]. Амбиции сменились ставкой на формирование нового регионального центра силы для обретения независимости. Несмотря на членство в ВТО, роль государства в экономике усиливалась. Например, список отраслей, куда иностранные инвестиции допускались только после согласия правительства, вырос с 30 наименований в 2008 году до 45 вскоре после этого.

Значительный удар по политике интеграции нанес 2014 год. Присоединение Крыма стало камнем преткновения между Россией и мировым сообществом.

Геополитический мотив действий России заключался в нежелании допустить расширение НАТО на восток и размещения военных объектов альянса в Азово-Черноморском регионе. Конфронтация иллюстрирует конфликт интересов западного общества под координацией США и России, борющихся за геополитическое пространство. В сложившихся условиях проявилась классическая «дилемма безопасности»: меры, предпринимаемые одной стороной для защиты своих интересов, воспринимаются оппонентом как угроза, что лишь нагнетает общую напряженность. Реакция Запада на возвращение Крыма в состав России не заставила себя ждать: США и ЕС перешли к санкционному давлению, фактически стремясь к изоляции страны на международной арене. Ответ Москвы был зеркальным. Этот обмен ограничениями стал катализатором процессов деглобализации, разрывая устоявшиеся экономические связи.

Ключевым рубежом стал февраль 2022 года, когда было объявлено о начале Специальной Военной Операции и последующем включении новых субъектов. Западный ответ превзошел предыдущие меры по масштабу: масштабные санкционные пакеты затронули почти все сферы экономики. Несмотря на сохранение формального статуса в ключевых институтах на примере постоянного членства в СБ ООН или участия в G20, фактическое взаимодействие с западными странами было сведено к минимуму. Интеграционные связи оказались разрушены.

Чтобы нейтрализовать внешнее давление был взят иной курс, так называемый «поворот на Восток». Ключевым инструментом здесь стало укрепление позиций в БРИКС. Данное объединение трансформируется из дискуссионной площадки в реальный экономический полюс, расширяя состав и предлагая альтернативные механизмы сотрудничества, независимые от западных институтов. С населением более 40% мировой численности и производством 25% мирового ВВП, БРИКС имеет шансы стать важным глобальным актором, а также выступить в качестве альтернативы западным организациям в будущем. Правительства стран БРИКС считают необходимым пересмотреть приоритеты форума для отстаивания позиции в отношении западных держав, в частности МВФ и ВБ.

Таким образом, Россия прошла путь от открытой экономики в 2000-х до курса на автономное мощное национальное государство. Это выражается в минимизации усилий для выхода на экономическое пространство мировой торговли на условиях Запада и увеличении роли государства в развитии экономики. Несмотря на позитивно завышенные ожидания ответной реакции в 2014 году, Россия столкнулась с сопротивлением и выбрала путь строительства автономии.

Периодизация и перспективы процессов деглобализации

Периодизация процессов деглобализации берет отсчет с 2008 года и продолжается по настоящее время (вплоть до 2026 года). Начальным этапом стал коллапс банковской системы США и мировая рецессия, затронувшая ЕС, США и Россию. Страны проявили желание пересмотреть политику глубокой экономической консолидации. В этот период Россия приняла решение минимизировать усилия для полноценного выхода на пространство мировой торговли, увеличивая роль государства.

В 2014 году Россия решается на активный геополитический шаг, отказываясь от сотрудничества с Украиной пост-майдана и присоединяя Крым. Ответным шагом стал взаимный обмен санкционными ограничениями. Российское руководство, осознавая значимость глобальной экономической интеграции, тем не менее,

приоритизировало вопросы национальной безопасности, приняв на себя соответствующие издержки. Стратегический фокус сместился на углубление взаимодействия в рамках БРИКС и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Одновременно схожие центробежные процессы затрагивали и Европейский союз. Накопление долговых обязательств и миграционное давление усилили запрос на пересмотр компетенций наднациональных структур. Апогеем этих настроений стал Brexit 2016 года, завершившийся официально к 2020 году полным восстановлением британского суверенитета и возможностей для самостоятельного развития.

В США протекционистская линия, намеченная еще при Б. Обаме, была радикализована администрацией Д. Трампа, переведшей экономические разногласия в плоскость политической дезинтеграции. Торговое противостояние с Китаем 2018 года и введение тарифных барьеров послужили серьезным прецедентом отказа от свободной торговли. Удивительно, что двумя субъектами выступила пара лидирующих в мире экономик. Наконец, пандемия COVID-19 в начале 2020-х годов выступила заключительным фактором, закрепившим тенденцию к закрытию границ и ограничению трансграничных потоков. Страны усиливали государственные барьеры, ограничивая перемещение людей и логистику. Это олицетворяло эпоху деглобализации. К 2020-м годам тренд достигает пиковых значений. Конфронтационная обстановка не позволяет сбавлять обороты из-за формирования баланса сил. Мир находится в состоянии подготовки к потенциальному глобальному конфликту, из-за чего концепция глобального управления становится менее эффективной.

Важно подчеркнуть, что деглобализация в политической форме (ресуверенизация) не олицетворяет реальное движение государств к полной изоляции. Государства стремятся к восстановлению независимости, но существуют в рамках естественных экономических взаимоотношений со странами-партнерами, хоть и в меньших объемах [16]. Это подтверждают индексы глобализации (KOF Index): Великобритания в 2022 году находится на 5 строчке лидеров, США и Россия на 24 и 4 месте соответственно. Китай находится на 77 позиции. Это говорит о том, что локомотивы деглобализации не погрузились в полную изоляцию [17].

Дискуссия о выгоде экономического курса (национальная мощь vs международное сотрудничество) продолжается. Объективно консолидация государств дает более высокую эффективность, позволяя сосредоточиться на успешных отраслях. Однако существуют риски политических и экономических коллапсов, подобных 2008–2009 годам. Тезис о парадоксальной цикличности глобализации и деглобализации позволяет присваивать последней место одного из этапов развития. Взаимозависимость данных явлений прослеживается достаточно четко: они сменяют друг друга, следуя логике, аналогичной экономическим циклам.

Масштаб дезинтеграционных процессов свидетельствует о том, что мы имеем дело с устойчивым долгосрочным трендом. Возврат к прежней модели глобализации сегодня трудно прогнозируем на фоне эскалации конфликтов в различных регионах. Об этом свидетельствуют события от Украины и Ближнего Востока до Тайваньского пролива. Дополнительным маркером сохранения этой тенденции служит системный кризис наднациональных институтов, в частности ООН и МАГАТЭ. Их регуляторная функция ослабевает: негосударственные акторы утрачивают влияние, а государства всё чаще игнорируют резолюции международных органов, если те вступают в противоречие с национальными интересами.

Резюмируя, можно констатировать, что глобализация и деглобализация представляют собой взаимодополняющие стадии эволюции международных отношений. Важно подчеркнуть: деглобализация не тождественна автаркии или полной изоляции. Речь идет о приоритете национальной безопасности и суверенитета над международным правом и договорами. Формирующаяся многополярная архитектура, приходящая на смену либеральному миропорядку, диктует необходимость новых форматов взаимодействия. Перспективы дальнейшей эволюции международных отношений будут определяться тем, насколько успешно государства смогут выстроить баланс между стратегической автономией и вынужденным сотрудничеством в условиях усиливающейся фрагментации глобального пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мухамеджанова Н. М. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 67–74
2. Наумова Н. Н. Западноевропейская интеграция: история и современность // Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / под ред. А. С. Маныкина. – Москва: Олби Принт. – 2010. – С. 60.
3. Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. – 1983. – р. 1–3.
4. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / с предисл. К. Маркса и Ф. Энгельса; полн. пер. с нем. В. А. Поссе. – Санкт-Петербург: Тип. Монтвида, 1906. – 61 с.
5. Palmer T. Globalization is Great! // Washington: Cato Institute. – 2002. – р. 1. – URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/catosletterv1n2.pdf> (mode of access: 04.03.2026).
6. Кручинин И. Н. Процесс глобализации: проблема неравенства в глобализации // Хроноэкономика. – 2019. – № 5. – С. 66.
7. Ремнёв В. А. Мировая глобализация: история и современность // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – С. 218.
8. Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М. Г. Делягин. – Москва: ИНФРА-М, 2003. – С. 74
9. Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста / Авт.-сост. А. Ашкерев. – Москва: АСТ: Ермак, 2004. – С. 213
10. Алексашенко С. В. Кризис–2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 25.
11. Комолов О. О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова – Москва: Институт экономики РАН. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 35.
12. Trade (% of GDP). – Text: electronic // World Bank. – 2020. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (mode of access: 01.03.2026).
13. Freedom House, Freedom in the world 2021: democracy under siege. – Text: electronic // Freedom House: [website]. – 2021. – URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2021/democracy-under-siege> (mode of access: 05.03.2026).
14. Абдулов Р. А. Деглобализация: Кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку / Р. А. Абдулов, Д. Б. Джабборов, О. О. Комолов [и др.]. – Москва: Институт экономики РАН, 2021. – С. 73.
15. Портанский А. П. Многосторонняя торговая система в XXI веке: возможности и риски / А. П. Портанский. – Москва: Изд-во РАГС, 2010. – С. 199–202.
16. Шмидт С. Ф. Деглобализация и ресуверенизация : двойной мегатренд 2010-х / С. Ф. Шмидт. – Текст: электронный // Известия Иркутского государственного университета. – 2018. – Т. 26. – С. 13–17
17. KOF Globalization Index 2022. – Text: electronic // Гуманитарный портал. – 2023. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index> (mode of access: 05.03.2026).

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯДРО РОССИЙСКИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

**THE THEORETICAL CORE OF RUSSIAN INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE CONTEXT OF THE NEW WORLD ORDER**

Р.Д. Шульчин,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

R.D. Shulchin,

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: st134079@student.spbu.ru

Аннотация. Данная посвящена анализу становления внешнеполитической концепции Российской Федерации в постбиполярный период. Рассматриваются основные этапы эволюции внешнеполитического курса России, связанные с деятельностью А.В. Козырева и Е.М. Примакова, а также теоретические подходы российских исследователей к пониманию международных отношений и мирового порядка. Особое внимание уделяется формированию суверенно ориентированной модели внешней политики, основанной на принципах многополярности, прагматизма, национального суверенитета и равноправного международного взаимодействия.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the formation of the foreign policy concept of the Russian Federation in the post-bipolar period. The main stages of the evolution of Russia's foreign policy course related to the activities of A.V. Kozyrev and E.M. Primakov, as well as the theoretical approaches of Russian researchers to understanding international relations and the world order, are considered. Special attention is paid to the formation of a sovereign-oriented model of foreign policy based on the principles of multipolarity, pragmatism, national sovereignty and equitable international cooperation.

Ключевые слова: внешняя политика России, международные отношения, многополярность, мировой порядок, национальный суверенитет, национальная безопасность, внешнеполитическая концепция, доктрина Примакова, козыревская дипломатия, Российская политическая мысль, теория международных отношений, постбиполярная система

Key words: Russian foreign policy, international relations, multipolarity, world order, national sovereignty, national security, foreign policy concept, Primakov doctrine, Kozyrev diplomacy, russian political thought, theory of international relations, post-bipolar system

После распада биполярной системы международных отношений и обусловленного этим преобразования Российской Федерации из союзной республики РСФСР в самостоятельного актора мировой политики в рамках нового государства начался процесс формирования собственной внешнеполитической стратегии, основные принципы и специфические особенности которой будут рассмотрены далее.

Формирование базового уровня внешнеполитического курса России подробно раскрыто в сборнике трудов А. Д. Богатурова «Международные отношения и внешняя политика России» [1], где процесс выработки исходных установок, впоследствии зафиксированных в официальных документах, подразделяется на два последовательно сменявших друг друга этапа.

Первый этап, охватывающий 1991–1996 гг., отличался выраженной ориентацией на сближение с западными государствами и в историографии нередко

рассматривается в контексте так называемой «козыревской дипломатии» [2], связанной с внешнеполитическим курсом первого министра иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырева, в рамках которого приоритетное значение придавалось также внутренним демократическим преобразованиям. Именно в период его пребывания в должности были подписаны такие известные документы, как «Хартия российско-американского партнёрства и дружбы», «Кэмп-Дэвидская декларация о новых отношениях», соглашение «Партнёрство ради мира» и ряд других.

Одновременно с практическим выстраиванием внешнеполитического курса Козырев формировал его публичное и концептуальное обоснование, представляя данную линию как политику «открытых дверей», основанную на представлении о том, что недостаточный уровень внутренней демократизации способен создавать угрозы национальной безопасности России.

В соответствии с этой логикой им утверждалось [3], что именно сближение с Соединёнными Штатами как с ведущим демократическим центром международной системы может обеспечить Российской Федерации надлежащее направление развития не только в политической сфере, но и в области экономических, военных и социальных преобразований. Оценивая положение и роль А. В. Козырева в рассматриваемый период, В. В. Костиков в книге, посвящённой его деятельности на посту пресс-секретаря президента России, характеризует его как одну из «священных коров» [4] демократического лагеря, тем самым акцентируя внимание на его особом статусе и исключительной близости к западным партнёрам.

Второй этап, охватывающий 1996–2003 гг. и соотносимый с так называемой «внешнеполитической революцией», традиционно связывается с деятельностью министра иностранных дел Е. М. Примакова, пришедшего на смену А. В. Козыреву, и характеризуется существенным пересмотром внешнеполитического курса Российской Федерации, получившим в научной и публицистической литературе наименование «доктрины Примакова» [5]. В этот период наблюдался постепенный отход от либерально-прозападных ориентиров, свойственных части политической и общественной элиты в первой половине 1990-х гг., в пользу модели более самостоятельного и суверенно ориентированного развития государства. «Доктрина Примакова» в значительной степени изменила направленность внешней политики России, сместив её приоритеты с преимущественного взаимодействия с развитыми западными странами к расширению и углублению отношений с развивающимися государствами Востока.

Е. М. Примаков при этом проявлял [6] выраженный скептицизм по отношению к «демократическим волнам», исходившим из западного политического пространства, и критически воспринимал ускоряющееся усиление военно-политического блока НАТО, подчёркивая, что ключевое значение имеет переход от системы баланса сил, на которой основывался прежний миропорядок, к равноправному партнёрству. Исходя из подобного понимания трансформации международной системы, Евгений Максимович Примаков стал одним из первых инициаторов [7] институционализации сотрудничества в формате Россия – Индия – Китай [8], который впоследствии получил дальнейшее развитие и в конечном итоге оформился в современную конфигурацию БРИКС.

Несмотря на различия в содержательном наполнении и используемом инструментарии, оба обозначенных этапа были подчинены единой задаче —

созданию условий, при которых новообразованное государство могло бы формировать и реализовывать внешнюю политику на основе складывающейся нормативно-правовой базы, определяющей основные параметры его дальнейшего международного курса.

Первое нормативно значимое определение понятия «национальная безопасность» в Российской Федерации было дано Б.Н. Ельциным в Послании Президента РФ по национальной безопасности Национальному собранию от 13 июня 1996 г. [9]. В данном Послании особое внимание уделялось самобытности Российской Федерации как государства, обладающего масштабным историческим опытом, а также приоритетному значению её суверенитета. До этого момента базовые представления о безопасности государства и механизмах обеспечения его суверенных полномочий во внутренних и внешних процессах закреплялись преимущественно в первой и третьей главах Конституции Российской Федерации [10].

Анализ указанных трансформаций с позиций политической теории требует уточнения того, какие именно либеральные установки, соотносимые с внешнеполитическим курсом А. В. Козырева, и какие реалистские подходы, связываемые с линией Е. М. Примакова, подразумеваются в данном случае. Как обоснованно отмечает С. В. Кортунов в своей монографии [11], российский либерализм конца XX века не может быть сведен к деятельности отдельных политических деятелей и представителей реформаторского лагеря соответствующего периода, поскольку он представляет собой значительно более широкую интеллектуальную традицию, восходящую к классическому наследию европейской и американской политико-философской мысли. В этой связи автор подчёркивает: «это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский, Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм — это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. А. Гольбах и Б. Франклин, Т. Гоббс и Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт» [11, С. 193-194].

Переходя к анализу теоретических оснований международных отношений в Российской Федерации, целесообразно обратиться к работам А. Д. Богатурова, А. П. Цыганкова, С. В. Кортунова и Е. М. Примакова. В совокупности их научный вклад, по оценке А. В. Торкунова, к рассмотрению позиции которого необходимо обратиться далее, имеет системообразующее значение, поскольку связан с «концептуализацией внешней политики страны и окружающего ее мира» [12].

В своей работе «Международные отношения и внешняя политика России» А. Д. Богатуров отмечает, что современная российская теория международных отношений отличается отсутствием чёткого разделения на самостоятельные школы, одновременно указывая на наличие «реалистского корня», который, по его мнению, исследователи стремятся выявить в условиях существующего многообразия подходов и интерпретаций в отечественной политической науке [13]. В трактовке Богатурова сложность последовательного применения какой-либо одной теоретической модели, выработанной в рамках западной традиции, обусловлена ограниченной пригодностью западных теорий для объяснения российских процессов [13, С. 148], вследствие чего отечественное теоретизирование вынуждено постоянно соотносить заимствованные концепции со спецификой российского развития.

Сходную позицию, хотя и представленную в более прикладной плоскости, занимает известный представитель российского политико-теоретического дискурса,

доктор философских наук П. А. Цыганков. В учебнике для вузов «Теория международных отношений» он предлагает более прагматичную модель осмысления российской внешнеполитической школы, выделяя в её основе три «корня», из которых, по его замыслу, впоследствии вырастают как теоретические конструкции, так и практические внешнеполитические решения: «доктрину Козырева, доктрину Примакова и внешнюю политику В. В. Путина» [14]. В рамках данной триады П. А. Цыганков фактически обращается к феномену «русского реализма» [15], который, по его мнению, продемонстрировал чувствительность к проявлениям национальной самобытности, в том числе обусловленным «евразийским положением России между Европой, Азией и Ближним Востоком» [16]. Иными словами, в рамках данного подхода геополитическая и культурно-историческая промежуточность России рассматривается как значимый фактор, влияющий на формирование её международного поведения.

Переходя от преимущественно теоретического уровня анализа к более практико-ориентированной системе координат, следует выделить труд А. В. Торкунова «Современные международные отношения и мировая политика» [17], в котором автором в соавторстве с другими исследователями формулируется один из ключевых принципов современного российского понимания международных отношений — приоритет самодостаточности и суверенитета в процессе конструирования нового миропорядка. Как отмечает Торкунов, после масштабной трансформации общественной, политической и экономической сфер в 1990-е годы «Россия начинает все чаще демонстрировать наступательный активизм в сфере взаимоотношений с внешним миром» [17, С.49], тем самым отказываясь от роли пассивного участника международных процессов и от следования правилам, которые, согласно соответствующей интерпретации, были навязаны Западом по завершении «холодной войны».

Обращаясь к разработкам С. В. Кортюнова в области теории международных отношений и интерпретации эволюции мирового порядка, необходимо отдельно выделить его монографию «Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка» [18], в которой проблематика политической идеи в Российской Федерации рассматривается через противостояние консервативного и либерального начал. По оценке Кортюнова, «принадлежность России “консервативному лагерю” сомнению не подлежит. Более того, Россия претендует на роль одного из лидеров глобальной консервативной реставрации. Мир движется в сторону консерватизма, неолиберализм терпит историческое поражение» [18, С. 26], что в авторской логике связано с пониманием международной системы как многополярного пространства, в рамках которого одновременно воспроизводятся механизмы баланса и конкуренции между суверенными государствами. В подобной конфигурации государства, выступающие центрами силы, поддерживают порядок в пределах собственных зон влияния и ответственности, тем самым определяя архитектуру и динамику современного мироустройства.

Дополнительное, преимущественно практико-ориентированное обоснование российских внешнеполитических представлений было предложено бывшим министром иностранных дел Е. М. Примаковым. В книге «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» [19] Примаков в целом скептически оценивает «цивилизационную» концепцию С. Хантингтона, указывая [19, С. 38-40] на

присутствие в ней ряда субъективно-ценностных установок и тем самым фактически подчёркивая ограниченность её аналитического потенциала применительно к российскому внешнеполитическому контексту.

В рамках данной логики подчёркивается, что адаптация неолиберальных теоретических моделей к российскому сегменту внешнеполитического анализа сталкивается с фундаментальными различиями между западной и российской социально-политической, а также историко-культурной траекториями развития. Особое внимание Е. М. Примаков уделяет процессу формирования многополярной структуры международной системы и складыванию новых центров силы, возникающих в пределах данной архитектуры. По его оценке, «взаимозависимость этих центров усиливается в результате потребности вовлечения всех мировых полюсов в противодействие новым опасностям и вызовам» [19, С. 24].

Обобщая рассмотренные выше процессы и теоретические подходы, можно заключить, что на протяжении длительного периода и в условиях ряда масштабных трансформаций в российской теории международных отношений формировалась самостоятельная, суверенно ориентированная концепция осуществления внешнеполитической деятельности, не сводимая к последовательному следованию исключительно либеральным или исключительно реалистским основаниям.

Концептуальное ядро российского понимания международных отношений в значительной степени выражается в многополярной интерпретации мирового порядка, в рамках которой Российская Федерация мыслится как один из его ключевых центров. Современная российская внешнеполитическая мысль, первоначально основывающаяся на плюрализме подходов и интерпретаций, в конечном счёте сводится к общему фундаментальному основанию, в соответствии с которым суверенитет, национальное благосостояние, а также взаимовыгодное и равноправное международное взаимодействие рассматриваются как приоритетные направления и базовые ориентиры.

Рассмотренный исторический экскурс позволяет утверждать, что в Российской Федерации ключевые концептуальные положения традиционно получают институциональное закрепление в основополагающих документах, которые в дальнейшем задают рамки внешнеполитического курса и определяют место государства в современной системе международных отношений. Именно данная специфика, выражающаяся в акценте на самобытности и самостоятельности, а также в приверженности принципам многосторонности, прагматизма и взаимовыгодного сотрудничества, в рамках рассматриваемой интерпретации выступает одним из оснований конфронтационного восприятия России со стороны Запада и проводимого им курса на «демократические преобразования».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание / А. Д. Богатуров. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 442.
2. Гришанов А.А. О природе российско-американских отношений // Международная жизнь. – 2022. – № 10.
3. Гуськова, Е. Ю. Андрей Козырев – очень нужна Западу фигура Роль главы МИД РФ в судьбе России и Югославии / Е. Ю. Гуськова // Свободная мысль. – 2021. – № 6(1690). – С. 161-174.
4. Костиков, В. В. Роман с президентом: Записки пресс-секретаря / Вячеслав Костиков. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 351 с.

5. Лавров: в недалеком будущем историки сформулируют такое понятие, как «доктрина Примакова». – Текст: электронный // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/1537769> (дата обращения: 15.03.2026).
6. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы: научная статья / Е. М. Примаков // *Международная жизнь*. – 1996. – № 10. – С. 3–13
7. Пекин подвел Примакова. – Текст: электронный // *Коммерсантъ*: – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/211101> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Хозин Г.С. Глобализация международных отношений и интересы России. // *Дипломатический ежегодник*, М., 1999
9. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию 13.06.1996. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Основопологающие государственные документы. Часть 1. М., 1998
10. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026).
11. Кортунوف С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Кортунوف. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 589 с.
12. Современные международные отношения: учебник / под редакцией А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. – Москва: Аспект Пресс, 2014. – С. 41
13. Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России / А. Д. Богатуров. – Москва: Аспект Пресс, 2017. – С. 123.
14. Теория международных отношений: учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.]; под редакцией П. А. Цыганкова. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 317 с.
15. Цыганков А. П. П.А. Цыганков и русский реализм // *О национально ориентированной теории международных отношений* / под ред. Л.Э. Слущкого, А.Ю. Шутова. Москва: Издательство Московского университета, 2021. С. 36—51.
16. Цыганков, А. П. Глобальность и самобытность в теории международных отношений / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 13.
17. Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / А. В. Торкунов, А. Ю. Мельвиль, Т. А. Алексеева [и др.]. – Москва: Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 2004. – 990 с.
18. Кортунوف, А. В. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка: рабочая тетрадь № 52/2019 / А. В. Кортунوف; Российский совет по международным делам. – Москва: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2019. – 40 с.
19. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.

РАЗДЕЛ III. МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 339.54

ОРМУЗСКИЙ ПРОЛИВ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ УЯЗВИМОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИМПОРТА ВЬЕТНАМА

THE STRAIT OF HORMUZ AS A FACTOR OF SPATIAL VULNERABILITY FOR VIETNAM'S ENERGY IMPORTS

П. А. Власенко,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

P.A. Vlasenko,

Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: vlasenkopolina@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена пространственной уязвимости энергетического сектора Вьетнама в условиях кризиса в Ормузском проливе, а также проблемам и перспективам диверсификации маршрутов импорта энергоресурсов. В работе рассматриваются геостратегическое значение Ормузского пролива как ключевого узла морской торговли, историческая значимость Вьетнама от поставок из Кувейта, а также структурные особенности энергетической системы страны, включая зависимость двух основных НПЗ от ближневосточного сырья и недостаточность стратегических запасов. Также рассмотрена необходимость дальнейшей стабилизации энергетической безопасности через создание стратегических резервов и переориентацию на альтернативных поставщиков. Однако реальные внешнеполитические шаги Вьетнама, включая активизацию переговоров с Россией о долгосрочных контрактах на поставку нефти ESPO, не отображают решительного отказа от ближневосточного маршрута, который остается доминирующим. Статья указывает и делает акцент на наличие весомых противоречий между необходимостью диверсификации импорта и сохранением технологической зависимости НПЗ от кувейтского сырья. Что определяет сложность формирования новой пространственной стратегии энергетической безопасности Вьетнама.

Abstract. This article examines the spatial vulnerability of Vietnam's energy sector amid the crisis in the Strait of Hormuz, as well as the challenges and prospects for diversifying energy import routes. The study explores the geostrategic significance of the Strait of Hormuz as a key node on maritime trade, Vietnam's historical reliance on supplies from Kuwait and the structural features of the country's energy system, including the dependence of its two main refineries on Middle Eastern crude oil and the insufficiency of strategic reserves. The necessity of further stabilizing energy security through the creation of strategic stockpiles and a shift toward alternative suppliers is also considered. However, Vietnam's actual foreign policy steps, including the intensification of negotiations with Russia on long-term contracts for ESPO crude oil supplies, do not reflect a decisive abandonment of the Middle Eastern route which remains dominant. The article highlights and emphasizes the presence of significant contradictions between the need to diversify imports and the persistence of technological dependence of refineries on Kuwaiti crude. This the complexity of formulating a new spatial strategy for Vietnam's energy security.

Ключевые слова: Ормузский пролив, Вьетнам, энергетическая безопасность, диверсификация маршрутов, импорт нефти, Кувейт, энергетические запасы, пространственная динамика

Key words: Strait of Hormuz, Vietnam, energy security, route diversification, oil import, Kuwait, energy reserves, spatial dynamics

Ормузский пролив – «нефтяная» артерия, которая имеет важное геостратегическое значение. Пролив находится в северо-западной части Индийского океана, соединяет Персидский и Оманский заливы в аравийское море [1]. Пролив считается одной из важных морских коммуникаций, так как через него осуществляется танкерная перевозка нефти из стран Персидского залива на азиатские рынки. Через Ормузский пролив проходит 15-20% мировой нефти, нефтепродуктов и сжиженного газа. Ормузский пролив является зоной международного судоходства, что подкреплено Конвенцией ООН по морскому праву [2]. Ввиду узости пролива северная его часть принадлежит Ирану, а южная – Оману и ОАЭ. В 1974 г. Иран и Оман подписали договор, согласно которому водная артерия разделена между ними на две равные части, и обе страны несут равную ответственность за контроль над ним [3]. Его особенность заключается в том, что пролив проходит вглубь территории Ирана, что фактически позволяет контролировать проход через него.

Переломным момент в эскалации напряженности на Ормузском проливе стал 2019 г [4]. Несмотря на подписанный в 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий между Ираном и США для заморозки разработок иранского ядерного оружия, взамен с Ирана снимались какие-либо экономические и финансовые санкции СБ ООН, США и Евросоюза, Д. Трамп объявил о расторжении сделки из-за продолжающихся ядерных разработок Ирана и восстановил жесткие санкции против него. В мае 2019 г. четыре танкера, два саудовских, один норвежский и один эмиратский, подверглись атаке в исключительной экономической зоне ОАЭ у порта Фуджейра. Произошел разлив нефти, и США и их союзники обвинили в атаке Иране, но Тегеран отверг эти обвинения. Волна атак продолжилась летом того же года в Оманском заливе на подходах к Ормузскому проливу, когда два норвежских танкера *Front Altair* и японский *Kokuka Courageous* были поражены. США вновь возложили ответственность на Корпус стражей Исламской революции (КСИР), представив видео, на котором, по их утверждению, иранские военные снимают с корпуса танкера неразорвавшуюся мину. На что Иран назвал обвинения «иранофобской кампанией». Кульминацией противостояния стала серия взаимных захватов судов. 4 июля британские морские пехотинцы при поддержке властей Гибралтара задержали иранский супертанкер *Grace 1*, обвинив его в нарушение санкций ЕС при перевозке нефти в Сирию. 10 июля три иранский катера попытались перехватить британский танкер *British Heritage* в Ормузском проливе, но были отогнаны военным кораблем *HMS Montrose*. 19 июля КСИР захватил британский танкер *Stena Impero* в Ормузском проливе. Эти события ознаменовали высшую точку напряженности в 2019 г., когда регион балансировал на грани полномасштабного военного конфликта. Наиболее интенсивная волна пришлась на 2023-2024 гг. на фоне войны в секторе Газа [5]. В январе 2024 г. произошла серия инцидентов, демонстрирующая смену тактики Тегерана. 29 января КСИР захватил танкер с 14 членами экипажа в 96 км от побережья, заявив о перевозке «контрабандного топлива». События в проливе происходили на фоне атак йеменских хуситов на суда в Красном море, что создало двойное давление в двух ключевых транспортных узлах – Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах.

В 2026 г. на фоне продолжающегося развития иранской ядерной программы на Иран было совершено несколько совместных военных ударов США и Израиля, в результате которых был убит верховный лидер Ирана Али Хаменеи [6]. Из-за чего

конфликт перешел в стадию региональной войны, когда Иран атаковал американские базы в соседних странах – Бахрейне, Кувейте, Катаре и ОАЭ. Тегеран рассчитывал, что расширение театра военных действий вынудит государства залива давить на Вашингтон, чтобы тот прекратил кампанию против Ирана. Позже иранский Корпус стражей Исламской революции (КСИР) объявил о закрытии Ормузского пролива. Через пролив проходит 20-30% всех морских поставок энергоносителей в мире, примерно 15-20 млн баррелей нефти в день. В результате кризиса более 480 танкеров оказались заблокированы в персидском заливе, а также 300 судов остаются на якоре в Оманском заливе по другую сторону пролива. Помимо этого, блокировка вызвала резкий скачок цен на энергоресурсы. Цена марки Brent достигла 100 долларов за баррель, а WTI поднялась выше 97 долларов. По мнению аналитиков Вашингтонского института Ближнего Востока, стратегия Ирана заключается в создании рычагов давления для торга с Западом, так как чем выше экономических издержек, тем скорее у США и Европы будет стимулов пойти на уступки по ядерной программе и снятию санкций.

Особенно остро последствия блокировки Ормузского пролива ощутили страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Регион уязвим к любым перебоям в этой транспортной артерии, так как потребляет около 84% всей нефти, проходящей через пролив. Для стран АСЕАН, включая Вьетнам, ближневосточная нефть остается основным источником энергообеспечения. Кризис привел к цепной реакции во всем регионе. В Таиланде правительство ввело запрет на экспорт топлива, стремясь сохранить внутренние запасы. В Малайзии и Сингапуре, которые являются ключевыми торговыми и логистическими хабами, резко выросли фрахтовые ставки и страховые премии, что дополнительно увеличило стоимость импортируемых энергоресурсов. Кроме того, блокировка Ормузского пролива совпала с продолжающимися атаками на Красное море, создав двойной эффект по логистическим цепочкам региона. Судоходные компании начали перенаправлять маршруты в обход Африки, что увеличило время поставки на 10-15 дней и привело к росту логистических издержек для всех стран Юго-Восточной Азии, зависящих от морской торговли.

Вьетнам продолжает сохранять зависимость от импорта энергоносителей, несмотря на наличие двух крупных нефтеперерабатывающих заводов – в Дунгкуате и Нгисоне [7]. Суммарная проектная мощность данных предприятий составляет 14–18 млн тонн нефтепродуктов в год, что обеспечивает около 65-70% внутреннего спроса. В 2025 г. объем производств на двух НПЗ достиг 18,6 млн тонн, обеспечив около 66% потребностей рынка. Однако этот уровень самодостаточности касается лишь объемов переработки, но не сырья. Большая часть нефти импортируется. Так, нефтеперерабатывающий завод в Дунгкуате использует 30-35% импортной сырой нефти, которая поступает из Западной Африки, США, Средиземноморья и Ближнего Востока. А завод в Нгисоне практически полностью зависит от поставок из Кувейта. Помимо внутреннего производства, Вьетнам вынужден импортировать около 35% нефтепродуктов для покрытия дефицита. В 2025 г. объем импорта нефтепродуктов превысил 9,9 млн тонн на сумму около 6,8 млрд долларов. Основными поставщиками являются Сингапур, Южная Корея и Малайзия, на которых приходится основная доля импорта.

Ханой одновременно экспортирует экспорт углеводородов. В 2025 г. страна экспортировала более 1,3 млн тонн нефтепродуктов на сумму более 942 млн

долларов, а также 2,4 млн тонн сырой нефти на сумму более 1,3 млрд долларов. Основными покупателями вьетнамской сырой нефти стали Австралия, Таиланд, Китай и Япония, тогда как нефтепродукты направлялись на рынки Южной Кореи, Малайзии, Сингапура и Лаоса. Примечательно, что у Вьетнама широко развитая цепочка поставок, так как система дистрибуции топлива внутри страны насчитывает 30 основных дистрибьютеров и 17270 розничных точек. Однако это делает Вьетнам сильно зависящим от импортного сырья и стабильных внешних источников, так как любые перебои отражаются на всей цепочке. Также у Ханоя отсутствует «буфер» между импортом и розницей. Длинная цепочка поставок работает по принципу «точно в срок», минимизируя запасы для сокращения издержек на хранение. В результате стратегические запасы топлива во Вьетнаме составляют менее 30 дней потребления, что значительно ниже норматива Международного энергетического агентства в 90 дней. Помимо этого, розничное звено Ханоя особо чувствительно к логистическим и ценовым шокам. Когда происходят внешние шоки: рост мировых цен на нефть, увеличение страховых премий для танкеров, проходящих через Ормузский пролив или вынужденное перенаправление судов в обход пролива – эти издержки быстро передаются по цепочке и доходят до розницы. Именно поэтому, широкая сеть дистрибуции эффективно обеспечивает доступность топлива в обычных условиях, но в кризисной ситуации она становится каналом передачи внешних шоков конечному потребителю. Отсутствие стратегических запасов, зависимость от одного критического морского маршрута и длинная цепочка посредников делают систему неспособной смягчить последствия перебоев поставок. Вместо того, чтобы быть буфером между импортом и потребителем, система дистрибуции в ее нынешнем виде передает все колебания мирового рынка и геополитической нестабильности напрямую на 17 тысяч автозаправочных станций, что создает прямую угрозу энергетической безопасности страны.

По данным Таможенного управления Вьетнама, в 2025 г. страна импортировала более 14,1 млн тонн сырой нефти на сумму свыше 7,7 млрд долларов [8]. При этом одним из доминирующих поставщиков нефти был Кувейт. За первые 11 месяцев 2025 года из этой страны было импортировано более 9,9 млн тонн сырой нефти, что составило 80% всего объема импорта, а стоимостный объем импорта из Кувейта превысил 5,5 млрд долларов. Кувейт географически находится в Персидском заливе и граничит с Ираком и Саудовской Аравией. Весь экспорт кувейтской нефти проходит через Ормузский пролив. Это означает, что эскалация конфликта на Ближнем Востоке и блокировка Ормузского пролива ощутимо отразится на энергетическом положении Вьетнама.

Для Ханоя перебои в судоходстве через Ормузский пролив привели, во-первых, к росту логистических издержек. Нефтяные танкеры и суда, перевозящие сжиженный природный газ изменили маршруты, из-за чего увеличилась стоимость доставки и страхования. По состоянию на 2 марта как минимум два больших танкера подверглись обстрелу ракет, а несколько объектов по производству СПГ на Ближнем Востоке подверглись атакам. Во-вторых, были затронуты поставки сжиженного нефтяного газа. 2 марта компания PVGas Trading, дочернее предприятие Вьетнамской газовой корпорации, была вынуждена объявить о невозможности выполнения работ из-за обрушения подъездного моста на объекте Saudi Aramco по производству сжиженного нефтяного газа в Джуайме 23 февраля, что нарушило поставки пропана и бутана. В результате чего, все поставки сжиженного газа,

запланированные на 10 марта для хранения на складах Thi Vai и Diem Dien, были приостановлены. В-третьих, резко выросли цены на импортное топливо. 2 марта цены бензина RON 95, импортируемого из Сингапура, достигла 92,78 млрд долларов за баррель, а RON 92 – 90,32 доллара за баррель, что на 9-12 долларов выше шестидневной давности. В результате, скидки на заправках упали до нуля, создав трудности для автозаправочных станций. В-четвертых, есть риск перебоев поставок для двух основных НПЗ. НПЗ в Нгисоне практически полностью зависит от кувейтской нефти, а этот маршрут проходит через Ормузский пролив и продолжение конфликта может привести к сбоям в работе предприятия.

Высокая зависимость Вьетнама от импорта сырой нефти из Кувейта, почти 80% поставок, и от транзита через Ормузский пролив делает диверсификацию одним из приоритетных направлений энергетической политики. В этих условиях Вьетнам нуждается в поиске альтернативных пространственных коридоров. Так, Россия приобретает стратегическое значение как альтернативный поставщик энергоресурсов [9]. Российская нефть марки ESPO (Eastern Siberian Pacific Ocean), поставляемая через порт Козьмино на Дальнем Востоке, имеет пространственное преимущество, так как маршрут проходит через Тихий океан и Южно-Китайское море, минуя Ормузский и Малаккский проливы, которые делают традиционный ближневосточный путь уязвимым. Для Ханоя, экономика которого демонстрирует быстрые темпы роста и, соответственно, высокий спрос на энергоносители, диверсификация источников импорта энергоресурсов в сторону России снижает зависимость от традиционных поставщиков и повышает устойчивость национальной энергетической системы в условиях геополитической неопределенности. Это классический пример того, как в пространственной динамике международных отношений торговля ресурсами становится инструментом обеспечения национального суверенитета. Более того, в марте 2026 года на фоне визита премьер-министра Вьетнама в Москву, стороны активизировали переговоры о заключении долгосрочных контрактов на поставку нефти [10]. Данное соглашение позволило бы Вьетнаму закрепить новый пространственный коридор энергоснабжения. Снизив зависимость от ближневосточного маршрута. Дополнительным фактором устойчивости выступает наличие зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС, которая создает преференциальные условия для энергетического обмена и снижает транзакционные издержки [11].

Другим потенциальным источником сырья является Африка. Вьетнам уже импортирует небольшие объемы из Нигерии, около 800 тыс. тонн в 2025 г., при этом наращивает поставки из Анголы, Ганы или Конго сдерживается отсутствием долгосрочных контрактов. США и Латинская Америка также можно рассматривать в качестве альтернативных поставщиков. Американская нефть легких сортов (WTI, Bakken) могла бы диверсифицировать импорт, однако транспортировка через Тихий океан увеличивает сроки и стоимость доставки. Венесуэла, обладающая крупнейшими запасами нефти в мире, могла бы поставлять нефть во Вьетнам, однако этому препятствует политическая нестабильность в регионе.

Пространственная уязвимость Вьетнама усугубляется отсутствием достаточных стратегических запасов. Особую значимость приобретает региональное измерение диверсификации источников сырья. В рамках механизма АСЕАН+3 (с участием Китая, Южной Кореи и Японии) действует Соглашение о готовности к чрезвычайным ситуациям в области нефти (Oil Emergency Response

Agreement), которое позволяет странам участницам предоставлять друг другу доступ к стратегическим запасам в случае перебоев поставок [12]. Для Вьетнама это означает возможность вписаться в региональную пространственную сеть энергетической безопасности, где уязвимость одной страны компенсируется резервами ее соседей.

Кризис в Ормузском проливе продемонстрировал еще одну из проблем пространственной динамики международных отношений, а именно, что безопасность ключевых морских артерий зависит не только от региональных игроков, но и внешних, гарантирующих свободу судоходства. США, традиционно обеспечивавшие военное сопровождение танкеров в Персидском заливе, отказались от проводки гражданских судов из-за высокой угрозы мин, что подорвало доверие к внешним гарантиям [13]. Для Вьетнама это создает двойственную ситуацию. С одной стороны, Ханой заинтересован в свободе судоходства через Ормузский пролив. Однако с другой стороны, отказ Вашингтона показал, что не стоит надеется на гарантии партнеров и необходима диверсификация маршрутов.

Особое значение играет Малаккский пролив, через который проходит импорт Вьетнама после Ормузского пролива. В отличие от него, Малаккский пролив находится под контролем дружественных Вьетнаму стран, Индонезии, Малайзии, Сингапура, и является зоной активного военно-морского присутствия нескольких держав. Это создает возможность для СРВ участвовать в региональных инициативах по обеспечению безопасности этого пространственного узла в рамках патрулирований, проводимых АСЕАН.

Кризис в Ормузском проливе наглядно демонстрирует ключевой тезис пространственной динамики международных отношений: контроль над географическими узлами превращается в инструмент геополитического влияния, а способность государств адаптировать свои логистические маршруты становится фактором национальной безопасности. Ормузский пролив, через который проходит 20-30% мировых поставок нефти, представляет собой классический пример пространственного узла, блокировка которого приводит к глобальным экономическим последствиям. Для стран Юго-Восточной Азии, потребляющих 84% нефти, проходящей через пролив, этот кризис выявил уязвимость, завязанную на единственном маршруте и внешних гарантиях безопасности. Вьетнам, импортирующий 80% нефти из Кувейта через Ормузский пролив и имеющий стратегические запасы менее чем на 30 дней, оказался в эпицентре уязвимости.

Можно заключить, что пространственная динамика международных отношений проявляется в том, что географическая уязвимость не является фатальной. Вьетнам может компенсировать ее через конструирование альтернативных маршрутов, создание инфраструктурных маршрутов и участие в региональных инициативах коллективной безопасности. Для Ханоя кризис в Ормузском проливе стал проверкой, подтвердившей, что в современном мире способность государства управлять своим пространственным положением определяет его дальнейшее развитие в условиях фрагментации архитектуры международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ормузский пролив: значение, контроль и роль Ирана // РБК. – 28 февраля 2026. URL: <https://www.rbc.ru/base/16/06/2025/685020189a794776d3baab28> (дата обращения: 15.02.2026).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Мелихов И. Г. Многовекторность и маневрирование как основа внешней политики Омана // Вестник Московской международной академии. 2019. №2. – с. 186-193
4. Сажин В.И. Пираты Ормузского пролива // Институт востоковедения РАН в средствах массовой информации. – 12 июля 2019. URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=14156> (дата обращения: 17.02.2026)
5. Slim R. Iran`s aggressive maritime acts escalate tension and threaten trade region // The National. – 30 января 2024. URL: <https://www.thenationalnews.com/mena/2024/01/30/irans-aggressive-maritime-acts-escalate-tension-and-threaten-trade-in-the-region/> (дата обращения: 21.01.2026)
6. В РАН предупредили о возможных последствиях эскалации в Ормузском проливе // Известия. – 21 марта 2026. URL: <https://iz.ru/2063533/2026-03-21/v-ran-predupredili-o-vozmozhnykh-posledstviakh-eskalatsii-v-ormuzskom-prolive> (дата обращения: 12.03.2026)
7. With the Middle East conflict raging, what is the situation regarding Vietnam`s fuel supply? // Vietnam.vn. – 3 марта 2026. URL: <https://www.vietnam.vn/en/chien-su-trung-dong-ruc-lua-nguon-cung-xang-dau-viet-nam-ra-sao> (дата обращения: 10.02.2026)
8. General Statistics Office of Vietnam. Exports and imports value by months of 2025 // GSO: official website. – 2025. – March. URL: <https://www.nso.gov.vn/en/homepage/> (дата обращения: 10.02.2026)
9. Elevating Vietnam – Russia cooperation from backbone of energy, oil and gas // Cong Thuong (Vietnam Industry and Trade Magazine). – 21 March 2026. URL: <https://ven.congthuong.vn/elevating-vietnam-russia-cooperation-from-backbone-of-energy-oil-and-gas-58954.html> (дата обращения: 27.02.2026)
10. Вьетнам и Россия планируют подписать энергетическое соглашение в Москве // Ведомости. – 22 марта 2026. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/03/22/1184640-vietnam-i-rossiya-planiruyut> (дата обращения: 01.03.2026)
11. Free Trade Agreement between The Eurasian Economic Union and ITS Member States, Of the One Part, And the Socialists Republic of Viet Nam, Of the Other Part, 2015.
12. Chairman`s statement of the Third ASEAN+3 (China, Japan and South Korea) Ministers on Energy Meeting // ASEAN Plus Three. – 7 July 2006. URL: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-3rd-asean3-china-japan-and-korea-ministers-on-energy-meeting-vientiane/> (дата обращения: 17.03.2026)
13. США отказались от идеи сопровождать танкеры в Ормузском проливе // Ведомости. – 11 марта 2026. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/03/06/1181354-ssha-otkazalis> (дата обращения: 11.03.2026)

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ВЫЗОВОВ:
ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА
КРАСНОГО КРЕСТА**

**THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN ADDRESSING
MODERN HUMANITARIAN CHALLENGES: THE SPECIAL LEGAL STATUS
OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS**

Н.Ю. Возный,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

N.Y. Vozny,

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

E-Mail: nikitavoznyj71231@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу роли и правовых основ деятельности международных организаций в сфере гуманитарного реагирования. В работе рассматривается институциональная структура гуманитарной архитектуры ООН, включая мандаты УВКБ ООН, ЮНИСЕФ, ВПП и координационную функцию УКГВ. Особое внимание уделяется уникальному правовому статусу Международного Комитета Красного Креста (МККК), чья деятельность базируется на нормах Женевских конвенций и основополагающих принципах гуманности, нейтралитета и беспристрастности. Анализируются системные вызовы, снижающие эффективность гуманитарных операций: политизация помощи, проблемы безопасности персонала, дефицит финансирования и пробелы в механизмах привлечения к ответственности за нарушения международного гуманитарного права. В заключении обосновывается необходимость укрепления международного сотрудничества и неукоснительного соблюдения гуманитарных принципов как императивного условия защиты человеческого достоинства в условиях современных кризисов.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the role and legal framework of international organizations in the field of humanitarian response. The paper examines the institutional structure of the UN humanitarian architecture, including the mandates of UNHCR, UNICEF, WFP, and the coordination function of OCHA. Particular attention is paid to the unique legal status of the International Committee of the Red Cross (ICRC), whose activities are based on the norms of the Geneva Conventions and the fundamental principles of humanity, neutrality, and impartiality. The study analyzes systemic challenges that reduce the effectiveness of humanitarian operations: the politicization of aid, security risks for personnel, funding shortfalls, and gaps in accountability mechanisms for violations of International Humanitarian Law. The conclusion substantiates the need to strengthen international cooperation and strict adherence to humanitarian principles as an imperative condition for protecting human dignity in the context of modern crises.

Ключевые слова: международные организации, гуманитарная помощь, международное гуманитарное право, ООН, международный комитет Красного креста, Женевские конвенции, защита гражданских лиц, гуманитарный доступ, вооруженные конфликты, УВКБ ООН

Key words: international organizations, humanitarian assistance, international humanitarian law, UN, international committee of the red cross, Geneva conventions, protection of civilians, humanitarian access, armed conflicts, UNHCR

Введение

Современная международная система детерминирована комплексом беспрецедентных гуманитарных вызовов, обусловленных эскалацией вооруженных конфликтов, увеличением числа и интенсивности стихийных бедствий, пандемиями и феноменом массовых перемещений населения. Указанные явления не только влекут за собой значительные человеческие страдания, но и конституируют угрозу международному миру, безопасности и устойчивому развитию. В данных обстоятельствах роль международных организаций как субъектов, призванных осуществлять координацию усилий мирового сообщества и оказывать непосредственное содействие пострадавшим лицам, приобретает первостепенное значение. Настоящий доклад посвящен всестороннему анализу функций и правовых основ деятельности международных организаций в гуманитарной сфере, с особым акцентом на исследовании уникального правового статуса и мандата Международного Комитета Красного Креста как ключевого актора в системе международного гуманитарного реагирования.

Цель исследования – определить роль и правовые механизмы деятельности международных организаций в гуманитарной сфере, выявить основные препятствия для реализации их мандатов и обосновать пути повышения эффективности гуманитарного реагирования.

Международные организации как акторы гуманитарной деятельности: нормативно-правовые основы и институциональная структура

Центральным элементом в архитектуре международного гуманитарного сотрудничества выступает Организация Объединенных Наций. Устав ООН, в своих целях и принципах, закладывает фундаментальные основы для осуществления гуманитарной деятельности, ориентируя государства-члены на развитие сотрудничества в разрешении проблем гуманитарного характера и на поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. В рамках системы ООН функционирует ряд специализированных учреждений и программ, чьи мандаты непосредственно сопряжены с оказанием гуманитарной помощи и обеспечением защиты прав уязвимых категорий населения. Среди них ключевую роль играет Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), осуществляющее свою деятельность на основании Устава УВКБ ООН [1], Конвенции о статусе беженцев 1951 года [2] и Протокола к ней 1967 года [3]; его мандат включает обеспечение международной защиты беженцев, поиск долговременных решений их проблем, а также, в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи, такими как, например, резолюция 64/129 [4], расширенную деятельность в отношении внутренне перемещенных лиц и лиц без гражданства. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), руководствуясь положениями Конвенции о правах ребенка [5], специализируется на защите прав несовершеннолетних, особенно в условиях вооруженных конфликтов и иных чрезвычайных ситуаций. Иные значимые структуры, такие как Всемирная продовольственная программа, Всемирная организация здравоохранения и Управление по координации гуманитарных вопросов ООН, выполняют критически важные функции в предоставлении жизненно необходимой помощи, координации гуманитарных операций и выработке универсальных стандартов гуманитарной деятельности. В более широком контексте, международные организации способствуют формированию и

прогрессивному развитию нормативной базы, регулирующей гуманитарные вопросы. Фундаментальное значение в этом отношении имеют Женевские конвенции 1949 года [6] и Дополнительные протоколы к ним 1977 года [7], составляющие ядро современного международного гуманитарного права. Данные международно-правовые инструменты устанавливают детальные нормы защиты различных категорий жертв вооруженных конфликтов, включая раненых, больных, военнопленных и гражданское население. Комментарии Международного Комитета Красного Креста к Женевским конвенциям, как, например, Обновленный Комментарий ко Второй Женевской конвенции [8], признаются авторитетным источником толкования этих норм. Параллельно осуществляется развитие международного уголовного права, направленного на пресечение безнаказанности за наиболее тяжкие международные преступления. Учреждение Международного уголовного суда на основе Римского статута [9] явилось важным этапом в данном процессе. Практика предшествовавших ему международных уголовных трибуналов *ad hoc*, в частности Международного трибунала по бывшей Югославии, нашедшая отражение в его решениях по делам Благоевича и Йокича [10], Младича [11] и Симича, Тадича и Зарича [12], внесла существенный вклад в формирование юриспруденции по вопросам квалификации военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, тем самым усиливая превентивный и карательный аспекты механизма гуманитарной защиты.

Особый правовой статус и мандат Международного Комитета Красного Креста

Международный Комитет Красного Креста (МККК) занимает уникальное, *sui generis*, положение в системе международных гуманитарных акторов. Его статус не является идентичным статусу классических межправительственных организаций, поскольку его мандат и право на осуществление деятельности проистекают непосредственно из императивных норм международного гуманитарного права, прежде всего Женевских конвенций [6, 7]. МККК является составной частью Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, деятельность которого регулируется Уставом Движения [13]. Основополагающие принципы, лежащие в основе деятельности МККК – гуманность, беспристрастность, нейтралитет, независимость, добровольность, единство и универсальность [13] – представляют собой не просто декларативные положения, а нормативные императивы, обеспечивающие его операционную эффективность и возможность доступа к жертвам конфликтов. Особое юридическое и практическое значение имеют принципы нейтралитета, подразумевающего воздержание от участия в военных действиях и в спорах политического, расового, религиозного или идеологического характера, и независимости, означающей сохранение такой степени автономии, которая позволяет во всех обстоятельствах действовать в соответствии с принципами Движения. Именно эти принципы позволяют МККК вести конструктивный диалог со всеми сторонами вооруженного конфликта и оказывать помощь исключительно на основе объективных потребностей, без какой-либо дискриминации. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним эксплицитно наделяют МККК специфическими функциями и правами, включая право посещения военнопленных и интернированных гражданских лиц для мониторинга условий их содержания и обращения с ними; организацию и предоставление гуманитарной помощи (медицинской, продовольственной и иной)

жертвам вооруженных конфликтов; содействие восстановлению семейных связей, нарушенных в результате конфликта; а также выполнение роли нейтрального посредника между сторонами в конфликте для решения гуманитарных вопросов и распространение знаний о международном гуманитарном праве и содействие его имплементации на национальном уровне. МККК также обладает уникальным правом гуманитарной инициативы, которое позволяет ему предлагать свои услуги в ситуациях насилия, формально не достигающих порога вооруженного конфликта по смыслу Женевских конвенций. Защита отличительных эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла, детально регламентированная Дополнительным протоколом III к Женевским конвенциям [14], является критически важным условием для безопасного и эффективного выполнения МККК и другими компонентами Движения своих гуманитарных задач. Скрытый от публичности формат взаимодействия МККК с участниками конфликтов представляет собой проверенный механизм, позволяющий добиваться реальных результатов для пострадавшего населения. Такой подход исключает использование гуманитарных вопросов в политических целях.

Актуальные вызовы для гуманитарной деятельности

Эффективность работы международных гуманитарных структур ограничивается комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, это действия государств и негосударственных акторов, которые, ссылаясь на суверенитет или политические мотивы, ограничивают доступ гуманитарных миссий к нуждающимся. Во-вторых, это критический уровень угроз для сотрудников: нападения на гуманитарные миссии стали устойчивой тенденцией, грубо нарушающей МГП. В-третьих, финансовая нестабильность: помощь хронически недофинансирована, что не позволяет покрыть растущие потребности. В-четвертых, несмотря на работу УКГВ ООН, сохраняются координационные сбои между многочисленными участниками операций. В-пятых, сохраняется разрыв между правовыми нормами и реальностью: нарушения МГП носят системный характер, а институты ответственности (такие как МУС и специальные трибуналы [10, 9, 11, 12]) пока не могут обеспечить неотвратимость наказания. Ежегодные доклады ООН, включая документ за 2022 год [15], фиксируют эти системные недостатки и указывают на необходимость укрепления режима подотчетности.

Таким образом, Эффективность системы международного гуманитарного реагирования обеспечивается деятельностью профильных организаций системы ООН и Международного Комитета Красного Креста, чья работа строится на принципах гуманности, беспристрастности и императивных нормах права. Их функция по защите человеческой личности в экстремальных ситуациях незаменима. При этом ключевым условием эффективности является приверженность суверенных государств нормам международного гуманитарного права и их практическое содействие в обеспечении безопасного доступа к пострадавшим. В свете усугубляющихся гуманитарных проблем, включая новые техногенные и климатические угрозы, усиление международной кооперации и поддержка независимых гуманитарных инициатив остаются настоящим императивом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: принят резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи ООН 14 дек. 1950 г. – URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

2. Конвенция о статусе беженцев: [принята 28 июля 1951 г.]. – URL: <https://base.garant.ru/2540374/> (дата обращения: 20.03.2026).

3. Протокол, касающийся статуса беженцев: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. (резолюция 2198 (XXI)). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 64/129 «Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев»: принята Генеральной Ассамблеей 18 дек. 2009 г.: док. ООН A/RES/64/129. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/64/129> (дата обращения: 20.03.2026).

5. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 нояб. 1989 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

6. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года (I, II, III, IV). – Женева, 1949. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I): принят 8 июня 1977 г. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

8. Обновленный Комментарий МККК ко второй Женевской конвенции: неотложная гуманитарная задача // Международный журнал Красного Креста. – 2017. – № 902. – URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC_902_extractRUS_The_updated_ICRC_Commentary_on_the_Second_Geneva_Convention.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

9. Римский статут Международного уголовного суда: принят Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда 17 июля 1998 г. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.03.2026).

10. Prosecutor v. Blagojević and Jokić: Case No. IT-02-60-T: Judgement, 17 January 2005. – International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – URL: https://www.icty.org/x/cases/blagojevic_jokic/tjug/en/bla-050117e.pdf (date of access: 20.03.2026).

11. Prosecutor v. Mladić: Case No. IT-09-92-T: Judgement Volume 1 of 5, 22 November 2017. – International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – URL: https://www.icty.org/x/cases/mladic/tjug/en/171122-1of5_1.pdf (date of access: 20.03.2026).

12. Prosecutor v. Simić, Tadić & Zarić: Case No. IT-95-9-T: Judgement, 17 October 2003. – International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icty/2003/40195> (date of access: 20.03.2026).

13. Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца: принят в окт. 1986 г.: с изм. и доп., внесенными в нояб. 1995 г. и нояб. 2005 г. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/red-cross-crescent-movement/movement_statutes_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

14. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III): принят 8 дек. 2005 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/geneva_protocol_III.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

15. Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте: ежегодный доклад Генерального секретаря за 2022 год / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Украина. – URL: <https://ukraine.ohchr.org/ru/2023-Secretary-Generals-annual-report-on-the-protection-of-civilians-in-armed-conflict> (дата обращения: 20.03.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ГОСУДАРСТВ БРИКС

ECONOMIC FORUMS AS A TOOL OF ECONOMIC DIPLOMACY OF THE BRICS COUNTRIES

А.А. Довгаленко,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.A. Dovgalenko,

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail : alla.dovgalenko@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует экономические форумы как инструмент экономической дипломатии государств БРИКС. Рассматривается их роль в координации торгово-инвестиционных стратегий и формировании позиций по реформированию глобальной экономической архитектуры. Выявляются ключевые проблемы, включая различия национальных приоритетов и внешнее давление. Делается вывод о значимости форумов для укрепления многополярности и роли БРИКС в глобальном управлении.

Abstract. The article examines economic forums as a tool of economic diplomacy of the BRICS countries. It analyzes their role in coordinating trade and investment strategies and shaping positions on global economic reform. Key challenges, including differences in national priorities and external pressure, are identified. The study concludes that forums are important for strengthening multipolarity and the role of BRICS in global governance.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, БРИКС, экономические форумы, многополярность, глобальное управление

Key words: economic diplomacy, BRICS, economic forums, multipolarity, global governance

В данный период развития международных отношений БРИКС является неотъемлемой их частью. В 2026 году встреча стран-участниц проходила в городе Рио-де-Жанейро. По ее итогам была принята декларация, в которой экономика названа одним из основных направлений сотрудничества: «В развитие 17-летнего опыта проведения саммитов БРИКС мы привержены дальнейшему углублению сотрудничества в рамках расширившегося БРИКС по трем магистральным направлениям – политика и безопасность, экономика и финансы, культурные и гуманитарные связи...» [1]. Из-за своего расширения 2024-м году БРИКС представляет из себя инклюзивный клуб стран с общими идеями и видением будущего. Объединение начинает все больше служить неформальным рупором Глобального Юга, для которого одной из основных повесток является внешнее торгово-экономическое развитие [2]. Для формирования единого видения на решение данных вопросов в экономической дипломатии существуют различные механизмы консолидирования мнений. В этом списке инструментов экономическим форумам отведено отдельное место.

Широко известные саммиты БРИКС, в которых принимаю участие страны-участницы и приглашенные гости; Петербургский международный экономический форум, на который съезжаются представители из сотни стран со всего мира, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества и развития; в азиатской части мира широко известен Азиатский форум Боао, созданный при поддержке и прямой инициативе Китая, также развивает диалог в экономической сфере между странами

– все эти площадки способствуют согласованию торгово-инвестиционных стратегий и ускоряют внедрение альтернативных моделей сотрудничества. Это особенно важно в условиях, когда страны стремятся проводить в жизни курс на многополярность.

Исследование подобных форумов и их вклада в развитие экономической дипломатии актуально и связано с изменениями в архитектуре как самого объединения БРИКС, в том числе глобальное расширение состава участниц в 2024 году, а также с вспыхивающими геополитическими конфликтами, которые влияют на экономическую ситуацию в мире [3]. Этим обуславливается необходимость новых форматов и переосмысление многосторонних форумов как инструментов для создания альтернативных общих ценностей и финансовых механизмов.

Разные ценности и приоритеты участников – одна из основных проблем, которая усугубляется внешним давлением. Разность в подходах урегулирования инвестиционных и торговых барьеров сокращают потенциал принятия решения на таких форумах путем консенсуса. Это ограничивает воплощение в жизнь крупных инфраструктурных проектов, а также внедрение единой системы цифровой экономики. Особенно расхождения во мнениях заметны в вопросах противодействия односторонним и весьма нелегитимным санкциям и реформирования международных финансовых институтов.

Форумы БРИКС являются многоуровневыми платформами для диалога стратегического характера между его участниками. Это позволяет обеспечивать регулярный обмен мнениями по важнейшим вопросам экономической мировой повестки. Такие механизмы безусловно способствуют выработке согласованных подходов к решению общих выводов и укрепляют атмосферу доверия среди участниц, а институциональная гибкость дает возможность учитывать особенности экономических интересов большинства государств.

Такие встречи имеют ключевую роль в формировании общих позиций в вопросах изменения глобальных финансовых институтов. Они положительно влияют на преодоление структурных асимметрии в мировой экономике с помощью координации сил стран участниц. «Стратегическое партнерство стран БРИКС с Глобальным Югом имеет также важное политическое измерение. Это сотрудничество способствует укреплению многополярности в международных отношениях, создавая противовес доминированию традиционных экономических центров, таких как США и Европейский Союз» [4]. Этот процесс демонстрирует стремление к формированию более устойчивой и сбалансированной системы глобального управления с участием стран Глобального юга.

Ежегодные встречи глав государств участников БРИКС позволяет формировать долгосрочные программы сотрудничества. Особое место занимает ротационное представительство, которое обеспечивает недискриминационное участие всех стран участниц в определении повестке. Именно на саммитах были инициированы такие институты как Новый банк развития и Пул валютных резервов, что является подтверждением их институциональной значимости.

На этих же встречах вырабатываются общие позиции в отношении изменений глобальной экономической структуры, в том числе подтверждение приверженности в вопросе о необходимости реформирования ВТО, МВФ и Всемирного банка. Согласованная позиция позволяет усилить свои переговорные позиции в вопросах перераспределения квотирования и голосов. В декларациях форумов нередко встречается положение против протекционизма и в поддержку многосторонней и свободной торговли.

Международный экономический форум в Санкт-Петербурге и Азиатский форум Боао выступают платформами, где государство взаимодействует с бизнес-сообществом экспертами по различному спектру экономических вопросов. ПМЭФ, проводящийся под патронажем российского правительства делает акцент на глобальных вызовах, тогда как Боао ориентируются на азиатские интеграционные экономические процессы. Данные площадки способствуют реализации проектов в области торговли, инвестиций и технологического сотрудничества между государствами.

Такие форумы стали неотъемлемой частью жизни внешнеэкономической деятельности государств, в частности в вопросах разрешения торговых барьеров для углубления взаимной торговли. Новый банк развития, который стал результатом одного из саммитов БРИКС, оказывает влияние на решение данного вопроса. Глобальная геополитическая роль НБР — это противодействие глобальной финансовой системе, управляемой Западом во главе с США, а с точки зрения экономических целей — в первую очередь помощь развивающимся экономикам, которые могут не входить в БРИКС, взаимовыручка стран блока, необходимые превентивные экономические меры для прохождения глобальных рисков [5]. В 2015 году на саммите БРИКС в г. Уфе были запущены, утвержденные годом ранее в Форталезе, механизмы финансирования проектов в сфере инфраструктуры, цель которых заключалась в упрощении торговли [6]. Это стало основой нормативов, которые в свою очередь облегчили товарообмен между странами. Особое внимание в этом вопросе уделено развитию транспортных коридоров и цифровой инфраструктуры с целью сократить нагрузку на таможенные структуры и снизить время транспортировки товаров.

На Петербургском экономическом форуме в 2019 году были представлены инициативы по международным транспортным артериям, включая Северный морской путь, который может дать огромные возможности мировой торговле. Арктическая повестка в контексте увеличения грузопотока через СМП была также обозначена на ПМЭФ в 2024 году [7]. Форумы обеспечили координацию между экспортно-кредитными агентствами и частными инвесторами, что положительно влияет на развитие трансграничной инфраструктуры.

В 2026 году Боаоский экономический форум имел отличную от прошлогодних повестку. Ключевая особенность отразилась в докладах по региональной интеграции и устойчивому развитию. В них Азия представляется как пространство способное сохранять спокойствие при высокой мировой турбулентности, при этом держа фокус на модернизации инструментов адаптации, включая зеленый переход, цифровизацию и инновационное финансирование [8].

Однако как уже было сказано, между странами все же существуют противоречия, вызванные различиями в национальных экономических стратегиях: «Модели капитализма не одинаковы в различных странах. Различия в моделях проявляются в системообразующих характеристиках, носящих долгосрочный и устойчивый характер. Таковыми являются, в частности, степень участия государства в экономике страны, а также целый комплекс социально-культурных черт, формирующих отношение к труду и общественное сознание» [9]. Эти структурные различия проявляются в приоритетах внешнеэкономической политики: если Китай и Россия делают акцент на государственном регулировании, то Бразилия и ЮАР сохраняют смешанные модели с сильным частным сектором. Подобная дивергенция создаёт объективные препятствия для формирования консолидированных подходов к решению глобальных экономических вопросов.

Различия во внешнеполитических ориентирах и уровне зависимости от западных рынков создают объективные препятствия для координации. «Внешнее давление со стороны других глобальных игроков, стремящихся ограничить влияние БРИКС, является серьезным вызовом. Санкции, торговые войны и дипломатическое давление могут подрывать единство и эффективность координации политики внутри объединения» [10]. Наиболее сильно это заметно ввремя дискуссий, которые затрагивают интересы третьих сторон.

Необходимо создавать повестку стратегического видения, что требует от стран БРИКС фокусировки на целях в долгосрочной перспективе. Имеет место быть создание рамочных документов для экономического взаимодействия на 10-15 лет с возможностью корректировки в связи с изменениями в международно-экономической конъюнктуре. Это обеспечило бы преемственность проектов вне зависимости от политической ситуации, а гибкий формат позволил бы оперативно отвечать на мировые изменения.

Таким образом, все указанные выше экономические форумы являются примерами институциональной устойчивости и механизмами координации торгово-инвестиционных стратегий в условиях многополярности. Они способствуют формированию альтернативных моделей глобального сотрудничества и управления, выступая в противовес западноцентричных институтов. Такие результаты экономических форумов как Новый банк развития или Пул валютных резервов подтверждает значимость таких площадок. Для повышения всеобъемлющего фактора в повестку могут быть включены цифровая трансформация и вопросы зелёной экономики. В условиях, в которых находится мир сейчас, а именно геoeкономический конфликты и глобальная перестройка мирового порядка, БРИКС сохраняет стратегическое значение как место выработки альтернативных подходов глобального управления, в частности в вопросах международного экономического сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления // Официальный сайт Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzL13Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Громько Ал. А. БРИКС – конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 24. С. 13–19.
3. Леонова О. Г. Расширение Бритгс и его геополитические последствия // Россия и современный мир. 2024. № 2 (123). С. 55–71.
4. Лю К.С., Ли С. Влияние стран БРИКС на экономическое развитие и политическую стабильность стран Глобального Юга: анализ стратегий и результатов // Теории и проблемы политических исследований. 2024. № 5. С. 47–57.
5. Курбатова Т. А., Мешкова Т. А. Роль Нового банка развития БРИКС в реализации совместных кооперационных проектов и антикризисном регулировании // Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России. Москва, 2020. С. 73–79.
6. Декларация саммита БРИКС в Уфе, 2015 // Официальный сайт Президент России. 2015. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf> (дата обращения: 01.04.2026).
7. Журавель В.П. Арктическая повестка Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2023) // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 196–207.
8. Прохин К. Боао – 2026: Азия в эпоху фрагментации // Россия в глобальной политике. 2026. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/boao-2026-prohin/> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Хасанов И.Ш. Методологические основы исследования мировой экономической дипломатии // Fundamental research. 2024. №11. С. 48–52.
10. Лю С.Ц. Механизмы координации политики между странами БРИКС // Теории и проблемы политических исследований. 2024. №11. С. 17–23.

**ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ**

**COVERAGE OF THE ISSUE OF RESTITUTION OF CULTURAL VALUES IN
THE MASS MEDIA OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY**

М.В. Коломиец,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

M.V. Kolomiets,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

e-mail: kolomiets.mary@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема реституции культурных ценностей в Федеративной Республике Германия и ее освещение в средствах массовой информации. Подчеркивается значимость реституции как механизма восстановления исторической справедливости и компенсации ущерба, нанесенного во время Второй мировой войны. На основе анализа публикаций ведущих немецких изданий (Frankfurter Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Die Zeit, Der Spiegel) за последние пять лет выявлены ключевые направления освещения темы: возвращение произведений искусства, конфискованных нацистами; деятельность музеев и архивов; судебные процессы; политические и общественные дискуссии. Отмечается, что немецкие СМИ уделяют внимание как конкретным случаям реституции, так и вопросам этики, международного сотрудничества и правового регулирования. Сделан вывод о возрастающей значимости проблемы в общественном сознании и стремлении средств массовой информации способствовать формированию объективного и комплексного взгляда на процесс реституции культурных ценностей.

Abstract. The article examines the problem of cultural property restitution in the Federal Republic of Germany and its coverage in the media. The importance of restitution as a mechanism for restoring historical justice and compensating for damage caused during the Second World War is emphasized. Based on the analysis of publications by leading German publications (Frankfurter Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Die Zeit, Der Spiegel) over the past five years, key areas of coverage of the topic have been identified: the return of works of art confiscated by the Nazis; the activities of museums and archives; lawsuits; political and public discussions. It is noted that the German media pay attention to specific cases of restitution, as well as issues of ethics, international cooperation and legal regulation. The conclusion is made about the increasing importance of the problem in the public consciousness and the desire of the media to promote the formation of an objective and comprehensive view of the process of cultural property restitution.

Ключевые слова: реституция, культурные ценности, Федеративная Республика Германия, средства массовой информации, Вторая мировая война, музеи

Key words: restitution, cultural values, the Federal Republic of Germany, mass media, World war II, museums

Термин «реституция» (от лат. «restitutio») относится к международной системе права. Понятие означает возвращение в натуре имущества (вещей), неправомерно захваченного и вывезенного одним из воюющих государств с территории другого государства, являвшегося его военным противником [1]. Реституция представляет собой одну из форм возмещения материального ущерба, поскольку она направлена на восстановление фактического положения (status quo), «которое существовало бы, если бы неправомерный акт не был совершен» [2].

Институт реституции в ФРГ появился уже после окончания Второй Мировой войны. Актуальность настоящей статьи обусловлена значимостью проблемы реституции культурных ценностей для культуры и общества Германии. В послевоенное время с немецкой земли победительниц было вывезено бесчисленное количество объектов искусства с немецкой земли. В настоящее время проблема реституции культурных ценностей волнует не только деятелей политики и культуры, но и широкие слои общества. Немецкие политики и работники культуры проводят активную работу по возвращению утраченных предметов роскоши и упрощению данной процедуры.

Целью настоящей статьи является анализ освещения вопроса культурных ценностей в Федеративной Республике Германия в средствах массовой информации.

В работе были применены следующие методы: описание, системный метод, статистический метод, концептуальный метод. В рамках данного исследования были проанализированы онлайн-версии следующих газет и журналов *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Süddeutsche Zeitung*, *Die Zeit*, *Der Spiegel* информации за последние 5 лет в период с 2020 по 2025 год на предмет наличия статей, связанных с проблемой реституции культурных ценностей.

Вторая Мировая война оставила неизгладимый след в мировой истории. В годы военных действий нацисты захватили и уничтожили большое количество культурных ценностей: были разграблены замки, библиотеки, музеи и частные коллекции, в частности, принадлежавшие евреям. Нацистское подразделение особого назначения ERR (*Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*) собрало сотни тысяч предметов искусства и миллионы книг, украденных у евреев и у других пострадавших. По окончании Второй Мировой войны немцы стали проводить тщательную работу по возвращению предметов роскоши: более чем за 50 лет в Германии было создано несколько общественных институтов, которые активно занимались распределением объектов искусства и поиском их законных владельцев. Несмотря на проделанную работу в немецких архивах и культурных учреждениях все еще содержатся предметы искусства, происхождение которых до сих пор не установлено. Подробная информация о местонахождении объектов не публикуется в открытых источниках: документы и акты, свидетельствующие о происхождении произведений искусства, находятся в федеральном архиве в Кобленце и в архивах земель. Известно, что в Баварских частных коллекциях и в музее Старая Пинотека в Мюнхене хранится около 200 конфискованных нацистами картин, в том числе работы Пауля Клее, Макса Бекмана и Пабло Пикассо, а также несколько картин из коллекции еврейского арт-дилера Альфреда Флехтхайма [3].

Средства массовой информации являются неотъемлемой частью современного общества и оказывают значительное влияние на жизнь каждого человека. Освещение проблемы реституции украденных во время Второй Мировой войны культурных ценностей призывает граждан еще больше обращать внимание на вопрос возвращения объектов культуры, так как поднимаются моральные и этические аспекты, связанные с восстановлением исторической справедливости.

За последние 5 лет было опубликовано большое количество различных статей на тему: «Реституция культурных ценностей в ФРГ». Результаты представлены в таблице 1. Всего было опубликовано 1320 статей. Стоит отметить, что в Таблице 1 указано количество статей за 6 месяцев 2025 года. Нельзя не отметить, что газеты *Süddeutsche Zeitung* и *Frankfurter Allgemeine Zeitung* опубликовали гораздо больше

материала по сравнению с остальными СМИ. Это связано с тем, что эти источники являются популярными не только в Германии, но и в других странах.

Таблица 1

Количество статей, опубликованных в период с 2020 по 2025 год

	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Der Spiegel	9	31	9	19	14	6	
Süddeutsche Zeitung	40	122	78	62	52	8	
Die Zeit	9	16	16	23	12	4	
FAZ	89	151	135	175	146	74	

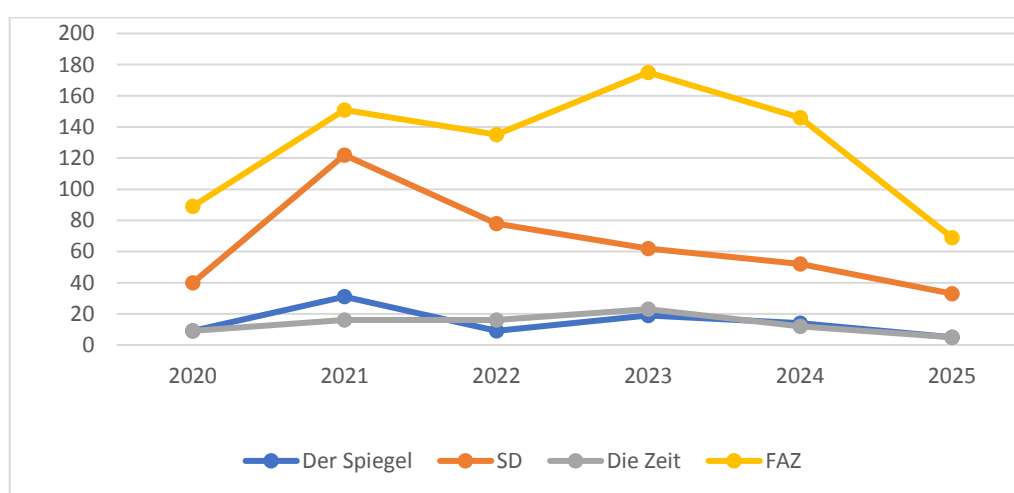

Рис. Количество публикаций во времени

На Графике 1 видно, что самое большое количество статей было опубликовано в 2021 году. В 2021 году в немецких СМИ широко освещалось решение властей о закреплении новых полномочий Консультативной комиссии по возвращению культурных ценностей, конфискованных в результате нацистских преследований, особенно еврейской собственности. Пересмотр полномочий связан с многолетним спором Баварских властей и наследников еврейского коллекционера Пауля фон Мендельсона-Бартольди о возврате картины Пабло Пикассо «Портрет мадам Солер» 1903 года. Этот спор до сих пор является темой статей 2025 года, например, статьи Süddeutsche Zeitung «*NS-Raubkunst in Bayern: Museumsethikoder Recht?*» («Награбленное нацистское искусство в Баварии: музейная этика или право?»): «*Zu den prominenten Kunstwerken, um die seit Jahren gestritten wird, zählen unter anderem das Gemälde „Madame Soler“ von Pablo Picasso, aber auch Werke von Max Beckmann und Paul Klee.*» («Среди выдающихся произведений искусства, о которых годами ведутся споры, — картина Пабло Пикассо “Мадам Солер”, а также работы Макса Бекмана и Пауля Клее.») [4].

При более подробном рассмотрении публикаций заметно, что вопрос реституции культурных ценностей освещается с разных сторон. В СМИ

публикуются новости о возвращении предметов искусства законным владельцам, как, например, в статье *Süddeutsche Zeitung* «Sächsische Bibliothekengeben NS-Raubgut zurück» («Саксонские библиотеки возвращают награбленное нацистами») рассматривает возврат 36 томов собрания еврейского писателя Пауля Фернана Еллинек-Мерседеса из Саксонии в рамках реституции нацистского имущества из 14 немецких библиотек и архивов [5]. Позднее, все книги можно будет официально приобрести в свои коллекции из библиотек Германии. Благодаря таким статьям подчеркивается важность проведения более тщательных исследований в рамках вопроса происхождения произведений искусства.

Следует отметить, что судебные процессы также являются одним из ключевых тем в немецком медиапространстве. В рамках этой подтемы рассматриваются аргументы сторон, заключения экспертов и решения судов, а также обсуждаются вопросы сроков давности. Например, статья *Der Spiegel* «Familie verliert ihr in der Nazizeit gekauft Grundstück» («Семья потеряет свой земельный участок, купленный во времена нацизма») [6] описывает решение Федерального административного суда Германии: суд постановил, что семья должна вернуть наследникам бывших собственников земельный участок. Хочется отметить, что статья также раскрывает юридические аспекты: после окончания Второй Мировой войны прошло около 85 лет, и судебные процессы продолжаются и решаются вопросы реституции. Такой случай подчёркивает, что государство несет историческую ответственность за содеянное перед жертвами нацизма.

В заключение, стоит подчеркнуть, что средства массовой информации ФРГ транслируют осознанный подход государства в решении проблемы реституции культурных ценностей: государство стремится ко всестороннему и объективному освещению этой темы. Публикуя новости, отчеты и аналитические материалы, интервью с экспертами общегосударственные СМИ охватывают тему реституции с различных сторон.

Особое внимание уделяется следующим подтемам: реституция конфискованного имущества; роль музеев и архивов в рамках реституции культурных ценностей, судебные процессы по вопросам реституции и др. Эти вопросы имеют важное значение для Германии, так как страна стремится к обеспечению справедливости в отношении к наследникам культурных объектов.

В формировании мнения общественности и предоставлении информации по теме реституции культурных ценностей такие федеральные издания как *Süddeutsche Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Der Spiegel*, *Die Zeit* и др.

Подводя итог, хочется еще раз обратить внимание на то, что информационное пространство в Германии в рамках вопросов реституции культурных ценностей характеризуется многосторонним подходом и к рассматриванию этой проблемы и стремлением к сохранению культурной идентичности. Немецкие журналисты в своих работах стараются отразить важность признания исторической ответственности Германии, поддержку справедливому разрешению дел о реституции и развитие международного сотрудничества в этой области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное право: словарь-справочник. М., 1997. С. 285
2. Международное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекяшева. 2-е изд. М., 1999. С. 622
3. Международное право: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2001. С. 104

4. Международное право: Учебник / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. С. 200.
5. Raubkunst-Skandal: Bayerische Staatsgemäldesammlungen verschleiern Herkunft von Gemälden // Süddeutschen Zeitung URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/ns-raubkunst-staatsgemaeldesammlung-muenchen-bayern-provenienz-picasso-kllee-beckmann-li.3205143?reduced=true> (дата обращения: 16.05.2025).
6. NS-Raubkunst in Bayern: Museumsethik oder Recht? // Süddeutsche Zeitung URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/museen-ns-raubkunst-in-bayern-museumsethik-oder-recht-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-250313-930-402600> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Sächsische Bibliotheken geben NS-Raubgut zurück // Süddeutschen Zeitung URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/provenienzforschung-saechsische-bibliotheken-geben-ns-raubgut-zurueck-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-250508-930-518049> (дата обращения: 24.05.2025).
8. Familie verliert ihr in der Nazizeit gekauftes Grundstück // Der Spiegel URL: <https://www.spiegel.de/panorama/wandlitz-bei-berlin-familie-verliert-ihr-in-der-nazizeit-gekauft-grundstueck-a-062529c0-029b-41cd-9fab-6492d57b1ec0> (дата обращения: 16.04.2025).
9. История реституции культурных ценностей // Молодой ученый. – 2025. – URL: <https://moluch.ru/archive/498/109333/> (дата обращения: 25.05.2025).
10. Ушаков Н.А. Международное право: Учебник. М., 2000. С. 142
11. Челядина А.С. Международная реституция культурных ценностей // Форум молодых ученых. – 2020. – № 3. – С. 391-399.
12. FAZ // URL: <https://fazarchiv.faz.net/faz-portal/fazarchiv?q=Restitution&source=&max=30&sort=&offset=0&&ts=1747894927462#hitlist> (дата обращения: 16.04.2025).

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ
«МЯГКОЙ СИЛЫ»**

INTERNATIONAL TOURISM AS A TOOL OF "SOFT POWER"

Е. А. Колоскова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

E. A. Koloskova,

Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: koloskovae93@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена использованию международного туризма как одного из инструментов «мягкой силы» в современных международных отношениях. В работе рассматривается развитие концепции «мягкой силы», ее взаимосвязь с публичной дипломатией и формированием национального бренда государства. Особое внимание уделяется роли туризма как институционализированного канала трансляции нематериального влияния и ключевого механизма закрепления национального бренда в международном общественном сознании путем приобретения личного опыта. Также анализируется взаимосвязь развития туризма и продвижения внешнеполитических интересов государства. Статья указывает и делает особый акцент на комплексном рассмотрении явления международного туризма как связующего элемента между «мягкой силой», публичной дипломатией и национальным брендом государства, которое выходит за рамки экономической деятельности в условиях глобализации.

Abstract. This article focuses on the use of international tourism as a tool of soft power in modern international relations. It explores the development of the concept of soft power, its relationship with public diplomacy, and the formation of a nation's brand. The article emphasizes the role of tourism as an institutionalized channel for transmitting intangible influence and a key mechanism for establishing a nation's brand in the international public consciousness through personal experiences. It also analyzes the interconnection between the development of tourism and the promotion of a nation's foreign policy interests. The article points out and emphasizes the comprehensive consideration of the phenomenon of international tourism as a link between soft power, public diplomacy, and the national brand of a state that goes beyond economic activities in a globalized world.

Ключевые слова: международный туризм, мягкая сила, публичная дипломатия, национальный бренд, имидж государства, межкультурная коммуникация

Key words: international tourism, soft power, public diplomacy, national brand, state image, intercultural communication

В условиях глобализации и перехода общества на новый, информационный этап развития применение традиционной «жесткой силы», включающей насильственные методы влияния, постепенно замещаются более гибкими инструментами продвижения интересов. Этот переход особенно актуален в эпоху информационных войн, где доминирующую роль начинает играть способность формировать привлекательный образ и влиять на общественное мнение [1]. В частности, развитие транспортных сетей и цифровизация дали больше возможностей населению получать знания о других государствах и самостоятельно их посещать. В этом контексте международный туризм позволяет государствам достаточно эффективно формировать устойчивые связи с другими странами через культурный обмен и формирование международного имиджа. Это позволяет рассматривать его как один из ключевых инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Термин «мягкая сила» был впервые введен американским политологом Джозефом Наем в конце 1980-х годов. В своих исследованиях он противопоставлял так называемую «мягкую силу» традиционной «жесткой». Дж. Най утверждал, что в отличие от классических способов принуждения в международных отношениях, «мягкая сила» основывается не на применении угроз, а на способности добиваться желаемых результатов путем привлечения и убеждения, симпатии и добровольного участия [2].

К основным ресурсам «мягкой силы» можно отнести: культуру и культурное наследие, политические ценности, внешнюю политику, воспринимаемую как морально оправданную [3]. Однако, следует подчеркнуть, что исключительно наличие ресурсов «мягкой силы» автоматически не предполагает повышение имиджа страны, получения признания и повышения роли государства на международной арене. Наиболее важным аспектом становится способность задействовать те или иные ресурсы для получения результатов. В современном мире значительно расширились возможности для эффективного применения ресурсов «мягкой силы». Это обусловлено, в частности, развитием информационных технологий, цифровых коммуникаций и средств массовой информации, обеспечивающих более широкое и ускоренное распространение культурных, идеологических и политических ценностей. В связи с этим потенциал «мягкой силы» как инструмента влияния в международных отношениях остается высоким, а способы ее применения расширяются.

Более того, концепция «мягкой силы» указывает и на необходимость институционализированных механизмов трансляции ее ресурсов, так как в случае их отсутствия потенциал «мягкой силы» реализовать невозможно. Аналогичную точку зрения высказывает и Саймон Анхольт, разработавший концепцию национального бренда государства, который занимает позицию того, что международный имидж формируется через совокупность взаимосвязанных практик, опыта и действий [4].

Механизмом применения ресурсов мягкой силы могут стать инструменты публичной дипломатии. Ее главное отличие от классической – направленность на взаимодействие с зарубежными обществами, что включает формирование общественного мнения, установление доверительных отношений. В современном обществе инструменты публичной дипломатии, в основном включают, культурные и образовательные обмены, различные мероприятия, формирующие имиджа государства. В этой связи публичная дипломатия выступает каналом трансляции национального бренда на международной арене [5].

В свою очередь, национальный бренд является логическим продолжением упомянутых выше концепций. Сам термин, разработанный С. Анхольтом, объясняется как совокупность восприятия, ассоциаций и репутации государства, основывающихся на реальных ресурсах государства, а не исключительно за счет рекламных кампаний. В этом контексте национальный бренд можно рассматривать как результат применения «мягкой силы» [4].

Обобщая вышесказанное можно сказать, что термин «мягкая сила» описывает сам процесс нематериального влияния, публичная дипломатия является его инструментом, а национальный бренд закрепляет результат в общественном сознании.

Одним из наиболее эффективных инструментом «мягкой силы» выступает международный туризм [6]. Он уже занимает устойчивую позицию в системе мировой экономики, обеспечивая миллионы рабочих мест, развивая национальные

экономики, являясь неотъемлемой частью мирового рынка услуг. Так, доля туризма в мировом ВВП составила 10,3% (11,7 триллионов долларов) за 2025 год [7]. Развитие туристического сектора стимулирует рост сопутствующих отраслей, улучшает социально-экономические условия и способствует расширению международной мобильности.

Именно на подобном экономическом базисе возникает тесная взаимосвязь туризма с политической сферой. Например, посещая непризнанную страну, путешественники фактически и юридически, пересекая границы, признают политическую независимость посещаемого государства, формируя общественное мнение, помогая предотвратить международные конфликты и найти пути к их мирному разрешению [8]. С другой стороны, политика напрямую определяет туристические потоки: санкции, визовые ограничения непосредственно отражаются на объеме и направлениях туризма, что ярко иллюстрирует использование этой отрасли как инструмента внешнеполитического давления [9].

Можно сделать вывод, что взаимосвязь туризма и политической сферы становится очевидной. Так, формируя позитивное восприятие страны у иностранной аудитории, туризм становится каналом трансляции культурных и политических ценностей, в то время как политическая стабильность государства воздействует на туристические потоки [9]. Более того, туризм создает возможности для межкультурного общения и преодоления стереотипов, что способствует росту доверия между народами. Туризм помогает укрепить диалог и культурный обмен на самых разных уровнях, создавая эмоциональную связь и личный опыт. Он производит экспорт духовных ценностей, способствующих изменению мировоззрения, восприятия тех или иных политических событий, культуры и образа жизни населения принимающего государства.

Таким образом, будучи инструментом «мягкой силы», туризм становится одной из причин изменения имиджа государства на мировой арене, когда личные впечатления путешественников становятся ключевым компонентом публичной дипломатии. В этой роли туризм объединяет такие концепции как брендинг страны, её имидж и культурную дипломатию [6].

Формирование позитивного имиджа через туризм осуществляется в нескольких направлениях:

- Напрямую через взаимодействие туристов с национальной культурой.
- Посредством уникального опыта путешествия, где важную роль играет эмоциональный фактор.
- Вследствие потребления высококачественных услуг в сфере гостеприимства и сервиса.

В этом случае туризм становится своеобразным каналом трансляции культурного наследия, стиля жизни, уникальных традиций, идентичности той или иной страны, помогая в формировании национального бренда государства.

Следуя концепции национального бренда, ключевым фактором формирования устойчивых репутационных представлений является именно личный опыт иностранных граждан. Так, туризм становится связующим звеном между «мягкой силой», публичной дипломатией и национальным брендом, реализуя их практическую взаимосвязь [4].

Одним из примеров успешного формирования национально бренда может служить Великобритания. Согласно проведенному в 2025 году исследованию Anholt Nation Brands Index, национальный бренд Великобритании занимает 6 место среди

мировых держав. Развитие бренда и туризма в Великобритании ведётся на институциональном уровне: агентство VisitBritain координирует стратегические усилия по продвижению страны как туристического направления. Большое значение имеет международная рекламная кампания «GREAT Britain». Она не только продвигает страну, но, что более важно, выстраивает связную историю бренда и имиджа, объединяя различные аспекты от образования и инноваций до культуры и наследия. Таким образом, эта кампания становится ядром имиджевой политики страны [10].

Подобная стратегия формирования национального бренда Великобритании, представляющая собой комплекс мер, направленных на повышение международного имиджа страны, стала одной из причин высокого развития и умелого применения инструментов «мягкой силы», укрепляя ее позиции в глобальном сообществе. Так, согласно исследованию «Global Soft Power Index» международной компании Brand Finance Великобритания занимает 3 место по уровню применения «мягкой силы» [11].

Следовательно, можно утверждать, что в современных условиях туризм становится не просто отраслью экономики и развлечением, но и важным инструментом публичной дипломатии, способствующим межкультурному диалогу и укреплению международных связей на основе личного опыта путешественников, непосредственно влияя на позиции государств в глобальном сообществе.

С другой стороны, для развивающихся государств туризм выполняет значимую функцию в качестве стратегического инструмента международного позиционирования и создания привлекательного образа, не являясь исключительно источником дохода, так как развивающимся государствам особенно необходимо иметь возможность укрепления глобального присутствия без прямого геополитического давления.

Примером использования такой тактики могут служить Объединенные Арабские Эмираты. В этом государстве международный туризм рассматривается в качестве одного из направлений устойчивого развития страны.

Ключевым этапом в развитии стратегической политики в области туризма и «мягкой силы» стало проведение Всемирной выставки «Экспо-2020» в Дубае. Это событие стало первым проведенным мероприятием такого типа в регионе Ближнего Востока. В выставке приняли участие более 24 миллионов посетителей из 192 стран. Событие такого масштаба необходимо рассматривать, в первую очередь, как долгосрочную инвестицию в репутацию ОАЭ, которая способствует продвижению интересов государства в глобальной политике [12].

Таким образом, опыт ОАЭ показывает, что туризм в условиях глобализации делает стремительные шаги на пути к становлению не только отраслью экономики, но и эффективным инструментом внешней политики. Создавая культурные и имиджевые нарративы, государство увеличивает свою власть в глобальной системе, обеспечивая при этом устойчивое развитие внутри государства. Несмотря на то, что история развития международного туризма имеет более краткую историю в сравнении с развитыми государствами [13].

Подводя итоги, можно утверждать, что «мягкая сила» все чаще используется государствами для достижения внешнеполитических целей. Туризм в этом контексте выступает в роли одного из важнейших инструментов, имея высокую эффективность в области публичной дипломатии и формировании национального имиджа и выходя далеко за рамки экономической деятельности. Условия

международного туризма в том или ином государстве имеют значительный потенциал для влияния на восприятие иностранных гражданами, которые, в свою очередь, формируют общественное мнение, укрепляют доверие на международном уровне.

Будучи мультидисциплинарным феноменом, туризм затрагивает экономическую, культурную, политическую сферу общества, связывая их в единую систему, посредством формирования универсального канала трансляции идей, ценностей и норм принимающей страны. Прекрасно справляясь с ролью инструмента публичной дипломатии, туризм позволяет государствам практически напрямую взаимодействовать с зарубежными обществами, предоставляя возможность получить личный эмоциональный опыт и создать прочные ассоциации, благоприятные для имиджа страны. В свою очередь развитие туристической политики можно рассматривать как важное направление внешнеполитической стратегии государства в условиях конкуренции и информационного противоборства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Овсянникова А.С., Матвеевская А.С. Международный туризм как инструмент межкультурных коммуникаций // Международные отношения в глобальном измерении: сб. науч. Тр. по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. А.С. Матвеевской. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. – Вып. 9. – с. 407- 412
2. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
3. Наумова А. О., Белоусова М. В., Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Ная: от рождения идеи до наших дней // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 2. С. 3–23.
4. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / S. Anholt. – Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p.
5. Лебедева М. М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 8–20.
6. Матвеевская А. С., Евсеев В. В., Погодин С. Н. Международный туризм как фактор продвижения внешнеполитических интересов государства. — СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023. — 128 с.
7. Global tourism hits record GDP in 2025 tells WTTC // Travelmole URL: <https://www.travelmole.com/news/wttc-global-tourism-record-economic-impact-2025/> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Черевичко Т. В. Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, №2. С. 214–218.
9. Александрова А. Ю., Шипугина М. В., Применение концепции умной силы в развитии международного туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: труды XV Международной научно-практической конференции, Тверь, 9–11 апр. 2020 г.– Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 57–65.
10. How the world views the UK. Anholt Nation Brands Index 2025 / VisitBritain URL: <https://www.visitbritain.org/media/5314/download?attachment> (дата обращения: 20.01.2026).
11. Global Soft Power Index 2025: The shifting balance of global Soft Power // Brand Finance URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2025-the-shifting-balance-of-global-soft-power> (дата обращения: 20.01.2026).
12. Expo 2020 Dubai / ExpoMuseum. URL: <https://www.expomuseum.com/expo-2020-dubai> (дата обращения: 19.01.2026).
13. World Tourism Barometer: January (Excerpt) / World Tourism Organization (UNWTO). URL: https://pre-webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2025-01/UNWTO_Barom25_01_January_EXCERPT_v3.pdf?VersionId=AzILN6U4VW.RbM2oMF2DBpGQr eisL4Xa (дата обращения: 19.01.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕЖИМА К ФРАГМЕНТАЦИИ

EVOLUTION OF INTERNET GOVERNANCE ARCHITECTURE FROM TECHNICAL MODE TO FRAGMENTATION

П. А. Макаревич,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

P. A. Makarevich,

St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: st119894@student.spbu.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация подходов к глобальному управлению Интернетом в контексте эволюции международных отношений. Анализирует переход от Вестфальской модели государственного суверенитета к полицентричной системе глобального управления, в которой ключевую роль начинают играть негосударственные акторы. Особое внимание уделяется специфике цифровой среды как объекта регулирования, ее трансграничной природе и возникающему, в связи с этим конфликту между глобальными бизнес-моделями и стремлением государств к цифровому суверенитету. Однако попытки государств проецировать свою власть на цифровое пространство через механизмы суверенитета приводят к нормативной и инфраструктурной фрагментации, ставя под вопрос существование единого глобального цифрового пространства.

Abstract. The article examines the transformation of approaches to global Internet governance in the context of the evolution of international relations. It analyzes the transition from the Westphalian model of state sovereignty to a polycentric system of global governance, in which non-state actors begin to play a key role. Special attention is paid to the specifics of the digital environment as an object of regulation, its cross-border nature, and the resulting conflict between global business models and the desire of states for digital sovereignty. However, attempts by states to project their power into the digital space through mechanisms of sovereignty lead to regulatory and infrastructural fragmentation, challenging the existence of a unified global digital space.

Ключевые слова: управление интернетом, фрагментация, цифровой суверенитет, технический режим, цифровизация

Key words: internet governance, fragmentation, digital sovereignty, technical mode, digitalization

После завершения холодной войны в мировой политике наметился переход к менее централизованным формам координации. Это было обусловлено тем, что масштаб и характер проблем в глобализирующемся мире (таких как изменение климата, кибербезопасность или пандемии) начали превосходить возможности отдельных национальных государств, решающих их традиционными методами. В результате и сама международная политика стала приобретать глобализированный характер. К рубежу XX–XXI веков в политической науке оформился соответствующий концепт — «глобальное управление», который с 1990-х годов прочно вошел в научный и экспертный дискурс.

Знаковым событием в становлении теории глобального управления стала публикация в 1992 году работы Джеймса Н. Розенау и Эрнста-Отто Чемпиэля «Управление без правительства: порядок и перемены в мировой политике» [1], хотя сам термин в ней прямо не фигурировал. Активная концептуальная разработка темы

началась с началом выпуска в 1995 году специализированного журнала «Global Governance». В первом номере Дж. Розенау предложил понимать глобальное управление как «систему управления на всех уровнях человеческой деятельности — от семьи до международной организации, — в которой достижение целей через осуществление контроля имеет транснациональные последствия» [2, с. 13]. Это определение акцентировало инклюзивность и многоуровневый характер управления, заложив основу для дальнейшего анализа взаимодействия различных акторов в транснациональном пространстве.

В более узком смысле глобальное управление можно трактовать как процесс формирования норм, правил и институтов, предназначенных для регулирования вопросов, выходящих за рамки одного государства. Эти правила могут адресоваться как государствам, так и негосударственным акторам. Ключевая особенность такого управления заключается в том, что оно осуществляется при отсутствии верховной мировой власти, наделенной легитимным правом принуждения. Как отмечал Лоуренс Финкельштейн, глобальное управление «осуществляет регулирование без суверенной власти в сфере отношений, пересекающих национальные границы. Оно делает на международном уровне то, что правительства делают внутри стран» [3, с. 369]. Данная концепция принципиально отличается от иерархического государственного управления, представляя собой сетевую модель координации, возникновение которой стало прямым ответом на ограниченность традиционных межправительственных подходов в условиях глобализации. Таким образом, глобальное управление представляет собой феномен полицентричной координации, в который вовлечено множество государственных и негосударственных субъектов. Оно охватывает комплекс институтов, идей и процедур, направленных на решение транснациональных проблем.

Истоки осмысления организованного взаимодействия в международной сфере можно отнести к Вестфальской системе, сложившейся после 1648 года, которую можно считать первой исторической моделью глобального (в тогдашнем понимании) управления. В этой парадигме единственными легитимными акторами выступали суверенные государства, а мировой порядок понимался как результат их взаимодействия, будь то через дипломатию, союзы или конфликты [4, с. 101]. Управление глобальными процессами, таким образом, сводилось к межправительственным соглашениям и деятельности созданных государствами международных организаций, где каждое государство отстаивало свои национальные интересы в рамках четко очерченной системы.

Однако процессы глобализации, а впоследствии и цифровизации, спустя несколько столетий подвергли эту жесткую иерархическую модель существенной трансформации. Возникновение в конце XX – начале XXI вв. транснациональных вызовов, таких как изменение климата, финансовые кризисы или киберугрозы, продемонстрировало неспособность отдельных государств эффективно решать проблемы, игнорирующие политические границы. Это привело к становлению концепций многоуровневого и полицентричного управления. В этих моделях управленческие функции распределяются между различными уровнями (национальным, региональным, глобальным) и множеством центров принятия решений. Ключевым изменением стало признание роли негосударственных акторов: международных организаций, транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций и глобальных сетей гражданского общества [5].

При таких условиях современное глобальное управление представляет собой сложную, подвижную и зачастую конфликтную сеть взаимодействий, где государственный суверенитет больше не является абсолютным, а постоянно оспаривается в ходе сотрудничества и конкуренции с другими центрами силы.

Эта фундаментальная эволюция создала ключевую предпосылку для феномена фрагментированной глобализации. Усложнение архитектуры управления, умножение числа влиятельных акторов с разными, зачастую противоречащими друг другу интересами, закономерно ведет к дроблению единых правил и норм, а процесс принятия решений становится более децентрализованным. Государства, стремясь сохранить контроль в условиях этой новой сетевой реальности, вынуждены одновременно интегрироваться в глобальные структуры (например, в вопросы регулирования Интернета) и проводить политику, направленную на защиту своих интересов, что усиливает дезинтеграционные тенденции [6, с. 87]. Следовательно, переход от вестфальской к сетевой модели не отменил значение государства, но поместил его в среду, где его суверенная воля постоянно сталкивается с влиянием других мощных игроков. Это столкновение делает фрагментацию характеристикой, присущей всей системе глобального управления, особенно ярко проявляющейся в плохо поддающемся традиционному регулированию цифровом пространстве.

Идеализированная модель глобального интернета как пространства без границ, доминировавшая в общественном и экспертном дискурсе 1990–2000-х годов, в настоящее время утратила свою актуальность. Так один из ведущих мировых форумов — Форум по управлению интернетом ООН, прошедший в 2022 году в Эфиопии, — был в значительной степени посвящён проблеме фрагментации глобальной сети. В ходе дискуссий эксперты структурировали эту проблему, также указав на фрагментацию в данном пространстве и выделив три её основных уровня: государственный (политико-правовой), корпоративный (уровень технологических платформ) и пользовательский [7, с. 21]. Это наглядно свидетельствует о смещении ключевых тем в международной повестке, рассматривающих ранее Интернет как единое пространство, способствующее дальнейшему развитию процессов глобализации и выработке единого подхода по регулированию цифрового пространства в целом.

Цифровая среда является совершенно новым объектом в сфере глобального управления, поскольку ее базовые характеристики идут вразрез устоявшимся механизмам государственного суверенитета. Так, цифровая среда фактически игнорирует государственные границы, а информационные потоки, финансовые транзакции и социальные коммуникации перемещаются по сети без пересечения видимых физических рубежей. Подобная трансграничность ведет к падению эффективности традиционных попыток контроля и регуляции, поскольку государство оказывается в ситуации, когда субъект, оказывающий влияние на отдельные внутрисполитические аспекты, может находиться под юрисдикцией другого государства. В результате этого государства, стремясь восстановить контроль, проецируют свою власть на цифровые активы и создают онлайн-границы. По сути, это является составляющей политики цифрового суверенитета, которая, в виду своего разнообразия, ведет к фрагментации единого сетевого пространства на национальные сегменты.

Однако стоит отметить, что управление цифровым пространством невозможно без контроля над его материальной основой, то есть критической

инфраструктурой, к которой принято относить подводные кабели, центры обработки данных (ЦОДы), спутниковые группировки и узлы связи [8, с. 43]. Тем не менее, распределение подобной инфраструктуры несёт геополитическую значимость, поскольку обладание ключевыми узлами и магистралями связи дает стране рычаг влияния. Поэтому тот факт, что эти объекты зачастую принадлежат и управляются частными ТНК, вызывает сомнения: жизненно важная для национальной безопасности и экономики инфраструктура находится вне прямого государственного управления. В качестве ответа на это государства ужесточают правила регулирования деятельности частных владельцев, тем самым порождая конкуренцию за технологическое лидерство (например, в сетях 5G, ИИ или квантовых вычислениях). Опасения относительно иностранного оборудования (как в случае с Huawei и ZTE в Европейском Союзе) также являются яркими примерами того, как инфраструктурный вопрос становится полем битвы за суверенитет, лишь усугубляя фрагментацию технологических стандартов и рынков.

Центральным активом цифровой эпохи также являются данные. Однако данные, в отличие от материальных ресурсов, могут копироваться и анализироваться в реальном времени, их ценность возрастает при масштабировании, что порождает конфликт между глобальной бизнес-моделью технологических платформ, основанной на свободном трансграничном сборе и использовании данных, и стремлением государств защитить приватность своих граждан, обеспечить национальную безопасность и поддержать конкурентоспособность своих компаний. Регулирование данных (например, GDPR в ЕС) является выражением цифрового суверенитета, устанавливающего правила игры на своей «цифровой территории». Различие в подходах к регулированию данных (либеральный в США, закрытый в Китае, основанный на правах человека в ЕС [9]) создает так называемую «нормативную фрагментацию», вынуждая глобальные компании адаптировать свои услуги под разные, зачастую несовместимые юрисдикции, что фактически дробит глобальное цифровое пространство.

Перечисленные особенности цифровой среды — её трансграничность, зависимость от глобальной инфраструктуры и центральная роль данных — не просто создают технические сложности, но и формируют фундаментальный вызов принципам традиционного управления. В условиях, когда традиционные механизмы суверенитета оказываются неэффективными, государства вынуждены изобретать и внедрять новые формы контроля, обобщённые в концепции цифрового суверенитета. Однако поскольку эти усилия предпринимаются множеством акторов асинхронно и исходя из разных интересов, их совокупным результатом становится не усиление единого глобального управления, а его фрагментация. Это, в свою очередь, порождает вопрос о том, кто и на каких основаниях должен устанавливать правила в цифровом пространстве.

Регулирование Интернета, которое во многом является способом найти ответы на вопросы выше, может осуществляться на различных уровнях: от локального до глобального, в зависимости от особенностей того или иного аспекта регулирования. Однако транснациональная природа сети актуализирует необходимость глобального регулирования. Это особенно актуально для сфер, выходящих за пределы отдельных государств, таких как защита интеллектуальной собственности в цифровой среде, обеспечение трансграничной кибербезопасности, противодействие спаму, защита прав потребителей в онлайн-торговле и

регулирование потоков персональных данных [7, с. 38]. Решение подобных проблем требует согласованных международных подходов, так как фрагментированное национальное регулирование не только снижает эффективность, но и может создавать конфликты юрисдикций, подрывая целостность глобальной сети.

Тем не менее, до окончательного закрепления основных принципов глобального управления Интернетом можно выделить несколько ключевых этапов в развитии данного процесса, каждый из которых характеризовался доминированием определённых акторов и специфическими подходами к регулированию [10]. Первоначальный этап, условно называемый «техническим режимом», охватывал период до середины 1990-х годов. Управление Интернетом в этот период было децентрализованным и осуществлялось преимущественно сообществом инженеров и исследователей. Изначально развивавшийся под эгидой Министерства обороны США проект быстро вышел из-под исключительно военного контроля. Архитектура сети формировалась под влиянием академической среды, что заложило принципы открытости и распределённости, а ключевые протоколы и стандарты разрабатывались на основе консенсуса технических специалистов.

Следующий этап, обозначаемый как период институционализации, был связан с коммерциализацией Сети и необходимостью управления критической инфраструктурой, прежде всего системой доменных имён (DNS). В 1998 году была создана Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN), которая находилась под контролем США и являла собой попытку придать неформальным механизмам четкую организационную структуру. Однако данная мера рассматривалась большей частью международного сообщества как монополизация Штатами цифрового пространства [11], что привело к запросу на интернационализацию управления глобальной сетью.

Третий этап берет свое начало в 2000-ых гг. и характеризуется обострением дебатов о будущем управления Интернетом. Особенно заметной стала борьба между двумя подходами на Всемирном саммите по информационному обществу (2003-2005 гг.) [12]. В то время как США и их союзники отстаивали модель многосторонних заинтересованных сторон (multistakeholder), страны БРИКС наряду с другими странами Глобального Юга поддерживали модель межправительственного управления Интернетом. Компромиссным результатом стало создание Форума по управлению Интернетом (ФУИ) как консультативной площадки для диалога всех сторон.

Именно на данном этапе фундаментальная роль международного уровня в архитектуре управления Интернетом была институционально закреплена в «Тунисской программе для информационного общества» [13], которая сформулировала ориентиры и принципы для глобального режима управления Интернетом. В Программе подчёркивается необходимость развития многостороннего, прозрачного и демократичного подхода с участием всех заинтересованных сторон — государств, частного сектора, гражданского общества и технического сообщества. Этот документ зафиксировал компромисс между различными видениями будущего Сети, легитимизировав диалог на многосторонних площадках, таких как Форум по управлению Интернетом (ФУИ), и признав ведущую роль ООН в координации международных усилий.

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время формируется четвёртый этап, протекающий в условиях утверждающейся многополярной системы

международных отношений. Управление Интернетом всё теснее связывается с вопросами национального суверенитета, международной информационной безопасности и регулирования новых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект. В свою очередь, глобальное регулирование Интернета в современных условиях представляет собой взаимодействие национального суверенитета и глобальной координации, где международные меры и согласованные «правила игры» являются необходимым условием для устойчивого и безопасного развития цифрового пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Rosenau J.N. Governance, order, and change in world politics // *Governance Without Government: Order and Change in World Politics* / Rosenau J., Czempiel, E.O. (eds). New York: Cambridge University Press, 1992, p. 1-29.
2. Rosenau J.N. Governance in the Twenty-first Century // *Global Governance*. 1995, vol. 1, № 1, p. 13-43.
3. Finkelstein L.S. What Is Global Governance? // *Global Governance*. 1995, vol. 1, № 3, p. 367-372.
4. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // *Век глобализации*. – 2018. – № 3 (27). – С. 95-105
5. Чжу В. Модель глобального управления в условиях глобализации // *Казачество*. 2024. №74 (1). С. 233-240 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-globalnogo-upravleniya-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Камышанов В.И. Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию: фактор идентичности // *Дискурс-Пи*. 2021. № 1 (42). С. 78-90 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentatsiya-globalizatsii-kak-vyzov-ustoychivomu-razvitiyu-faktor-identichnosti> (дата обращения: 11.03.2026).
7. Зиновьева Е.С., Игнатов А.А., Уланов А.А., Сидоренко Э.Л., Сытник А.В., Базлуцкая М.М., Силаев Н.Ю., Таран В.Е., Яникеева И.О.; под редакцией Зиновьевой Е.С. *Международное управление Интернетом*. – М.: 2025 – 188 с.
8. Jiang, M., Belli, L. (2025) *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance* // Cambridge: Cambridge University Press (Communication, Society and Politics). 282 p.
9. Регулирование больших данных // Ассоциация больших данных URL: https://rubda.ru/association_news/regulirovanie-bolshih-dannyh/ (дата обращения: 11.03.2026).
10. Hofmann J. Internet Governance: A Regulative Idea in Flux // *Social Science Research Centre* – Berlin, 2005 URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2327121 (дата обращения: 11.03.2026).
11. Council of the European Union and the European Commission. Reply of the European Community and its Member States to the US Green Paper – 1998. Цит. по Hofmann J. *Internet Governance: A Regulative Idea in Flux* // *Social Science Research Centre* – Berlin, 2005 URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2327121 (дата обращения: 11.03.2026).
12. Сборник основных документов, принятых на Всемирном Саммите по информационному обществу 2003-2005 гг., а также разработанных в процессе его подготовки URL: <https://www.ifap.ru/library/book193.pdf> (дата обращения: 11.03.2026).
13. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R. Тунисская программа для информационного общества – 18 ноября 2005 года .

РАЗДЕЛ III. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 341.433

ГЕРМАНИЯ КАК "МОТОР" ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ: РОЛЬ БЕРЛИНА В ПРИНЯТИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ДИРЕКТИВЫ ЕС О ВРЕМЕННОЙ ЗАЩИТЕ

GERMANY AS THE ENGINE OF EUROPEAN SOLIDARITY: BERLIN'S ROLE IN THE ADOPTION AND IMPLEMENTATION OF THE EU DIRECTIVE ON TEMPORARY PROTECTION

А.Г. Живилова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Anna G. Zhivilova,

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
(Saint Petresburg, Russia)

E-mail: annazhivilova@gmail.com

Аннотация. Целью данного исследования является всесторонний анализ роли Германии как ключевого «мотора» европейской солидарности в контексте миграционной политики Европейского союза. Особое внимание уделяется влиянию Берлина на принятие и реализацию директивы ЕС 2001 / 55/ЕС о временной защите, введенной в ответ на массовое перемещение украинских беженцев после 2022 года. Исследование ставит перед собой следующие задачи: изучить исторический контекст и причины бездействия Директивы о временной защите с 2001-го по 2022 год; проанализировать влияние миграционного кризиса 2015-го – 2016-го годов на формирование стратегии Германии в 2022-м году; выявить факторы, мотивы и этапы эволюции позиции Германии от сдержанности к лидерству в активации директивы; определить конкретные дипломатические и внутриполитические меры, предпринятые Берлином для достижения консенсуса в ЕС; оценить результаты и вызовы реализации Директивы о временной защите для Германии и Европейского союза в целом. Результаты исследования показали, что благодаря активной дипломатии и координации с партнёрами, Германия успешно инициировала активацию директивы, оптимизировала процессы приема беженцев и внесла вклад в укрепление солидарности ЕС.

Annotation. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the role of Germany as a key "engine" of European solidarity in the context of the migration policy of the European Union. Special attention is paid to Berlin's influence on the adoption and implementation of the EU Directive 2001/55/EC on temporary protection, introduced in response to the mass displacement of Ukrainian refugees after 2022. The study aims to examine the historical context and the reasons for the inaction of the Temporary Protection Directive from 2001 to 2022.; to analyze the impact of the migration crisis of 2015 and 2016 on the formation of strategy in Germany in 2022; to identify the factors, motives and stages of the evolution of Germany's position from restraint to leadership in activating the directive; to identify specific diplomatic and domestic political measures taken by Berlin to achieve consensus in the EU; to assess the results and challenges of implementation Temporary Protection Directive for Germany and the European Union as a whole. The results of the study showed that, thanks to active diplomacy and coordination with partners, Germany successfully initiated the activation of the directive, optimized refugee admission processes and contributed to strengthening EU solidarity.

Ключевые слова: Германия, Европейский союз, Директива о временной защите, европейская солидарность, миграционная политика, беженцы, кризис, лидерство

Key words: Germany, European Union, Temporary Protection Directive, European solidarity, migration policy, refugees, crisis, leadership

Европейский союз на протяжении долгого времени сталкивается с проблемой выработки единого эффективного ответа на миграционные кризисы. Правовой основой для реагирования на массовый приток беженцев с 2001 года является Директива «О минимальных стандартах временной защиты». Однако более двух десятилетий она оставалась не востребованной из-за политических и процедурных барьеров, главным из которых были согласие квалифицированного большинства в Совете ЕС, а также опасения стран-членов потерять контроль над миграцией. Таким образом, возникла необходимость преодолеть кризис доверия, чтобы обеспечить скоординированную и справедливую реакцию на новый масштабный приток беженцев из Украины.

Объектом исследования является миграционная политика Европейского союза в контексте массового перемещения лиц из Украины после февраля 2022 г.

Предметом исследования является политическая и дипломатическая стратегия Германии, направленная на активацию Директивы ЕС о временной защите и национальные меры по её реализации, а также их последствия для ФРГ и ЕС в целом.

В 2001 году в качестве реакции на кризис на Балканах была принята Директива ЕС «О минимальных стандартах временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц» для оперативного предоставления временной защиты при массовом притоке беженцев. Но более чем за 20 лет она не применялась из-за различных процедурных и политических барьеров, ведь для ее активации требовалось согласие квалифицированного большинства в Совете ЕС. Страны опасались утраты контроля над миграцией, поэтому к 2022 году директива оставалась не до конца проверенным правовым инструментом [1].

После февраля 2022 года Германия сыграла роль “мотора” европейской солидарности в реализации данной Директивы о временной защите беженцев из Украины путем консолидации стран ЕС для справедливого распределения ответственности и поддержки для украинских беженцев, временный статус которых включает право на проживание, доступ к рынку труда, образование и медицинское обслуживание [2].

В результате активации директивы Германия внедрила национальные меры по приему и поддержке беженцев, а также разработала упрощенные процедуры регистрации и предоставления временного статуса, что в свою очередь обеспечило координацию с другими странами ЕС для обмена информацией по контролю миграционных потоков. Германия выступила ключевым инициатором и координатором усилий по распределению украинских беженцев, большая часть которых была зарегистрирована именно в Германии [3]. По данным ООН, общее число украинских беженцев, прибывших в Европу, измеряется миллионами, что подчеркивает масштаб перемещений [4]. К 2024 году их число оставалось значимым, фиксируя устойчивый характер миграции [5].

Таблица

**Общее количество официально учтенных беженцев из Украины
в Германии с марта 2022 по сентябрь 2025 года**

Страна	2022 год (чел.)	2023 год (чел.)	2024 год (чел.)	2025 год (чел.)
Германия	1 045 185	1 133 620	1 236 579	1 292 122
Польша	1 489 155	957 000	983 800	1 014 210
Чехия	458 679	486 000	388 625	397 290
Франция	118 994	118 000	64 720	74 540

Как наглядно демонстрируют данные Таблицы, Германия изначально приняла значительное число беженцев, и на протяжении нескольких лет оставалась страной с крупнейшей и постоянно растущей численностью украинского населения [6]. Устойчивый рост в Германии контрастирует с динамикой в других ключевых странах [7]. После первоначального пика в Польше и Чехии их показатели снизились и стабилизировались на более низком уровне, что является прямым подтверждением феномена «вторичной миграции». Данные по Франции, в свою очередь, подчёркивают добровольный характер европейской солидарности и неравномерное распределение нагрузки, при котором основное бремя легло на Германию [8]. Причиной разницы в количестве украинцев во Франции по сравнению с Германией являются различия в национальных политиках приема мигрантов и языковыми барьерами [9].

Миграционный кризис 2015-2016 годов оказал прямое влияние на действия Берлина в 2022 году. Кризис выявил недостатки системы “Дублина”, по которому первая страна ввода должна предоставить убежище. Это правило привело к непропорциональной нагрузке на приграничные государства. Проводя политику «открытых дверей» под руководством Ангелы Меркель, Германия приняла огромное количество беженцев. Однако страна столкнулась как с социальным политическим давлением внутри страны, так и с сопротивлением внутри Европейского союза, что в свою очередь обозначило очевидные слабости механизмов системы.

За год Германия приняла более миллиона просителей убежища, претерпевая параллельно значительную напряженность внутри страны. Хотя в стране лозунг Ангелы Меркель «Wir schaffen das!» («Мы справимся») и стал символом гуманитарного подхода, в стране все равно произошел накал дебатов о том, где же находятся пределы мультикультурализма, а также рост правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (AfD) [10]. Н.Н. Большова, российский исследователь, также анализирует вопрос реструктивных и проактивных подходов в политике ЕС того периода, что напрямую связано с немецким опытом [11].

Подобный кризис расколол участников Европейского союза на страны «Вышеградской группы», которые отвергали обязательные квоты на перераспределение беженцев, и на сторонников общеевропейского подхода – Германию и Францию. Провал системы обязательного перераспределения продемонстрировал ограниченность солидарности в рамках ЕС. Подобный опыт сформировал у немецкого руководства понимание того, что масштабные кризисы не должны решаться в одиночку, необходимо скоординированная общеевропейская реакция.

Дискуссия в рамках Европейского союза свелась к поиску баланса между пограничным контролем, финансированием стран первого въезда и добровольными схемами распределения. Введение инициативы “Нового пакта о миграции” 2020 года ввело принцип гибкой солидарности, что позволило странам выбирать форму участия – от приема беженцев до финансовой помощи. Таким образом, к 2020 году от автоматического распределения беженцев практически отказались.

Решение об активации “Директивы о временной защите” было беспрецедентно быстро принято в марте 2022 года, в большей степени благодаря Германии. Однако в начале украинского кризиса позиция Германии была достаточно сдержанной – правительство коалиции “светофор” проявляла скепсис,

опасаясь технических сложностей и политического сопротивления со стороны стран «Вышеградской группы».

Но к концу февраля 2022 года под влиянием давления общественности Берлин совершил стратегический разворот, ключевую роль в котором сыграли канцлер Олаф Шольц, заявивший о водоразделе для Европы, и министр иностранных дел Анналена Бербок с гуманитарной позиции. Германия возглавила дипломатическую кампанию по активации спящего механизма. Была сформирована «коалиция желающих», в которой состояли Германия, Франция, Чехия и Польша. Благодаря Берлину стало возможным преодоление разногласий и обеспечение квалифицированного большинства, что в свою очередь привело к запуску общеевропейского механизма временной защиты [12]. Согласно данным Европейской комиссии, статус временной защиты в Европейском союзе и легализацию своего положения получили миллионы украинцев [13].

По задумке Германии достижение консенсуса базировалось на формировании влиятельной коалиции, интенсивной дипломатии и согласованной единой позиции. Хотя только после объединения с Францией, Берлин приобрел вес «мотора» Европейского союза, однако ключевым успехом стало привлечение Польши и Чехии – традиционных оппонентов в вопросах миграции. Канцлер Олаф Шольц, министры Анналена Бербок и Нэнси Фейзер провели активные консультации в рамках Европейского союза, которые изначально были нацелены на обмен мнениями, информирование о масштабах кризиса и прямое убеждение. Также проводились неформальные встречи, на которых участники сформированных коалиций договаривались о совместных действиях, что позволяло им выступать единым фронтом в Совете ЕС и оказывать давление на другие страны, например, Венгрию, которая не поддерживала данные инициативы. В это время немецкая сторона реализовывала стратегические шаги, расширяя коалицию за счет привлечения стран Южной Европы и Бенелюкса через апелляцию к принципам солидарности. Целенаправленное обеспечение квалифицированного большинства сделало сопротивление основных скептиков политически неприемлемым.

Решение о введении временной защиты ЕС было принято в марте 2022 года. Этим было подтверждена способность Германии выступать в качестве политического лидера, который способен консолидировать Союз в кризисный период, а не только в качестве экономического донора Европейского союза [14].

Во время массового притока беженцев перед Германией возникла задача совместить достигнутое лидерство с защитой национальных интересов. Берлин стал реализовывать задачи в трех направлениях, одним из которых была финансовая поддержка стран «первой линии» (Польша, Словакия и Чехия), которые приняли основную массу украинских беженцев. Было выделено значительное количество средств в период с 2022-го по 2025 г., что позволило не только помочь этим странам справиться с гуманитарной нагрузкой, но и укрепить европейскую солидарность. Во-вторых, Берлин инициировал создание механизмов распределения – система «спонтанной солидарности». Эти добровольные схемы перераспределения беженцев учитывали возможности и ресурсы стран-членов ЕС, что позволило снизить напряжение в миграционной политике. В-третьих, Германия адаптировала национальное законодательство путем создания одного из самых привлекательных пакетов поддержки для временно защищенных лиц в Европейском союзе. Этот пакет включал в себя пособия, равные с немецкими гражданами, доступ к рынку труда и

медицинскому обслуживанию. Для улучшения интеграции и стимулирования самостоятельности беженцев были введены бонусы для работающих и программы жилищной поддержки. В 2025-м году обсуждаются меры по оптимизации социальной нагрузки, включающие сокращение выплат для тех, кто отказывается от предложений в работе.

Германия разработала комплексную систему финансовой поддержки таких стран как Польша, Чехия и Словакия. Помощь осуществлялась через три основных канала – увеличение финансирования через бюджеты Европейского союза, прямую двустороннюю помощь (гуманитарные грузы, экспертная поддержка) и усиление мандата европейских агентств Frontex и EUAA [2]. Такая политика преследовала как демонстрацию солидарности, так и предотвращение неконтролируемого транзита беженцев в Германию. Согласно данным Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, общее число украинских беженцев, зарегистрированных в Европе, остается стабильно высоким и требует постоянных усилий со стороны принимающих стран [15].

Берлин поддержал создание координирующих платформ в рамках Европейского союза для добровольного распределения беженцев и первый объявил о своих планах по приему. Однако Германия столкнулась с феноменом «вторичной миграции», когда беженцы стали самостоятельно перемещаться из стран первого приема, например Польши или Чехии, на немецкую территорию, воспользовавшись безвизовым режимом в Шенгенской зоне. Это создавало объективное напряжение, ведь хоть формально и действовала модель добровольной солидарности, но основная нагрузка ложилась на Германию [16].

Параллельно с этим немецкое правительство в рекордные сроки приняло пакет законов, предоставляющий украинским беженцам право на временную защиту, доступ к рынку труда, социальное обеспечение и медицинское обслуживание. На уровне федеральных земель была организована система приема и размещения беженцев. Количество обратившихся за убежищем в ЕС украинцев продолжает оставаться одним из главных факторов миграционной повестки [17], при этом важно учитывать, что распределение этих потоков по странам было крайне неравномерным [18].

Таким образом, благодаря Берлину директива о временной защите была наконец-то активирована в рекордные сроки – менее чем за две недели, что позволило легализовать статус более 4 000 000 украинских беженцев, обеспечив их самым необходимым, а также укрепило имидж Европейского союза как геополитического актора. «Вторичная миграция» привела к концентрации беженцев в Германии, вызвав напряженность с приграничными странами. Финансовая нагрузка оказалась значительной, ведь только в 2024-м году расходы на базовые пособия превысили 6 миллиардов евро. Кроме того, сохранилось противоречие в подходе стран-членов ЕС к распределению беженцев, что не в первый раз ограничило возможности создания устойчивой общеевропейской системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Klyuyeva, E. N. Features of granting temporary protection status in European Union countries: a comparative legal analysis // Bulletin of the Karaganda University. Law Series. – 2025. – Vol. 117, No. 1. – P. 40-46.

2. Иванов, Д. В., Алиев Д. М. Становление и эволюция принципа солидарности и справедливого распределения ответственности в праве Европейского союза // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2025. – № 1. – С. 97-105.
3. Refugee flows from Ukraine // Eurostat URL: <https://data.europa.eu/en/publications/datastories/refugee-flows-ukraine> (дата обращения: 21.11.2025).
4. ООН оценила число прибывших в Европу украинских беженцев в 8 млн человек // *Известия* URL: <https://iz.ru/1463769/2023-02-01/oon-otcenila-chislo-pribyvshikh-v-evropu-ukrainskikh-bezhentcev-v-8-mln-chelovek> (дата обращения: 21.11.2025).
5. ООН назвала число беженцев с Украины // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/01/2024/65b333d49a794771ee00dacc> (дата обращения: 21.11.2025).
6. Total number of officially counted refugees from Ukraine in Germany from March 2022 to September 2025 // Statista URL: <https://www.statista.com/statistics/1333488/refugees-ukraine-germany/> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Больше всего украинских беженцев живут в Германии, Польше и Чехии // *Международные Инвестиции* URL: <https://internationalinvestment.biz/migration/5388-bolshe-vsego-ukrainskih-bezhentcev-zhivut-v-germanii-polshe-i-chehii.html?ysclid=mibwddwje497983614> (дата обращения: 22.11.2025).
8. Foire aux questions – Accueil des réfugiés ukrainiens // MINISTÈRE DE L'INTÉRIEUR URL: <https://www.interieur.gouv.fr/actualites/grands-dossiers/situation-en-ukraine/foire-aux-questions-accueil-des-refugies-ukrainiens> (дата обращения: 22.11.2025).
9. Politico: почему во Франции так мало беженцев из Украины // *Российская Газета* URL: <https://rg.ru/2024/03/25/politico-pochemu-vo-francii-tak-malo-bezhentcev-iz-ukrainy.html?ysclid=mibw4c2o3207856354> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Пашковская, Т. Г. Миграционная политика Германии в условиях миграционного кризиса (2015-2016 гг.) // *Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие : Материалы научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях, Новосибирск, 29–30 мая 2018 года / Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации"*; Под научной редакцией Л.В. Савинова – С. 150-154.
11. Большова, Н. Н. Рестриктивный vs проактивный подходы в миграционной политике ЕС: на примере кризиса с беженцами 2015-2016 гг. // *Многосторонние институты и диалоговые форматы: Материалы IX Конвента РАМИ, Москва, 27–28 октября 2015 года. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016. – С. 105-114.*
12. Иванов, Д. В., Алиев Д. М. Временная защита в праве Европейского союза: тенденции и перспективы // *Право и управление. XXI век*. – 2023. – Т. 19, № 3(68). – С. 28-37.
13. Temporary protection for persons fleeing Ukraine – monthly statistics // Eurostat URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics (дата обращения: 20.11.2025).
14. Потемкина, О. Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. – 2022. – № 2(26). – С. 7-15.
15. Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 22.11.2025).
16. Estimated number of refugees from Ukraine recorded in Europe and Asia since February 2022 as of May 2025, by selected country // Statista URL: <https://www.statista.com/statistics/1312584/ukrainian-refugees-by-country/> (дата обращения: 17.11.2025).
17. В ЕС назвали число обратившихся за убежищем украинцев // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/12/2023/658ae2ec9a7947783b19afbb?ysclid=mibwa23ma178000035> (дата обращения: 21.11.2025).
18. В ООН подсчитали количество украинских беженцев в Европе // *Деловая газета «Взгляд»* URL: <https://vz.ru/news/2025/11/23/1375836.html> (дата обращения: 21.11.2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И БЕЛОРУССИИ

COOPERATION PROSPECTS BETWEEN THE RUSSIAN FAR EAST AND BELARUS

И.В. Зеленева,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

Irina V. Zeleneva,

St Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: irina_zeleneva@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению основных направлений сотрудничества российского Дальнего Востока и Беларуси, а также проблемам и перспективам развития интеграционных процессов в рамках Союзного государства. В работе рассматриваются ключевые конкурентные преимущества Дальневосточного федерального округа (ДФО), особенности сотрудничества Беларуси с российскими регионами Дальнего Востока. В рамках исследования был проведен SWOT- анализ сотрудничества РФ и Беларуси в ДФО. Было выявлено, что сильной стороной данного сотрудничества являются совместные инфраструктурные и транспортные проекты (строительство глубоководного порта, логистические коридоры). С учётом взаимных интересов и экономического потенциала сотрудничество между Беларусью и ДФО обещает быть долгосрочным и взаимовыгодным, способствуя развитию не только региональных, но и межгосударственных отношений в целом.

Abstract This article identifies the main areas of cooperation between the Russian Far East and Belarus, as well as the challenges and opportunities for developing integration within the Union State. The paper examines the key competitive advantages of the Far Eastern Federal District and the specifics of Belarus's cooperation with the Russian Far Eastern regions. A SWOT analysis of cooperation between Russia and Belarus in the Far Eastern Federal District was conducted. Data showed that the strength of this cooperation lies in joint infrastructure and transport projects (construction of a deep-water port, logistics corridors). Given mutual interests and economic potential, cooperation between Belarus and the Far Eastern Federal District promises to be long-term and mutually beneficial, contributing to the development of not only regional but also interstate relations as a whole.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, союзное государство, Дальний Восток, экономическая интеграция, межрегиональное сотрудничество

Key words: Russia, Belarus, union state, Far East, economic integration, integrational cooperation

Поворот на Восток в XXI веке стал «естественным и практическим продолжением внешнеполитической философии многополярности, в которой Россия позиционирует себя одним из центров силы» [1]. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) занимает территорию Дальнего Востока России и Восточной Сибири. Стратегическими задачами, стоящими перед ДФО, являются: подъем и оздоровление экономики, выявление его конкурентоспособности на мировых рынках, переориентация российского бизнеса с центральной России на Дальневосточный регион, а затем интеграция его в экономику АТР.

В 2013 года в Послании президента РФ Федеральному Собранию было сказано, что развитие Дальнего Востока и Сибири является национальным приоритетом России на весь XXI век [2]. Годом ранее, в 2012 году было образовано

министерство РФ по развитию Дальнего Востока, в 2019 году переименованное в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. Потенциал Дальнего Востока огромен. Ключевыми конкурентными преимуществами ДФО являются:

1. Близость к самому большому в мире и быстро растущему рынку АТР, вклад которого, по данным МВФ, в рост мировой экономики в 2025 году составил 60% [3];

2. Наличие крупнейших в мире запасов природных ресурсов, которые могут стать базой для новых масштабных производств [4];

2. Стратегически важное положение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой. По территории ДФО проходят крупнейшие в мире железнодорожные магистрали Байкало-Амурская и Транссибирская. Здесь расположены 29 морских портов. Пролегает морской путь – Трансарктический транспортный путь (ТТП) (Грузооборот, которого в 2024 году, составил 37.9 млн тонн, что почти в 10 раз больше, чем в 2014 году. Планируется на 2030 год увеличить объем перевозок до 100 млн тонн) [5]. На Дальнем Востоке уже построены транспортные мосты, соединяющие территории РФ и Китая – «Нижнеленинское – Тунцзян» и «Благовещенск – Хэйхэ» [6].

3. Приток инвестиций в регион. Инвестиции в ДФО в основной капитал за десять лет выросли на 99% — это в 2,6 раза выше, чем в среднем по стране [7].

4. «Формируется не просто современная промышленная база, а, по сути, новая индустриальная карта региона» [6].

5. При переходе к новой модели пространственного развития российской экономики важную роль играют территории опережающего развития (ТОР). Первые в России ТОР были созданы в 2015 г. в ДФО. Президент РФ В. Путин, выступая на X Восточном экономическом форуме, отметил, что «на Дальнем Востоке создано 18 территорий опережающего развития... С 1 января 2026 года международные ТОРы будут работать в Забайкалье, Амурской области, Еврейской автономной области, в Хабаровском крае и Приморье» [6]. Большой интерес к ТОР проявляют китайские партнеры. Свободный порт Владивосток (СПВ) – это территория, на которой инвесторы пользуются особыми режимами таможенного, налогового и административного регулирования.

6. Прорабатывается создание единого преференциального режима на всем Дальнем Востоке.

Наиболее масштабными проектами в ДФО стали расширение Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и Транссибирской железной дороги, предусматривающее строительство вторых тоннелей – Северомуйского и Кузнецовского, что увеличит пропускную способность железнодорожных путей. Изучаются возможности строительства моста на остров Сахалин [7].

Изменение геополитической ситуации, санкционная политика Запада повлияли на белорусскую стратегию. «Наш внешнеполитический ответ на всю эту вакханалию — в ускоренном развитии отношений с нашими ближайшими союзниками. И так называемый разворот на Восток в нашей политике — это самая что ни на есть разумная реальность, продиктованная духом времени» — об этом Президент Беларуси Александр Лукашенко заявил в Послании белорусскому народу и Национальному собранию в 2023 году [8]. Разворот на Восток Россия и Беларусь выбрали вместе. Возросший интерес политической элиты и бизнес-сообщества России и Белоруссии к региону Дальнего Востока в XXI века, безусловно, неслучаен.

О растущем интересе Минска к Дальневосточному федеральному округу (ДФО), как к важному экономическому и культурному центру, где пересекаются интересы Евразийского пространства и Юго-Восточной Азии, свидетельствует открытие Генерального консульства Республики Беларусь в 2025 году во Владивостоке. «Экономика Беларуси является экспортноориентированной. Около семидесяти процентов того, что мы производим, нужно продавать на внешних рынках. Нам необходимо понимать их развитие, а приоритетным для нас был и остается рынок РФ»- отметил Игорь Сокол, генеральный консул Республики Беларусь во Владивостоке [9].

Важное место во внешнеэкономической политике Беларуси занимает сотрудничество со странами «дальней дуги». «Дальняя дуга» — стратегия активного развития отношений Беларуси с государствами Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки [10]. Соседство Дальнего Востока со странами АТР расширяет международные связи Беларуси со странами «дальней дуги», Глобального Юга. Участие белорусских компаний в логистических проектах направлено на создание новых маршрутов поставок продукции через Дальний Восток в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Беларусь планирует участие в международной территории опережающего развития (МТОР) в ДФО. Международная территория опережающего развития, создание которой запланировано на территории Приморского края на границе с Китаем, будет носить формат трехстороннего сотрудничества. Помимо Китая и России, к реализации проекта также подключится Беларусь. Россия, Китай и Беларусь ведут трехсторонний диалог о строительстве глубоководного портового терминала в Приморском крае [11].

Интеграция между Беларусью и Россией продолжает развиваться и укрепляться в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ШОС, создавая основу для экономического роста. Особое значение приобретает развитие межрегионального взаимодействия. Среди приоритетов российско-белорусского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества можно выделить: транспорт и логистика; машиностроение; сельское хозяйство и производство пищевых продуктов; энергетика; строительство; высокие технологии и IT и туризм [12].

До недавнего времени Дальний Восток для Беларуси представляли преимущественно Приморский и Хабаровский края. Сегодня география межрегиональных связей расширилась. Лидерами интеграционного сотрудничества российско-белорусского сотрудничества в ДФО являются – Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), расширяется сотрудничество с Камчатским краем, Магаданской областью. В ходе двусторонней встречи Посла Беларуси в РФ А. Рогожником с губернатором Приморского края О. Кожемяко на полях Восточного экономического форума во Владивостоке (2024) был подписан план мероприятий на 2025-2026 годы по реализации соглашения между правительствами Беларуси и Приморского края о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном сотрудничестве [13]. Сотрудничество Беларуси и Приморья показывает хорошие результаты, только «за последние пять лет товарооборот между Приморским краем и Белоруссией увеличился в 5,3 раза» (с 2020 по 2024) [14]. Из Приморья вырос экспорт рыбопродукции и морепродуктов. Увеличивается «количество экспортеров в Республику Беларусь: в 2022 году экспорт осуществляли 102 приморские компании, в 2023 число их число

увеличилось до 114 [15]. Как пояснил губернатор Приморского края О. Кожемяко, «экономическое сотрудничество Приморского края с Беларусью постоянно развивается. Регион уже приобретает у республики пассажирские автобусы, дорожную и коммунальную технику» [16].

Ежегодно с 2021 года проводятся Дни Республики Беларусь в Приморье, проходят выставки, культурные мероприятия и деловые встречи. Важнейшим направлением развития двусторонних отношений является туризм. Ключевым событием Дней Беларуси в Приморье стало подписание в октябре 2025 года Соглашения о сотрудничестве между туристическими информационными центрами Приморского края и Могилевской областью [17].

Большие перспективы межрегионального сотрудничества есть у Беларуси и Амурской области, Хабаровским краем. Для повышения продовольственной безопасности Хабаровского края Беларусь предлагает современные научные проекты по совершенствованию технологий ведения сельского хозяйства, а также высококачественные селекционные семена, инновационные удобрения и средства защиты растений [18].

Выводы

В рамках нашего исследования мы провели SWOT- анализ сотрудничества РФ и Беларуси в ДФО, выявив сильные (Strengths), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities) и угрозы (Threats). Каждый аспект SWOT-анализа базируется на реальных факторах и динамике сотрудничества, отражая как внутренние сильные и слабые стороны, так и внешние возможности и риски, влияющие на успешность партнерства между Дальним Востоком России и Беларусью.

Сильные стороны (Strengths):

- Стратегическое взаимодополняющее партнерство, развитие сельского хозяйства, транспорта и промышленности.
- Активное внедрение белорусской техники и технологий в агросекторе и индустриальном строительстве.
- Совместные инфраструктурные проекты.
- Поддержка интеграции через Союзное государство, участие в международных форумах и соглашениях.

Слабые стороны (Weaknesses):

- Долгосрочный характер реализации крупных проектов, что требует больших инвестиций и времени для ощутимых результатов.
- Логистические сложности из-за географической удаленности и необходимости развития транспортных коридоров.
- Ограниченная диверсификация сотрудничества, преимущественно ориентированного на сельское хозяйство и базовые отрасли.

Возможности (Opportunities):

- Развитие новых транспортных и логистических хабов, усиление выхода на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.
- Расширение сферы сотрудничества за счет цифровых, инновационных технологий и энергопроектов.
- Углубление кооперации в области научно-технического обмена и модернизации производства.

– Льготы и преференциальные режимы на Дальнем Востоке способствуют привлечению инвестиций и расширению совместных проектов. Особые экономические зоны и режимы опережающего развития создают более благоприятную среду для инвесторов и партнеров с Беларуси, снижая риски и издержки.

Угрозы (Threats):

– Геополитические факторы и международные экономические санкции могут осложнить реализацию проектов и торговлю.

– Конкуренция с другими регионами России и соседними странами за инвестиции и рынки сбыта.

– Экологические риски.

Заключение

Сотрудничество между Дальним Востоком России и Беларусью обладает значительным потенциалом для укрепления экономических связей и повышения конкурентоспособности на международной арене.

Ключевыми сильными сторонами являются взаимодополняемость экономик и активное внедрение белорусских технологий и техники, что укрепляет сельское хозяйство, транспорт и промышленность Дальнего Востока. С учётом взаимных интересов и экономического потенциала сотрудничество между Беларусью и ДФО обещает быть долгосрочным и взаимовыгодным, способствуя развитию не только региональных, но и межгосударственных отношений в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Торкунов, А. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 5.

2. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 02.01.2026).

3. Боровикова К. От Азии ждут большего. МВФ прогнозирует устойчивый рост АТР при условии его внутренней интеграции // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159623?ysclid=mkb30yhcmg551108159> (дата обращения: 05.01.2026).

4. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn116eGqD.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).

5. Транспортные коридоры России // URL: <https://mosregdata.ru/article/transport-corridors-russia?ysclid=mkb9vd0nfs464944753> (дата обращения: 15.01.2026).

6. Пленарное заседание X Восточного экономического форума. Выступление В.В. Путина Президента РФ 5 сентября 2025 г. Приморский край, остров Русский // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927> (дата обращения: 02.03.2026).

7. Чекунов А. «Дальний Восток – центр роста национальной экономики» // URL: https://roscongress.org/materials/aleksey-chekunkov-dalний-vostok-tsentr-rosta-natsionalnoy-ekonomiki/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.03.2026).

8. Послание президента Беларуси А.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 20.03.2026).

9. Зайцев А. Итоги ВЭФ-2025: Рекордные количество инвестиций и стран-участников // URL: <https://www.souzveche.ru/articles/economy/96453/?ysclid=mkcr89i9yl467939396> (дата обращения: 20.03.2026).
10. Рыженков М. Беларусь покоряет дальнюю дугу. Глава МИД поделился подробностями командировки Лукашенко // URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/belarus-pokoryaet-dalnyuyu-dugu-glava-mid-podelilsya-podrobnostyami-komandirovki-lukashenko?ysclid=mki3c0vvzr522398390> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Беларусь войдет в проект международной TOP // URL: <https://r-d-s.ru/tpost/gms23uxt81-belarus-voidet-v-proekt-mezhdunarodnoi-t?ysclid=mki3wt5x6v456776742> (дата обращения: 20.03.2026).
12. Александр Червяков: определены 6 ключевых направлений торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Беларуси и Дальневосточного региона России // URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/aleksandr-chervjakov-opredeleny-6-kljuchevyyh-napravlenij-investitsionnogo-sotrudnichestva-belarusi-i-47239-2023/> (дата обращения: 22.03.2026).
13. Беларусь и Приморский край подписали план совместных мероприятий на 2025-2026 годы // URL: <https://belta.by/society/view/belarus-i-primorskij-kraj-podpisali-plan-sovmestnyh-meroprijatij-na-2025-2026-gody-659297-2024/?ysclid=mbfdzd5qs9830038139> (дата доступа: 01.05.2025).
14. Товарооборот между Беларусью и Приморьем увеличился более чем в 5 раз // URL: <https://prim.rbc.ru/prim/09/10/2025/68e70d479a794741ac6ff3cd?ysclid=mkijn32omi464929986> (дата доступа: 01.05.2025).
15. Импорт товаров из Приморья в Белоруссию вырос на 66% с начала 2024 года // URL: <https://tass.ru/ekonomika/21854455> (дата доступа: 01.05.2025).
16. Шолик Н. Приморский край и Республика Беларусь развивают экономическое и гуманитарное сотрудничество // URL: <https://primorsky.ru/news/310893/?ysclid=mknww71umc256928670> (дата доступа: 22.01.2026).
17. Мингалёва Е. Приморье и Могилёвская область Беларуси договорились о развитии туризма // URL: <https://primorsky.ru/news/310957/?ysclid=mknw6xnb1e902440089> (дата доступа: 20.01.2026).
18. Сибирская А. Досье: Сотрудничество Беларуси с Хабаровским краем // URL: <https://eurasia.expert/dose-sotrudnichestvo-belarusi-s-rossiyskimi-regionami-dalnego-vostoka/?ysclid=mknxrtfysb532966188> (дата доступа: 20.01.2026).

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
В РАЗВИТИИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ**

**RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP IN THE DEVELOPMENT
OF GREATER EURASIA**

З.И. Кох,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Zlata I. Kokh,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: koh.zi@edu.spbstu.ru

Е.М. Ботева,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Elena M. Boteva,

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: boteva.em@edu.spbstu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные направления российско-китайского партнерства в рамках «Большой Евразии», масштабной инициативы, направленной на укрепление разностороннего и взаимовыгодного партнерства государств в контексте современных трендов международных отношений. В статье затрагивается тема современной политики России в данном макрорегионе, объясняются причины того, что подтолкнуло РФ к «повороту на Восток» и стратегическому сотрудничеству с Китаем. Рассказывается о важнейших торгово-экономических коридорах, проходящих через территорию России, о перспективах укрепления стратегического сотрудничества с Китаем, как ключевого элемента реализации проекта «Большая Евразия».

Abstract. This article examines the key areas of Russian-Chinese partnership within the Greater Eurasia; a large-scale initiative aimed at strengthening the diverse and mutually beneficial partnership between countries in the context of current trends in international relations. The article addresses Russia's present policy in this macro-region and explains the reasons of Russia's "turn to the East" and strategic cooperation with China. It also discusses the most important trades and economic corridors passing through Russia and the prospects for deepening strategic contribution with China as a key element in implementing the Greater Eurasia project.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, поворот на Восток, сотрудничество, «Север – Юг», «Восток – Запад», Индия, «Один пояс, Один путь»

Key words: Greater Eurasia, Russia, China, «turn to the East», cooperation, «North – South», «East – West», India, «One Belt, One Road»

«Большая Евразия» – масштабная инициатива, география которой простирается от Лиссабона до Владивостока. Именно здесь расположены три из четырех важнейших держав современного мира – Россия, Индия и Китай, – и каждая из них уравнивает друг друга, что является гарантией против формирования неравноправной модели отношений [1]. Это уникальное пространство для диалога и сотрудничества суверенных государств, платформа для обсуждения важнейших процессов макрорегиона, призванная обеспечить мир и безопасность, предотвратить появление разногласий.

В контексте современной внешнеполитической стратегии Россией был осуществлён «поворот на Восток», основной задачей которого стало расширение торгово-экономических связей со странами Азии. Интеграционные интересы России в направлении пространства Большой Евразии стали наиболее актуальными и непосредственно связанными с вопросами макрорегиональной архитектуры безопасности, которая подвергалась наиболее серьёзному вызову со стороны западных стран. Укрепление курса российской внешней политики также связаны с увеличением влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а, в частности, с комплексным развитием стратегического партнерства с Китаем. Например, по сравнению с 2013 годом в 2024 ВВП Китая вырос почти в два раза (с 9.74 миллиардов долларов США до 18.743) [2]. Также необходимо упомянуть, что с каждым годом объём товарооборота России с КНР возрастает. В 2022 году он увеличился на 29,3%, в 2023 году – на 26,3%, а в 2024 всего на 1,9%, но достиг своей рекордной суммы и составил \$244,81 млрд [3].

В 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута инициатива «Один пояс, Один путь» (далее ОПОП), которая объединила такие два проекта, как «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Проект подразумевает не только улучшение транспортных связей и углубление сотрудничества в масштабе нескольких континентов, но и формирование безопасного положения на континенте, особо важного в современных условиях [4].

Необходимо отметить, что в мае 2015 года между РФ и Китаем было достигнуто договоренности о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, что свидетельствует о том, что интересы этих двух великих держав совпадают в данном регионе [5]. КНР активно вкладывается в данный проект, с каждым годом увеличивая финансирование. Таким образом, в 2025 году за шесть месяцев Китай инвестировал 124 млрд долларов США в проект «Один пояс, Один путь», что является рекордной суммой [6].

В марте 2023 года был утверждена новая Концепция внешней политики России, в центре которой находится идея преобразования Евразии в пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания с учётом потенциала каждой страны. Для достижения цели необходимо сопряжение деятельности региональных международных организаций (например, таких как ШОС и АСЕАН), а также российско-китайское сотрудничество в рамках ОПОП [7].

Главами государств В.В. Путиным и Си Цзиньпином было принято совместное заявление о ключевых планах развития российско-китайского сотрудничества в экономической сфере до 2030 года. Данное заявление подразумевает, что Российская Федерация и КНР нацелены на долгосрочное и взаимовыгодное партнерство, предполагающее развитие российско-китайских торгово-экономических отношений и значительный рост товарооборота к назначенному времени [9]. Необходимо подчеркнуть, что после 2030 г. будут обговорены новые условия сотрудничества государств, так как их интересы пересекаются, в частности в рамках Большой Евразии.

Существуют два важных транспортных коридора на территории Большой Евразии. Первый — это путь «Север – Юг», который проходит через 14 стран и соединяет Россию и Индию, а второй – «Восток – Запад», предназначенный соединить Россию, Казахстан, Монголию, КНДР и Китай. В настоящее время эти

коридоры являются главными внешнеторговыми направлениями Российской Федерации. Исходя из вышесказанного, к 2030 году предполагается увеличение товарооборота с текущих 17 до 30 миллионов тонн по пути «Север – Юг» [8]. Такие планы обоснованы современной политикой России, в том числе и стратегией «поворота на Восток».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ И РОССИИ

Источник: Минтранс РФ

Сибирский и Дальневосточный федеральный округа России в силу своего географического положения, ресурсов и потенциала развития также могут внести большой вклад в укрепление инициативы Большая Евразия. Так, например, Сибирский федеральный округ имеет выгодное расположение, находясь на пересечении важных транспортных коридоров (БАМ, Транссибирская магистраль, «Восток – Запад»). Во-вторых, Сибирь славится своими уникальными природными ресурсами, особенно водными (например, реки Обь, Енисей, Иртыш, Лена; озеро Байкал). В-третьих, этот регион владеет исторически накопленным опытом взаимодействия различных культур и религий. Все вышеперечисленные факторы свидетельствуют о том, что Сибирь способна стать ядром интеграции рассматриваемого макрорегиона [10].

В заключение хочется подчеркнуть, что российско-китайское стратегическое партнерство обладает существенным потенциалом развития благодаря успешному историческому и политическому опыту взаимодействия государств. Несмотря на то, что все страны-участницы Большой Евразии равны между собой, КНР и Россию можно считать негласными лидерами важнейших процессов, так как они дают толчок для развития как отдельных государств в рамках инициативы, так и её в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Россия, Большая Евразия и современная международная политика // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-bolshaya-evraziya-i-sovremennaya-mezhdunarodnaya-politika/> (дата обращения: 09.03.2026).
2. ВВП Китая // Trading Economics URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/gdp> (дата обращения: 10.03.2026).

3. Товарооборот Китая и России в 2024 году вырос на 1,9% // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/22861813> (дата обращения: 12.03.2026).
4. О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: <https://www.mid.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. О сопряжении планов развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: <https://www.mid.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. China's Belt and Road investment hits record highs in 2025, driven by energy, mining and tech sectors // GRIFFITH UNIVERSITY URL: <https://news.griffith.edu.au/2025/07/17/chinas-belt-and-road-investment-hits-record-highs-in-2025-driven-by-energy-mining-and-tech-sectors/> (дата обращения: 11.03.2026).
7. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 15.03.2026).
8. Транспортные коридоры: как построить кратчайший маршрут на Восток // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20221109/marshrut-1829980131.html> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5919> (дата обращения: 15.03.2026).
10. Иванов А. В., Журавлёва С. М. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи России и Сибири // Учёные записки (АГАКИ). 2020. №3 (25). – с. 12-20

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В РАМКАХ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»:
ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОЕКТЫ И ВЫЗОВЫ**

**RUSSIAN-CHINESE COOPERATION UNDER THE BELT AND ROAD
INITIATIVE: EVOLUTION, PROJECTS AND CHALLENGES**

М.С. Меркулова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

M.S.Merkulova,

Saint-Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: st119925@student.spbu.ru

Аннотация. В статье анализируется российско-китайское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Рассматриваются эволюция взаимодействия, ключевые проекты, а также институциональная основа сотрудничества, включая сопряжение с ЕАЭС. Рассматриваются факторы, сдерживающие развитие двусторонних отношений: санкционное давление Запада, высокая стоимость инфраструктурных проектов, институциональные противоречия. В заключении оцениваются перспективы взаимодействия в контексте разворота России на Восток и формирования Большого Евразийского партнерства.

Abstract. The article analyzes Russian-Chinese cooperation within the framework of the Belt and Road Initiative. It examines the evolution of interaction, key projects, and the institutional basis of cooperation, including its alignment with the EAEU. The study identifies factors constraining the development of bilateral relations: Western sanctions pressure, high costs of infrastructure projects, and institutional contradictions. The conclusion assesses the prospects for cooperation in the context of Russia's pivot to the East and the formation of the Greater Eurasian Partnership.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», Россия, Китай, ЕАЭС, «Сила Сибири», северный морской путь, большое евразийское партнерство, экономический пояс шелкового пути, ТК Китай – Монголия – Россия, «Ямал СПГ», «Арктик СПГ – 2», «Приморье – 1», «Приморье – 2»

Key words: «One belt one road», Russia, China, EAEU, «Power of Siberia», northern sea route, greater Eurasian partnership, silk road economic belt, China – Mongolia – Russia economic corridor, «Yamal LNG», «Arctic LNG 2», «Primorye-1», «Primorye-2»

Введение

В 2026 году Россия и Китай отметят 25-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [1,2]. За это время отношения между двумя государствами достигли «наивысшего за всю историю уровня» и носят характер всеобъемлющего стратегического партнерства [3]. В свою очередь, сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с интеграционными процессами на евразийском пространстве является важным элементом формирования справедливой и многополярной мировой архитектуры.

Инициатива «Один пояс, один путь», выдвинутая китайским руководством в 2013 году, стала крупнейшим инфраструктурным и интеграционным проектом современности, охватывающим транспортные коридоры, энергетическое сотрудничество, инвестиционные механизмы и финансовую кооперацию. Для Российской Федерации участие в данной инициативе приобрело особое значение

в контексте трансформации внешнеэкономической стратегии и укрепления взаимодействия с государствами Евразии. Существенным этапом институционализации российско-китайского сотрудничества стало сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с механизмами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что придало взаимодействию системный характер.

Одновременно развитие сотрудничества происходит в условиях усиления геополитической напряженности, санкционного давления и изменения конфигурации мировых логистических потоков. Это актуализирует необходимость комплексного анализа эволюции российско-китайского взаимодействия, оценки реализуемых проектов и выявления существующих ограничений.

Эволюция участия России в инициативе

Взаимоотношения России и Китая характеризуются высокой динамикой на всех уровнях, а основу взаимоотношений составляет Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года. Российская Федерация заинтересована в развитии ЕАЭС, стремится к созданию Большого Евразийского партнерства, которое заключается в глубокой экономической интеграции региона, а также продвигает развитие логистических коридоров и идею многополярного мира, поэтому участие в инициативе представляется крайне важным и открывает новые горизонты для углубления кооперации. В 2015 году было заключено соглашение о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и ЕАЭС [4]. С 2018 года в рамках реализации идеи Большого Евразийского пространства было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, а в 2023 г. принят план по развитию сотрудничества между ЕАЭС и Китаем. Фонд Шелкового пути, созданный Китаем для финансирования инфраструктурных проектов, активно инвестирует в российские компании, такие как Ямал СПГ и Сибур. В 2017 г. был учрежден Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития с капиталом в 100 млрд. юаней. Фонд нацелен на финансирование проектов в области ядерной энергетики и медицины, добычи полезных ископаемых, металлов, сырья, инфраструктуры и логистики. Кроме того, президент В.В. Путин принимал участие во всех саммитах ОПОП в 2017, 2019, 2023 гг.

Совместные проекты и достижения России и Китая в рамках ОПОП

Экономическое сотрудничество между Россией и Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» охватывает широкий спектр направлений, включая инвестиции, региональную интеграцию, торговлю, развитие транспортной и логистической инфраструктуры. Важными компонентами выступают модернизация старых и построение новых железнодорожных магистралей, развитие автомобильных коридоров, а также проекты в энергетической сфере и развитие морских путей.

Одной из важнейших инициатив «Пояса и Пути» выступает построение коридора Китай – Монголия – Россия (ТК КМР), который имеет стратегическое значение для сторон. Программа включает 32 проекта. На данный момент существует один маршрут КНР – Урал – европейская часть России через Дальний Восток и Сибирь. ТК КМР позволит сократить путь минимум на четверть, что увеличит потоки перевозок и уменьшит транспортные расходы. Начало реализации пришлось на 2016 год, когда была принята программа создания экономического коридора Россия – Монголия – Китай. Срок осуществления проекта был продлен до

2031 года [5]. Программа включает модернизацию Центрального железнодорожного коридора, который проходит от Улан-Уде до Тяньзиня, развитие автомобильных перевозок, построение новых железнодорожных маршрутов, а также наращивание транзита газа. Одним из наиболее показательных проектов стал газопровод «Сила Сибири», который обеспечивает поставки газа в Китай через страны – члены ЕАЭС, связывая их в единый коридор [6]. Газопровод был введен в эксплуатацию в 2019 году, а поставки газа в 2025 году составили 38,8 млрд. куб. м., что превысило контрактные обязательства [7]. В 2021 году была создана комиссия «Союз Восток» по построению газопровода «Сила Сибири – 2». Однако запланированного на 2024 г. открытия не состоялось, переговоры между сторонами зашли в тупик, как отмечается, из-за разногласий по стоимости газа [8]. Тем не менее, в 2025 году председатель правления «Газпром» Алексей Миллер объявил, что в Пекине был подписан «юридически обязывающий меморандум» о строительстве газопровода «Сила Сибири – 2». [9].

Другой инициативой стало создание Северо-Сибирской магистрали от побережья Северного Ледовитого океана, уходящей в ХМАО, Кемеровскую область до Урумчи (Китай). Она должна была обеспечить выход к Северному Морскому пути, а также проложить путь в Китай через Монголию. Однако в декабре 2025 г. стало известно, что российское правительство может отказаться от такой инициативы, ссылаясь на нецелесообразность ввиду высокой стоимости строительства [10]. Тем не менее, есть и успешные проекты, например, Четвертая Азиатская магистраль, проходящая от Урумчи до Новосибирска, введенная в эксплуатацию в 2023 году, длина которой составляет 2253 км.

Ранее считалось, что ТК Китай – Монголия – Россия к 2025 г. достигнет уровня развития Индийского коридора «Север – Юг» и составит ему серьезную экономическую конкуренцию. Однако, на данный момент, оба транспортных коридора сталкиваются с трудностями.

В рамках двустороннего сотрудничества России и Китая реализуется строительство высокоскоростной магистрали «Пекин-Москва». Планировалось объединение к 2035 году китайской сети China Railway Corp. с Euro Cargex – европейской высокоскоростной железнодорожной сетью, образовав магистраль «Пекин – Москва -Европа» [11]. Однако строительство ВСМ Москва – Казань, важной в данном пути, ушла с приоритетной позиции в пользу ВСМ Москва – Петербург и будет реализована не ранее 2032 – 2036 гг. ВСМ Пекин -Москва является перспективным логистическим проектом, однако его реализация приостановлена из-за экономических трудностей и геополитической обстановки.

Развитие Северного Морского пути

Морские перевозки занимают одно из приоритетных направлений сотрудничества России и Китая в рамках ОПОП. Стороны придают важное значение Арктическому региону ввиду его географического положения, ресурсного потенциала, а также климатических изменений, которые создали возможности для передвижения по арктическому маршруту. Также в 2025 году впервые китайский контейнеровоз совершил транзитный рейс в Европу по Северному Морскому пути. Весь маршрут составил 20 дней, что вдвое быстрее, чем по Суэцкому каналу [12]. В этом контексте, развитие Северного Морского пути является актуальным, так как его можно рассматривать в качестве альтернативы традиционным торговым маршрутам. Основным двигателем роста СМП является реализация совместных

проектов. Например, «Ямал СПГ» – объект по добыче, сжижению и вывозу природного газа. Китай сыграл в данном проекте ключевую роль, в критический момент оказав помощь России, что позволило проекту продолжить развитие. China National Petroleum Corp. владеет 20% акций АО Ямал СПГ, а Фонд Шелкового пути 9,9%. Первый запуск состоялся в 2017 году, а по итогам 2024 года объем производства на предприятии превысил 21 млн. тонн СПГ, что составляет значительную долю общего производства СПГ в России [13]. Несмотря на успех «Ямал СПГ», другой проект – «Арктик СПГ – 2» столкнулся с серьезными трудностями: из-за санкций западных стран китайские компании заморозили участие.

Проекты «Приморье -1» и «Приморье – 2» представляют собой инициативы по созданию международных транспортных коридоров, позволяющих соединить провинции Хэйлунцзян и Цзилинь в Китае и морские порты Приморского края [14]. Главным экономическим обоснованием проектов является сокращение стоимости перевозок на 10–40%, а также ускорение доставки товаров, снижая нагрузку на внутриконтинентальные транспортные пути [15]. Коридоры долгое время были невостребованными, однако в 2016 году правительство РФ утвердило новую Концепцию развития МТК [16]. В 2017–2019 гг. наблюдался рост транзитного грузооборота. Но, несмотря на высокий потенциал, развитие коридоров замедлилось, и, на текущий момент, их почти не существует. Строительство отложено на 2025–2030 годы [16].

Культурно-гуманитарное сотрудничество

В рамках инициативы «Пояс и путь» Россия и Китай активно развивают гуманитарное и культурное сотрудничество, которое становится важной составляющей стратегического партнёрства. Основные направления взаимодействия включают образование, науку, СМИ, туризм, искусство и спорт. Ключевыми документами, определяющими политику сторон, являются «Видение и действия по продвижению совместного строительства ЭПШП и МШП пути 21 века» [17] и «План действий Министерства культуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь»» [18] и «Основные направления политики РФ в сфере международно-гуманитарного сотрудничества» [19] для России. За последние годы реализованы масштабные проекты: создание совместных университетов и научных центров, учреждение международных ассоциаций и союзов культурных и научных организаций, организация фестивалей, перекрёстных годов культуры и программ обмена студентами. Благодаря этому, число обучающихся китайских студентов в России в 2025 г. составило около 50 тыс., а российских в Китае – 22 тысячи [20].

Культурное сотрудничество проявляется также в совместных медиапроектах и туристических инициативах, включая Устав Новостного альянса ОПОП, развитие маршрутов «Великий чайный путь» и проектов по Шёлковому пути. Рост студенческого и туристического обмена, проведение крупных фестивалей и программ культурного взаимодействия подтверждают, что гуманитарная сфера превращается в самостоятельный ресурс стратегического партнёрства двух стран.

Вызовы и перспективы российско-китайского сотрудничества в рамках ОПОП

Развитие сотрудничества России и Китая в рамках ОПОП сталкивается с комплексом проблем. Ключевым внешним вызовом выступает санкционное давление Запада: под угрозой вторичных санкций китайские компании заморозили

участие в «Арктик СПГ 2», а также некоторые банки КНР приостановили операции с Россией. США в своей Арктической стратегии обозначили Россию и Китай как угрозу, противодействуя их усилению в регионе.

Внутренние препятствия связаны с высокой стоимостью инфраструктурных проектов, например, строительство ВСМ Москва-Казань отложено до 2032–2036 годов, Северо-Сибирская магистраль признана нецелесообразной, переговоры по «Силе Сибири-2» затягиваются из-за разногласий по цене газа. Коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» также фактически заморожены.

Институциональные противоречия выражаются в отсутствии у России стратегии участия в ОПОП и различии подходов. Москва делает ставку на многосторонние структуры (ЕАЭС, ШОС), а Пекин предпочитает двусторонние соглашения. Сохраняется риск конкуренции за влияние в Центральной Азии. Кроме того, Россия официально не присоединилась к инициативе, что обусловлено как изначальной позицией Китая, не рассматривавшего Москву как центрального партнера, так и стремлением РФ сохранить свободу действий в рамках ЕАЭС.

Несмотря на вызовы, перспективы сотрудничества остаются значительными. Товарооборот между странами, несмотря на снижение в 2025 году, за последние 10 лет вырос более чем в 3,5 раза, достигнув 228,1 млрд. долларов в 2025 году. Доля расчетов в национальных валютах составляет 99,1%. Успешно функционируют объекты «Ямал СПГ» и «Сила Сибири», расширяется сотрудничество в рамках ЕАЭС. Гуманитарное взаимодействие развивается без существенных противоречий. А новая риторика российского руководства, появившаяся в 2024 году, когда В.В. Путин отметил, что ОПОП — это «общий путь», открывает возможности для углубления интеграции и формирования Большого Евразийского партнерства, особенно в условиях переориентации России на Восток [21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Assistant Foreign Minister Liu Bin Holds Consultations with Russian Deputy Minister of Foreign Affairs Rudenko Andrey Yurevich // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – January 22, 2026. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202602/t20260227_11865421.html (дата обращения: 02.03.2026).
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2002. – № 2. – С. 42–52.
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Создание экономического коридора из России в Китай продлили до 2031 года // ТАСС. – 02.09.2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24931021> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Лунь Хаотянь. Историческая эволюция энергетического сотрудничества России и Китая в контексте сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» // Международные отношения. – 2025. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-evolyutsiya-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-kontekste-sopryazheniya-eaes-i-initsiativy-poyas-i> (дата обращения: 12.03.2026).

7. Миллер заявил о росте поставок газа в Китай по «Силе Сибири» // РБК. – 26.12.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/business/26/12/2025/694da0d79a794718e9973a6c> (дата обращения: 12.03.2026).
8. Israel-Iran Conflict Spurs China to Reconsider Russian Gas Pipeline // The Wall Street Journal. – June 24, 2025. – URL: <https://www.wsj.com/world/china-russia-gas-pipeline-iran-conflict-e19523b3?mod=Searchresults&pos=2&page=1> (дата обращения 12.03.2026).
9. Миллер объявил о подписании меморандума о строительстве «Силы Сибири-2» // Forbes. – 02.09.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/545060-miller-ob-avil-o-podpisanii-memoranduma-o-stroitel-stve-sila-sibiri-2> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Триллионы дальнего следования // Коммерсантъ. – 3 декабря 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8250102> (дата обращения: 12.03.2026).
11. Минтранс: проект ВСМ Пекин – Москва – Европа будет реализован к 2035 г. // ТАСС. – 2017. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4431364> (дата обращения: 12.03.2026).
12. Севморпуть в Европу: Китай и Россия развивают трансарктический маршрут // Страна РОСАТОМ. – 16.10.2025. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2025/10/16/sevmorput-v-evropu-kitaj-i-rossiya-raz/> (дата обращения: 18.03.2026).
13. Экспорт СПГ из России в 2024 году достиг рекорда // РБК. – 28 января 2025 г. – URL: <https://www.rbc.ru/business/28/01/2025/679785849a794730123774da> (дата обращения: 12.03.2026).
14. Хмелевский В. В. Потенциал международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» // ПСЭ. – 2018. – № 1 (65). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-mezhdunarodnyh-transportnyh-koridorov-primorie-1-i-primorie-2> (дата обращения: 12.03.2026).
15. Об утверждении Концепции развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» // Правительство России. – URL: <http://static.government.ru/media/files/jqfm5NIYLGTTVhUn3AKqOAg9mJcb2Yxx.pdf> (дата обращения: 12.03.2026).
16. В России утвердили схему транзита грузов из Китая через порты Приморья // РБК. – URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/66bfa089a7947670a3d8ff9> (дата обращения: 12.03.2026).
17. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jmhzh/jmhzh1/201504/t20150423_3149325.htm (дата обращения: 12.03.2026).
18. 《文化部“一带一路”文化发展行动计划（2016—2020年）》出炉。 [План действий Министерства культуры по развитию культуры «Один пояс, один путь» (2016–2020)] // Правительство КНР. – 01.05.2017. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-01/05/content_5156933.htm (дата обращения: 12.03.2026).
19. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 12.03.2026).
20. Чернышенко Д. Число обучающихся в Китае студентов из России выросло на 20% // ТАСС. – 2 сентября 2025 г. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24932967> (дата обращения: 12.03.2026).
21. Путин заявил, что Китай настроен на сотрудничество, а не на доминирование // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/22347551> (дата обращения: 17.03.2026).

**СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ТЕРРОРИЗМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**STATE COOPERATION IN COUNTERING TERRORISM: A REGIONAL
ASPECT**

А.Ю. Мохорова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.Yu. Mokhorova,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: mokhorova@list.ru

Я.В. Чернозёмова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

Ya.V. Chernozemova,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: yanaa20@mail.ru

Аннотация. Борьба с терроризмом объединяет государства с целью обеспечить безопасность населения и бесперебойность осуществления государственной власти. Исследование направлено на изучение участия Российской Федерации в региональных организациях, в компетенцию которых входит борьба с террористическими угрозами и выявление влияния международного сотрудничества на правовые и организационные основы противодействия терроризму на территории России.

Abstract The fight against terrorism unites States in order to ensure the safety of the population and the uninterrupted exercise of State power. The research is aimed at studying the participation of the Russian Federation in regional organizations responsible for combating terrorist threats and identifying the impact of international cooperation on the legal and organizational foundations of countering terrorism in Russia.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, региональные международные организации, международное сотрудничество, Содружество Независимых Государств, Организация договора о коллективной безопасности

Key words: terrorism, counter-terrorism, regional international organizations, international cooperation, the Commonwealth of Independent States, the collective security treaty organization

Терроризм уже на протяжении длительного времени выступает одной из глобальных проблем, стоящих перед человечеством, при этом данная проблема носит экстерриториальный характер и не может быть решена локально. Требуются усилия всего мирового сообщества и тесное сотрудничество государств отдельных регионов.

Для Российской Федерации угроза терроризма является достаточно острой. В связи с этим страна активно вовлечена в мероприятия, направленные на пресечение террористической активности. Помимо участия в универсальных конвенциях, разрабатываемых и принимаемых ООН, Россия является членом региональных организаций евразийского пространства, целями которых являются обеспечение безопасности, в том числе и от террористических действий.

Выступая ведущим государством на постсоветском пространстве, Россия продвигает инициативы по борьбе с терроризмом в рамках Содружества Независимых Государств и Организации Договора о коллективной безопасности, осуществляя деятельность, касающуюся как разработки правовых положений, так и создания региональных институтов, проведения антитеррористических учений.

Проанализировав российское законодательство на соответствие нормам, принятым в указанных региональных организациях, можно прийти к выводу, что в правовом поле противодействия терроризму в Российской Федерации действуют такие правовые акты, которые в полном объеме соответствуют рекомендациям, выработанным в рамках СНГ и ОДКБ. В качестве примера можно привести определение понятия терроризм, на котором строится все дальнейшее правовое регулирование в данной сфере. В РФ оно отличается от модельных указаний на дополнительный субъект воздействия – органы публичной власти федеральных территорий, присутствие которого не характерно для других государств-участников объединений.

Таблица 1

Сравнительный анализ определения «терроризм» [2, с. 144]

актор	определение	НПА
ОДКБ, СНГ	идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий	Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности [9]; Модельный закон "О противодействии терроризму" Принят на 33 пленарном заседании МПА СНГ (постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 года) [6].
РФ	идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий	Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7]; Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 года № 63-ФЗ [10].

Институциональное взаимодействие выражается в создании специализированных структур. Так, на территории СНГ действует Антитеррористический центр государств-участников СНГ, предназначенный для обеспечения координации взаимодействия их компетентных органов в области борьбы с международным терроризмом [9].

Стратегическое руководство и координацию деятельности АТЦ обеспечивает Совет руководителей органов безопасности и специальных служб (СОРБ). Центр взаимодействует с иными структурами Содружества, наделёнными полномочиями в сфере противодействия терроризму, включая Совет министров внутренних дел, Совет министров обороны, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений, а также с другими профильными органами.

Такое межведомственное сотрудничество способствует выработке комплексных подходов к нейтрализации угроз безопасности, оптимизации использования ресурсов и активизации информационного обмена между государствами – участниками СНГ [4, с. 540].

В ОДКБ сформированы Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) Центральноазиатского региона, рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом [8, с. 679]. Комитет секретарей советов безопасности (КССБ) ОДКБ осуществляет координацию национальной безопасности, включая антитеррор; проводит заседания по угрозам и операциям.

В связи с тем, что террористические угрозы в евразийском регионе выходят за пределы постсоветского пространства, Россия принимает участие в борьбе с терроризмом в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества.

В рамках противодействия «трем силам зла» (терроризму, экстремизму и наркотрафику) ключевым инструментом Шанхайской организации сотрудничества выступает Региональная антитеррористическая структура (РАТС). Деятельность этого органа включает организацию совместных военных учений, координацию обмена разведанными о перемещении террористических групп, а также процедуры экстрадиции подозреваемых. Кроме того, мандат РАТС распространяется на нейтрализацию нетрадиционных вызовов безопасности — от киберугроз до торговли людьми.

28 мая 2018 года между РАТС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ был заключен «Меморандум о взаимопонимании в сфере сотрудничества и взаимодействия» [5]. В соответствии с ним стороны на взаимной основе обмениваются информацией об актуальных террористических и экстремистских угрозах, итогах своей работы по борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также проводимых и планируемых антитеррористических и антиэкстремистских мероприятиях, проводят взаимные консультации по вопросам деятельности, совершенствования сотрудничества и взаимодействия.

30.01.2026г. Секретариате ОДКБ проведено 12-е заседание постоянно действующей экспертной группы АТЦ СНГ, ИК РАТС ШОС и Секретариата ОДКБ. В ходе заседания рассмотрены вопросы о новых элементах обстановки в сфере противодействия терроризму и экстремизму, тенденциях ее развития, правовые основы и проблематика в сфере борьбы с международным терроризмом, а также развитие информационных систем коллективного пользования в Организациях.

На протяжении длительного периода времени проводятся организационные мероприятия, связанные с «отработкой» совместных действий государств по противодействию терроризму, в которых Россия принимает активное участие (Таблица 2):

Антитеррористические учения за последние 20 лет [3, с. 171]

Год	Название	Международная организация
2005	Мирная миссия КАСПИЙ-АНТИТЕРРОР	ШОС СНГ
2006	АТОМ-АНТИТЕРРОР	СНГ
2007	Мирная миссия БАЙКОНУР-АНТИТЕРРОР	ШОС СНГ
2008	БАСТИОН-АНТИТЕРРОР	СНГ
2009	Мирная миссия	ШОС
2010	Мирная миссия Взаимодействие	ШОС ОДКБ
2011	Тянь-Шань-2 ДОНБАСС-АНТИТЕРРОР	ШОС СНГ
2012	Мирная миссия ДОН-АНТИТЕРРОР Взаимодействие	ШОС СНГ ОДКБ
2013	Мирная миссия АЛА-ТОО-АНТИТЕРРОР Взаимодействие	ШОС СНГ ОДКБ
2014	Мирная миссия ЖЕТЫСУ–АНТИТЕРРОР Взаимодействие	ШОС СНГ ОДКБ
2015	Сямынь (противодействие киберугрозам) Взаимодействие	ШОС ОДКБ
2016	Мирная миссия КИБЕР-АНТИТЕРРОР Взаимодействие	ШОС СНГ ОДКБ
2017	ДУШАНБЕ-АНТИТЕРРОР	СНГ
2018	Мирная миссия ИССЫК-КУЛЬ-АНТИТЕРРОР	ШОС СНГ
2019	Центр АРАРАТ-АНТИТЕРРОР	ШОС СНГ
2019–2021	Солидарность	ШОС
2020 (сентябрь 2021)	Мирная Миссия	ШОС
2021	КАСПИЙ-АНТИТЕРРОР Взаимодействие	СНГ ОДКБ
2022	Восток-2022 СОДРУЖЕСТВО-АНТИТЕРРОР	Многосторонний СНГ
2023	ЕВРАЗИЯ-АНТИТЕРРОР Пояс морской безопасности Взаимодействие	СНГ Многосторонний ОДКБ
2024	Мирная миссия Взаимодействие	ШОС ОДКБ
2025	Саханд-антитеррор Нерушимое братство Содружество-антитеррор	ШОС ОДКБ СНГ

С течением времени тематика учений расширялась от классических контртеррористических операций к противодействию киберугрозам, защите морских рубежей и обеспечению безопасности цифрового пространства, что отражает трансформацию самого феномена терроризма и появление новых вызовов.

Российская Федерация неизменно выступает не только активным участником, но и инициатором многих из перечисленных мероприятий, подтверждая свой статус ключевого актора в системе евразийской безопасности.

Однако современная динамика развития террористических угроз свидетельствует о том, что даже регулярное проведение масштабных манёвров, охватывающих всё более широкий спектр направлений, уже не в полной мере отвечает скорости изменений тактики террористических структур. Сегодня террористические организации всё активнее осваивают киберпространство, используя его для пропаганды, вербовки, сбора средств, координации атак и дестабилизации критической информационной инфраструктуры. В этих условиях традиционные форматы взаимодействия, ориентированные преимущественно на силовое подавление уже совершённых или готовящихся актов насилия, утрачивают прежнюю эффективность без опережающего аналитического сопровождения. Дальнейшее развитие сотрудничества объективно потребует не столько наращивания количества учений и иных мероприятий, сколько углубления интеграции разведывательных, аналитических и правоприменительных ресурсов, а также унификации критериев оценки рисков в условиях цифровой трансформации террористических угроз.

Назрела необходимость перехода к системе совместного прогнозирования террористических рисков на основе больших данных, искусственного интеллекта и единых индикаторов угроз. Перспективным направлением представляется формирование межгосударственных цифровых платформ, позволяющих в режиме реального времени обмениваться не только итоговыми отчётами, но и первичной оперативной информацией с соблюдением баланса между транспарентностью и защитой национальных интересов.

Таким образом, Российская Федерация как участник региональных организаций по борьбе с терроризмом, испытывает влияние их деятельности, которое отражается на разных сферах реализации антитеррористических мероприятий: от правового регулирования до участия в создании специальных структур, от обмена информацией до проведения комплексных антитеррористических учений.

Выработанные подходы имплементируются в российское законодательство и правоприменительную практику, одновременно дополняясь национальной спецификой. В свою очередь, российский опыт противодействия терроризму востребован партнёрами по интеграционным объединениям и способствует повышению эффективности региональной архитектуры безопасности в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатывалдиева А., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023. № 6(6). С. 674–684.
2. Мохорова А., Демидов В., Черноземова Я. Реализация международных конвенций по борьбе с терроризмом: региональный уровень // Актуальные вопросы международной политической географии: материалы конференции (TIPG 2024), [б.м.], 2024 г. Cham: Springer, 2026. С. 139–155.

3. Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В., Демидова Е. Н. Россия — участник международных организаций по противодействию терроризму в евразийском регионе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4(32). С. 164–175.

4. Черноземова Я. В., Мохорова А. Ю., Демидова Е. Н. Терроризм как фактор политических процессов на постсоветском пространстве // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сочи (Адлер), 28 марта – 01 апреля 2025 года. Краснодар: Перспективы образования, 2025. С. 537–543.

5. Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ от 28.05.2018. – URL: https://antiterror.odkbcsto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum (дата обращения: 25.02.2026).

6. О противодействии терроризму: модельный закон: принят на 33 пленарном заседании МПА СНГ постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 года. – URL: <https://iacis.ru> (дата обращения: 22.02.2026).

7. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: офиц. текст по состоянию на от 31.12.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

8. Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности // ОДКБ. Парламентская Ассамблея: официальный сайт. – 2025. – URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatelnyy-glossariy-terminov-i-opredeleniy-gosudarstv-98e7e712-01ff-4efc-aaac-291fb8b44875> (дата обращения: 12.02.2026).

9. Решение Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г. «О создании Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств» (вместе с Положением об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 2000. № 2 (35). С. 128–130.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 23.07.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

ФОРУМ КИТАЙ–CELAC КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АМЕРИКАНСКОЙ «ДОКТРИНЕ МОНРО 2.0»

CHINA–CELAC FORUM AS A TOOL OF RESISTANCE TO THE U.S. “MONROE DOCTRINE 2.0”

Му Ясюань,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

Mu Yaxuan,

Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: muyaxuan79@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается Форум Китай–CELAC как инструмент противодействия американской «Доктрине Монро 2.0» в условиях обострения соперничества великих держав в Латинской Америке в 2025–2026 гг. Показано, что современная версия американской региональной стратегии уже не ограничивается традиционным геополитическим контролем, а реализуется через комплексное сочетание финансовых ограничений, технологического вытеснения, перестройки союзов и секьюритизации вопросов инфраструктуры, миграции и транснациональной преступности. Особое внимание уделяется тому, как в новых условиях США стремятся вытеснить из региона Китай и Россию и усилить давление на неудобные правительства. На этом фоне анализируются основные направления сотрудничества в рамках Форума Китай–CELAC — финансовое, инфраструктурное, цифровое, ресурсное и институциональное. Делается вывод, что форум выполняет не только функцию экономической кооперации, но и формирует для стран региона пространство внешнеполитического маневра, снижает степень их зависимости от американской повестки безопасности и выступает как важный механизм сдерживания одностороннего доминирования США. В более широком плане Форум Китай–CELAC рассматривается как значимый институциональный ориентир для укрепления автономии Латинской Америки и развития кооперации стран Глобального Юга.

Abstract. The article examines the China–CELAC Forum as a tool of resistance to the U.S. “Monroe Doctrine 2.0” amid the intensifying great-power rivalry in Latin America in 2025–2026. It argues that the contemporary version of the U.S. regional strategy is no longer limited to traditional geopolitical control, but is implemented through a complex combination of financial pressure, technological exclusion, alliance restructuring, and the securitization of infrastructure, migration, and transnational crime. Special attention is paid to the way in which the United States has sought to push China and Russia out of the region and increase pressure on governments unwilling to align with Washington. Against this background, the article analyzes the main areas of cooperation within the China–CELAC Forum, including finance, infrastructure, digital development, strategic resources, and institutional coordination. It concludes that the Forum performs not only the function of economic cooperation, but also creates room for foreign-policy maneuver for Latin American states, reduces their dependence on the U.S.-centered security agenda, and serves as an important mechanism for constraining unilateral U.S. dominance. More broadly, the China–CELAC Forum is interpreted as a significant institutional reference point for strengthening Latin American autonomy and advancing cooperation among the countries of the Global South.

Ключевые слова: Доктрина Монро 2.0; форум Китай–CELAC; Латинская Америка; США; Китай; сдерживающий эффект; многополярность; Глобальный юг

Key words: Monroe doctrine 2.0; China–CELAC forum; Latin America; the United States; China; constraining effect; multipolarity; Global south

В 1823 г. пятый президент США Джеймс Монро сформулировал «доктрину Монро», суть которой заключалась в недопущении вмешательства европейских держав в дела Америки и закреплении за Соединенными Штатами статуса «защитника» и ведущей силы региона [1]. В условиях глобализации и цифровизации так называемая «Доктрина Монро 2.0» уже не сводится к традиционному геополитическому контролю, а представляет собой систему политических, экономических и технологических ограничений, реализуемых через цифровую инфраструктуру, торговые правила и интеграцию цепочек поставок [2]. Такой контроль означает не просто продолжение прежних интервенционистских практик, а их комплексную модернизацию: в финансово-экономической сфере США используют кредитные условия и инструменты развития для воздействия на политический выбор стран Латинской Америки; в технологической сфере — укрепляют свои позиции за счет вытеснения китайских компаний, навязывания стандартов сертификации и секьюритизации инфраструктурных вопросов; в регионально-политической сфере — посредством перестройки союзов и расширения повестки безопасности включают транснациональную преступность, миграцию и присутствие внешних конкурентов в единую систему управления под американским контролем.

На практике это выражается в «мягкой модернизации» механизмов вмешательства. В экономической сфере США влияют на политический курс стран региона через условия кредитования МВФ [3]; в идеологической сфере — поддерживают проамериканские силы под лозунгом «продвижения демократии»; в технологической сфере — оказывают давление на страны Латинской Америки, добиваясь исключения китайских компаний из строительства сетей 5G. Так, в период президентства Дональда Трампа компания Huawei под давлением США лишилась контракта на реализацию проекта 5G в Мексике стоимостью 3,7 млрд долл. [4]

Параллельно США усиливают геополитический контроль за счет перестройки региональных альянсов и все активнее секьюритизируют обычное экономическое и технологическое сотрудничество Китая и России со странами региона. Показателен пример с политизацией китайско-аргентинского сотрудничества в космической сфере [5]. Кроме того, вопросы транснациональной преступности, нелегальной миграции и региональной безопасности постепенно превращаются в инструменты укрепления американского военно-политического присутствия в Латинской Америке. Характерным примером служит развертывание многонациональной миссии поддержки безопасности на Гаити в соответствии с резолюцией 2699 Совета Безопасности ООН (2023) [6].

В 2025–2026 гг. эта логика секьюритизации приобрела еще более наступательный и эксклюзивный характер. США уже не ограничиваются формированием правил и политическим давлением, а напрямую включают в сферу национальной безопасности вопросы, связанные с каналами, портами, сетями 5G, стратегическими минералами, миграционным управлением и транснациональной преступностью. В новой Стратегии национальной безопасности США 2025 г. Западное полушарие прямо определяется как ключевое пространство американской безопасности; в документе подчеркивается необходимость не допустить закрепления «враждебных государств» в критической инфраструктуре и цепочках поставок региона, а также увязать вопросы миграции, преступности и внешнего

стратегического соперничества [7]. Это свидетельствует о том, что «Доктрина Монро 2.0» эволюционирует от сравнительно скрытых форм структурного контроля к более комплексной, институционализированной и секьюритизированной модели.

Следовательно, в рамках «Доктрины Монро 2.0» Соединенные Штаты не только стремятся ограничить влияние внешних конкурентов, но и постоянно расширяют сферу применения повестки безопасности, используя ее как инструмент углубления своего вмешательства в дела Латинской Америки.

На этом фоне, по мере того как политика США в отношении региона все более приобретает черты секьюритизации, исключения конкурентов и прямого давления, сотрудничество Китая со странами Латинской Америки в рамках Форума Китай–CELAC выходит за пределы обычных торгово-экономических связей и все отчетливее становится механизмом расширения политического маневра и диверсификации путей развития для государств региона.

Прежде всего это проявляется в финансовой сфере. В 2023 г. чилийская государственная медедобывающая компания CODELCO разместила облигации в юанях под 7,2%, что было ниже доходности долларовых облигаций за тот же период (9,8%); это не только снизило стоимость финансирования, но и способствовало интернационализации юаня. В инфраструктурной сфере китайские компании инвестировали 4,7 млрд долл. в аргентинский гидроэнергетический проект и совместно с местной стороной создали механизм экологической экспертизы, что позволило сократить срок согласования проекта с 18 до 7 месяцев [11]. В цифровой сфере Huawei и ZTE активно участвуют в развитии инфраструктуры 5G в регионе: в 2023 г. доля китайских компаний в инвестициях в цифровую инфраструктуру Латинской Америки достигла 37%, а в Бразилии – 58% базовых станций, задействованных в аукционе 5G 2024 г., использовали китайские стандарты; интеграция интеллектуальной энергосистемы Сан-Паулу с облачной платформой Huawei снизила потери электроэнергии с 17% до 9% [12]. В ресурсной сфере китайские компании занимают важные позиции в разработке литиевых месторождений: например, консорциум CBC с участием CATL реализует в Боливии проект прямого извлечения лития, где уровень извлечения может превышать 80% [13]. Наряду с этим форум способствует институционализации сотрудничества за счет «Совместного плана действий Китай–CELAC на 2025–2027 гг.» [11].

Все это показывает, что Форум Китай–CELAC уже не является простым набором разрозненных проектов, а постепенно превращается в комплексный механизм сотрудничества в финансовой, инфраструктурной, цифровой, ресурсной и институциональной сферах. Именно поэтому США все чаще склонны переводить те вопросы, которые ранее относились к развитию и сотрудничеству, в категорию проблем национальной безопасности [7][8]. Иными словами, практика взаимодействия в рамках Форума Китай–CELAC уже затрагивает те интересы, на которых долгое время основывалось американское доминирование в Западном полушарии.

Постепенно это сотрудничество начинает трансформироваться в институционализированную способность оказывать реальное воздействие на позиции США в регионе. Так, доля Федеральной комиссии по связи США (FCC) на рынке сертификации оборудования в Латинской Америке снизилась с 89% в 2021 г.

до 37% в 2024 г.; кроме того, Аргентина создала трансграничную платежную систему в юанях, что ослабило доминирование доллара [14]. Эти изменения позволяют рассматривать Форум Китай–CELAC как важный инструмент сдерживания американской гегемонии в Латинской Америке. Однако в условиях, когда в 2025–2026 гг. политика США в регионе становится все более наступательной, секьюритизированной и милитаризированной, сдерживающую функцию форума не следует понимать как прямую замену американского влияния. Скорее речь идет о том, что форум предоставляет странам региона пространство для политического маневра, диверсификации внешнего сотрудничества и укрепления институциональной автономии в условиях, когда США усиливают давление, направленное на вытеснение Китая и России и на принуждение неудобных правительств.

Если в предыдущих разделах речь шла прежде всего о практическом сдерживании американского доминирования в экономической, технологической и финансовой сферах, то в более широком плане значение Форума Китай–CELAC связано также с альтернативной логикой сотрудничества и с представлениями о международном порядке. Принципы равенства, взаимной выгоды и невмешательства, лежащие в основе форума, явно контрастируют с гегемонистской логикой «Доктрины Монро 2.0». Такая модель сотрудничества способствует объединению ресурсов стран Юга, усиливает их позиции в международной системе и одновременно поддерживает формирование более справедливого порядка.

В контексте венесуэльского кризиса 2026 г. данное институциональное значение может быть интерпретировано и как форма «антибуллинговой» функции в международных отношениях. Как отмечает Дай Вэйлай, американские военные действия в отношении Венесуэлы и захват Николаса Мадуро свидетельствуют о том, что политика США сместилась от «формирования правил» к более прямому применению силы, что, в свою очередь, стимулирует консолидацию стран Глобального Юга вокруг идей противодействия силовой политике, внешнему вмешательству и защиты принципа суверенного равенства [9][10]. В этом смысле Форум Китай–CELAC выступает не только механизмом китайско-латиноамериканского сотрудничества, но и институциональным ориентиром, предлагающим странам региона иную модель взаимодействия — отличную от американской секьюритизированной логики управления. Поэтому форум можно рассматривать и как важный региональный узел более широкой кооперации стран Глобального Юга, направленной на противодействие политике давления и принуждения.

В целом эскалация политики США в Латинской Америке в 2025–2026 гг. показывает, что «Доктрина Монро 2.0» приобретает все более наступательный, эксклюзивный и милитаризованный характер. На этом фоне Форум Китай–CELAC, опираясь на сотрудничество в финансовой, цифровой, ресурсной и институциональной сферах, предлагает странам Латинской Америки альтернативу американской модели секьюритизированного управления. Его значение состоит не только в противодействии американскому влиянию, но и в сохранении для государств региона пространства внешнеполитического маневра и в продвижении более самостоятельной и институционально оформленной модели регионального сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. U.S. Department of State. Monroe Doctrine, 1823. URL: <https://history.state.gov/milestones/1801-1829/monroe> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Ун Син. Глобальные игры великих держав и новый мирный порядок: китайско-американские отношения в эпоху «Трамп 2.0» — проблемы США, логика их политики и её мировое влияние. Специальный отчет. Pengyuan Credit Rating Co., Ltd, Отдел исследований и развития. 17.03.2025. С. 1–2.
3. Цао Юн и др. Политико-экономический анализ кредитов МВФ: модели и конкретные случаи // Известия по международной политике. 2005. № 4. С. 93–106.
4. Ван Хуэйчжи, Фу Лиюань. Латиноамериканское строительство 5G в контексте американо-китайской технологической игры: вызовы и перспективы // Латиноамериканские исследования. 2022. Т. 44. № 2. С. 71.
5. Fundación Andrés Bello. Diplomatic tension over Chinese presence at Argentine space station. 02.04.2024. URL: <https://www.fundacionandresbello.org/en/news/argentina-%F0%9F%87%A6%F0%9F%87%B7-news/diplomatic-tension-over-chinese-presence-at-argentine-space-station/> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Resolution 2699 (2023) / adopted by the Security Council at its 9430th meeting, on 2 October 2023 [on authorization to Member States to form and deploy a Multinational Security Support Mission in Haiti (MSS) for an initial period of 12 months] // United Nations Digital Library. 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4022890> (дата обращения: 19.03.2026).
7. The White House. National Security Strategy of the United States of America. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).
8. U.S. Southern Command. Posture Statement before the House Armed Services Committee. 2025. URL: https://armedservices.house.gov/uploadedfiles/ussouthcom_posture_statement_hasc_final.pdf (дата обращения: 19.03.2026).
9. U.S. Department of State. Трамп заявил о захвате Николаса Мадуро: стенограмма пресс-конференции (перевод). 03.01.2026. URL: <https://www.state.gov/translations/chinese/20260103-trump-press-conference-venezuela-maduro-january-3-2026/> (дата обращения: 19.03.2026).
10. Дай Вэйлай. Международный антибуллинг-единственный фронт: логика формирования, внутренние противоречия и пути практической реализации — на основе анализа венесуэльского кризиса 2026 года // Исследования единого фронта. 2026. (сетевое размещение).
11. Китайская Народная Республика и Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна. Пекинская декларация IV министерской встречи Форума Китай – CELAC. 13.05.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/202505/t20250513_11622184.shtml (дата обращения: 15.06.2025).
12. Жэньминь Жибао. Китай и Латинская Америка раскрывают потенциал сотрудничества в области цифровых технологий. 01.08.2024. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0AM6TSL9.html> (дата обращения: 15.06.2025).
13. Gallardo: el Gobierno cumplió con su parte, ahora es responsabilidad del Legislativo aprobar o rechazar el contrato de litio con CBC // Yacimientos de Litio Bolivianos. URL: https://www.ylb.gob.bo/index.php/nota_prensa/gallardo-el-gobierno-cumplio-con-su-parte-ahora-es-responsability-del-legislativo-aprobar-o-rechazar-el-contrato-de-litio-con-cbc/ (дата обращения: 19.03.2026).
14. Гоу Мяофэн. Внимание! China UnionPay запустила свою работу в Аргентине, и платежи в юанях стали возможны. Huaren Toutiao: Аргентина. 09.12.2024. URL: <https://www.52hrrt.com/klln/n/w/info/D1733452739646> (дата обращения: 15.06.2025).

**ТРАНС-ЕВРАЗИЙСКИЙ ПОЯС РАЗВИТИЯ: ИНВЕСТИЦИИ,
ПОТЕНЦИАЛ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ МЕГАПРОЕКТА**

**TRANS-EURASIAN DEVELOPMENT BELT: INVESTMENTS POTENTIAL
AND GEO-ECONOMIC CHALLENGES OF THE MEGAPROJECT**

П.А. Ронжина,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Polina A. Ronzhina,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: ronzhina.pa@edu.spbstu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу Транс-евразийского пояса развития (ТЕПР) как важного элемента современной геоэкономической системы, интегрирующей государства Азии и Европы. Исследование акцентирует внимание на инвестиционном потенциале мегапроекта, заключающийся в развитии таких тенденций как создание новых возможностей для внутриконтинентальных регионов и стремлении к формированию конкурентноспособной альтернативы другим маршрутам. Цель работы — анализ факторов, способствующих устойчивому росту, включая государственные субсидии и национальные инвестиции в модернизацию инфраструктуры и выявление комплекса геоэкономических вызовов, препятствующих полной реализации потенциала Транс-евразийского пояса развития. Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, позволяющий рассмотреть Транс-евразийский пояс развития как многоаспектное явление, включающее инфраструктурные, экономические и геополитические элементы. В работе используются общенаучные методы: анализ и синтез информации из научных источников и материалов международных организаций. В частности, в статье рассматривается динамика транспортных потоков на основе статистических данных, а также обобщаются сведения о реализованных и планируемых инфраструктурных проектах в контексте логистического развития Евразии. В заключение предложены стратегические рекомендации для преодоления выявленных барьеров, указывающие на основополагающую роль международного сотрудничества и целенаправленных инвестиций в инфраструктуру, обеспечивающую поддержку и оптимизацию транспортно-логистической инфраструктуры для формирования в Евразии эффективного экономического пространства.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the Trans-Eurasian Development Belt (TEPR) as an important element of the modern geo-economic system integrating the states of Asia and Europe. The study focuses on the investment potential of the megaproject, which consists in the development of such trends as: the creation of new opportunities for inland regions and the desire to form a competitive alternative to other routes. The purpose of the work is to analyze the factors contributing to sustainable growth, including government subsidies and national investments in infrastructure modernization, and to identify a set of geo-economic challenges that impede the full realization of the potential of the Trans-Eurasian Development Belt. The methodological basis of the study is an integrated approach that allows us to consider the Trans-Eurasian Development Belt as a multifaceted phenomenon that includes infrastructural, economic and geopolitical elements. The work uses general scientific methods: analysis and synthesis of information from scientific sources and materials of international organizations. In particular, the article examines the dynamics of traffic flows based on statistical data, as well as summarizes information on implemented and planned infrastructure projects in the context of the logistics development of Eurasia. In conclusion, strategic recommendations are proposed to overcome the identified barriers, pointing to the fundamental role of international cooperation and targeted investments in infrastructure that provides support and optimization of transport and logistics infrastructure for the formation of an effective economic space in Eurasia.

Ключевые слова: Транс-евразийские коридоры, инвестиции, железнодорожные перевозки, евразийская интеграция, инфраструктурные проекты, логистика, мегапроект

Key words: Trans-Eurasian corridors, investments, rail transportation, Eurasian integration, infrastructure projects, logistics, mega-project

Введение. Транс-евразийский пояс развития в настоящее время является одним из значимых и амбициозных концепций в современной геоэкономике. Данный мегапроект нацелен на повышение континентальной сплоченности посредством развития инфраструктуры в транспортной, логистической, энергетических сферах. Более того, проект имеет социально-экономический и геополитический характер, который способствует взаимовыгодному сотрудничеству между странами Евразийского региона [1]. Мегапроект неразрывно связан с такими проектами, как «Экономический пояс Шёлкового пути», инициативу Один пояс, один путь». Данный концепт нацелен на расширение евразийской экономической зоны, что может способствовать положительным геоэкономическим последствиям в средней и далекой перспективе [2]. В статье ключевая цель заключается в анализе и синтезе основных аспектов Транс-евразийского пояса развития как элемента современной геоэкономики, объединяющих государства Евразийского региона. Методология исследования заключается в системном подходе: рассматриваются инфраструктурные, экономические, геополитические элементы. Анализируются статистические данные железнодорожных компаний, международных экономических организаций, научные журналы.

Суть Транс-евразийского пояса развития. Строительство Великого Сибирского Рельсового Пути — Транссиба стало одним из самых успешных инфраструктурных проектов в российской и мировой истории, который способствовал более эффективной евразийской экономической и культурной интеграции [3]. Другими большими реализованными идеями были строительство БАМа (Байкало-Амурская магистраль), план ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России), атомный и космический проекты. В текущих условиях геополитической напряженности странам Евразийского региона, включая Россию, важно создать подобную устойчивую и эффективную логистическую и экономическую структуру. Данный мегапроект является необходимым для реализации евразийской интеграции, в него входят множество инициатив и целей. В рамках ТЕПР в настоящее время реализовываются и планируют реализовываться множество масштабных проектов и инициатив, среди которых механизм регионального сотрудничества «Волга-Янцзы», строительство железнодорожного моста через реку Хэйлун между Россией и Китаем, Ямал СПГ [4], Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». Кроме того, набирает обороты тенденция расширения сети «сухих портов» в Китае, Беларуси, Казахстане, России [5] и создание международных транспортных коридоров (Транс-евразийских коридоров). Учреждаются и межгосударственные транспортные органы — Координирующее транспортное совещание (КТС), Совет по железнодорожному транспорту, Межгосударственный авиационный комитет, а также Совет по транспортной политике при Интеграционном комитете ЕвразЭС. Тем самым создаются реальные предпосылки для реализации основной цели сотрудничества в области транспорта и логистики — формирования единого транспортного пространства (ЕТП) [6], что является одной из важнейших составляющих

Транс-евразийского пояса развития. Более того, торговое сотрудничество стран Евразии отображается через эконометрические и статистические методы, такие как Индекс торговой комплементарности [7]. Индекс торговой комплементарности показывает, в какой степени экспортный профиль страны соответствует или дополняет импортный профиль страны-партнера. Высокий индекс может указывать на то, что обе страны выиграют от увеличения объемов торговли.

Перспективы Мегaproекта. Потенциал Транс-евразийского пояса развития подкрепляется динамикой роста грузопотоков, целенаправленными инвестициями и социально-экономической выгодой для стран-участников. Благодаря Транс-евразийским коридорам появилась положительная динамика роста железнодорожных контейнерных перевозок, объемы перевозок по евразийским маршрутам кратно увеличились. Так, благодаря Среднему торгово-транспортному коридору, проходящему через Китай, Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию, показатели объема грузовых перевозок между странами, в том числе в Китае, увеличились более, чем в 3 раза. Отдельные виды грузоперевозок демонстрировали рост от 30 до 100% [8]. Данные объясняются главным образом существенным сокращением сроков доставки: железнодорожный путь из Азии в Европу в среднем занимает 10-18 дней, в то время как морской путь 35-45 дней [9]. Прогноз развития данных маршрутов достаточно оптимистичен, особенно в условиях санкционных ограничений, стимулирующие поиск и развитие новых маршрутов. Рассмотрим инвестиционный потенциал Мегaproекта. Значительную часть средств вкладывают непосредственно национальные инвестиции государств-участников. Россия на протяжении долгого времени инвестирует в модернизацию и расширение Транссибирской магистрали, развитие энергетической и ресурсной инфраструктуры, например, проект освоения нефтяных месторождения «Восток Ойл», сотрудничает с проектами других государств Евразии. Правительство России также развивает социальную сферу в рамках Мегaproекта посредством учреждения социальных программ («Дальневосточный гектар», «Арктический гектар») и созданием рабочих мест в областях новообразованной инфраструктуры. Стоит упомянуть и китайские инвестиции и субсидии, которые с 2010-х годов играют одну из самых важных ролей [10]. Невозможно не упомянуть международные финансовые институты, обеспечивающие долгосрочное и капиталоемкое финансирование. Таким образом, Евразийский банк развития способствует финансированию проектов в рамках КИМП «Евразийский транспортный каркас» (включая транспортные коридоры) [11], а Евразийский фонд развития способствует реконструкции автомобильных дорог, автомобильных коридоров, реабилитации ГЭС, иными словами, инвестиционные кредиты ЕФСР направлены на развитие инфраструктуры в сфере транспорта, энергетики [12]. Более того, данные организации сотрудничают с такими финансовыми институтами, как МВФ, Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, с которыми также реализуются проекты в сферах реабилитации ГЭС и строительстве дорог. Таким образом, указанные факторы в совокупности укрепляют среднесрочный и долгосрочный потенциал ТЕПР, раскрывая все больше возможностей со временем.

Угрозы реализации Мегaproекта. Несмотря на положительные оценки и успешные реализованные задачи, ТЕПР также сталкивается с геоэкономическими вызовами и барьерами реализации проекта. Один из основных вызовов —

транзакционные и инфраструктурные ограничения. Особое значение в данных ограничениях имеет проблема ширины железнодорожной колеи, известная как «Пространство 1520» [13]. Большая часть транспортных маршрутов по Транс-евразийским путям проходят через страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), среди которых Россия, Казахстан, Беларусь, где используется стандарт колеи 1520 мм. Однако в Китае и Европе применяется другой стандарт — 1435 мм. Данные различия создают более финансовозатратные и времязатратные условия, требующие специальные перегрузочные терминалы и специализированного оборудования, что напрямую влияет на стоимость и пропускную способность всего маршрута. Присутствуют и институциональные риски, такие как политические потрясения, глобальные экономические кризисы, санкционная политика. Такие ограничения создают барьеры для транзита и инвестиции, что также негативно влияет на реализацию Мегапроекта. На институциональном уровне возникает проблема доступности новых путей взаимодействия, например, проблемы доступности цифровой логистики, которая может в 1,5-2 раза увеличить целевые показатели пропускной способности [14]. Кроме того, проект также сталкивается со значительным износом национальной инфраструктуры. Учитывая данные проблемы, ТЕПР может столкнуться и с инвестиционным риском. Преодоление данных вызовов требует тесного регионального сотрудничества и поэтапных инвестиций не только в физическую инфраструктуру, но и в стабилизацию регуляторной среды и укрепление институциональных механизмов.

Рекомендации оптимизации реализации Мегапроекта. Использование единых стандартов, таких как «Пространство 1520», обеспечит более эффективную процедуру унификации технических регламентов, норм в сфере железнодорожного транспорта [15]. Внедрение глобальной цифровизации транспортных сетей Мегапроекта позволит оптимизировать взаимодействие поставщиков, клиентов. Таким образом, был создан Единый каталог услуг Холдинга «РЖД» в России [16]. Не менее важна разработка экспертиз крупномасштабных проектов ТЕПР, которые будут проводить их оценку, актуальность, риски, окупаемость. Направление инвестиций не только на практические проекты, но и на стабилизацию среды и модернизацию вспомогательной инфраструктуры, укрепление институционального взаимодействия. Следует также развивать межправительственные соглашения, с помощью которых возможно установление нетарифных барьеров, упрощение логистики и создание юридической основы для дальнейшего сотрудничества.

Выводы. В статье проведен анализ Транс-евразийского пояса развития, который подтверждает его значительную роль в формировании Евразийского экономического пространства. Мегапроект демонстрирует инвестиционный потенциал, который проявляется в реализации крупных энергетических, транспортных проектов. Потенциал подкрепляется крупными национальными и международными инвестициями, а также общим технологическим прогрессом. Однако существуют и глобальные вызовы, препятствующие реализации Мегапроекта, среди которых — транзакционные издержки, институциональные различия и потрясения, износ национальной инфраструктуры. Приведены стратегические рекомендации для предотвращения и преодоления возможных и существующих рисков, которые подчеркивают важность межрегионального сотрудничества, комплексного подхода к реализации логистических и транспортных проектов и внедрения современных технологий для оптимизации ТЕПР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Осипов Г. В., Карепова С. Г., Некрасов С. В. Инфраструктурный мегапроект «Транс-Евразийский Пояс развития (ТЕПР) – Интегральная Евразийская Транспортная система (ИЕТС)» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №1 2. – с. 394-397.
2. Дугин А.Г. Основы Евразийства. – 1-е изд. – Москва: ОПОД Евразия, 2002. – 800 с.
3. Стариков И. В., Крылов С.И. Единая Евразия: Транс-Евразийский // Стариков И. В., Крылов С.И. 2019. – С. 9.
4. Цзэн Юйцзе Российско-китайское экономическое сотрудничество: современное состояние и перспективы развития: дис. д-т. Ван Цзюньтао зар. рег. наук: 41.03.01. – Санкт-Петербург, 2023. – 60 с.
5. Филина В. Н. Транспортные логистические услуги в России в условиях интеграции в мировой рынок // Проблемы прогнозирования. 2009. №3. – с. 45-57.
6. Подберёзкина О.А. Транспортные коридоры в российских интеграционных проектах (на примере ЕАЭС) // Международные отношения и Мировая политика. – С. 58-65.
7. Козырев А. С. Особенности интеграционных усилий Ирана в торговых связях с Россией // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 4. – С. 53-64.
8. Грузовые перевозки // National Bureau of Statistics of China URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=C01> (дата обращения: 13.11.2025).
9. Горчаков Виктор Васильевич Российско-китайское сотрудничество в области транспорта // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. №3 (104). – С. 11-21.
10. Аверьянов А. В., Гордиенко Р. А. Роль Китая в современных международных отношениях: от региональной гегемонии к глобальному лидерству // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2023. №1. – С. 10-18.
11. Годовой отчет Правления Евразийского банка развития 2024 // EABR URL: <https://eabr.org/upload/iblock/f86/GO2024-publicnaya-versiya.pdf> (дата обращения: 13.11.2025).
12. ПРОЕКТЫ ЕФСР // Евразийский фонд стабилизации и развития URL: <https://efsd.org/projects/> (дата обращения: 13.11.2025).
13. Баженов Ю. М., Акимова А. О., Ануфриев М. А. Пространство 1520 – фактор интеграции Евразии // Постсоветский материк. 2022. №3 (35). – с. 76-86.
14. Цыганов В. В. Инфраструктурная политика Мегапроекта «единая Евразия: ТЕПР – иетс» // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. № 2 (12). – с. 58-62.
15. Пространство 1520 и Евразийская интеграция: проблемы, тенденции, решения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 2. – С. 21-26.
16. Аветикян М.А., Цыганов В.В., Савушкин С.А. Единый каталог услуг Холдинга «РЖД» как ключевой элемент цифровой железной дороги // Железнодорожный транспорт. № 8. 2017. С. 13–17.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ АНК:
СОЮЗНИКИ, НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КРИЗИСЫ**

**THE ANC'S POLITICAL JOURNEY:
ALLIES, LEGACY, AND MODERN ISSUES**

Д. А. Степанова,

Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Санкт-Петербург, Россия)

D. A. Stepanova,

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail : st119901@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой всесторонний анализ Африканского национального конгресса (АНК) — от его основополагающей роли в борьбе с апартеидом до его нынешнего статуса правящей партии ЮАР. В работе исследуется исторический контекст освободительного движения, подробно описывается создание и деятельность его вооружённого крыла «Umkhonto we Sizwe», а также решающая военная и идеологическая помощь, оказанная Советским Союзом. Особое внимание уделяется мемуарам «Вооружён и опасен. От подпольной борьбы к свободе» Рональда Касрилса, которые дают взгляд изнутри на вооружённую борьбу. Далее статья рассматривает современные вызовы, стоящие перед АНК, включая межэтнические противоречия и меняющийся этнический состав её руководства. Кроме того, анализируется современная политическая система ЮАР, освещается возникновение и влияние этнических политических партий, которые формируют сложный политический ландшафт страны. В итоге данное исследование рисует многогранную картину наследия АНК и многоаспектного давления, с которым он сталкивается при управлении сложной и динамичной демократией

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the African National Congress (ANC), from its foundational role in the anti-apartheid struggle to its current position as South Africa's ruling party. It examines the historical context of the liberation movement, detailing the formation and impact of its armed wing, Umkhonto we Sizwe, and the crucial military and ideological support provided by the USSR. A specific focus is given to the memoir “Armed and dangerous. From underground struggle to freedom” by Ronald Kasrils, a key commander, offering an insider's perspective on the armed struggle. Transitioning to the contemporary era, the article investigates the ANC's present-day challenges, including ethnic contradictions. Furthermore, it analyzes South Africa's modern political system, highlighting the emergence and influence of ethnically-based political parties that shape the nation's complex political landscape. This study ultimately presents a nuanced portrait of the ANC's enduring legacy and the multifaceted pressures it faces in governing a diverse and dynamic democracy.

Ключевые слова: АНК, Южно-Африканская Республика, UMKHONTO WE SIZWE, СССР, апартеид, подпольная борьба, политическая борьба, курсы военной подготовки, этнический вопрос

Key words: The ANC, The Republic of South Africa, UMKHONTO WE SIZWE, USSR, apartheid, struggle against the apartheid, political struggle, military training courses, ethnic issue

Роль АНК в борьбе с режимом апартеида

История АНК тесно связана с историей Южно-Африканской республики. АНК был не единственной организацией, участвовавшей в борьбе с апартеидом, но его лидерство в этом деле неоспоримо. Нынешняя политическая система ЮАР сконструирована так, чтобы способствовать политической активности чернокожего населения. Она позволяет сохранить доминирование АНК и предотвращает появление оппозиционного большинства в парламенте.

8 января 1912 г. в Блумфонтейне была провозглашена национальная организация «Африканский национальный конгресс». Основная цель создания этой организации состояла в том, чтобы объединиться против колониализма. В неё вошли представители различных этносов и церковных организаций. За время своего существования АНК поменял как свою суть, так и своих союзников. В 1920 г. организация старалась отстаивать права рабочих, сотрудничала с возникшими социалистической и коммунистической партиями. В 1944 г. была создана молодёжная лига АНК, назначением которой было активное распространение основных идей организации, формирование африканского национализма и призыв рабочих к забастовкам. Среди её членов были Нельсон Мандела, Уолтер Сисулу и Оливер Тамбо, ставшие знаковыми фигурами южноафриканской политики.

В 1950 г. АНК тесно сотрудничал с Индийским национальным конгрессом ЮАР, а также создал Южноафриканскую организацию цветного населения (SACPO) и Конгресс демократов (COD), в которые, в отличие от АНК, принимали белых. Позже совместно с Конгрессом профсоюзов они образовали Народный Конгресс, который 26 июня 1955 г. написал Хартию свободы — сборник основных требований оппозиции. Политические активисты тех лет выражали свою позицию, демонстрируя открытое неповиновение расистским законам. Во время одной из таких демонстраций в Шарпвилле по протестующим был открыт огонь. После этих событий африканцы убедились, что политическая борьба будет неэффективна без насильственных методов. С 1961 г. АНК уходит в подполье. Активисты, сочувствующие АНК, создают *Umkhonto we Sizwe* (МК) — организацию, призванную вредить работе правительства. В ответ на это власти ввели закон об аресте людей на 90 дней без суда. В 1963 г. было арестовано несколько руководителей МК, что осложнило процесс борьбы с апартеидом. В это десятилетие деятельность АНК была не столь заметна.

Зато в 1970-е гг. к политическим протестам присоединились студенты. В 1973 и 1976 гг. прошли крупные студенческие восстания [1]. Период 1980-х гг. отмечен созданием новых организаций, подконтрольных АНК, с целью привлечь больше разных социальных групп к движению. В 1985 г. АНК призвал свергать представителей местного самоуправления. Через год по стране было объявлено общенациональное чрезвычайное положение, действовавшее до 1990 г. В феврале 1990 г. режим был вынужден снять запрет с АНК и других организаций. На Национальной конференции АНК 1991 г. Нельсон Мандела был избран президентом организации. Переговоры, инициированные АНК, привели к проведению в апреле 1994 г. первых в истории ЮАР выборов по принципу «один человек — один голос» [2].

Однако для решения расовой проблемы и восстановления взаимного доверия понадобилось время. Например, партия Демократический Альянс, традиционно ассоциировавшаяся с белым меньшинством, до недавнего времени выступала в роли официальной оппозиции, и только в 2024 г. вошла в правительство национального единства вместе с АНК.

Umkhonto we Sizwe

Организация «*Umkhonto we Sizwe*» изначально не входила в АНК, однако со временем начала восприниматься как «Народная армия АНК». Эта военная организация с самого начала пользовалась поддержкой СССР, о чём свидетельствует решение Секретариата ЦК КПСС 28 ноября 1961 г. поддержать позицию южноафриканских лидеров о переходе к вооружённой борьбе [3]. Вместе с этим

Секретариат настаивал на том, что вооружённую борьбу необходимо вести одновременно с политической работой. Основной задачей МК был саботаж, принципиальной позицией партии был отказ от терроризма.

Когда деятельность АНК была запрещена на территории ЮАР, часть политических активистов стали отправлять за границу. Как отмечает исследователь В. Г. Шубин: «Поначалу АНК направлял своих активистов на военную подготовку из ЮАР через Танзанию в другие африканские страны — Марокко, Египет и Эфиопию. Однако в беседах в Москве Тамбо поставил вопрос об их широкомасштабной подготовке в СССР, мотивировав это тем, что значительное число бойцов другие страны принять не могут. Сложности при выборе мест для подготовки были и политического характера, например, в Эфиопии, да и безопасность активистов АНК далеко не всегда была гарантирована» [3]. Руководители АНК тоже проходили краткий курс военной подготовки в СССР. Среди наиболее известных имён — Оливер Тамбо, Табо Мбеки и Джейкоб Зума. Табо Мбеки, один из будущих президентов ЮАР, например, прошёл подготовку в Ленинской школе в 1968–1969 гг. при содействии Советского комитета солидарности стран Азии и Африки (СКССАА) [4]. Школа занималась подготовкой иностранных кадров для проведения демократических и социалистических революций и организации освободительных движений. В школе преподавали такие дисциплины, как: теория и эволюция марксизма-ленинизма, история революционной практики, связанной с национально-освободительными, демократическими и социалистическими революциями; советский опыт с 1917 года до наших дней; практические навыки ведения борьбы в условиях, характерных для стран проживания студентов. В Генеральном штабе Министерства обороны СССР было создано специальное подразделение, занимавшееся национально-освободительными движениями, которое в свою очередь курировало военное учебное заведение для подготовки африканцев. Это заведение, называемое «Северный учебный центр», находилось в Москве и Подмоскowie. Массовая военная подготовка была организована в Одесском Высшем Общевоинском Командном Краснознамённом Училище, где её в 1964–1965 гг. прошли 328 активистов АНК [3]. В 1965 году для подготовки бойцов из национально-освободительных движений был открыт 165-й учебный центр в Перевальном в окрестностях Симферополя. Таким образом, СССР предоставил ЮАР несколько центров военной подготовки, соответствующих разным задачам освободительной борьбы.

Подготовка включала как военные, так и политические предметы, о чём свидетельствуют мемуары Рональда Касрилса: «После года занятий, в ходе которых мы освоили как искусство партизанской войны, так и действия регулярных частей, наша учёба подошла к концу. Мы хорошо владели лёгким оружием, включая пистолеты, автоматы АК-47, самые разные ручные и крупнокалиберные пулемёты. Мы прошли через серию упражнений и тренировочных занятий во всех возможных условиях, мы научились бросать гранаты и закладывать мины. Мы совершали выходы в поле и освоили ориентирование на самой разной местности, днём и ночью, с компасом и без него. Мы научились совершать диверсии против объектов, применяя армейскую и самодельную взрывчатку, и освоили навыки закладки мин-ловушек. Некоторые из нас специализировались на тяжёлом артиллерийском вооружении, другие — на тактике, на работе сапёров, связи и разведывательно-диверсионных операциях. Все мы научились водить армейские грузовики и, что было самым потрясающим, танк Т-54» [5].

В 1970-е гг. военные инструктора из СССР получили возможность обучать политических активистов на территории Африки, например, в Анголе. В 1980-е гг. военное сотрудничество СССР и АНК активно развивалось. Командующему «Umkhonto we Sizwe» Джо Модисе удалось договориться о подготовке офицерских кадров для сухопутных войск, авиации и флота в СССР. Ещё одним важным достижением руководителей АНК стало то, что в 1987 г. официальное представительство АНК было аккредитовано при Советском комитете солидарности стран Азии и Африки и с этого момента пользовалось всеми дипломатическими привилегиями [6]. Военный центр в Перевальном был преобразован в Симферопольское Объединенное Военное Училище, помимо этого подготовка проводилась в Каспийском Высшем Военно-Морском Училище в Баку и в Учебном центре ВВС во Фрунзе [3]. Однако вскоре пришлось свернуть успешную программу. Как отмечает В. Г. Шубин: «Одним из шагов по разрушению складывавшихся в течение нескольких десятилетий отношений Москвы с АНК было прекращение обучения и высылка (ещё из СССР) осенью 1991 года всех бойцов «Umkhonto we Sizwe», в то время как Джо Модисе и Криса Хани, пытавшихся приехать и обсудить возможность продолжения их учёбы на взаимно приемлемых условиях, просто отказались принять» [3].

Стоит отметить, что сотрудничество СССР с Африкой имело взаимовыгодный характер в годы перестройки. Оно соответствовало политическим и экономическим интересам СССР. Однако широкое развитие связей в этом регионе могло начаться лишь после ликвидации апартеида. Но именно в момент, когда правительство ЮАР начало вести переговоры с АНК политическое руководство СССР отвернулось от бывших союзников. Правительство Ельцина-Козырева продолжило эту невыгодную политику в ЮАР. Появились тайные контакты МИД СССР с правительством Претории. Правительство ЮАР инициировало умышленные утечки информации о двусторонних контактах с СССР в целях пропаганды: это компрометировало СССР в глазах АНК и вызывало сомнения в искренности поддержки СССР [7].

Но к этому времени запрет на деятельность АНК уже был снят, и у организации постепенно отпала необходимость саботировать работу правительства. В 1994 г. в связи с приходом АНК к власти во главе с Нельсоном Манделой МК была упразднена.

Роналд Ронни Касрилс и его книга

Представление о реалиях апартеида и деятельности «Umkhonto we Sizwe» дают мемуары политических активистов той эпохи. Среди них книга «Вооружён и опасен. От подпольной борьбы к свободе» Роналда Касрилса. Особенность этих мемуаров заключается в том, что их автор не относился к числу притесняемых, а потому ему были доступны привилегии жизни белого населения в ЮАР. Его взгляд — это взгляд человека, сделавшего осознанный выбор в пользу равенства в его стране. Как пишет о своей семье автор: «Мои дедушки и бабушки приехали из Латвии и Литвы, спасаясь от царских погромов. [...] Мой дед создал алмазный бизнес и позднее стал первым владельцем Альбин-Корта. К тому времени, когда он умер в 1938 году, — в этом же году родился я — он потерял на бирже все деньги» [5].

В автобиографии Ронни Касрилс анализирует причины, по которым он решил бороться с режимом апартеида, проводя параллели между евреями при нацистском режиме и чернокожими африканцами в ЮАР. Касрилс подчёркивает своё

сострадание к чернокожим африканцам. После новости о Шарпевилльском расстреле он решил примкнуть к антиапартеидному движению.

Путь в АНК оказался непростым в связи с неоднозначным положением организации. Первоначально Роналд Касрилс стал членом чрезвычайного комитета Конгресса демократов (КОД), организации белых, которые поддерживали АНК. В это время он продолжал работу в рекламном агентстве. Как отмечает автор, «хотя АНК, равно как и ПАК, и Коммунистическая партия, оставались запрещёнными, остальные организации и участники Движения — КОД, Индийский конгресс и профсоюзы — возобновили открытую деятельность» [5]. В 1961 г. он стал членом Коммунистической партии, поскольку членство в АНК в то время могли иметь только африканцы. Его главной целью было уничтожить режим апартеида. В этом же году Роналд Касрилс и его сторонники пришли к выводу, что прежние средства борьбы перестали действовать и нужно переходить к новым методам. «Насилие, использованное правительством, было важным уроком для освободительного движения. Наши активисты по всей стране задавались вопросом, можно ли расширять борьбу за свободу, используя исключительно ненасильственные средства [...] Я стал членом Натальского регионального командования «Umkhonto we Sizwe» (что на языках зулу и коса означало «Копьё нации»: кратко – «МК»). Это имя возвращало к прошлому, к войнам сопротивления британскому и бурскому колониализму. Копьё было символом сопротивления», — отмечает автор [5].

В 1963 г. Роналду Касрилсу была предоставлена возможность покинуть ЮАР, после чего он получил временное убежище в Танзании. Оттуда в феврале 1964 г. он был направлен на военную подготовку вместе с другими сторонниками АНК. Военная подготовка была организована в социалистических странах. Роналд Касрилс был направлен в Советский Союз. Как отмечает автор: «В то время, когда Запад делал лишь благочестивые заявления о зле апартеида, Советский Союз предоставлял нам практическую помощь. Оказалось, что его заинтересованность в ликвидации колониализма и расизма в Африке совпадает с нашей» [5]. В 1965 г. после окончания военной подготовки Касрилс вместе с женой Элеонорой был направлен в Англию, где работал проявителем писем подпольщиков из АНК, занимался распространением пропаганды и подготовкой новобранцев.

В середине 1970-х гг. он был направлен в ГДР, где читал лекции по истории политической борьбы для молодых активистов АНК в рамках их военно-политической подготовки. Затем он продолжил преподавательскую деятельность в Анголе. В 1978 г. он был переведен для политической работы в Африку на постоянной основе. Его работа подразумевала постоянную перемену места и сотрудничество с национально-освободительными движениями на территории Анголы, Мозамбика, Свазиленда. Рассказывая о себе, Роналд Касрилс не оставляет без внимания важные политические события 1960-70 гг. К примеру, он отмечает, как дух Пражской весны влиял на настроения его соратников.

Несмотря на стойкое убеждение о правильности вооружённой борьбы с апартеидом, в книге Касрилс находит место и для критики некоторых её аспектов. Например, автор нелестно отозвался о подготовке военных кадров: «Общее ухудшение управления нашими лагерями происходило с 1980 года. Перевод многих командиров в «прифронтовые районы» выдвинул в число руководителей более молодых, неопытных товарищей. В отсутствие контроля со стороны старших руководителей они скатились к порочной практике. Возник глубокий разрыв между

руководством и всеми остальными. Некоторые командиры начали забирать себе всё самое лучшее, что было недопустимо в то время, как рядовые бойцы были лишены необходимого. Процветал авторитаризм, использование чрезмерного наказания и донощиков. [...] К 1986 году в лагерях появилось новое, испытанное командование, в состав которого в качестве комиссара входил Крис Хани, и положение стало меняться к лучшему» [5]. В 1983 г. Роналд Касрилс получил должность начальника военной разведки. В книге детально описана работа подполья АНК, процесс подготовки новобранцев, взаимоотношения внутри руководства АНК. События середины 1980-х и начала 1990-х гг., в результате которых АНК пришёл к власти, описаны в книге особенно подробно.

После победы АНК на выборах 1994 г. Роналд Касрилс стал заместителем министра обороны и пробыл в этой должности до 1999 г., после чего стал министром водных ресурсов и лесного хозяйства. В 2004 г. президент Табо Мбеки поставил его министром разведки и контрразведки. В настоящее время Роналд Касрилс, вышедший в 2008 г. в отставку, но сохранивший членство в АНК, проживает в Кейптауне и является писателем и активистом. Его статьи, посвящённые критике современной внутренней политики ЮАР, а также осуждению сионизма, время от времени выходят в газете «Палестинская хроника» [8].

Современная политическая система ЮАР и этническая окрашенность в системе партийного строительства

ЮАР — парламентская республика во главе с президентом, что делает её политическую систему нетипичной. Президент республики выбирается Национальным Собранием (нижняя палата парламента) из его же состава. Как правило, президентом становится лидер партии, представленной в большинстве. Министров и вице-президента выбирает сам президент из того же Национального Собрания. Такая система позволяет сохранить преимущество Африканского Национального Конгресса в органах исполнительной и законодательной власти уже 31 год. На данный момент в ЮАР 32 министерства, 20 из которых возглавляют члены АНК [9]. Все они, за исключением Барбары Криси, министра транспорта, — чернокожие африканцы. Барбара Криси — член АНК с 1979 г. Она активно участвовала в борьбе с апартеидом, поэтому справедливо будет предположить, что она была выдвинута на должность по результатам своих заслуг.

Представители Демократического Альянса занимают 6 министерств в правительстве ЮАР. Вопреки представлениям об ДА как о «партии белых», среди министров оказались чернокожие африканцы из нового поколения политиков. Например, Сививе Гварубе — Министр базового образования, или Солли Малатси — Министр связи и цифровых технологий. Оба они являются выпускниками программы молодых лидеров ДА.

ЮАР как многорасовое и полиэтническое государство сталкивалось с проблемой преодоления расового и этнического подхода после свержения режима апартеида. Например, на парламентских выборах 1999 г. большинство белых избирателей голосовали за традиционно «белые» партии, в то время как большинство африканцев отдавали предпочтение традиционно африканским партиям.

Помимо этого, сохраняется противостояние зулу и коса. Стоит отметить, что в рядах АНК состоял видный политический деятель Джейкоб Зума, который на выборах 2008 г. подчёркивал свою зулусскую идентичность. Предшественник Зумы

на посту президента Табо Мбеки сформировал правительство с существенным перевесом в сторону представителей коса (13 министров из 24) [10]. Конфликт Зумы и Мбеки, представителя народа коса, способствовал поднятию национального самосознания зулусов. В настоящий момент конфликт зулу и коса не так ярко выражен, поскольку в правительстве оказались представители малочисленных народов.

В настоящее время в высшем руководстве АНК нет зулу. Что касается этнического вопроса в других партиях, среди многочисленных партий ЮАР есть несколько зулусских. Их отношения с правящей партией складываются по-разному.

«Партия свободы Инката» — консервативная партия, в основном представляющая интересы зулусов, — на данный момент входит в правительство национального единства ЮАР наряду с АНК. В то же время новая зулусская партия «Копьё нации», созданная в 2023 г. и поддержанная Джейкобом Зумой, является официальной оппозицией правящему альянсу.

Однако, как отмечает исследователь Л. Я. Прокопенко: «Многие видные политики ЮАР [...] смогли сплотить вокруг себя многочисленных сторонников благодаря отсутствию в своей деятельности расовых и этнических предпочтений. Поэтому говорить о значительном влиянии этнического фактора на политическую сферу в ЮАР, о противостоянии правящих и оппозиционных элит на почве этнической принадлежности было бы серьёзным преувеличением». Таким образом, этнический фактор в ЮАР хоть и остаётся значимым сам по себе, но всё же не играет определяющей роли. Этому во многом поспособствовал Нельсон Мандела, стремившийся к консолидации всех народов ЮАР перед первыми демократическими выборами 1994 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ross R. «A Concise History of South Africa », Cambridge University Press, 1999.
2. A brief history of the African National Congress // ANC 2025 URL: <https://www.anc1912.org.za/history/> (дата обращения 01.08.2025).
3. Шубин В. Г. Москва и вооружённая борьба в Южной Африке // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №. 3. – с. 72-79.
4. Ndlovu S. M. Russia and South Africa: historical memory // Ученые записки Института Африки РАН № 4 (53), 2020. – с. 132-137.
5. Касрилс Р. Вооружён и опасен. От подпольной борьбы к свободе. ИТРК, 2005. – 218 с.
6. Шубин В.Г. Россия – Южная Африка: 30 лет плодотворного сотрудничества и 25 лет официальных отношений // Ученые записки Института Африки РАН № 1 (38), 2017. – с. 6-18.
7. Солодовников В.Г. СССР и Южная Африка 1987-1991 // Российская Академия наук институт Африки, Москва 2002. – с. 14-17.
8. Kasrils R. «Decolonization and the Struggle for Justice: 70 Years of Freedom Charter» // Palestinian Chronicle 04.07.2025 URL: <https://www.palestinechronicle.com/writers/ronnie-kasrils/> (дата обращения 11.08.2025).
9. Ministers // Parliament of the republic of South Africa. 2024 URL: <https://www.parliament.gov.za/ministers> (дата обращения 11.08.2025).
10. Прокопенко Л.Я. «Новые политические элиты в государствах Юга Африки». – М.: Институт Африки РАН, 2011. – 156 с.

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 327.82

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

GASTRONOMIC DIPLOMACY OF SAINT-PETERSBURG

Н.М. Боголюбова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

N.M. Bogoliubova,

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: bogoliubovanm@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты гастрономической дипломатии. На примере гастрономических проектов Санкт-Петербурга рассматриваются такие формы гастрономической дипломатии как фестивали, литературные гастрономические маршруты, конкурсы, проект ЮНЕСКО «креативные города» (гастрономия). В исследовании раскрыт многоцелевой характер гастрономической дипломатии и отмечено, что проекты в данной сфере позволяют выстраивать новые туристические маршруты, оживляют экономику, способствуют развитию креативных индустрий. Автор делает вывод, что опыт Санкт-Петербурга может быть интересен и другим городам, обладающим необходимым потенциалом для развития гастрономической дипломатии.

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of gastronomic diplomacy. Using the example of gastronomic projects in Saint Petersburg, such forms of gastronomic diplomacy as festivals, literary gastronomic routes, competitions, and the UNESCO project Creative Cities (gastronomy) are considered. The study reveals the multifunctional nature of gastronomic diplomacy and notes that projects in the field of gastronomic diplomacy help to develop new tourist routes, stimulate the economy, and promote the development of creative industries. The author concludes that the experience of Saint Petersburg may be of interest to other cities that possess the necessary potential for the development of gastronomic diplomacy.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, гастрономическая дипломатия, фестивали, конкурсы, проект ЮНЕСКО «Креативные города» (гастрономия)

Key words: Saint-Petersburg, gastronomic diplomacy, festivals, competitions, UNESCO projekt creative cities (gastronomy)

Гастрономическая дипломатия сегодня является самостоятельным направлением дипломатической деятельности современных государств и важной частью культурной или, возможно, публичной дипломатии [1, с.26]. Несмотря на то, что инструментарий гастрономической дипломатии используется довольно давно и вполне успешно, дискуссии о содержании понятия «гастрономическая» дипломатия продолжаются как в России, так и за рубежом. Однако все исследователи единодушны в понимании эффективности ее использования во внешнеполитической деятельности [2]. Сегодня к инструментам гастрономической дипломатии обращаются государства, международные организации, и, конечно, города, которые стремятся подчеркнуть свою самобытность, опираясь на традиции местной кухни, оригинальные гастрономические традиции.

Санкт-Петербург – город, обладающий уникальным наследием и значительным потенциалом. Культурные традиции Санкт-Петербурга могут стать основой интересных международных проектов. Самостоятельным и не до конца оцененным наследием Санкт-Петербурга является местная кухня, которая является отражением богатой истории и культуры города, объединяющей традиции различных культур и разных народов. Местные продукты также являются хорошо известными гастрономическими брендами (например, корюшка, пышки).

Сегодня формы гастрономической дипломатии Санкт-Петербурга весьма разнообразны. Это, прежде всего, фестивали, конкурсы, оригинальные гастрономические маршруты и др... Отметим, что большой популярностью у жителей города и гостей культурной столицы пользуется «Фестиваль корюшки», который стал визитной карточкой Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Праздник проходит ежегодно в мае, в начале большого туристического сезона, в период активного вылова популярной в Санкт-Петербурге рыбы. Площадками фестиваля являются Петропавловская крепость, культурный квартал Брусницын и Новая Ладога. Здесь проходят разные гастрономические мероприятия (презентации, мастер-классы), объединяющие самую широкую аудиторию [3]. Особенно ценно, что фестиваль стал периодическим культурным событием, которое проходит при поддержке администрации Санкт-Петербурга.

Оригинальным направлением гастрономической дипломатии Санкт-Петербурга является использование гастрономии для привлечения внимания к культуре, литературному наследию города. «Литературная кухня» Санкт-Петербурга, бесспорно, самостоятельный маршрут, позволяющий дополнить гастрономическую историю города историей поэтической, художественной, литературной... Уникальными локациями «Литературной кухни» города являются историческое «Литературное кафе» на Невском. Здесь в начале XIX века была знаменитая кондитерская С. Вольфа и Т. Беранже, в которой бывал Александр Сергеевич Пушкин [4]. Ресторан «Подвал бродячей собаки» является еще одной важной точкой литературного гастрономического маршрута. В ресторане можно не только познакомиться с кухней Петербурга начала XX века, но и послушать выступления артистов, окунуться в атмосферу Серебряного века [5].

Самостоятельным направлением гастрономической дипломатии Санкт-Петербурга можно назвать конкурс «Петербургский завтрак», который проходит в рамках крупнейшего городского гастрономического фестиваля, организованного Комитетом по развитию туризма Санкт-Петербурга и ежедневным петербургским сетевым изданием «Фонтанка.ру». В рамках данного проекта участники предложили завтраки Ф.М. Достоевского и В.В. Маяковского, любимые блюда А.С. Пушкина и А.А. Ахматовой. Причем стоимость завтраков также весьма символична и отсылает посетителей к литературным произведениям и памятникам города. Так стоимость завтрака 232 рубля соответствует длине решетки Летнего сада, а стоимость завтрака в 426 рублей соответствует числу строф в «Евгении Онегине». Такой тонкий символизм позволяет через кухню прикоснуться к литературным, культурным образам города, по-новому взглянуть на события петербургской истории и на героев литературных произведений. В проекте «Петербургский завтрак» в 2025 году приняли участие 139 ресторанов, кафе, кондитерских и баров города [6].

Потенциал гастрономических традиций Санкт-Петербурга получил высокую оценку и на международном уровне. В 2021 году город стал участником проекта

«Сеть креативных (творческих) городов ЮНЕСКО» в категории гастрономия [7]. Сетевой проект ЮНЕСКО появился в 2004 году. Его цель — поддержать города, которые рассматривают творчество как ключевой элемент устойчивого развития. Участие в проекте «Сеть креативных (творческих) городов ЮНЕСКО» подтверждает высокий потенциал города, его открытость, заинтересованность в развитии международного сотрудничества. Для участия в программе каждый сетевой город разрабатывает свой уникальный план-стратегию, который включает такие важные положения как: содействие культурному разнообразию и инклюзивности; поддержка местных художников и творческих индустрий; содействие инновациям и предпринимательству в творческом секторе; оживление городских территорий посредством культурных инициатив; сохранение и популяризация культурного наследия; содействие международному сотрудничеству и культурному обмену. Данная стратегия должна отвечать местным потребностям и принципам международного сотрудничества. Проект включает семь творческих направлений: гастрономия, декоративно-прикладное искусство и народное творчество, дизайн, кинематография, литература, цифровое искусство и музыка, архитектура. Сегодня Сеть объединяет 350 городов более чем в 100 странах [7].

С инициативой подачи заявки Санкт-Петербурга в номинации «Гастрономия» выступили Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга и городское Конгрессно-выставочное бюро. Затем заявку одобрили Министерство культуры РФ и Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

В разработке концепции и подготовке документации от Санкт-Петербурга для конкурса участвовали Ассоциация кулинаров России, Федерация рестораторов и отельеров Северо-Запада, Санкт-Петербургская ассоциация кулинаров, Международный энтогастрономический центр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет и Институт среднего профессионального образования при Политехническом университете Петра Великого [8].

В Концепции отмечено, что в Санкт-Петербурге успешно соединяются традиции национальных кухонь России и других регионов мира, регулярно проходят гастрономические фестивали и форумы, развивается гастрономический туризм, который включен в направления «Новой туристской географии», разрабатываемой Комитетом по развитию туризма. Стоит отметить, что на официальном туристском портале Visit Petersburg представлен специальный тематический раздел об истории петербургской кухни в городских ресторанах. Здесь можно узнать о важных гастрономических событиях в городе, новых праздниках и фестивалях. Информация представлена на русском и английском языках [9].

Действительно гастрономический туризм сегодня является достаточно популярным направлением и по исследованию Всемирной туристской организации ООН выбор того или иного направления для путешествия на 30% зависит от возможности познакомиться с оригинальной местной кухней.

«Включение нашего города в международное пространство креативных городов — это доверие и высокая оценка петербургского гостеприимства. Уверен, что признание авторитетными экспертами наших достижений откроет перед Петербургом новые возможности в сфере международного сотрудничества и гастрономического туризма», отметил губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов [10].

Очевидно, что новый статус города будет способствовать росту его международного престижа и развитию креативных индустрий, которые сегодня рассматриваются как драйверы экономики [11]. Сам факт включения Петербурга в авторитетный проект ЮНЕСКО подтверждает, что наш город уже является признанной международной гастрономической столицей. Гастрономические проекты Санкт-Петербурга оригинальны, проводятся на постоянной основе, поддерживаются администрацией города, жителями и гостями культурной столицы.

К достоинствам проектов можно добавить, что они носят многоцелевой характер. Изучая кухню, мы вновь обращаемся к истории города, знакомимся с гастрономическими пристрастиями знаменитых петербуржцев. Кроме того, гастрономия относится к креативным индустриям, выступает драйвером экономики, формирует новые туристические маршруты, которые в свою очередь способствуют развитию международных контактов в новых условиях. Гастрономические проекты Санкт-Петербурга можно рассматривать в качестве оригинальных форм гастрономической дипломатии. Опыт города стоит масштабировать и использовать в других российских городах и регионах, где национальная кухня и гастрономические традиции обладают всеми качествами чтобы стать драйверами экономического развития и основой международных туристических маршрутов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боголюбова Н.М. Теоретические и практические аспекты современной гастрономической дипломатии // Межкультурный диалог в современном мире. Материалы XII конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2024. С. 25-34.
2. Гелибтерман Л. В., Тимонина И. Л. Гастрономическая дипломатия. – Москва: Издательский дом «Дело». 2025.- 312 с.
3. XXIII Общенародный Праздник корюшки URL: <https://brusnitsyn.spb.ru/kor> (дата обращения 02.03.2026).
4. Литературное кафе URL: <https://litcafe.su/history/> (дата обращения 02.03.2026).
5. Подвал бродячей собаки URL: <https://vsobaka.ru/> (дата обращения 02.03.2026).
6. Петербургский завтрак URL: <https://spbzavtrak.ru/aboutfest> (дата обращения 02.03.2026).
7. What is a UNESCO Creative City? <https://www.unesco.org/en/creative-cities> URL: <https://unesco.ru/activity/ccn/> (дата обращения 02.03.2026)
8. Петербург признан одним из креативных городов ЮНЕСКО в номинации «Гастрономия» URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/225582/> (дата обращения 02.03.2026)
9. Креативная гастрономия. В Петербурге развивают новую туристическую географию URL: <https://mir24.tv/news/16568064/kreativnaya-gastronomiya-v-peterburge-razvivayut-novuyu-turisticheskuyu-geografiyu> (дата обращения 02.03.2026)
10. Санкт-Петербург вошел в число креативных городов ЮНЕСКО в категории «Гастрономия» URL: <https://tass.ru/obschestvo/12885897> (дата обращения 02.03.2026)
11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/normativnaya_pravovaya_baza (дата обращения 01.03.2026)

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

RUSSIAN CULTURAL TIES AFTER THE START OF SPECIAL MILITARY OPERATIONS: NEW OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Ю.В. Николаева,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Yu.V. Nikolaeva,

St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
e-mail: j.nikolaeva@spbu.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявление изменений, произошедших в культурных связях России с зарубежными странами после начала специальной военной операции в 2022 г. Автор анализирует формы и региональные особенности культурных связей России в изменившихся условиях, вызванных введением антироссийских санкций, усилением антироссийской риторики и попытками отмены русской культуры недружественными странами. Отдельное внимание уделяется таким аспектам как использование информационных технологий в двустороннем и многостороннем культурном сотрудничестве России с зарубежными странами. Анализируется деятельность российских культурных центров в мире. Автор приходит к выводу, что идея об отмене русской культуры оказалась полностью несостоятельной, а культурные связи России после начала СВО приобрели много новых идей и интересных форм.

Abstract: The purpose of this study is to identify the changes that have occurred in Russia's cultural relations with foreign countries since the start of the special military operation in 2022. The author analyzes the forms and regional characteristics of Russia's cultural relations in the changed conditions caused by the imposition of anti-Russian sanctions, the intensification of anti-Russian rhetoric, and the attempts by unfriendly countries to cancel Russian culture. Special attention is given to aspects such as the use of information technologies in Russia's bilateral and multilateral cultural cooperation with foreign countries. The article analyzes the activities of Russian cultural centers around the world. The author concludes that the idea of abolishing Russian culture has proven to be completely untenable, and Russia's cultural ties have acquired many new ideas and interesting forms since the start of the special military operation.

Ключевые слова: Россия, Специальная Военная Операция, антироссийские санкции, культурные связи, культурное сотрудничество

Key words: Russia, Special Military Operation, anti-Russian sanctions, cultural ties, cultural cooperation

Трансформация мировой культурно-гуманитарной повестки в 2020-е гг. привела к значительным изменениям в культурном сотрудничестве России с миром. После начала в 2022 г. специальной военной операции (СВО) наша страна столкнулась с серьезными вызовами, в т. ч. и с попытками так называемой «отмены русской культуры», предпринятой рядом западных стран и их союзниками. Из-за обострения геополитической обстановки, усиления санкционного давления и активизации антироссийской риторики наша страна столкнулась с множеством трудностей, особенно в недружественных странах, препятствующих нормальному развитию культурных связей. Однако вопреки враждебным действиям культурные контакты России с миром не прекратились, а приобрели новый смысл, новые формы и новые региональные приоритеты. В сегодняшних непростых условиях РФ стремится развивать свои культурные связи, адаптируя их к новым реалиям, сочетая традиционные и инновационные подходы, проявляя гибкость и креативность.

Несмотря на все сложности за годы СВО Россия успешно провела множество масштабных культурно-гуманитарных мероприятий в формате многостороннего и двустороннего общения, в российских городах и за рубежом, в дружественных и недружественных странах. Одной из эффективных форм культурного сотрудничества является создание диалоговых площадок в виде международных форумов и саммитов. В первую очередь отметим *Санкт-Петербургский международный форум объединенных культур*, который за время своего существования с 2012 г. стал одним из ярких «культурных брендов» Петербурга и в целом России. Форум имеет колоссальное значение для имиджа нашей страны, поскольку он показывает безграничность и неотъемлемость русской культуры несмотря на все попытки со стороны западных политиков. Безусловно, антироссийские санкции отразились на составе и географии его гостей: число стран-участниц стало меньше из-за отказа ряда западных стран прислать своих делегатов. Тем не менее, форум остается крупнейшим мировым культурным событием и привлекает множество иностранных гостей из разных стран, включая недружественные. В 2024 г. на нем были представлены 50 государств, а в 2025 г. уже 67. Это убедительно доказывает, что статус форума по-прежнему высок, а российская культура по-прежнему интересна и востребована в мире.

Среди других масштабных международных форумов по вопросам культуры, организованных Россией после начала СВО, можно назвать *Международный молодёжный форум «Культурная дипломатия в России»* (11–16 мая 2022 г., Краснодар), собравший студентов из Армении, Казахстана, Северной Македонии, Сербии, Таджикистана, Туркменистана. На форуме обсуждались возможности создания совместных проектов по продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей. На площадке *Петербургского международного экономического форума* (7 июня 2024 г.) развернулась дискуссия о роли культуры в построении международных отношений. *Международный медиафорум «Диалог культур»* (22–25 мая 2025 г., Москва) объединил 300 молодых журналистов, блогеров, режиссёров, фотографов и медиахудожников из 35 стран. Участники обсуждали инициативу создания документальных фильмов, репортажей, медиапроектов, рассказывающих правду о совместной борьбе против нацизма и о роли советского народа и его союзников в достижении победы.

Дипломатия диалоговых структур остается значимым инструментом культурно-гуманитарного сотрудничества Российской Федерации в новых условиях. Актуальность использования потенциала таких форумов повышается в ситуации, когда невозможно вести диалог на традиционном уровне взаимодействия, т. е. между главами государств или профессиональными дипломатами. Такие диалоговые площадки позволяют сформировать дополнительный канал коммуникации, благодаря которому расширяются возможности донесения официальной позиции России как до российской общественности, так и до зарубежной [1]. Но главное значение с точки зрения культурного сотрудничества заключается в их объединяющей миссии, в возможностях установить новые или поддержать имеющиеся контакты в атмосфере дружбы и доверия. Тематика форумов показывает, что после начала СВО наряду с общими дискуссиями о роли культуры в современном обществе стали обсуждаться вопросы культуры как носительницы морально-этических ценностей, что стало ответом на новые вызовы международных отношений и соответствует интересам культурно-гуманитарной повестки современной России.

Не меньшее объединяющее значение имеют различные конкурсы и фестивали в том или ином виде искусства. После начала СВО в России появился новый международный музыкальный конкурс «Интервидение», собравший людей искусства, симпатизирующих нашей стране. В конкурсе принимают участие певцы из России, стран БРИКС, СНГ, Латинской Америки, Ближнего Востока, а также из некоторых недружественных стран. Конкурс способствует сбережению культурного и исторического наследия России, популяризирует русскую песенную культуру, способствует формированию дружественных связей.

В классической музыке такую же роль выполняет международный конкурс имени П.И. Чайковского, старейший международный музыкальный конкурс в России (с 1958 г.) и один из наиболее престижных конкурсов академических исполнителей в мире. Даже несмотря на исключение из состава Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов в апреле 2022 г. конкурс не утратил своего авторитета среди профессионалов. Очередной XVII Международный конкурс имени П. И. Чайковского состоялся в 2023 г. несмотря на санкции. На нем были представлены музыканты как из дружественных России стран (Китай, Казахстан и др.), так и из недружественных (США, Италия, Франция, Япония и др.). Представители недружественных стран (в частности, Республики Кореи, примкнувшей к антироссийским санкциям) были и среди тех, кто получил на этом конкурсе первый приз, например, Ли Ён Ын (виолончель) и Ким Ке Хи (скрипка). Это говорит об объективности жюри конкурса и дружелюбии русской культуры, всегда открытой для взаимодействия с другими народами.

В рамках многостороннего сотрудничества в 2022-2026 гг. Россия проводит множество масштабных проектов за рубежом. Среди них особого внимания по своему масштабу и культурному резонансу заслуживают проект «Русские сезоны», перекрестные годы культуры, дни духовной культуры России.

«Русские сезоны» – международный проект Правительства РФ и Министерства культуры. Его цель – представить Россию как страну с богатейшим культурным наследием и глубокими традициями. В проекте участвуют крупнейшие культурные центры нашей страны и всемирно известные творческие коллективы: Государственный Эрмитаж, Мариинский театр, киностудия «Союзмультфильм» и многие др. Проект включает самые различные мероприятия, объединяющие классическую и современную культуру России. Стартовавшие в 2017 г., «Русские сезоны» уже покорили Японию, Францию, Германию, Бельгию, Южную Корею. Однако после начала СВО география проекта изменилась и сместилась в сторону дружественных России стран: Казахстана и Узбекистана (2023 г.), Бразилии (2024 г.), Омана и Бахрейна (2025 г.), Таиланда (2026 г.) [2].

В современных непростых условиях одной из задач российской внешней культурной политики является ознакомление зарубежной общественности с нравственными ценностями нашей страны и ее народов. Именно решению этой задачи посвящены *Дни духовной культуры России*, которые проводятся ежегодно в разных странах начиная с 2008 г. После начала СВО они были проведены в Таджикистане, Болгарии, Белоруссии, Армении и Франции (2022); в Узбекистане и Казахстане (2023), вновь в Белоруссии, а также в Бразилии, Эфиопии, ЮАР, на Кубе (2024). В 2025 г. проект был осуществлен еще в 6-ти зарубежных государствах: Зимбабве, Венгрии, Сербии, Республике Сербской (Босния и Герцеговина), Индонезии и Таиланде. Дни духовной культуры России создают возможность познакомиться с богатым духовным и творческим наследием русского народа,

продемонстрировать всему миру его высокие морально-нравственные ориентиры. По мнению замминистра иностранных дел РФ Сергея Вершинина, «в сложившейся в настоящее время сложной обстановке проведение Дней России в зарубежных странах с включением мероприятий духовного характера имеет огромный потенциал и возрастающее значение, особенно на фоне кампании «коллективного Запада» по «отмене» российской культуры» [3].

Несмотря на проведение СВО, сохраняется практика проведения *перекрестных годов культуры*. В географии этих мега-проектов отчетливо заметен поворот на Восток: в 2022 г. был проведен перекрестный Год Кыргызстана и России, в 2024-2025 гг. перекрестный Год культуры России – Китая, отличавшийся особой масштабностью. В том же году прошел перекрестный год культурных обменов и туризма России и Таиланда. 2026-й г. объявлен перекрестным Годом науки и образования России и Вьетнама, в 2026–2027 гг. в России и Китае пройдут «перекрёстные» Годы образования.

Россия проводит множество локальных культурных мероприятий в разных уголках мира: дни, и недели российской культуры, фестивали русской кухни и российского кино, выставки, концерты и множество других акций. География таких мероприятий необычайно широка и многообразна: Аддис-Абеба, Ашхабад, Баку, Бангкок, Белград, Вьентьян, Гавана, Душанбе, Минск, Пекин, Пхеньян, Рио-де-Жанейро, Сухум и Цхинвал и др. За 2024-2025 гг. только по линии *Роскино* было организовано более 50 мероприятий в 22 странах: фестивали, дни, недели российского кино. Активную работу по развитию культурных связей проводит *Росконцерт*, организовавший серию обменных мероприятий с разными странами мира. В 2025 г. Росконцерт активно развивал Федеральный театральный проект «Большие гастроли» в Абхазии, Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Южной Осетии. Такие мероприятия создают живое пространство для диалога, укрепляют имидж нашей страны, популяризируют русскую культуру, поддерживают культурные связи в одном из приоритетных, стратегически важных для России направлений – на пространстве СНГ.

Несмотря на стремление некоторых недружественных стран «изгнать» Россию из крупных культурных мероприятий, проходящих в Европе, наша страна сохранила свое участие в некоторых из них, что свидетельствует о заинтересованности в ней здравомыслящей части общества недружественных стран. В этом плане показателен *Зальцбургский фестиваль*, одно из крупнейших событий культурной жизни Европы, который служит ярким примером присутствия культурного наследия России в недружественных странах. Организаторы фестиваля отказались «отменять» русскую культуру, настаивая на том, что она по-прежнему остается важнейшей частью культуры европейской. Несмотря на жесткие ограничения, в программе фестиваля 2022 – 2025 гг. неизменно присутствовала русская культура: в виде опер русских композиторов, в виде приглашения к участию солистов, коллективов, дирижеров, театральных постановщиков и молодых конкурсантов из России. В 2022 г., например, российский ансамбль «MusicAeterna» под руководством известного дирижера Теодора Курентзиса исполнил симфонию №13 Д.Д. Шостаковича. При этом от Т. Курентзиса не потребовали никаких официальных заявлений о ситуации на Украине.

В музыкальной части фестиваля 2023 г. была представлена симфония Д.Д. Шостаковича «Бабий яр» в исполнении того же коллектива «MusicAeterna». В 2024 г. прозвучали две русские оперы XX века по романам Ф.М. Достоевского

«Игрок» на муз. С.С. Прокофьева и «Идиот» на муз. М.С. Вайнберга [4]. В 2025 г. в драматической программе были представлены спектакли по пьесам Л. Андреева и В. Сорокина, а в концертной программе прозвучали два опуса И.Ф. Стравинского в исполнении «Венских филармоников» [5]. Организаторы фестиваля активно приглашают к участию режиссеров-постановщиков из России: в 2023 г. Теодора Курентзиса, в 2024 г. Тимура Зангиева, в 2025 г. Дмитрия Чернякова и Евгения Титова [6].

В сфере межмузейного сотрудничества также произошли изменения. 1 сентября 2023 г. музей «Эрмитаж-Амстердам» разорвал отношения с Эрмитажем и сменил название на «H'ART Museum». Теперь здесь проходят выставки, не связанные с Россией. В отличие от него Русский музей в испанской Малаге полностью закрыт не был, хотя некоторое время после начала СВО его деятельность фактически не осуществлялась. Тем не менее, музей был сохранен и принципиальную роль в этом решении сыграли мэр города Франсиско де ла Торре Прадос и директор музея Хосе Мария Луна, считающие русскую культуры частью культуры глобальной и не подлежащей отмене. В 2022–2023 гг. здесь состоялись выставки советско-американских художников И. и Э. Кабаковых «*For sale!*» и выставка русского искусства из собрания британского коллекционера Дженнифер Грин (А.Г. Венецианов, И.К. Айвазовский, В.В. Кандинский, Н.С. Гончарова и др.) [7]. В 2026 г. здесь проходит выставка, посвященная Анне Павловой.

На фоне закрытия нидерландского представительства Эрмитажа оптимистично прозвучало заявление генерального директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского сентябре 2025 г. об открытии новых эрмитажных центров в Омане и Южной Корее. Открытию корейских центров предшествовала мультимедийная выставка в Сеуле «Великолепный Эрмитаж» (ноябрь 2025 г.). В Омане центр планируется как многофункциональная культурная площадка. Во-первых, здесь будут открываться по две выставки в год из эрмитажных коллекций. Во-вторых, центр станет платформой для научных исследований при участии арабистов из России. В-третьих, центр будет заниматься популяризацией в арабском регионе русской культуры и языка [8].

По линии художественных связей осуществляется участие российских галерей в крупных международных выставках и ярмарках искусств. В 2024 г. российские художники приняли участие в крупнейшем международном художественном смотре – 60-й юбилейной *Венецианской биеннале*. В рамках проекта «Искусство объединяет мир. Человечество и Космос» были представлены картины «*Flowers'n'space*» и «*Fruits'n'space*» художницы из Петербурга SAVVA, созданные специально для биеннале. Эти и другие примеры показывают, что и художественная, и музыкальная, и театральная, и музейная жизнь невозможна без участия России.

Более того, в недружественных странах есть множество и других примеров обращения к русской культуре. В 2023 г. в Берлинской государственной опере российский режиссер Дмитрий Черняков поставил оперу «Кольцо нибелунга» Р. Вагнера, причем от него никто не требовал никаких публичных заявлений. В том же году Ильдар Абдразаков и большая группа русских оперных артистов выступала в Милане, в театре «Ла Скала». В нью-йоркской «Метрополитен опера» выступали несколько русских артистов, в частности, Любовь Петрова и Айгуль Ахметшина, от которых также не требовали никаких политических заявлений с осуждением российского руководства [9]. В сезонах 2022-2025 гг. Аида Гарифуллина была приглашена выступить во Франции («Опера Бастилии») и Великобритании («Ковент Гарден»).

В условиях антироссийских санкций довольно часто культурные связи основываются на личных контактах, поскольку по государственной линии их осуществление затруднено. Так, по частной инициативе в 2023 г. состоялся фестиваль русской культуры в Японии, где с успехом выступал ансамбль имени Игоря Моисеева и музыканты из Санкт-Петербургского дома музыки. В социальных сетях реклама русского фестиваля прошла активно, а сами выступления очень успешно.

В последние годы, особенно после пандемии коронавируса, Россия активно реализует цифровые культурные проекты за рубежом: в музеях, галереях, театрах и библиотеках. Это позволяет русской культуре виртуально присутствовать во многих уголках мира, даже в тех, где пытаются её запретить. Виртуальные проекты, направленные на популяризацию отечественной культуры и сохранение культурного наследия, стали эффективной формой межкультурного взаимодействия и в условиях антироссийских санкций [10]. Так, в сфере межмузейного сотрудничества реализуется проект «Русский музей: виртуальный филиал», цель которого – показать доступность крупнейшей коллекции русского искусства. *Государственный Русский музей* открывает свои виртуальные филиалы (информационно-образовательные центры) в регионах России и за рубежом. В рамках проекта формируется собрание мультимедийных фильмов, интерактивных программ, компьютерных игр, созданных на основе коллекции Русского музея. Виртуальные филиалы действуют в странах СНГ, Европы, Азии, Ближнего Востока, Южной и Латинской Америки. Большие возможности для приобщения к русской культуре представляет и такая форма как виртуальный тур по музеям. Например, виртуальный тур по *Эрмитажу* охватывает Главный музейный комплекс, Главный штаб, Зимний дворец Петра I, Дворец Меншикова, Эрмитажный театр, Музей Императорского фарфорового завода, реставрационно-хранительский центр. Подобная возможность предоставляется и Русским музеем [11]. Таким образом, у посетителя виртуального тура формируется панорамное представление о лучших музеях России. Важно отметить, что принять участие в таком онлайн-туре можно бесплатно.

Деятельность зарубежных культурных центров как незаменимых участников культурного обмена по-прежнему лежит в основе культурного сотрудничества России с миром, даже несмотря на то, что в некоторых странах после начала СВО они были закрыты (в Великобритании, Словении, Словакии, Хорватии, Македонии, Румынии и Черногории). При этом после 2022 г. был открыт целый ряд новых русских домов и культурных центров за рубежом по линии Россотрудничества: в Судане, Мали, Египте, Алжире, Экваториальной Гвинее, Нигерии, Турции, Омане, Кот-д'Ивуаре, Китае, Таиланде. Сейчас Русские дома открыты более чем в 80 странах мира, преимущественно в странах Африки, что соответствует внешнеполитическим приоритетам РФ, связанным с активизацией сотрудничества со странами африканского континента.

Даже в недружественных странах Русские дома, РЦНК продолжают работать и проводить большой объем работы по поддержанию культурных связей. Так, в 2025 г. в российском духовно-культурном православном центре в Париже состоялись фестиваль русского кино при участии кинорежиссера Антона Маслова, рождественские концерты молодых российских музыкантов, выставка работ художников Алексея Бегова и Марка Смирнова, цикл лекций о русском искусстве (2025 г.). В том же 2025 г. в Русском доме в Берлине открылась выставка, посвящённая современному российскому уличному искусству паблик-арту, на которой можно было увидеть работы авторов, «работающих с различными медиа:

от монументальных росписей и скульптур до графики, цифровых принтов, мебели и объектов окружающей среды» [12].

Сегодня культурные связи России развиваются с Африкой и Южной Америкой, активизируется сотрудничество с Ближним Востоком, Израилем, со странами СНГ, БРИКС и ШОС. Сохраняются они и с европейскими странами, но все же отчетливо заметен интерес к неевропейскому направлению. Их результатом становится расширение присутствия России в различных регионах мира и областях международного культурного сотрудничества, укрепление культурных связей, продвижение российской культуры за рубежом, сохранение и преумножение роли России как одного из ведущих мировых центров культурного наследия [13].

Развивая культурные связи в непростых условиях политического кризиса, санкций и нестабильности, Россия сочетает как традиционные, так и новые формы сотрудничества. Отчетливо заметен разворот на Восток; растет интерес к культурным связям со странами Африки, активизируется сотрудничество по линии БРИКС. Сокращение официальных культурных обменов со странами Европы компенсируется за счет обменов по общественной линии, линии индивидуальных контактов. Несмотря на санкции и антироссийские действия со стороны правительств ряда европейских стран русская культура сохранила свое присутствие в Европе, интерес к ней не исчез, что развеивает миф об отмене русской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Столков Д. Дипломатия диалоговых структур: Фонд Росконгресс // Международная жизнь. 2023. № 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2910> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Русские Сезоны https://vk.com/russianseasons_project Международный проект «Русские сезоны» – 2025 откроется в Королевстве Бахрейн и Султанате Оман /министерство культуры РФ (23.01.2025). URL: https://culture.gov.ru/press/news/mezhdunarodnyy_proekt_russkie_sezony_2025_otkroetsya_v_korolevstve_bakhreyn_i_sultanate_oman/ (дата обращения: 05.03.2026).
3. Дни духовной культуры России: продолжение проекта в 2023 году // Региональная Россия. 2022. 5 декабря. URL: <https://regruss.ru/dni-duhovnoj-kultury-rossii-prodolzh/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Курмачев А. О программе летнего Зальцбургского фестиваля 2025 // Belcanto.ru. 2024. 13 декабря. URL: <https://www.belcanto.ru/24121302.html> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Романова Е. Зальцбургский фестиваль 2025 //Музыкальное обозрение. 2025. № 5 (540). URL: <https://muzobozrenie.ru/zalcburgskij-festival-2025-chernjakov-sorokin-serebrennikov/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Русские в Зальцбурге //Играем с начала. 2024. 02 мая. URL: <https://gazetaigraem.ru/news/41793> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Михаил Швыдкой: со многими странами мира нас связывают многовековые культурные контакты, это нельзя перечеркнуть//Интерфакс. 2023. 7 февраля. URL: <https://www.interfax.ru/interview/884912> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Виртуальный Русский музей. URL: <https://rusmuseumvrm.ru/> (дата обращения: 05.03.2026)
9. Русский музей: виртуальный филиал» в новой цифровой реальности. Русский музей. URL: <https://rusmuseum.ru/news/russkiy-muzey-virtualnyy-filial-v-novoy-tsifrovoy-realnosti/> (дата обращения: 05.03.2026).
10. В Русском доме в Берлине открылась выставка, посвященная российскому паблик-арту //ТАСС, 2025. 11 сентября. URL: <https://tass.ru/kultura/25031735> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Дипломатия культуры. Какие задачи национального значения решает сегодня культурное сотрудничество с другими странами? // Lenta.ru. 2024. 24 декабря. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/12/27/myagkaya-sila-roskonzerta/> (дата обращения: 05.03.2026).
12. Багдасарова С. Эрмитаж возвращается за границу // The Art Newspaper Russia — новости искусства 2025. 15 сентября. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20250915-jeew/> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Жилиева Я. Как работает Русский музей в Малаге, несмотря на «отмену» российской культуры // Forbes Life. 2023. 11 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/485432-kak-rabotaet-russkij-muzey-v-malage-nesmotra-na-otmenu-rossijskoj-kul-tury> (дата обращения: 05.03.2026).

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

CULTURAL DIPLOMACY AS A MODERN INSTRUMENT OF STRATEGIC STABILITY BETWEEN RUSSIA AND THE ROK

В.Д. Пантюхина,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

V.D. Pantiukhina,

St. Petersburg State University,
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: st124112@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу культурной дипломатии как устойчивого инструмента взаимодействия между Россией и Республикой Корея в условиях геополитической турбулентности 2020-х годов. На основе концепции «мягкой силы» Дж. Ная и теории трековой дипломатии в работе рассматривается трансформация российского внешнеполитического курса «поворот на Восток» от экономического к культурно-гуманитарному измерению. Особое внимание уделяется институциональным механизмам, обеспечивающим устойчивость двусторонних связей: Форум «Диалог Россия – Республика Корея» как ключевая платформа дипломатии второго трека, юбилейные мероприятия к 35-летию дипломатических отношений, а также совместные выставочные и музейные проекты. Анализируются частные и государственные инициативы в сфере искусства, а также академическая дипломатия, примером которой выступает коллективная монография «Непрерывный диалог между корейской и российской культурами». В статье демонстрируется, что в условиях санкционных ограничений культурная дипломатия, дипломатия второго трека и академическая дипломатия образуют устойчивую систему, позволяющую сохранять гуманитарные связи и формировать основу для будущего восстановления полноформатного межгосударственного диалога.

Abstract. The article analyzes cultural diplomacy as a sustainable instrument of interaction between Russia and the Republic of Korea amid the geopolitical turbulence of the 2020s. Drawing on Joseph Nye's concept of "soft power" and the theory of track-two diplomacy, the paper examines the transformation of Russia's foreign policy course "Pivot to the East" from its economic to cultural and humanitarian dimension. Particular attention is paid to the institutional mechanisms ensuring the sustainability of bilateral relations: the Korea – Russia Dialogue Forum as a key platform for track-two diplomacy, events marking the 35th anniversary of diplomatic relations as well as joint exhibition and museum projects. The article analyzes private and state initiatives in the field of art, alongside academic diplomacy, exemplified by the collective monograph "Continuous Dialogue Between Korean and Russian Cultures". The paper demonstrates that under conditions of sanctions restrictions cultural diplomacy, track-two diplomacy and academic diplomacy form a sustainable system that preserves humanitarian ties and lays the groundwork for the future restoration of full-fledged interstate dialogue.

Ключевые слова: культурная дипломатия, дипломатия второго трека, академическая дипломатия, Российско-Южнокорейские отношения

Key words: cultural diplomacy, track-two diplomacy, academic diplomacy, Russian-South Korean relations

Стратегический курс России «поворот на Восток», официально объявленный 12 декабря 2012 года, изначально подразумевал преимущественно экономическое и инфраструктурное сотрудничество [1]. Однако геополитическая турбулентность после 2022 года существенно повлияла на внешнеполитические приоритеты России и привела к их трансформации. Санкционное давление на РФ затруднило

экономическое взаимодействие с рядом стран, тем самым сделав невозможным сохранение прежнего торгового и инвестиционного сотрудничества. Так произошел так называемый «культурный поворот» во внешнеполитическом курсе, в частности в отношении Республики Корея.

Это отразилось в культурно-гуманитарной сфере взаимодействия.

Важное значение в этой связи приобретает концепция «мягкой силы» Дж. Ная (1990 г.). Согласно этой концепции, «мягкая сила» – это способность добиваться желаемых результатов на основе привлекательности, а не принуждения [2]. Итак, важнейшей сущностной характеристикой современных мировых политических процессов является усиление влияния на них «мягких» инструментов воздействия [3]. В 2020-х гг. в связи с геополитической турбулентностью культурная дипломатия выступает в качестве такого инструмента в российско-южнокорейских отношениях.

Американский исследователь Милтон Каммингс мл. определяет культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания». При этом культурная дипломатия является составной частью публичной дипломатии и представляет собой комплекс практических действий, имеющих стратегические и тактические цели в сфере культурного взаимодействия государств, международных организаций и других институтов [4]. Таким образом, именно благодаря культурной дипломатии сохраняются каналы коммуникации в условиях минимизации официальных политических диалогов между Россией и Республикой Корея.

Несмотря на геополитическую обстановку в 2025-2026 гг. замечен как рост институционального сотрудничества на государственном уровне, так и появление частных инициатив. Так, ярким примером сотрудничества в сфере искусства является соглашение между Государственным Эрмитажем и южнокорейской компанией Artworks о создании двух представительств Эрмитажа в Республике Корея. Соглашение было подписано в сентябре 2025 года на Форуме объединенных культур в Санкт-Петербурге, согласно ему планируется, что центр «Эрмитаж – Сеул/Соннам» будет заниматься просветительской деятельностью. На площадке центра планируется открытие специальной школы, лектория, а также выставочного зала для создания временных экспозиций и демонстрации цифровых проектов. Центр «Эрмитаж – Чеджудо» будет ориентирован на цифровое пространство – мультимедийные выставки, проекты в сфере NFT и инновационный цифровой контент, посвященный собранию музея. Как сообщил генеральный директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, создание центра по приблизительным оценкам займет один-два года, поскольку оно не требует нового строительства – основой станет мультимедийная составляющая. Первая мультимедийная программа «Великолепный Эрмитаж» запланирована к показу в 2026 году [5].

Другим показательным примером является частная инициатива Cartina Collection в районе Сонсу-дон в Сеуле – первая корейская галерея, которая специализируется на русской живописи. С 2020 года в галерее было проведено 18 кураторских проектов, 24 постоянные экспозиции, также активно продвигается русское искусство на телевидении, стриминговых платформах и социальных сетях. Более того, основательница и руководительница галереи Ким Хи Ын выразила намерение и дальше вносить вклад в развитие диалога и культурных связей между

двумя странами, подчеркивая, что культурный обмен должен продолжаться независимо от политических обстоятельств [6].

В России в свою очередь за последние годы интерес к корейской культуре перерос в устойчивое массовое явление. Причем этот процесс активно поддерживается государственными структурами обеих сторон, в числе которых генеральные консульства, государственная организация Корейская служба по продвижению творческого контента (КОССА) [7], российские Дома дружбы народов. На территории России ежегодно проводятся как масштабные фестивали корейской культуры в Москве и Санкт-Петербурге, так и в регионах благодаря деятельности корейских диаспор, молодежных объединений и университетов. Значительной популярностью пользуются также и корейский кинематограф, музыкальное направление, гастрономическая сфера, а также Южная Корея как туристическое направление, что подтверждается динамикой туристического потока. Главной причиной продолжительного интереса российских граждан к корейской культуре является системная работа южнокорейского правительства по продвижению культурного бренда на государственном уровне в рамках феномена Халлю («корейская волна») [8]. Системный характер данной политики закрепился принятием Закона о развитии индустрии массовой культуры и искусства [9]. Этот документ создает многоуровневую основу для реализации политики поддержки этого феномена, что также включает создание Совета по политике в области Халлю под председательством Министра культуры, спорта и туризма Республики Корея.

Так, наглядным является то, что в рамках культурной дипломатии два государства придерживаются разных стратегий, которые исходят из разных сфер заинтересованности среди граждан. Интерес к российскому искусству в Южной Корее проявляется в трех основных форматах: частные галерейные инициативы, институциональное музейное сотрудничество и академический диалог. Наиболее активными сферами сотрудничества являются изобразительное искусство, мультимедийные музейные проекты и культурный туризм. Это свидетельствует о том, что в Республике Корея взаимодействие с Россией реализуется преимущественно в сфере традиционного российского искусства. Что касается культурной политики Республики Корея, то ее можно охарактеризовать как результат последовательной государственной стратегии, направленной на системное развитие культурных индустрий и их интеграцию со смежными секторами экономики, что обеспечивает устойчивость и долгосрочный характер интереса к корейской культуре, в том числе и в России.

Важным инструментом культурной дипломатии во взаимоотношениях России и Республики Корея также является дипломатия второго трека. Дипломатия второго трека (Track-II Diplomacy) представляет собой неофициальный, но институционализированный формат взаимодействия между государствами или конфликтующими сторонами, реализуемый посредством диалога и обмена мнениями между представителями гражданского общества, академических кругов, экспертного сообщества, бывшими дипломатами и иными авторитетными лицами, не наделенными официальными переговорными полномочиями. Ключевая задача заключается в содействии решению конфликтов, снижению напряженности и формированию доверия между сторонами вне традиционных каналов официальной дипломатии [10]. Важные особенности дипломатии второго трека состоят в

долгосрочной ориентации, то есть в построении доверия, взаимопонимания и поддержании долгосрочных связей, а также в гибкости, позволяющей поддерживать каналы коммуникации в период политического охлаждения [11].

В российско-южнокорейских отношениях 2022-2026 гг. дипломатия второго трека приобретает особое значение. Ключевым институтом считается форум «Диалог Россия – Республика Корея» (ДРПК). Решение по созданию форума гражданских обществ было принято во время официального визита президента Республики Корея Ли Мён Бака 30 сентября 2008 года в России в ходе переговоров с руководством Санкт-Петербургского государственного университета. Инициатива получила поддержку Президента Российской Федерации Д.А. Медведева. В 2009 году были сформулированы основные положения концепции проведения Форума и согласованы с корейской стороной, а также сформирована структура форума, включающая в себя координационный комитет, рабочие группы и секретариат. Первый форум «Россия – Республика Корея» был проведен в Сеуле в 2010 году и был приурочен к 20-летию установления дипломатических отношений между государствами. В его рамках были проанализированы совместные проекты за двадцатилетний период, определены новые направления сотрудничества и ключевые векторы развития двусторонних отношений. В форуме принимали участие Президент РФ Д.А. Медведев и Президент РК Ли Мён Бак [12].

«Диалог Россия – Республика Корея» позиционируется как открытый и широкий форум для обсуждения как актуальных общественных вопросов, так и вопросов российско-южнокорейских отношений. Ключевой задачей является обеспечение конструктивного диалога между представителями разных сфер общественной жизни двух стран, что способствует созданию основы для сотрудничества, не зависящего от политической обстановки.

В 2025 году форум отметил 15-летие своей деятельности, что также совпало с 35-летием установления дипломатических отношений между двумя государствами. Одним из знаковых событий в этой связи стало торжественное мероприятие форума «Диалог Россия – Республика Корея» в декабре 2025 года в Сеуле под руководством председателя корейского Координационного комитета Форума «ДРПК» и бывшего посла Республики Корея в России Ли Кюхена.

Другое, не менее знаковое событие в честь 35-летия дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея – круглый стол в Московском культурном центре 19 марта 2026 года, организованный Культурным центром посольства Республики Корея при поддержке МИД РК. Участниками мероприятия выступили специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой, ректор МГИМО А.В. Торкунов, посол Республики Корея в России Ли Сок Пэ, бывшие послы обеих стран, а также ученые из ведущих университетов России. В ходе круглого стола были обсуждены пути расширения двустороннего сотрудничества в сфере культуры, искусства и туризма, а также перспективы академических обменов между университетами двух стран [13, 14]. Следует отметить, что событие было приурочено к выходу коллективной монографии «Непрерывный диалог между корейской и российской культурами» под редакцией бывшего посла России в Республике Корея Евгения Афанасьева. В книгу вошли как статьи академических исследователей из двух стран, так и статьи высокопоставленных корейских политиков, в числе которых работы советника

президента РК по национальной безопасности Ви Сон Рака, действующего посла Ли Сок Пэ и т. д.

Значимость монографии «Непрерывный диалог между корейской и российской культурами» также определяется ее вкладом в развитие академической дипломатии, при которой совместная исследовательская деятельность, публикации и сотрудничество в сфере образования выполняют функцию «моста» между странами в периоды затруднительного политического диалога. Академическая дипломатия опирается на долгосрочные профессиональные связи, сотрудничество между образовательными институтами, что позволяет сохранять каналы коммуникации и укреплять диалоговую основу.

Из этого следует, что в современных российско-южнокорейских отношениях дипломатия второго трека выступает в качестве самостоятельного и устойчивого инструмента коммуникации. Ключевую роль в этом отношении играет форум «Диалог Россия – Республика Корея», немаловажными оказываются мероприятия, круглые столы, организованные посольствами, консульствами и культурными центрами для предоставления экспертному сообществу площадки для взаимодействия.

Так, в нынешних политических условиях культурная дипломатия и дипломатия второго трека играют роль важнейшего инструмента внешней политики между Россией и Республикой Корея. Именно эти инструменты позволяют поддерживать диалог между странами в условиях ограничения официального политического диалога и санкционного режима. Характерной чертой культурного взаимодействия между государствами является сознательная деполитизация контактов. Официальные лица наряду с частными инициаторами подчеркивают, что культурный обмен должен продолжаться независимо от политической обстановки. Это позволяет судить о том, что сфера искусства и гуманитарное сотрудничество выступают устойчивыми площадками взаимодействия, которые стремительно развиваются.

Важно отметить различные стратегии двух государств в рамках культурной дипломатии. В Республике Корея взаимодействие с Россией реализуется преимущественно в сфере традиционного российского искусства через частные галерейные инициативы, институциональное музейное сотрудничество и академический диалог. В России рост популярности корейской культуры связан с последовательной государственной стратегией Республики Корея по продвижению феномена Халлю («корейской волны»).

Тем не менее Россия стремится к расширению культурного присутствия в Южной Корее, выстраивая сотрудничество как в традиционных формах, так и в отношении новых технологических платформ. Создание мультимедийных и NFT-проектов в рамках представительств Эрмитажа в Сеуле и на Чеджудо позволяет судить о стремлении российской стороны адаптироваться к современным технологическим тенденциям и предложить корейской аудитории новые форматы взаимодействия.

Таким образом, культурная дипломатия, дипломатия второго трека и академическая дипломатия в совокупности образуют устойчивую систему, которая позволяет России и Республике Корея поддерживать гуманитарные связи, накапливать культурный капитал и создавать основу для будущего восстановления полноформатного межгосударственного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. С. 9–12.
2. Joseph S. Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. P. 12-26
3. Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент "мягкой силы" государства // перспективы. Электронный журнал. 2016. №1 (5).
4. Cummings Milton C.Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government. Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003.
5. Эрмитаж планирует показать первую экспозицию в своем центре в Южной Корее. – Текст: электронный // ТАСС. – 2025. – 11 нояб. URL: <https://tass.ru/kultura/25594683> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Шаляпина А. «Скрытое сокровище»: сеульская галерея Cartina Collection знакомит корейцев с русской живописью. URL: <https://russkiymir.ru/publications/344607/> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Korea Creative Content Agency: официальный сайт. URL: <https://www.kocca.kr/en/> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Hallyu (Korean Wave) // Korean Cultural Centre UK. – URL: <https://kccuk.org.uk/en/about-korea/culture-and-arts/hallyu-korean-wave/> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Закон о развитии индустрии массовой культуры и искусства (대중문화예술평업발전법): Закон № 20833, вступ. в силу 26.09.2025 // Korea Law Information Center. URL: <https://law.go.kr/법령/대중문화예술평업발전법> (дата обращения: 20.03.2026).
10. Аликберов А.К., Наумкин В.В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17, № 4. С. 101–120.
11. Track two diplomacy // Diplo. URL: <https://www.diplomacy.edu/topics/track-two-diplomacy/> (дата обращения: 20.03.2026).
12. О Форуме // Диалог Россия – Республика Корея: официальный сайт. URL: <https://drrk.ru/o-forume/> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Jung Min-kyung. Seoul, Moscow mark 35 years of ties with cultural exchange event // The Korea Herald. – 20.03.2026. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10699266> (дата обращения: 20.03.2026).
14. Park Boram. S. Korea hosts cultural exchange roundtable in Russia to mark 35th anniv. of diplomatic ties // Yonhap News Agency. – 20.03.2026. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20260320004600315> (дата обращения: 20.03.2026).

**МОРФОЛОГИЯ РУССКОЙ СКАЗКИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ
В ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THE MORPHOLOGY OF THE RUSSIAN FAIRY TALE AND
ITS REFLECTION IN THE HUMANITARIAN RELATIONS OF THE FOREIGN
POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE**

Ю.А. Петухова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

I.A. Petukhova,

Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: Petukhova.oblako@bk.ru

Научный руководитель:

О.В. Григорьева

E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com

Аннотация. В современном научном сообществе в связи с последними событиями и политическими курсами многих стран все чаще остро встает тема конструирования, сохранения и продвижения национальной идентичности. Сказка является не просто литературным жанром, ее продукт – не просто некой системой, сочетающей в себе архетипические символы. Сказка — это полотно, в которое вшит культурный код, формирующий эту самую национальную идентичность. В эпоху тотальной глобализации, во многом означающей не столько многообразие, сколько слияние, элементы традиционной культуры становятся важным ресурсом гуманитарной дипломатии, чем-то эксклюзивным и присущим исключительно тому или иному народу. В данной работе рассматривается как структура и образы русской сказки находят отражение в культурной политике и гуманитарных связях Российской Федерации на современном этапе.

Abstract. In the modern scientific community, amid recent events and the political courses of many countries, the topic of constructing, preserving, and promoting national identity is becoming increasingly acute. A fairy tale is not just a genre; its product is not merely a system combining archetypal symbols. A fairy tale is a canvas in which the cultural code that forms this very national identity is woven. In the era of total globalization—which in many ways implies not so much diversity as fusion—elements of traditional culture are becoming an important resource for humanitarian diplomacy, something exclusive and unique to a particular nation. This paper examines how the structure and images of the Russian fairy tale are reflected in the cultural policy and humanitarian relations of the Russian Federation at the present stage.

Ключевые слова: сказка, гуманитарные связи, внешняя политика, неореализм, конструктивизм, идентичность, мягкая сила

Key words: fairy tale, humanitarian relations, foreign policy, neorealism, constructivism, identity, soft power

В условиях современного международного кризиса особую значимость приобретает культурная дипломатия как средство налаживания гуманитарных связей и формирование, а в случае России – отстаивание позитивного образа государства на международной арене. Россия обладает богатым культурным наследием и в продвижении своей гуманитарной повестки все активнее использует национальные фольклорные образы и символы. Русская сказка становится инструментом мягкой силы, который используется во многих сферах деятельности

государства – начиная образованием и заканчивая кинематографом. За последние 10 лет в России вышло в прокат не менее 10 кинокартин, снятых на основе народных сказок. Кроме того, обращаясь к морфологии русской сказки как структурной основе национального культурного кода, можно выявить, каким образом архаические формы коллективного сознания отражаются в современной внешнеполитической риторике государства. Анализ взаимосвязи сказочной символики с гуманитарной стратегией РФ представляет интерес как для специалистов-международников, так и для исследователей культуры и публичной дипломатии. Изучение темы способствует не только глубокому пониманию инструментов формирования международного имиджа России, но и демонстрации потенциала синтеза культурологии и внешнеполитического анализа в условиях глобализации.

Морфологическая модель русской сказки стала основой для формирования устойчивых культурных архетипов, активно воспроизводимых в художественной литературе, кинематографе, политическом дискурсе и пропаганде.

Особенно ярко это проявляется в публичной дипломатии, где Россия стремится представить себя как «героя», проходящего сквозь испытания и побеждающего несправедливость в международных отношениях. Пропповская логика нарратива также прослеживается в российских культурных проектах за рубежом — от экспорта сказок и анимации до культурных фестивалей, продвигающих образ традиционной России.

Все это оказывает прямое влияние на формирование идентичности государства. Что же это такое и как оно связано с национальной сказкой? Понятие идентичности многозначно, оно меняется с развитием истории. Джон Локк связывал идентичность с памятью и сознанием, непрерывностью этого самого сознания через время [1]. А австрийский теолог и социолог Питер Бергер рассматривал данное понятие как конструкт, который формируется в социокультурной реальности [2].

Культурная идентичность может быть определена как «единство культурного мира человека (социальной группы) с определенной культурной традицией, культурную систему, характеризующуюся усвоением иприятием ценностей, норм, содержательного ядра данной культуры и форм ее выражения» [3].

Интересно провести параллель и со сказкой, которая является сосудом, хранящим в себе память народа, его традиции и ритуалы, со сказкой, структура и морфология которой сформировалась в определенной социокультурной реальности.

Любой текст (как своеобразный набор символов) является антропоцентричным, он соотносится с социальным и политическим контекстом эпохи и ее менталитетом через человека. Сказка связана с национальной идентичностью, так как: передаёт культурные коды и ценности, формирует общие символы и архетипы, укрепляет чувство «мы», отражает исторический опыт народа, помогает отличать «своих» и «чужих» в духе концепции неореализма

Современная среда международных отношений характеризуется борьбой за лояльность и культурную симпатию. В условиях глобализации и цифровизации и последующего за ними информационного перенасыщения побеждает тот, кто не только может транслировать смыслы, но и вызывать доверие.

Гуманитарная дипломатия и концепция мягкой силы стали важными рычагами международных отношений в постбиполярную эпоху. Гонка вооружений была заменена гонкой привлекательности национальной идентичности. На смену геополитическому принуждению постепенно приходит стратегически продвинутое «мягкое» убеждение – воздействие на умы и сердца, а не прямое милитаристское наступление.

Гуманитарная политика России включает в себя широкий спектр инициатив — от поддержки русскоязычных сообществ за рубежом до создания образовательных центров, проведения культурных форумов, а также участия в международной помощи и миротворческих миссиях. Через механизмы Россотрудничества, Русского географического общества, фондов поддержки соотечественников и ведущих вузов страна формирует устойчивый гуманитарный контур влияния. Особое значение в этой политике приобретает желание сохранить историческую память и намерение продвигать альтернативную — в отличие от западной — модель мировоззрения, основанного на традиционных ценностях, суверенитете и межкультурном уважении. Это позволяет России формировать имидж державы, способной предложить миру иной цивилизационный выбор — вне рамок однополярной глобализации. Таким образом, гуманитарная дипломатия становится не просто дополнением к «жёсткой» внешней политике, а её стратегическим ресурсом, способным укреплять международные позиции страны и выстраивать долгосрочные партнерские отношения с зарубежными обществами.

Как воспринимаются сказочные кейсы за рубежом

В современном мире, где конкуренция между государствами выходит за пределы экономики и военной силы, особую значимость приобретает культурная составляющая национальной идентичности. Эпос является одним из ключевых элементов, формирующих устойчивое коллективное «я» нации. Как раз в эпосе, в сказках сакрализуется моральные ориентиры, традиции и даже образ врага нации. Через образы героев, сказочных ситуаций, обрядов национальное творчество транслирует архетипы, формирующие гражданскую лояльность, чувство общности и историческую преемственность. Так, в русской традиции таким эпосом являются былины и позднее — военные нарративы XX века, в которых герой (часто собирательный) представлен как защитник земли, православной веры и народа. В США мифологизируются образы отцов-основателей и фронта, в Британии — король Артур и рыцарская честь, в Иране — «Шахнаме», в Финляндии — «Калевала». Эти тексты не просто формируют культурный ландшафт — они в духе концепции неореализма определяют, кто является «своим», а кто — «чужим», за что стоит бороться и какую жертву считать оправданной.

На уровне международных отношений эпос выполняет важную символическую функцию. Он используется в публичной дипломатии, культурной экспансии и в формировании гуманитарной политики. Эпос даже становится аргументом в политических конфликтах, в том числе территориальных — когда одна сторона апеллирует к «историческому праву», опираясь на мифологизированное прошлое. В этом смысле эпос — не реликт прошлого, а живой ресурс геополитической борьбы.

В контексте российского коллективного бессознательного, а следовательно, и стратегии внешней политики, эпическое мышление укоренено глубоко. Старинные былины о богатырях формируют образ защитника Руси, который выше личных интересов ставит служение Отечеству. Это активно продвигается в массовой культуре, например, полюбившаяся всем серия мультфильмов про богатырей популяризирует исконно русские ценности, прививая их детям. Нарративы, продвигаемые в сказках, перекликаются также с христианской идеей подвига и жертвы, подкрепляя легитимность государственной связи возложенной на него духовной миссией.

Российские сказки и мифология за границей часто воспринимаются как экзотические и атмосферные, но не всегда глубоко понятные. Многие персонажи — Баба Яга, Кощей Бессмертный, Иван-дурак — кажутся необычными или даже пугающими, если сравнивать эти глубинные образы с их более “мягкими” западными сказочными эквивалентами. Тем не менее, именно благодаря своей архетипической глубине русские сказки часто вызывают восхищение у художников, писателей, анимационных режиссеров (например, у студии *DreamWorks* или *Guillermo del Toro*, вдохновлявшихся славянским фольклором).

Западный зритель склонен воспринимать русские сказки через призму эстетики, но редко ассоциирует их напрямую с современной Россией как политическим субъектом. Это похоже на то, как эстетика Российской Империи и, в частности, семьи последнего русского императора практически не оказывает никакого политического влияния на умы.

Почему все любят мультфильм “Анастасия”, но не проникаются такой же любовью к самой державе, об истории которой идет речь? Достаточно осознать, что картина не о России, а о сказке про Россию. Представляется романтизированный образ сказочной дореволюционной России, наполненной балами, смелыми офицерами и красивыми дворцами. Этот образ визуально и глубинно понятен западному зрителю.

Западный мир давно разделяет отношение к культуре и к государству. Даже в периоды политической напряжённости представители культурной русской традиции (музыка Чайковского, романы Достоевского, балет), вызывают уважение, в то время как восприятие современной российской политики может быть негативным.

Запад любит русскую культуру, особенно в её классическом или фольклорном воплощении, — за её силу, трагизм, художественную глубину. Но одновременно опасается или отвергает современную политическую Россию, воспринимая её как угрозу либеральным ценностям или международному порядку. Это парадокс культурного восприятия, в котором сказочная Россия «Анастасии» и «Щелкунчика» могут вызывать слёзы и восхищение, а реальная Россия — тревогу и отстранение.

Конкретные кейсы: сказочные нарративы и дипломатия.

В условиях идеологической турбулентности и роста конфликтов менталитетов, обращение к сказке как инструменты мягкой силы закономерно, логично и даже мудро. Но в погоне за изучением конструируемого образа можно случайно упустить важную деталь: сказка сама изнутри влияет на нас и наши действия. Сказочные нарративы определяют вектор развития внешней политики, ведь часто именно в сказке — некоем месте памяти нации — хранится отношение этой самой нации к *другому* [4]. Современная внешняя политика, особенно в условиях кризиса, часто строится на неореалистской логике — где мир делится на «своих» и «чужих». В русском культурном коде подобное деление глубоко укоренено в сказках. Герой сражается с силами хаоса — змеем, Кощеем, чужеземцем — чтобы спасти «своих» и восстановить порядок. Эта логика переносится и в политическую риторику: Россия — это спаситель и держава с особой исторической миссией, а её народ — носитель универсальной правды и справедливости. Такой нарратив создаёт семантическую капсулу, в которой российская идентичность объясняется через идею жертвы во имя мира и борьбы с хаосом. Именно эта структура формирует восприятие России как уникальной цивилизации, не вписывающейся в западные нормы, но обладающей моральным правом на особый путь. Отражение этой смысловой схемы можно найти в концепции Русского мира.

В элементах гуманитарной политики легко угадываются глубинные сказочные смыслы, и Концепция гуманитарной политики РФ это подтверждает [5]:

1. Россия как покровительница соотечественников за рубежом (п. 62, 63, 64).
2. Миротворческие миссии России (раздел 3, п. 20).
3. Поддержка своей идентичности в чужом, враждебном мире (раздел 2, п. 13, 15, п. 31).

Кроме того, ряд конкретных событий внешней политики России можно интерпретировать сквозь призму сказки:

- Противостояние НАТО и США – “герой против темного царства”, где Россия и ее союзники – единственные акторы международных отношений, которые сохраняют справедливость в мире.

- Сирийская кампания и антитеррористическая политика – борьба со змеем – терроризмом, где РФ, как Илья Муромец, защищает народы от хаоса.

- Поддержка ЛНР и ДНР, воссоединение Крыма с Россией – спасение “своих”, нарратив, где герой отправляется в путь, чтобы спасти брата или сестру из плена. Кстати, примерно таким же образом Россия оказалась втянута в Первую мировую войну.

Таким образом, русская сказка — это не просто объект культурного наследия, а рабочая матрица политического мышления и внешнеполитического символизма. Она задаёт структуру восприятия событий, обосновывает действия государства и усиливает легитимность через эмоциональные, архетипические образы. Гуманитарная дипломатия России во многом строится не на «прямом влиянии», а на глубокой культурной интуиции, исходя из которой политика зависит от сказочного бессознательного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78-582.
2. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
3. Культурология: учеб / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков - М.: Проспект, 2010. - 528 с.
4. Сабанчиев Рустам Юнусович Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43).
5. Концепция Гуманитарное политики Российской Федерации, URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 07.03.2026)
6. Лебедева Марина М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). – с. 212-223.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 07.03.2026).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 07.03.2026)
9. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том IV: Культурная политика. 2008 - с. 131-145
10. Зворыгина О. И. Русская литературная сказка: жанр, язык, стиль: монография / О. И. Зворыгина - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. - 264 с.
11. Лотман Ю. М. Текст и функция / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусства») / Сост. Р. Г. Григорьева. - СПб.: Академический проект, 2002. - С. 24-37.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ
США, РФ И КНР**

**NATIONAL MODELS OF PUBLIC DIPLOMACY:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL APPROACHES OF
THE USA, RUSSIA, AND CHINA**

В.М. Семак,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

V.M. Semak,

Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: semak.lida@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются национальные модели публичной дипломатии США, Китая и России в контексте современного международного порядка. Проведен сравнительный анализ концептуальных подходов, выявлены особенности формирования и применения публичной дипломатии в каждой стране с учетом историко-культурного контекста, стратегических приоритетов и национальных интересов. Особое внимание уделено эволюции американской модели, связанной с глобальным лидерством и продвижением универсальных ценностей, китайской модели, основанной на философской традиции Тянься и концепции «Сообщества единой судьбы человечества», а также российской модели, ориентированной на восстановление международного имиджа, защиту суверенитета и поддержку многополярного миропорядка. Статья демонстрирует, что публичная дипломатия выступает инструментом стратегического влияния и отражает уникальные цели и формирует идентичность государств.

Abstract The article examines the national models of public diplomacy of the United States, China, and Russia in the context of the contemporary international order. A comparative analysis of conceptual approaches is conducted, highlighting the features of the formation and implementation of public diplomacy in each country, taking into account historical and cultural context, strategic priorities, and national interests. Special attention is given to the evolution of the American model, associated with global leadership and the promotion of universal values; the Chinese model, based on the philosophical tradition of Tianxia and the concept of the “Community of Shared Future for Mankind”; and the Russian model, focused on restoring the country’s international image, protecting sovereignty, and supporting a multipolar world order. The article demonstrates that public diplomacy serves as a tool of strategic influence and reflects the unique objectives and identity of each state.

Ключевые слова: публичная дипломатия, национальные модели, США, Китай, Россия, мягкая сила, международный имидж

Key words: public diplomacy, national models, USA, China, Russia, soft power, international image

В эпоху перемен в международных отношениях происходит перестройка устоявшихся моделей: старые модели перестают отвечать на новые вызовы и уже не в состоянии сдерживать растущий потенциал новых акторов мировой политики. В связи с острой конкуренцией собственных идей и видения нового миропорядка публичная дипломатия сейчас стала острым инструментом этой борьбы. Трактовка публичной дипломатии варьируется в зависимости от целей, которые преследует каждое государство. Практически каждое крупное государство, претендующее на активную роль в международных отношениях, рассматривает развитие публичной дипломатии как осознанную и необходимую часть своей внешней политики.

Целью исследования является выявление содержания понятия «публичная дипломатия» в национальных моделях США, КНР и РФ и проведение сравнительного анализа концептуальных подходов.

По мнению ряда исследователей, американская модель публичной дипломатии является одной из наиболее развитых и институционализированных в мире, объединяя широкий спектр инструментов — образовательные и культурные обмены, стратегические коммуникации и информационное вещание — и напрямую связана с реализацией национальных интересов [1].

В основной обиход термин вошел в 1965 году Эдмундом Галлионом — деканом Школы права и дипломатии Флетчера при Университете Тафтса — в момент создания им Центра публичной дипломатии имени Эдварда Р. Мерроу. Он рассматривался как «действия правительств по информированию иностранных государств и оказанию на них влияния» [2]. Э. Галлион сознательно ввёл понятие, стремясь заменить им негативно окрашенный термин «пропаганда», хотя по своему содержанию он не рассматривал эти явления как принципиально разные. В результате термин на определённый период оказался вытеснен из научного и политического дискурса, поскольку в условиях идеологического противостояния с Советским Союзом Соединённые Штаты активно использовали инструменты информационного воздействия, которые нередко воспринимались как пропаганда.

Публичная дипломатия США не прекращала работу, а напротив, усилила влияние на зарубежные аудитории в противовес СССР. С послевоенного времени она развивалась как комплексная система с институтами и каналами коммуникации, включая Voice of America, культурные обмены, информационные кампании, кино, радио и публикации, направленные на продвижение идеологических ценностей. Эта модель, изначально ориентированная на холодную войну, остаётся актуальной и сегодня в отношениях с Россией и Китаем [3].

В начале XXI века публичная дипломатия стала рассматриваться в тесной связи с концепцией «мягкой силы» Дж. Ная, согласно которой государство может достигать внешнеполитических целей через привлекательность культуры, политических ценностей и внешней политики. При этом «мягкая сила» является теоретической концепцией, тогда как её практическое воплощение осуществляется через конкретные механизмы и институты публичной дипломатии, которые отличаются большей устойчивостью [3].

Важно отметить, что историческое формирование мощи США оказало решающее влияние на развитие их национальной модели. Как отмечается в исследованиях, США обладают всеми традиционными параметрами великой державы, а также устойчивой традицией участия в мировой политике. В США сформировалась традиция думать и действовать глобально, включающая представления о цивилизаторской миссии «бремени белого человека». В современности эта миссия сохраняет влияние: в 2000-е годы в Доктрине Буша-младшего концепция «американской исключительности» использовалась для обоснования однополярной политики США. Подобные идеи универсальной западной культуры приобрели массовый характер после завершения «холодной войны». США объявили себя единственными победителями и носителями универсальной культуры, общей для всего человечества.

Публичная дипломатия США зачастую используется как способ легитимизации той или иной деятельности в рамках интересов внешней политики

государства. По этой причине ряд исследователей нарекают её чрезмерно политизированной из-за дуализма функций. С одной стороны, она может способствовать межкультурной коммуникации. С другой — использоваться для продвижения интересов и идеологии США, а также для подрыва доверия к правительствам других стран, как это происходило в Ираке, Ливии, Сирии и Украине [4].

Согласно Стратегии национальной безопасности США 2022 года, Соединённые Штаты провозглашаются «мировым жандармом» и стремятся выиграть это «решающее десятилетие» в конкуренции с автократиями [5]. В данном ключевом документе публичная дипломатия рассматривается как инструмент наступательного характера в глобальной войне идей. Важно отметить, что с приходом к власти Дональда Трампа в 2025 г. идея «комплексного сдерживания» сменилась концепцией «Америка прежде всего», в рамках которой первостепенное внимание уделяется расцвету и благосостоянию самих Соединённых Штатов.

Традиционно, согласно международным индексам «мягкой силы», США на протяжении длительного времени занимают ведущие позиции в мире. Высокие показатели обеспечиваются активным использованием инструментов публичной дипломатии, включая образовательные и культурные обмены, систему грантов и стипендий, международное вещание, поддержку НПО и распространение американской массовой культуры. Вместе с тем публичная дипломатия США не сводится исключительно к развитию межкультурного диалога. В условиях глобальной конкуренции она всё чаще выступает как инструмент политического и идеологического воздействия, направленный на закрепление доминирующего положения США в мировой системе.

В условиях трансформации мирового порядка главным конкурентом Америки выступает Китайская Народная Республика. У Китая существуют собственные способы достижения высоких результатов, среди которых важное место занимает публичная дипломатия, по своему значению и механизмам функционирования существенно отличающаяся от американской.

Любая научная теория и политическая практика неизбежно опираются на собственную культурную логику. В этом смысле китайский подход к публичной дипломатии уходит корнями в многовековую традицию китайской политической мысли. Прежде всего китайская государственность строилась на древней идее Тянься (天下 — «Всё под Небом»), сформировавшейся в первой половине I тысячелетия до н. э., согласно которой мир представлялся как система полярной разобщённости: Срединное государство находилось в центре, а окружающая «варварская» периферия рассматривалась как зона дикости и отсталости [6]. Китайский император выступал ответственным за поддержание гармонии во Вселенной. Такое понимание закрепляло представление об особом цивилизационном статусе Китая.

Поскольку «варвары» считались менее развитыми, их «высшим долгом» объявлялось признание верховной власти правителей Китая. Отношения «варваров» с империей могли существовать только в рамках «даннической» системы. Интересен тот факт, что государства, ещё не осознавшие этой необходимости, нередко сами становились объектом щедрых даров со стороны императорского двора. Посылая богатые подарки, Китай стремился к символическому включению этих государств в китаецентрическую систему [7].

Многие исследователи отмечают, что идея Тянься получила современную интерпретацию в концепции КНР «Сообщества единой судьбы человечества», выдвинутой председателем Си Цзиньпином в 2012 г. и направленной на создание мира с прочным миром, всеобщей безопасностью и совместным процветанием [8]. Концепция получила признание как внутри КНР, так и на международном уровне. Важнейшим инструментом её реализации является публичная дипломатия, посредством которой Китай стремится: 1) усилить своё право голоса на международной арене; 2) сформировать имидж стабильного и надёжного партнёра; 3) позиционировать китайскую культуру как уникальную; 4) продвигать собственную модель международных отношений.

По словам бывшего китайского министра иностранных дел Ян Цзечи, «Китай не желает экспортировать идеологию и китайские ценности» [9]. Цель публичной дипломатии КНР — сближение расстояния между Китаем и миром, устранение предубеждений и укрепление дружеского сотрудничества. По словам Си Цзиньпина, современный Китай ориентирован на возрождение исторического величия [10]. Данные ориентиры находят отражение в теоретических концепциях, тогда как в практической плоскости одним из ключевых механизмов их реализации является инициатива «Один пояс и один путь». Реализация данной инициативы сопровождается активным использованием культурных, образовательных и гуманитарных программ, которые способствуют распространению китайского языка и укреплению межобщественных контактов.

Публичная дипломатия КНР обеспечивает легитимацию расширения китайского присутствия в мире и в сочетании с экономическими инициативами способствует продвижению китайского видения международного порядка, основанного на принципах многополярности и суверенного равенства.

Несмотря на концептуальное сходство идей «особого предназначения» США и китаецентричной картины мира, национальные модели публичной дипломатии в данных государствах реализуются различными путями. В отличие от КНР, чья публичная дипломатия строится на принципах невмешательства, американская носит более наступательный характер и ориентирована на сдерживание стратегических соперников.

Третья национальная модель публичной дипломатии отличается по своему характеру от предыдущих. Для её понимания необходимо учитывать два ключевых аспекта.

Во-первых, в советский период публичная дипломатия, чаще именовавшаяся народной дипломатией, представляла собой мощную институционализированную систему. Во второй половине XX века СССР в ряде случаев занимал более сильные позиции, чем США, в сфере идеологического и информационного воздействия на зарубежную аудиторию. Существенную роль в этом играло Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), фактически выполнявшее функции публичной дипломатии.

Во-вторых, после распада СССР в 1990-е гг. данная система была практически разрушена, а накопленный опыт не был сохранён. В результате российская публичная дипломатия формировалась заново, что неизбежно сказалось на её развитии.

Новое государство — Российская Федерация — унаследовало негативный имидж от своего предшественника, вследствие чего страна столкнулась с серьёзным

имиджевым кризисом [11]. В середине 2000-х годов Кремль инициировал широкую кампанию публичной дипломатии, начиная с концепции внешней политики от 28 июня 2000 г. Постепенно российская публичная дипломатия стала возрождаться, чему способствовало создание ряда профильных структур, включая Фонд им. А.М. Горчакова, Валдайский клуб и другие.

Последующее развитие «мягкой силы» России было закреплено в Концепциях внешней политики РФ 2008 и 2013 гг. В середине 2000-х — 2010-х годов страна начала активно наращивать свой потенциал в этой сфере, создавая возможности для улучшения международного имиджа и восстановления репутации на мировой арене. Ключевыми площадками для демонстрации «мягкой силы» стали саммит «Большой двадцатки» в 2013 г., XXII Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 г. и саммит БРИКС в 2015 г. Однако все эти усилия были существенно подорваны украинским кризисом, начавшимся в 2013 г., и последующим присоединением Крыма в апреле 2014 г. В результате российская публичная дипломатия вновь оказалась отброшенной назад, утратив часть достигнутых позиций на международной арене.

Новая Концепция от 31 марта 2023 г. отражает быстро меняющиеся условия, выделяя создание позитивного имиджа страны как стратегическую цель. В документе подчеркивается приверженность России многополярному развитию, а также отмечается проведение русофобских кампаний «недружественными иностранными государствами» [12]. Российские власти считают важным распространение достоверной информации о роли России в истории, включая решающий вклад СССР в победу над нацизмом и деколонизацию.

Публичная дипломатия России прошла тернистый путь, сталкиваясь с санкциями и дискредитацией. В связи с этим её основной целью сейчас является формирование непредвзятого образа России, предотвращение «отмены» русской культуры и поддержка многополярной системы международных отношений. Национальные модели публичной дипломатии отражают стратегические цели и историко-культурные особенности соответствующих стран.

Для России публичная дипломатия ориентирована на формирование привлекательного образа страны и поддержку внешней политики, сближаясь с концепцией «мягкой силы», тогда как в США она больше выступает как инструмент привлечения союзников и противодействия угрозам. Национальная модель современной России во многом схожа с китайской: обе стремятся избавиться от стереотипного негативного имиджа и формируют многополярное мироустройство. Их отличие заключается в том, что КНР ориентирована на создание позитивного имиджа для реализации экономических проектов за рубежом, тогда как Россия стремится преодолеть международную изоляцию и бороться с русофобией.

Для США публичная дипломатия формировалась в условиях глобального лидерства и опирается на идею универсальности западных ценностей; её модель можно охарактеризовать как глобалистскую, наступательную и ценностно-ориентированную. Китайская модель формируется под влиянием историко-философской традиции и ориентирована на гармонизацию международных отношений; её можно определить как гармонизирующую, оборонительно-легитимирующую и цивилизационно-ориентированную. Российская публичная дипломатия характеризуется суверенно-ориентированным, защитно-легитимирующим и цивилизационно-идентификационным подходом, делая акцент на сохранении собственной идентичности и поддержке многополярного миропорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Великая А. А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1864> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Cull N. J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase// Routledge Handbook of Public Diplomacy. Snow N., Taylor Ph. (Eds.). L., N. Y.: Routledge, 2009.
3. Теория и практика публичной дипломатии России: учеб. метод. материалы № 10/2024 / [Н.В. Бурлинова; под ред. С.М. Гавриловой, Е.А. Солодухиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2024 – 160 с.
4. Винокуров Владимир Иванович, Роль публичной дипломатии в отстаивании национальных и коалиционных интересов (на примере США, НАТО и ЕС). Дипломатическая служба. 2020; 6.
5. National Security Strategy of the United States. Washington: The White House, 2022. (дата обращения: 20.03.2026).
6. Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер 2021. – Выпуск № 3-4 С. 69-84. URL: <https://orientalcourier.ru/S268684310018001-9-1> (дата обращения: 21.03.2026).
7. От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. Отв. ред. Борох Л. Н., Кобзев А. И. М.: Восточная литература, 1998. – 422 с.
8. Бояркина А.В. Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 79–97.
9. Ян Ц. Усердно создавать новые условия для публичной дипломатии с китайской спецификой// Цюй Ши. – 2011 – № 4 – С. 43–46.
10. Абдрахимов Л.Г. Идея «Великое возрождение китайской нации – Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. No 1. С. 189–203.
11. Колокольцева Е.В. Понятие имиджа России и его эволюция во внешнеполитической стратегии страны // Международная жизнь. 2019. № 11. С. 74–85.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 22.03.2026).

**ЛИВАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ
ДЖЕБРАНА ХАЛИЛЯ ДЖЕБРАНА И АМИНА АР-РЕЙХАНИ**

**LEBANESE IDENTITY IN THE WORKS
OF JIBRAN KHALIL JIBRAN AND AMEEN AL-RIHANI**

А. Т. Фарниева,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.T. Farnieva,

St. Petersburg State University,
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: st119920@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу ливанской идентичности в творчестве двух выдающихся представителей сиро-американской литературной школы — Джеброна Халиля Джеброна и Амина ар-Рейхани. В работе рассматривается сложность определения национальной идентичности Ливана в силу множества факторов, таких как географическое расположение, конфессиональная гетерогенность, культурное разнообразие и противоборство идеологических концепций, финикиизма и арабизма. Также рассматривается взгляд самих авторов на вопрос определения идентичности Ливана. За основу анализа берутся материалы художественных произведений писателей, которые представляются в роли посредников в диалоге культур. Особое внимание уделяется тому, как писатели осмысливают универсальность Ливана, его историческое наследие и необходимость освобождения от внешнего и внутреннего диктата. Каждый делает это по-своему, но оба имеют схожее мнение и критическое отношение к религиозному институту и политическому угнетению, а также общие представления о возможности и путях возрождения Ливана.

Abstract. This article is devoted to the analysis of Lebanese identity in the works of two prominent representatives of the Syro-American literary school — Jibran Khalil Jibran and Ameen al-Rihani. The study examines the complexity of defining Lebanon's national identity due to a multitude of factors, such as its geographical location, confessional heterogeneity, cultural diversity, and the clash of ideological concepts — Phoenicianism and Arabism. The authors' own perspectives on the issue of defining Lebanese identity are also considered. The analysis is based on the literary and journalistic works of these writers, who are presented as mediators in the dialogue of cultures. Particular attention is paid to how the writers conceptualize Lebanon's universality, its historical heritage, and the necessity of liberation from external and internal domination. Each does so in their own way, yet both share similar views and a critical stance toward religious institutions and political oppression, as well as common ideas regarding the possibility and paths of Lebanon's revival.

Ключевые слова: Ливан, Ливанская идентичность, Джебран Халиль Джебран, Амин Ар-Рейхани, Ан-Нахда, Сиро-Американская школа, арабский романтизм

Key words: Lebanon, Lebanese identity, Jibran Khalil Jibran, Ameen Al-Rihani, Al-Nahda, Syro-American school, Arabic romanticism

Актуальность темы исследования объясняется тем, что поиск общеливанской идентичности составляет одну из важнейших задач политики Ливана, обуславливает многие внутривосточные конфликты. Формулирование ответа на вопрос: «Что такое Ливан?», по сей день остается сложной и неоднозначной задачей в связи со значительной гетерогенностью общества. Несмотря на относительно однородный этнический состав Ливана (95% населения – арабы, 4% – армяне и 1% – остальные) [1]. Государство с его многогранной и разнообразной конфессиональной

составляющей (18 официально признанных религиозных групп) становится наиболее ярким примером проблемы определения национальной идентичности.

Уже в XIX – начале XX вв. выдающиеся писатели начинают осознавать неоднозначный характер вопроса. Среди них писатель Джебран Дж. Х. в письме «Мусульманам», 1913 г. «Я останусь выходцем с Востока в своем поведении, сирийцем в своих желаниях и ливанцем в своих чувствах» [2]. Позднее к выводу об амбивалентности ливанской идентичности приходит и французская писательница ливанского происхождения Андре Шедид, в 1976 г. попытавшаяся определить идентичность своей страны в работе «Церемониал насилия» [3]. Фрэнк Саламе пишет, что, по ее мнению, «Ливан поглощен и неузнаваем из-за его многоликости, многоголосия и множества личностей, и, возможно, именно в этом диссонансе, гибридности и многообразии заключались уникальность и истинная сущность Ливана» [2].

Будучи страной с преобладающе христианским населением, Ливан уже не может быть определен этой характеристикой, ведь конфессиональный состав за последнее время значительно изменился.

В 2020 г., по статистическим данным численности религиозных групп, обозначились следующие цифры: мусульмане – 67,8% (31,9% – сунниты, 31,2% – шииты, остальные – алавиты и исмаилиты); христиане – 32,4% (преимущественно католики-марониты); друзы – 4,5%; и небольшое количество иудеев, бахаи, буддистов и индуистов [1]. Перестановка в конфессиональном составе привела закономерным образом и к рокировке в высшем аппарате управления, поставив под сомнение превосходство христианских представителей власти, пошатнувшееся еще в 1989 г. с подписанием Таифских соглашений [4]. Сложность в определении идентичности Ливана составляет и его географическое расположение. Государство представляется неким мостом между Западом и Востоком и выступает в качестве посредника взаимодействия. Присутствует также представление о космополитичности и мультилингвизме страны, которые исходят из споров о происхождении ливанцев и составляют идеологию финикиизма. В то же время еще в начале XX в. в конкуренцию с идеологическими концепциями вступила национальная идея арабизма и добавила неоднозначности в вопрос о происхождении ливанцев.

В современных реалиях, как отмечает А. В. Сарабьев, наблюдается некоторая эклектика и смешение политических программ идеологов, что отражается на порой неоднозначной позиции их приверженцев в политике [5].

Вышеприведенные факторы, безусловно, представляются важными при попытке ответить на вопрос: «Что такое Ливан?». Однако нельзя ими ограничиваться и упускать из виду культурную составляющую страны. Литературные работы таких известных по сей день ливанских писателей, как Амин ар-Рейхани (1876–1940) и Джебран Халиль Джебран (1883–1931), несомненно, влияют на самосознание граждан и их представление о самих себе, что является, пожалуй, решающим фактором. Будучи представителями арабского романтизма, охватившего первую треть XX в. и ставшего порождением эпохи арабского национального возрождения – «ан-Нахды» (начавшейся в XIX в.), писатели стали выразителями идей и мыслей, преобладающих в ливанском обществе в тот период и пробудивших новый культурно-духовный подъем и вместе с этим поиски нового национального самосознания [6]. Именно поэтому необходимо рассмотреть, как

писатели представляли Ливан, и понять, из чего складывается самосознание ливанцев.

Будучи представителями сиро-американской литературной школы, Джебран Дж. Х. и ар-Рейхани А. становятся посредниками в диалоге культур Запада и Востока. О подобной роли пишет Ар-Рейхани А. и в отношении столицы Ливана в работе «Бейрут» [7], что говорит о ее универсальности и преемственности к обеим культурам. Более того, в «Сердце Ливана» [8] автор указывает на полиэтничность страны и ее многогранную сущность, отмечая присутствие различных культур. Следы греков и римлян Ар-Рейхани А. замечает в долине Собачьей реки, финикийцев – на берегах Ибрахима, которая ранее называлась рекою Адониса. Однако наиболее примечательным примером стала деревушка Лхаса, располагающаяся между рекой Адониса и Железным источником, в которой сосуществуют одновременно три жизненных парадокса: ее жители – мусульмане, название с индо-тибетскими корнями и резиденция маронитско-католического епископа.

В связи с посредническим и космополитическим характером Ливана авторы пишут о необходимости и даже неизбежности сближения Запада и Востока. Призыв к диалогу культур можно заметить в главе «С Бруклинского моста» [9], в которой Ар-Рейхани А. отмечает, что обеим сторонам есть, что позаимствовать друг у друга. Он обращается с просьбой к пароходам, отправляющимся из страны Свободы, взять с собой маленький сосуд этой священной воды и окропить ею берега Египта, Сирии, Палестины, передать им привет от Богини (т. е. статуи Свободы) и привезти стремительность, технические науки, а взамен вернуться с долей медлительности, мудрости и благородства.

В творчестве Ар-Рейхани А. и Джебран Дж. Х., с одной стороны, заметно отвержение жизни на Западе, но, с другой, уважение к высоким просветительским идеалам. Тем не менее, авторы не пытаются навязать западный образ жизни ливанцам, а, скорее, указывают на его сильные стороны, которые они могут взять себе в пример. Более того, Ар-Рейхани А. в рассказе «Говорящие деревья» [10] выделяет различия между двумя культурами и преимущество Ливана перед Америкой, которое заключается в священности и возвышенности духа первого. Леса Калифорнии хоть и могущественнее кедров, но зато душа последних вечна и бессмертна. В работе «Будущее арабского языка» [11] Джебран Дж. Х. неоднократно отмечает нежелательность исхода, при котором Восток уподобляется Западу. Это может губительным образом сказаться на восточных народах, для которых Запад станет врагом, а его культура – смертоносным ядом. Автор призывает отказаться от уподоблений и с гордостью нести свою самобытность и исключительность. Так западный мир сможет стать другом, приносящим пользу и совершенствование Востоку. Больше всего Ар-Рейхани А. и Джебран Дж. Х. желают, чтобы Ливан позаимствовал у Америки свободолюбие, и свобода зажгла свой светильник не только на западе, но и на востоке. «Когда обратишь ты свое лицо к востоку, о Свобода?» В то же время в «Зерне для сеятелей» [12] Ар-Рейхани А. отмечает, что Запад уже начал нападать на Восток, и если же мы (т.е. ливанцы) «не перестанем быть тенью вещей и не засучим рукава», то будем поглощены [12].

Переживания по поводу приниженного положения родины часто присутствуют в творчестве писателей. В книге «Сердце Ливана» [13] Ар-Рейхани А. проводит параллель между ливанским кедром и самой страной. Живя вдали от

Ливана, автор. романтизировал его образы, представлял могущественную страну наподобие великого кедр. Однако фантазиям пришел конец, когда автор убедился воочию в плачевном состоянии: «Я представлял себе кедр во всем блеске его величия, а увидел слабым и жалким» [13]. Будучи некогда могущественным, Ливан пришел в упадок вследствие внешних завоеваний. Вырубка лесов и использование древесины, о которых пишет автор, подобны рабству ливанского народа и эксплуатации ресурсов страны другими державами. Тем не менее в этом автор винит не столько внешних захватчиков, сколько самих ливанцев (например, в рассказе «Народный герой» [14]), продолжающих выбирать рабство и заискивающих перед своими господами. Автор также считает, что отсутствие образования и достойного воспитания являются главнейшими проблемами общества. Покуда ливанское общество будет необразованным, оно не обретет настоящей свободы, а так и будет оставаться во власти политиков, монахов и зарубежных правителей.

Ар-Рейхани А. и Джебран Дж. Х., желая привнести прогресс в Ливан, выражают свое пристрастие к революции в отношении политической власти (например, в работах Ар-Рейхани А. «Революция», «Экстремизм», «Толстой», «Шибли Шмайиль» [15]) и религии. Отношение Джебрана Дж. Х. к религиозному сословию прослеживается в работе «Сломанные крылья» [16]. Автор ясно дает понять, что религия перестала играть ту возвышенную роль, которую ей когда-то возложило общество. Сегодня духовные лидеры — бесчестные и корыстные люди, приносящие в общество разрушение и скверну. Ар-Рейхани А. в своих работах также подсвечивает процесс разложения религии. Авторы убеждены, что только избавившись от традиционных ложных представлений, можно прийти к истине и освободиться от человеческого, партийного и религиозного диктата. «На Востоке сегодня две противоборствующие идеи: старая и новая. Старой суждено покориться, потому что силы ее истощены, и воля ослабла» [17], — пишет Джебран Дж. Х. в работе «Новое время» [17]. Рассуждая на тему будущего нации Ливана, автор верит, что новая идея принадлежит людям, свободным от рабства прошлого, и призывает каждого жителя Востока примкнуть к ней.

Сложно сказать, каким авторы видят будущее страны. С одной стороны, в их работах присутствуют пессимистические настроения. В повести «Сломанные крылья» [16] Сельма погибает вместе с ее новорожденным ребенком, что указывает на отсутствие будущего ливанской нации, угнетенной политическими и духовными лидерами. Каждая новая попытка возрождения, а в случае с Сельмой — это рождение ребенка, который, как она надеялась, подарит ей новый смысл жизни, станет безуспешной и, более того, в итоге приведет к смерти самой нации, отчаявшейся от безнадежных попыток в борьбе за свое счастье. В свою очередь, Ар-Рейхани А. не случайно заканчивает серию рассказов «ар-Рейханийят» душераздирающей историей «Крест, или день в Бейруте» [18]. Его нация продолжает страдать, а его собратья остаются рабами. Все, о чем они молят, — это спасение, и неважно, кто станет их спасителем, пусть даже зарубежные правители. С другой стороны, в «Долине аль-Фурейка или возврат к природе» [19] Ар-Рейхани А. верит, что Ливан, несмотря на все беды, приобретет былое могущество. Проводя аналогию между растущими в долине дикими цветами и своими собратьями, автор дарит надежду и веру в светлое будущее, несмотря на суровые условия, в которых им приходится существовать.

Таким образом, ливанская идентичность, которую представляют Ар-Рейхани А. и Джебран Дж. Х., формируется из множества факторов, указанных ранее. В ней присутствует и отвержение религиозного фанатизма и внутривосточных распрей, которые ставят под сомнение единство ливанцев; и признание универсальности Ливана вследствие его географического расположения, смешения этносов и культур; и недовольство иностранным засильем, которое ставит под угрозу самостоятельность страны и эксплуатирует ее ресурсы. Однако, возможно, главным фактором является общая история. В «Нации и их сущность» [20] Джебран Дж. Х. уверен, что основой и источником ее существования является вовсе не религия и даже не единый язык, которые, хотя, и могут составлять фундамент, но все же не играют ключевую роль. Что более важно, по мнению автора, – это общая сущность, а именно историческое наследие, которое, однажды создав национальную общность, продолжает жить в сознании людей, пусть и с возможными видоизменениями, но никогда не может превратиться в ничто.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lebanon // The World Factbook URL: <https://web.archive.org/web/20240213001530/https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/lebanon/> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Franck Salameh Language, memory, and identity in the Middle East: the case for Lebanon: – United Kingdom: Lexington Books, 1962. С. 291.
3. Chedid Andrée Cérémonial de la violence. – Paris: Flammarion, 1977. С. 57.
4. The Taif Agreement URL: https://www.un.int/lebanon/sites/www.un.int/files/Lebanon/the_taif_agreement_english_version_.pdf (дата обращения: 02.03.2026)
5. Родионов, М. А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 504.
6. Джебран, Х. Д. Избранное. – Ленинград: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1986. С. 504.
7. Ар-Рейхани А. Избранное. Бейрут. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 239-242.
8. Ар-Рейхани А. Избранное. Сердце Ливана. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 36.
9. Ар-Рейхани А. Избранное. С Бруклинского моста. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 179-183.
10. Ар-Рейхани А. Избранное. Говорящие деревья. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 262- 263.
11. Джебран Х. Д. Избранное. Будущее арабского языка. – М.: Гослитиздат, 1962. С. 24 – 75
12. Ар-Рейхани А. Избранное. Зерне для сеятелей. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 215-229.
13. Ар-Рейхани А. Избранное. Сердце Ливана. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 339-369
14. Ар-Рейхани А. Избранное. Народный герой. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 254-262.
15. Ар-Рейхани А. Избранное. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. – 448 с.
16. Джебран Х. Д. Сломанные крылья. – М.: Гослитиздат, 1962. С. 24–75.
17. Джебран Х. Д. Избранное. Новое время. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 430–433.
18. Ар-Рейхани А. Избранное. Крест или день в Бейруте. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 272–279.
19. Ар-Рейхани А. Избранное. Долине аль-Фурейка или возврат к природе. – Ленинград: Художественная Литература, 1988. С. 163–164.
20. Джебран Х. Д. Избранное. Нации и их сущность. С. 426–428.

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 341.1/8

«НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ВЫЗОВЫ СУВЕРЕНИТЕТУ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ»

«INJUSTICE IN INTERNATIONAL LAW: CHALLENGES TO SOVEREIGNTY AND MULTIPOLARITY»

Н.Ю. Возный,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

N.Y. Vozny,

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

E-Mail: nikitavoznyj71231@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется проблема морального долга гражданского неповиновения в контексте конфликта между позитивным правом и принципами справедливости. На основе анализа юридического позитивизма (Остин, Кельзен, Харт) и его критики (формула Радбруха, концепция М. Л. Кинга) выявляется природа несправедливого закона и философские основания ненасильственного сопротивления. Особое внимание уделено современным вызовам верховенству международного права, проиллюстрированным на примере заявлений о возможных односторонних действиях в отношении Гренландии и Венесуэлы. В работе также рассматривается формирование альтернативных подходов к международному правопорядку в рамках БРИКС, подчеркивающих суверенитет и многополярность. Делается вывод о том, что гражданское неповиновение, основанное на моральной аргументации и осуществляемое в правовом поле, выступает необходимым механизмом поддержания баланса между легальностью и легитимностью в эпоху глобальной трансформации.

Abstract. This article examines the problem of the moral duty of civil disobedience in the context of the conflict between positive law and principles of justice. Through an analysis of legal positivism (Austin, Kelsen, Hart) and its critiques (Radbruch's formula, M. L. King's concept), the nature of unjust law and the philosophical foundations of non-violent resistance are identified. Particular attention is paid to contemporary challenges to the supremacy of international law, illustrated by statements regarding potential unilateral actions towards Greenland and Venezuela. The work also explores the formation of alternative approaches to the international legal order within BRICS, emphasizing sovereignty and multipolarity. The author concludes that civil disobedience, grounded in moral reasoning and exercised within the legal framework, serves as a necessary mechanism for maintaining the balance between legality and legitimacy in an era of global transformation. The study highlights the critical tension between formal legal norms and substantive justice in a multipolar world.

Ключевые слова: гражданское неповиновение, несправедливый закон, юридический позитивизм, международное право, мораль и право, многополярный мир, БРИКС, суверенитет, верховенство права, социальная справедливость

Key words: civil disobedience, unjust law, legal positivism, international law, morality and law, multipolar world, BRICS, sovereignty, rule of law, social justice

Введение

На протяжении всей истории человечества сохраняется фундаментальное противоречие между позитивным законом и моральной справедливостью. Ситуация, при которой правовая норма вступает в конфликт с базовыми этическими принципами, ставит индивида перед трудным выбором: обязательное подчинение закону или морально обоснованное сопротивление ему. Философская концепция гражданского неповиновения предлагает компромиссный путь, утверждая, что при определенных условиях отказ от исполнения несправедливого закона является не только правом, но и нравственным долгом гражданина.

В эпоху формирования многополярного мира данный вопрос выходит за рамки внутригосударственных отношений. Возникновение и усиление альтернативных центров глобального влияния порождает конфликт между различными правовыми культурами и системами моральных координат. Проблема исследования коренится в существенном противоречии. С одной стороны, классическая теория гражданского неповиновения предполагает моральное право на нарушение закона исключительно при условии готовности субъекта принять установленное наказание, что подчеркивает уважение к правовой системе в целом. С другой — современная международная практика демонстрирует прецеденты, когда государства (как в случае с заявлениями о статусе Гренландии) открыто пренебрегают общепризнанными нормами международного права, апеллируя к субъективной морали, но при этом уклоняясь от юридической ответственности за такие действия. В контексте роста влияния объединений типа БРИКС возникает ключевой вопрос: способно ли международное право сохранить универсальность, или же каждый геополитический полюс будет руководствоваться собственным пониманием справедливости, что неизбежно ведет к размыванию принципа государственного суверенитета?

Целью данной работы является комплексное рассмотрение философских оснований феномена гражданского неповиновения сквозь призму юридического позитивизма, а также исследование современных угроз и вызовов, стоящих перед системой международного права в условиях трансформации глобального миропорядка.

Соотношение *законности и справедливости* в рамках юспозитивистского подхода

Юридический позитивизм, основоположниками которого выступили Джон Остин, Ганс Кельзен и Герберт Харт, исходит из того, что закон следует определять через формальные процедуры его установления, а не через его соответствие моральным идеалам. В трактовке Остина, право представляет собой команду суверена, обеспеченную возможностью принуждения [1]. Кельзен, в свою очередь, разработал концепцию иерархического строения правовых норм, где каждая из них черпает силу в норме вышестоящего уровня, вплоть до фундаментальной Grundnorm (основной нормы) [2]. Такой подход, разделяющий право и мораль, нацелен на обеспечение предсказуемости правоприменения и строгости юридической науки. Тем не менее, трагические события двадцатого столетия продемонстрировали, что формальное соблюдение законности способно маскировать вопиющую несправедливость.

Нацистские законы, апартеид, сегрегация — все были приняты через формальные процедуры. Это ставит вопрос: если закон может санкционировать геноцид и оставаться «правом», не утрачивает ли само понятие права нормативную силу?

Густав Радбрух после опыта нацизма сформулировал «формулу Радбруха»: когда противоречие позитивного права справедливости достигает невыносимой степени, закон становится «неправильным правом» и должен уступить справедливости [3]. Когда равенство сознательно отрицается, закон теряет правовой характер.

Мартин Лютер Кинг-младший в «Письме из бирмингемской тюрьмы» определил несправедливый закон как закон, который большинство навязывает меньшинству, но не применяет к себе, или закон, в принятии которого меньшинство не участвовало [4]. Несправедливый закон деградирует человеческую личность. Движение за гражданские права показало, как организованное гражданское неповиновение привело к отмене сегрегации через Закон о гражданских правах 1964 года [5].

Джон Ролз определил гражданское неповиновение как публичное, ненасильственное, сознательное нарушение закона с целью изменения несправедливых законов [6]. Ключевой элемент — готовность принять наказание, демонстрирующая уважение к верховенству права при протесте против конкретного закона.

Современные вызовы международному праву

Актуальность вопроса о соотношении права и морали не исчезла. Заявление президента США Дональда Трампа в январе 2026 года о планах по присоединению Гренландии и подтверждение курса на смену режима в Венесуэле стали вызовом для мирового сообщества. Его слова о том, что «единственным ограничением является собственная мораль и разум», а международное право «не требуется», фактически означают радикальный отказ от признания общепринятых юридических норм [7,8].

Подобная позиция вступает в прямое противоречие с фундаментальными основами глобальной безопасности. Согласно Уставу ООН, любое применение силы против территориальной неприкосновенности государств находится под строгим запретом (статья 2(4)) [9]. Кроме того, судьба любой территории должна решаться исключительно на основе воли её жителей в рамках принципа самоопределения народов [10]. Попытки диктовать смену правительства в другой стране или претендовать на чужие земли без согласия населения — это прямое попрание данных правил.

Замена правовых институтов личными этическими установками одного лидера создает критический прецедент. Если субъективное понимание справедливости станет важнее закона, международный правопорядок неизбежно рухнет, уступив место хаосу, где каждый актор действует исключительно по своему усмотрению. Это возвращает к состоянию «войны всех против всех», которое Томас Гоббс описывал как естественное состояние [11].

Парадокс в том, что апелляция к личной морали может быть оправданной в гражданском неповиновении — когда граждане протестуют против несправедливого закона. Но когда государство игнорирует международное право, это не протест против несправедливости, а утверждение права силы. Международное право создано на основе моральных уроков истории — запрет агрессии, принцип самоопределения, права человека закреплены именно потому, что человечество признало их моральную правоту.

Многополярный мир и позиция БРИКС

В современном мире формируются альтернативные подходы к международному праву. Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, а с 2024 года — Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия) представляют иное видение международного порядка [12].

Позиция БРИКС основывается на принципах:

а) Суверенитет и невмешательство во внутренние дела. БРИКС критикует односторонние действия, нарушающие суверенитет, включая смену режимов без одобрения Совета Безопасности ООН [13].

б) Многополярность и демократизация международных отношений. БРИКС выступает за более справедливую систему глобального управления, где Запад не обладает монополией на определение норм [14].

в) Региональные особенности в понимании прав человека. БРИКС признает универсальность базовых прав, но подчеркивает необходимость учета культурного контекста [15].

г) Критика «гуманитарных интервенций». Опыт интервенции в Ливии в 2011 году сформировал у стран БРИКС устойчивый скептицизм по отношению к концепции «ответственности по защите» (R2P) как предложению для внешнего вмешательства [16]. С этой позиции любые односторонние шаги — будь то попытки изменения статуса Гренландии или принудительная смена власти в Венесуэле — воспринимаются как проявления неокOLONIALИЗМА, подрывающие принцип суверенного равенства государств. В то же время оппоненты такого подхода полагают, что абсолютизация суверенитета нередко становится «щитом» для авторитарных систем, попирающих права собственных граждан.

С точки зрения юридического позитивизма возникает фундаментальный вопрос: в чьих руках находится право определять содержание международных норм? Если право — это результат консенсуса суверенов, то усиление влияния БРИКС неизбежно должно трансформировать правовое поле. Если же в основе лежат некие универсальные моральные догмы, существующие вне воли государств, то остается неясным, чья именно трактовка морали должна доминировать.

Макс Вебер подчеркивал, что ключевые атрибуты правового государства — это рациональность и предсказуемость [17]. Отказ от соблюдения норм под предлогом их «несправедливости» открывает путь к международному произволу. В связи с этим принципиально важно проводить черту между искренним протестом против грубых нарушений гуманности и обычным игнорированием «неудобных» обязательств.

Современный международный правопорядок нуждается в глубоком диалоге. Пока БРИКС акцентирует внимание на уважении к культурному контексту и границам государств, западное сообщество настаивает на приоритете универсальных прав человека. Нахождение компромисса между этими полюсами остается главным вызовом для мировой дипломатии.

Таким образом, проблема морального долга в контексте гражданского неповиновения обнажает старую как мир дилемму: как поступить, когда буква закона вступает в конфликт с чувством справедливости? С точки зрения юридического позитивизма, закон легитимен, если он принят по всем правилам. Однако исторический опыт подтверждает, что формальное соблюдение процедур далеко не всегда гарантирует этическую чистоту принимаемых решений.

В этом смысле гражданское неповиновение выступает как тонкий инструмент — это попытка воззвать к высшим гуманистическим ценностям, не разрушая при этом саму идею верховенства права. Это сложный баланс между юридическим долгом и внутренним правом человека сопротивляться очевидной несправедливости.

Сегодняшние вызовы — особенно заявления о том, что чья-то субъективная мораль стоит выше международного права — подчеркивают, насколько хрупок сложившийся миропорядок. Если ключевые игроки начнут открыто игнорировать правовые нормы, мир рискует вернуться к эпохе, где «право» диктуется исключительно силой, а не законом.

В многополярном мире формируются альтернативные подходы. БРИКС подчеркивает суверенитет и невмешательство, создавая напряжение с западным либеральным подходом, но открывая возможность для более инклюзивного правового порядка через диалог различных традиций.

История движения за гражданские права показала, что изменение несправедливых законов возможно через сочетание гражданского неповиновения и работы в рамках правовой системы. Стабильность правового порядка зависит от баланса между формальной легальностью и моральной легитимностью. Право должно быть предсказуемым, но также соответствовать базовым моральным принципам, без которых невозможно справедливое общество. Таким образом, решение проблемы несправедливости в международном праве лежит не в отказе от права в пользу субъективной морали (как в случае с односторонними действиями) и не в изоляции под флагом суверенитета. Единственным работающим механизмом в многополярном мире является *диалог между центрами силы* (БРИКС и Запад) с целью выработки **нового консенсуса** о базовых принципах справедливости, которые будут обязательны для всех. Гражданское неповиновение остается инструментом для корректировки правовой системы, но не для ее разрушения».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Austin, J. The Province of Jurisprudence Determined / J. Austin. – London: John Murray, 1832. – 385 p.
2. Kelsen, H. Reine Rechtslehre / H. Kelsen. – Vienna: Franz Deuticke, 1934. – 236 p.
3. Radbruch, G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht / G. Radbruch // Süddeutsche Juristen-Zeitung. – 1946. – № 1. – S. 105–108.
4. King, M. L., Jr. Letter from Birmingham Jail / M. L. King, Jr. // The Atlantic Monthly. – 1963. – August.
5. Branch, T. Parting the Waters: America in the King Years 1954–63 / T. Branch. – New York: Simon & Schuster, 1988. – 1064 p.
6. Rawls, J. A Theory of Justice / J. Rawls. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 607 p.
7. Daily Mail узнала о приказе Трампа разработать план вторжения США в Гренландию // Коммерсантъ: [сайт]. – 2026. – 11 янв. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8338966> (дата обращения: 15.01.2026).
8. Трамп заявил, что его как главнокомандующего ограничивает лишь мораль // РИА Новости: [сайт]. – 2026. – 8 янв. – URL: <https://ria.ru/20260108/trump-2066930182.html> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Charter of the United Nations. – San Francisco: United Nations, 1945.
10. International Covenant on Civil and Political Rights. – New York: United Nations, 1966.
11. Hobbes, T. Leviathan / T. Hobbes. – London: Andrew Crooke, 1651. – 541 p.
12. BRICS and the Global Order: Perspectives from the Global South / ed. By R. Stuenkel. – São Paulo: FGV Press, 2024. – 342 p.
13. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова агентству «РИА Новости» и телеканалу «Россия 24» по актуальным вопросам внешней политики, Москва, 28 декабря 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ps/1923676/> (дата обращения: 16.01.2026).
14. Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 3 / Xi Jinping. – Beijing: Foreign Languages Press, 2020. – 720 p.
15. Sen, A. Human Rights and Asian Values / A. Sen // The New Republic. – 1997. – July 14. – P. 33–40.
16. Responsibility to Protect: From Principle to Practice / ed. By J. Pattison. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – 289 p.
17. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft / M. Weber. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1922. – 945 S.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КУРДИСТАНА: ИНСТИТУТЫ И ВЛАСТЬ

KURDISTAN STATEHOOD: INSTITUTIONS AND POWER

В. С. Гринблат,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

V. S. Grinblat,

Saint-Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: veronika0603@icloud.com

Аннотация: В статье анализируется государственность Иракского Курдистана. Показано, что дуализм ДПК и ПСК, укоренённый в родоплеменных структурах, определяет политическую динамику региона. Несмотря на наличие развитых институтов, их функционирование парализовано междоусобным противостоянием, что проявилось после выборов 2024 года. Отсутствие единства делает регион уязвимым для внешнего давления и препятствует его развитию.

Abstract: The article examines the statehood of Iraqi Kurdistan. It shows that the duality of the KDP and PUK, rooted in tribal structures, determines the region's political dynamics. Despite the existence of developed institutions, their functioning is paralyzed by internecine confrontation, as demonstrated after the 2024 elections. The lack of unity makes the region vulnerable to external pressure and hinders its development.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, государственность, ДПК, ПСК, партийный дуализм, родоплеменные структуры, политическая фрагментация, институты власти, Пешмерга

Key words: Iraqi Kurdistan, statehood, KDP, PUK, party dualism, tribal structures, political fragmentation, institutions of power, Peshmerga

Engince olmalı herşey. Okyanus gibi mesela.

Yerinde durmamalı, duramamalı.

Tüm dünyayı dolanı durmalı bir zerre olup.

Patikaları koşarak gitmeli. Yürümek bilmeli koşmayı.

Tam da Engince.

Yıllar ağır yükler yüklese de sırtına, kamburlaşmamalı, inadına dimdik durmalı.

Sağır sultanlar duymazlık etse de doğruyu,

iyiyi ve güzeli söyleyen dil yorulmamalı, ses kısılmamalı, inadına çığlık atmalı.

Gökhan Yacan

Партийный дуализм политической системы

Современная ситуация, описывающая взаимоотношения между курдами Ирака, продолжает характеризоваться напряженностью, следуя исторической традиции. Отсутствие единства между представителями одного народа ярче всего демонстрирует глубокий и длительный раскол между двумя основными государственными партиями — Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), образование наиболее молодой из которых (ПСК) произошло чуть больше половины века назад.

Как отмечают многие историки, включая М. Э. Дюрре: «Курдская государственность была предусмотрена Севрским договором 1920 года, образование в 1923 году лояльной Западу Турецкой Республики свело на нет реализацию этого

положения» [1]. Однако фактическое обособление Курдистана от Республики Ирак произошло только по завершении войны в Персидском заливе, в 1992 году.

Разделяя мнение В. В. Макаренко, можно утверждать, что отношения в постколониальном курдском регионе выстраивались в большей степени между социально-территориальными общинами, чем между отдельными гражданами. Попытки создать гражданское общество, где этноконфессиональная идентичность была бы второстепенным фактором, так и не увенчались успехом. «Политическая система в Иракском Курдистане построена на балансе сил двух крупных социально-территориальных структур (общностей), каждая из которых доминирует в своем субрегионе, но они вынуждены сотрудничать, чтобы поддерживать функционирование региональной системы политической власти» [2]. В государственной структуре это противостояние представлено в форме двух основных вышеупомянутых партий.

Несмотря на резкое идейно-политическое противостояние, неоднородность племенной и религиозной идентичности дает основания полагать, что именно в ней коренится историческая причина раскола современных курдов как на территории государства Ирак, так и за его пределами. Зачастую племенная и религиозная фрагментация становится значительным препятствием курдскому национальному единству.

В Курдистане семейно-клановые структуры являются основой политической системы. Ведущие партии — ДПК и ПСК — существуют неотрывно от традиционных родоплеменных отношений. Также значение имеет и партия Горран, появившаяся сравнительно недавно, относительно вышеупомянутых партий (2009). Все три партии характеризуются существенным влиянием прочных родоплеменных отношений. Лидер партии является одновременно и главой клана. Такая преемственность поколений внутри партийной верхушки характерна для любых партий Курдистана, имеющих относительно значимое влияние. В основном это происходит за счет того, что в распоряжении семей находятся значительные земельные и финансовые ресурсы, необходимые для осуществления политики, что обеспечивает им контроль над партиями. В том числе не исключается фактор влияния сильной харизматичной личности лидера, как демонстрирует ситуация лидерства Джалаля Талабани. Такое положение способствует глубокой фрагментации общества не только на основе исторической полицентричности традиционной идентичности, но уже и партийного плюрализма.

ДПК и ПСК, по мнению В. Макаренко, коренным образом отличаются в «типе партийного строительства». Действительно, если проследить партийную структуру обоих политических объединений, можно выявить различие в том, каким образом соотносится лидер и члены партии. В партии Барзани (ДПК) очень сильны родоплеменные отношения, которые исторически выстраивались на основе принципа так называемых отношений «вождя и соплеменников» [2]. Такое взаимодействие, которое базируется преимущественно на родоплеменных отношениях, отнюдь не характерно для ПСК. Партия характеризуется наличием более сложного механизма сохранения и распространения влияния, выходящим за жесткие рамки этноконфессиональной принадлежности.

Разница между доминирующими партиями наблюдается и в целях, которые они ставят перед собой на политической арене. Намерения политических объединений напрямую связаны с тем, насколько широк их предполагаемый электорат. На примере ДПК, нацеленного на тех избирателей, которые имеют

отношение к родоплеменным связям, соответственно, относительно узкому и строгому кругу избирателей, видно, что и политика, проводимая партией, сконцентрировалась преимущественно на проблемах курдов. В то время как ПСК, учитывая широту ее потенциальных избирателей, ставит цели, выходящие за рамки исключительно курдских интересов. Патриотический союз имеет влияние и за пределами Сулеймании, он стремится играть ключевую роль в федеральной политике Ирака. Этому, в том числе, способствует то, что с момента свержения Саддама Хусейна представитель из ПСК неизменно занимает одну из трех высших государственных должностей — пост президента.

Несмотря на подобного рода коренные различия между партиями и характерную для Республики Ирак фрагментацию как в политическом, так и в социальном планах, старший научный сотрудник РАН В. Макаренко утверждает, что система центрального управления в Курдистане развита лучше, чем в самой Республике.

Три ветви власти автономии

Степень развитости управления наиболее наглядно проявляется в существовании «собственных институтов национального государства» [3]. К ним А. Сулемайн относит следующее: «однопалатный парламент (Национальное Собрание Курдистана), вооруженные силы («Пешмерга»), президент, конституция» [3]. Несмотря на достаточно развитую политическую систему, ведущая роль в политической жизни автономного региона все же остается за партиями. Наиболее влиятельные из них характеризуются жесткой националистической направленностью и, как утверждает А. Сулейман, патрон-клиентскими отношениями с партийной массой.

В Иракском Курдистане существуют и партии с менее богатой историей. Продолжают появляться политические объединения этнических и религиозных меньшинств, левого и социалистического толка и даже религиозной направленности. Тем не менее, можно утверждать, что их политические программы подвергаются общим тенденциям, присущим региону и непосредственно самому народу, — националистическим. Таким образом, политический ландшафт Иракского Курдистана де- факто обладает достаточно низкой гетерогенностью.

«Парламент» Курдистана состоит из 111 мест, но всего из одной избираемой палаты. Интересно, что в соответствии со статьей 121 основного закона Республики [4], парламент региона имеет право вносить изменения в законодательство, действующее на всей территории Ирака, если данные изменения не входят в исключительные полномочия федеральных властей. Несмотря на то, что шестые выборы в парламент Курдистана состоялись 20 октября 2024 года, по состоянию на 2026 год правительство так и не было сформировано. Это ослабляет позиции курдов как в автономии, так и в стране в целом, ухудшая диалог с федеральным правительством.

М. Салих утверждает, что в формировании курдского регионального правительства отчетливо прослеживается влияние США. Для американской администрации было крайне важно обеспечить формирование широкого кабинета министров, обладающего сильным народным мандатом. Это было необходимо для поддержки сопротивления курдов Ирака внешнему давлению Ирана, сохраняя при этом его автономию [5].

На выборах 2025 года в федеральный парламент, как отмечает Ф. Абдулкарим, наблюдалось значительное несоответствие между количеством

голосов, набранным курдскими партиями в целом, и числом распределенных мандатов [6]. Тем не менее, нельзя утверждать, что курды настолько гомогенны в политическом отношении, чтобы рассматривать их как отдельную, единую часть парламента. Итоги выборов показали, что на данный момент ДПК обладает большей силой, чем ПСК. Данная ситуация сохраняется, в том числе, из-за внутренних расколов Патриотического союза. Отсутствие единства среди курдов все больше ухудшает отношения с федеральными властями. Взаимоотношения между федеральным правительством и курдским парламентом усугубляются исторически непрекращающимися спорами по энергетическим вопросам, ввиду чего с Ираком становится все тяжелее договориться.

Исполнительная власть представлена региональным правительством Курдистана. Важно, что правительством, а именно министерством природных ресурсов правительства, контролируются нефтегазовые вопросы автономии. Уинтроп Роджерс отмечает, что в регионе отсутствует легитимное правительство, что делает политическую модель «неэффективной» [7]. Ситуация также осложняется взаимосвязью низкого уровня доверия избирателей к членам правительства и задержкой правительственных выборов.

Среди партий, представленных в правительстве, наиболее влиятельными являются соперничающие за влияние ДПК и ПСК. Помимо них значительное количество мест получило движение «Новое поколение». Правительство региона становится очередной платформой для противостояния двух лидирующих партий, что обеспечивает отсутствие единой позиции и стабильности. Назначение министров и других важных чиновников после выборов было отложено на неопределенный срок. Прежде всего это связано с тем, что наибольшее значение имеют родоплеменные кланы, стоящие во главе доминирующих партий.

В последние несколько лет были запущены программы по улучшению социальных условий жизни в Курдистане: программа круглосуточного электроснабжения Runaki [8] и MyAccount [9] — цифровая система выплат заработной платы в целях противодействия коррупции при наличном расчете. Несмотря на попытки улучшения социальных условий граждан и их технический успех, некоторые из них (например, MyAccount) сталкиваются с серьезным социальным сопротивлением, в том числе из-за низкого уровня доверия к правительству.

Судебная власть представлена Высшим судебным советом Курдистана и Консультативным советом, так называемым «Советом Шуры». Несмотря на формальную независимость судебной ветви власти Курдистана, она сталкивается с той же проблемой, что и остальные органы власти — чрезмерной политизацией, обусловленной противостоянием ДПК и ПСК.

Вооруженные силы Иракского Курдистана носят название Пешмерга, что в переводе с курдского языка значит «те, кто смотрит смерти в лицо». Несмотря на то, что в региональном правительстве Курдистана предусмотрено министерство по делам Пешмерга, которому подчиняются вооруженные силы, подразделения армии характеризуются значительной раздробленностью.

«Основные современные партии Иракского Курдистана, ДПК и ПСК создали свои отдельные силы Пешмерга, когда они были в оппозиции, сражавшейся с режимами в Ираке до 2003 года» [10]. Вооруженные подразделения партий не были интегрированы в общую структуру армии до подписания меморандума

региональным правительством Курдистана с США в 2022 году. Меморандум был нацелен на то, чтобы нивелировать разногласия между партийными подразделениями и деполитизировать их. Ввиду сопротивления партийных верхушек, не желающих терять контроль над подчиняющимися им вооруженными, процесс реформ продвигается медленно, Пешмерга до сих пор не представляет из себя единого объединения.

Становится очевидно, что все государственные институты региона характеризуются политическим и социальным расколом. Несмотря на существование развитых институтов, их стабильному функционированию и развитию препятствует непрекращающееся соперничество двух доминирующих партий. ДПК и ПСК используют государственные институты как инструменты для противостояния. Отсутствие идейного единства, при наличии институтов, остается значительным препятствием на пути политического развития региона и делает его наиболее уязвимым для внешнего влияния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюрре М. Э. И. «Критическая геополитика» и ее практическая применимость для изучения ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4 (857). – с. 17-23.
2. Макаренко В. Семейные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане // Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 3 (29). С. 175–183.
3. Сулейман А. А. Проблемы и перспективы государственного строительства Иракского и Сирийского Курдистана: сравнительный анализ // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 4. С. 142-148.
4. The Kurdistan Parliament's role and powers // Kurdistan Parliament – Iraq. URL: <https://www.parliament.krd/english/about-parliament/role-and-powers/> (дата обращения: 02.02.2026).
5. Salih M. A. Iraqi Kurdistan's parliamentary elections: resilience, challenges, and US policy stakes // Foreign Policy Research Institute (FPRI). 30.10.2024. URL: <https://www.fpri.org/article/2024/10/iraqi-kurdistan-parliamentary-elections-resilience-challenges-and-us-policy-stakes/> (дата обращения: 02.02.2026).
6. Абдулкарим Ф. Вопросы курдского единства: соперничество между ДПК и ПСК за политическое влияние // Российский совет по международным делам (РСМД). 27.11.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/voprosy-kurdsogo-edinstva-sopernichestvo-mezhdu-dpk-i-psk-za-politicheskoe-vliyanie/> (дата обращения: 02.02.2026).
7. Rodgers W. A house divided: Why forming a government in Iraqi Kurdistan is so difficult // The New Arab. 26.08.2025. URL: <https://www.newarab.com/analysis/why-forming-government-iraqi-kurdistan-so-difficult?amp=1> (дата обращения: 17.03.2026).
8. The Runaki Program: Advancing Reliable and Sustainable Power in the Kurdistan Region // Kurdistan Regional Government. 17.11.2025. URL: <https://gov.krd/dmi-en/activities/news-and-press-releases/2025/november/the-runaki-program-advancing-reliable-and-sustainable-power-in-the-kurdistan-region/> (дата обращения: 01.03.2026).
9. MyAccount: Over 800,000 beneficiaries register for MyAccount // MyAccount. 26.07.2025. URL: <https://myaccount.gov.krd/en/news/800k-milestone/> (дата обращения: 02.02.2026).
10. Щегловин Ю. Реформы Пешмерга в Иракском Курдистане: преодоление трудностей, укрепление единства // Институт Ближнего Востока. 01.12.2023. URL: <https://www.iimes.ru/?p=102796> (дата обращения: 02.02.2026).

**ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»
КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ
THE BELT AND ROAD INITIATIVE AS A POLITICAL AND LEGAL
INSTITUTION IN MODERN CHINA**

А. В. Кузнецова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.V. Kuznetsova,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: Alexaspb04@gmail.com

К. К. Пштаева,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

K. K. Pshtaeva,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: karinapshtaeva@icloud.com

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу инициативы «Один пояс, один путь» как формирующегося политико-правового института Китайской Народной Республики (КНР). Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью Китая в глобальной экономике и изменениям его правовой системы под влиянием масштабных внешнеэкономических и геополитических задач. Методологическую основу исследования составляют институциональный и формально-юридический подходы, а также методы анализа документов и сравнительного правоведения. В работе подробно рассматриваются ключевые программные документы (включая пятилетние планы и партийные решения), особенности взаимодействия политических директив и правовых механизмов в процессе институционализации. Научная новизна заключается в обосновании тезиса о том, что инициатива «Один пояс, один путь» выходит за рамки исключительно внешнеэкономического проекта и приобретает черты самостоятельного политико-правового института, оказывающего системное влияние как на внутреннюю правовую систему КНР, так и на международное экономическое сотрудничество через создание новых норм и стандартов. В заключении сформулированы выводы о гибридной природе данного института и перспективах его дальнейшего развития.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the Belt and Road Initiative as an emerging political and legal institution of the People's Republic of China (PRC). The relevance of the study stems from China's growing role in the global economy and the transformation of its legal system under the influence of large-scale foreign economic and geopolitical objectives. The methodological framework of the research comprises institutional and formal legal approaches, as well as methods of document analysis and comparative legal studies. The paper examines in detail key programmatic documents (including five- year plans and party resolutions) and the specific interplay between political directives and legal mechanisms in the process of institutionalization. The scholarly novelty lies in substantiating the thesis that the Belt and Road Initiative transcend a purely foreign economic project and is acquiring the characteristics of an independent political and legal institution, exerting a systemic impact both on the domestic legal system of the PRC and on international economic cooperation through the creation of new norms and standards. The conclusion formulates findings regarding the hybrid nature of this institution and the prospects for its further development.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс и один путь», Китай, политико-правовой институт, правовое регулирование, институционализация, международное сотрудничество, государственная политика, программные документы

Key words: Belt and road initiative, China, political and legal institution, legal regulation, institutionalization, international cooperation, public policy, policy documents

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП), выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году, представляет собой одно из ключевых направлений внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики. Первоначально рассматриваемая преимущественно как инфраструктурный и инвестиционный проект, инициатива постепенно трансформировалась в более сложное, многоаспектное явление, которое охватывает широкий спектр политических, экономических и правовых аспектов государственного управления. Масштаб инициативы, включающей десятки стран и триллионы долларов инвестиций, требует формирования устойчивых механизмов регулирования. Особый интерес представляет рассмотрение ОПОП как формирующегося политико-правового института. Целью работы является выявление институциональных характеристик инициативы, определение механизмов интеграции в национальную правовую систему и оценка влияния на международное право.

Теоретические основы институционального подхода к анализу Инициативы «Один пояс, один путь»

В современной юридической науке под политико-правовым институтом понимается устойчивая совокупность формальных и неформальных норм, принципов, процедур и организационных структур, призванная регулировать определенную область общественных отношений и обеспечивать ее стабильность [1, с. 45]. Применение указанного подхода к ОПОП позволяет выйти за рамки сугубо экономической интерпретации и рассматривать ее как обособленную систему, имеющую собственную нормативную базу и организационное оформление.

Правовая система Китая нередко характеризуется как «социалистическая правовая система с китайской спецификой», суть которой заключается в сочетании партийных директив и государственных законов. Как отмечает профессор Р. Пейренем, в Китае партийная политика не только предшествует праву, но и нередко выступает его источником [2, с. 112]. ОПОП служит наглядным подтверждением данного тезиса. Получив первоначальное закрепление в политических решениях высшего руководства Коммунистической партии Китая, она поэтапно интегрировалась в систему государственного стратегического планирования и приобрела конкретное нормативно-правовое наполнение. Этот процесс можно рассматривать как переход от политической инициативы к правовой норме.

Программно-стратегические основы институционализации

Основа институционализации ОПОП была заложена на уровне политических документов. Ключевую роль сыграл документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному продвижению строительства экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века», опубликованный в 2015 году Национальной комиссией по развитию и реформам

(NDRC), Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР [3]. Этот документ определил принципы, приоритетные направления и механизмы сотрудничества.

Дальнейшая интеграция осуществлялась путем включения задач, связанных с развитием инициативы, в ключевые документы государственного планирования. Так, в тринадцатый (2016–2020) и четырнадцатый (2021–2025) пятилетние планы социально-экономического развития КНР были включены специальные разделы, касающиеся высококачественного развития «Пояса и пути» [4]. Это придало инициативе статус общенационального приоритета, обязательного для учета в деятельности всех министерств, ведомств и региональных администраций. Таким образом, в китайской модели программные документы выполняют функцию «мягкого права», фактически задавая векторы развития и координации и создавая основу для последующего формирования формальных правовых норм.

Формирование организационно-правовой структуры

Одним из главных признаков институционализации инициативы «Пояс и путь» является создание специализированных органов управления. Ключевым отличием от многих других международных проектов является сформированная институциональная инфраструктура, в первую очередь, это координационные механизмы. При Государственном совете КНР действует Руководящая группа по продвижению строительства ОПОП, объединяющая представителей ключевых министерств и ведомств для обеспечения координации.

Финансовые институты также играют важную роль, поскольку государственные банки развития выступают опорой финансового блока. Примерами таких банков являются Государственный банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая. Наряду с банковским сектором, в финансовый блок входят созданные по инициативе Пекина многосторонние структуры: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути. Специализированные нормативные акты регламентируют их деятельность, а обширная договорная практика складывается из кредитных соглашений и инвестиционных контрактов.

Стоит отметить, что унифицированного порядка решения споров, связанных с инициативой пока не создано, однако активное развитие получают институты международного коммерческого арбитража, специализирующиеся на конфликтах в рамках инициативы, так, например, в 2018 году в Сиане и Пекине учредили трибуналы для рассмотрения споров, связанных с инициативой.

Существующая на сегодняшний день многоуровневая структура позволяет странам-участникам оперативно кооперироваться для управления совместными проектами, а процесс формирования прецедентной базы и устойчивой правоприменительной практики представляет собой ключевое условие эффективного функционирования и развития любого правового института.

Адаптация национального законодательства является основным фактором в рамках реализации международных инфраструктурных проектов, наряду с корректировками валютного регулирования в сторону упрощения трансграничных инвестиций. Китай активно использует «инструменты мягкого права», включая «дорожные карты» и стандарты, которые формально не обладают обязательной юридической силой, однако де-факто задают нормативные ориентиры для всех сторон инициативы «Один пояс, один путь».

Таким образом, изложенные положения демонстрируют эффективное приспособление китайской правовой системы к вызовам в международной среде, сочетая в себе интеграцию политико-стратегического управления с механизмами правовой формализации, что обеспечивает нормативную определенность и гибкость управленческих методов.

Влияние на правовую систему КНР и международное право

Развитие инициативы «Один пояс, один путь» оказывает обратное влияние на правовую систему Китайской Народной Республики. Интернационализация китайского бизнеса способствует сближению и унификации национальных правовых стандартов с международными, прежде всего в сферах экологического регулирования, технических норм и механизмов государственно-частного партнёрства. Одновременно возрастает потребность в специалистах, обладающих компетенциями в области международного права и правовых систем государств-партнёров, что оказывает влияние на развитие юридического образования и правовой науки в стране.

На международном уровне инициатива «Один пояс, один путь» способствует возникновению новых подходов к правовому регулированию транснациональных инфраструктурных проектов, дополняющих существующие механизмы. Китай последовательно продвигает концепцию «сообщества единой судьбы человечества» и принципы взаимной выгоды, стремясь институционализировать их в соглашениях со странами-участниками [9, с. 55]. Данные процессы могут рассматриваться как вклад КНР в унификацию международного экономического права, хотя на данный момент имеют определенные противоречия с устоявшимися западными правовыми моделями.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что инициатива «Один пояс и один путь» последовательно приобретает все признаки полноценного политико-правового института. Она обладает собственной нормативной базой, организационной структурой и устойчивыми процедурами реализации. Инициатива «Один пояс, один путь» выступает не просто внешнеэкономическим проектом, а фактором трансформации как внутригосударственного права КНР, так и практики международного экономического сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Peerenboom R. China's Long March toward Rule of Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 688 p.
3. National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. – 2015. – URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/> (дата обращения: 15.03.2024).
4. The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China (2021–2025) // Compilation of Translation and Interpretation, Central Compilation and Translation Press. – 2021.
5. Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. – Seattle: National Bureau of Asian Research, 2017. – 260 p.
6. Summers T. China's "New Silk Roads": sub-national regions and networks of global political economy // Third World Quarterly. – 2016. – Vol. 37, No. 9. – P. 1628–1643.

7. Zhao Y. Dispute Resolution along the Belt and Road: New Mechanisms and New Challenges // *Journal of World Trade*. – 2020. – Vol. 54, No. 5. – P. 755–778.
8. Wang G. The Belt and Road Initiative in International Law // *Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy*. – 2019. – Vol. 14, No. 1. – P. 1–35.
9. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2020. – 656 с.
10. Liu W. The Belt and Road Initiative: A New Paradigm for Global Governance // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2018. – Vol. 4, No. 3. – P. 351–370.
11. 李向阳. “一带一路”与国际经济合作 // *国际经济评论*. – 2017. – 第3期. – 第 25–38 页. (Ли Сяньян. «Пояс и путь» и международное экономическое сотрудничество // *Международное экономическое обозрение*. – 2017. – № 3. – С. 25–38.
12. 王缉思. “一带一路”与中国外交战略 // *世界经济与政治*. – 2015. – 第6期. – 第 4–19 页. (Ван Цзиси. «Пояс и путь» и дипломатическая стратегия Китая // *Мировая экономика и политика*. – 2015. – № 6. – С. 4–19.

**НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ СЕРБСКО-КОСОВСКОГО КРИЗИСА
И ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

**VIOLATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW
IN THE CONTEXT OF THE SERBIAN-KOSOVO CRISIS
AND THE IMPACT OF THE INFORMATION WAR**

К. Р. Ловцова,

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

K. R. Lovtsova,

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: karina.lovtsova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу нарушений международного гуманитарного права (МГП) в ходе сербско-косовского конфликта 1998–1999 гг. и роли информационной войны в его развитии. Рассматриваются ключевые принципы МГП: различение военных и гражданских объектов, соразмерность силы, защита мирного населения на примере бомбардировок НАТО (атака на телерадиоцентр в Белграде), массовых убийств (трагедия в Рачаке) и нарушений в обращении с пленными. Анализируется правовая квалификация действий сторон, разграничение понятий геноцида, преступлений против человечности и этнических чисток, а также гуманитарные последствия конфликта: массовое перемещение населения и проблема беженцев. Особое внимание уделяется информационной войне: механизмам пропаганды, манипуляции фото- и видеоматериалами, фабрикации доказательств. Делается вывод, что медийное освещение событий использовалось для оправдания военных интервенций и разжигания межэтнической ненависти, что подрывало авторитет международного гуманитарного права.

Abstract The article is devoted to the analysis of violations of international humanitarian law (IHL) during the Serbian-Kosovo conflict of 1998-1999 and the role of information warfare in its development. The key principles of IHL are considered: the distinction between military and civilian targets, the proportionality of force, the protection of civilians using the example of the NATO bombing (attack on the television and radio center in Belgrade), mass killings (the tragedy in Racak) and violations in the treatment of prisoners. The article analyzes the legal qualification of the actions of the parties, the differentiation of the concepts of genocide, crimes against humanity and ethnic cleansing, as well as the humanitarian consequences of the conflict: the mass displacement of the population and the refugee problem. Special attention is paid to information warfare: propaganda mechanisms, manipulation of photo and video materials, fabrication of evidence (the Horseshoe plan). It is concluded that media coverage of the events was used to justify military interventions and incite interethnic hatred, which undermined the authority of international humanitarian law.

Ключевые слова: нарушение международного гуманитарного права, вооруженный конфликт в Косово, информационная война, пропаганда

Key words: violation of international humanitarian law, armed conflict in Kosovo, information war, propaganda

В конце февраля 1999 года в Косово началась открытая фаза вооруженного конфликта. Это было связано с активизацией Армии освобождения Косово, которая выступала за независимость региона, и ответными действиями югославских сил, которые были направлены на сохранение контроля над территорией. Еще одним фактором эскалации стало убийство албанского лидера Адема Яшири, за которым

последовало противостояние масштабного характера. [1] И вскоре конфликт в целом утратил характер исключительно внутреннего и приобрел признаки международного, что повлекло необходимость применения норм международного гуманитарного права. Эти нормы предусматривают ограничение способов ведения войны, защиту гражданского населения и окружающей среды, а также гуманное обращение с военнопленными.

С положениями о защите гражданского населения тесно связан принцип ограничения избирательных атак. Подобные действия считаются нарушением, если невозможно четко разграничивать последствия удара, и они затрагивают как военные, так и гражданские объекты. Особую проблему представляют ситуации, при которых потенциальный военный эффект сопровождается чрезмерными потерями среди мирного населения или разрушением гражданской инфраструктуры. К числу подобных практик относят массированные бомбардировки населенных пунктов, применение мин, предоставляющих угрозу в долгосрочной перспективе, а также использование видов вооружения, не позволяющих различать цели.

Практическая реализация этих норм вызвала серьезные споры в ходе военной операции НАТО «Союзная сила» [2] в 1999 году. В результате авиационных ударов пострадал ряд объектов, включая инфраструктуру и здания, не имеющие прямого военного назначения. Наибольший резонанс получил удар по зданию радио и телевидения в Белграде, повлекший гибель 16 сотрудников [3] и вызвавший дискуссии о допустимости подобных действий с точки зрения принципов пропорциональности. Вместе с тем действия югославских сил, направленные против вооруженных формирований АОК, также сопровождались значительными потерями среди гражданского населения, особенно в условиях ведения боевых действий в населенных пунктах. Международные нормы требуют от сторон конфликта принимать меры по снижению подобных рисков, включая проверку целей, предупреждение населения и отказ от размещения военных объектов вблизи жилых районов.

Еще одним важным моментом является отсутствие официального статуса военнопленных, поскольку конфликт в Косово юридически в основном рассматривается как немеждународный конфликт. В этом контексте стороны не признавали участников противника как «военнопленных» в соответствии с Женевской Конвенцией III [4], которая регулирует международные вооруженные конфликты. Это привело к тому, что был распространен отказ в признании статуса военнопленных, в первую очередь по отношению к бойцам Армии освобождения Косово (АОК), которых сербские власти рассматривали как террористов или повстанцев, а не как комбатантов. Несмотря на отсутствие официального признания этого статуса, основные гуманитарные нормы все же должны были соблюдаться, так как военнопленные — это те же воюющие стороны, которые «попали под власть неприятеля» [5]. Военнопленные обладают правом на защиту, что подобно регламентируется правилами Женевской конвенции об обращении с военнопленными. В частности, они имеют неотъемлемое право на защиту их личности и чести. Данный вопрос о соблюдении прав вызывал международную обеспокоенность, так как обе стороны обвинялись в жестоком физическом и моральном насилии над пленными.

Особого внимания требует вопрос того, как квалифицируются наиболее тяжелые преступления в условиях конфликта. Согласно Конвенции о предупреждении

преступления геноцида и наказания за него, речь идет о действиях, направленных на уничтожение, полностью или частично, определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группы [6]. К таким действиям относят убийства членов группы, причинение серьезного вреда их здоровью, создание условий, ведущих к ее физическому проблем, а также меры, препятствующие воспроизводству или направленные на насильственное изменение ее состава.

При этом ключевым элементом является наличие целенаправленного намерения уничтожить именно группу. Массовое насилие, депортации или даже многочисленные жертвы среди гражданского населения сами по себе не всегда достаточны для квалификации произошедшего как геноцид. Необходимо доказать, что подобные действия преследовали именно цель ликвидации определенной группы, а не являлись лишь следствием военных операций. В числе возможных признаков, указывающих на геноцид, выделяют систематическое создание невыносимых условий жизни, насильственные признаки, направленные на разрушение семейных связей, а также другие формы давления, подрывающие существование группы. Независимо от юридических оценок, эти действия относят к преступлениям против человечности. Депортация и убийства гражданских лиц являются также грубыми нарушениями Женевских Конвенций и считаются одними из самых тяжких военных преступлений. Ярким примером такого преступления является массовое убийство в Рачаке в январе 1999 года, когда было убито 45 албанских мирных жителей [7].

Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) рассматривал дела, связанные с преступлениями в Косово, однако не квалифицировал их как геноцид. В процессе против Слободана Милошевича было выдвинуто обвинение в геноциде в отношении Косово, однако смерть Милошевича привела к отмене вынесения окончательного приговора [8]. В последующей практике международного правосудия было признано, что на территории Косово имели место быть преступления против человечности, однако как геноцид это признано не было. Это связано с тем, что представленные материалы не позволили убедительно доказать наличие целенаправленного умысла на уничтожение албанского населения именно как самостоятельной этнической группы. В итоге Международный трибунал по бывшей Югославии отнес действия сербских сил к категории преследования по политическим, расовым и религиозным основания, а также зафиксировал такие деяния, как убийства, насильственное перемещение населения, жестокое обращение и преступления против гражданских лиц [9].

При анализе событий в Косово в научной и политической риторике нередко используется понятие «этническая чистка». Несмотря на то, что данный термин не имеет строго закрепленного юридического определения, под ним, как правило, понимается совокупность насильственных практик, направленных на вытеснение определенной этнической группы с конкретной территории. К таким действиям относят запугивания, насилие, массовые убийства и иные формы принуждения [10]. Применительно к косовскому конфликту многие исследователи отмечают, что действия сербских сил были ориентированы прежде всего на изменения этнического состава региона за счет вытеснения албанского населения, а не на его физическое уничтожение. Именно поэтому в международной практике данные события чаще рассматриваются через призму этнической чистки, а не геноцида. Даже при наличии масштабных актов насилия, включая убийства и принудительное выселение,

международные судебные органы воздержались от признания геноцида в его строгом правовом смысле. Подобная позиция подчеркивает необходимость четкого разграничения между различными категориями международных преступлений.

Значительное число косовских албанцев было вынуждено покинуть свои дома в результате преследований, обусловленных их этнической принадлежностью. В соответствии с положением Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года [11] такие лица подлежат международной защите. Это включает признание их статуса беженцев, а также запрет на их принудительное возвращение в условия, где сохраняется угроза их безопасности. Массовый приток беженцев стал серьезным испытанием для соседних государств, прежде всего Албании и Северной Македонии, однако международные обязательства требуют от них обеспечения доступа к убежищу для лиц, ищущих защиту. При этом базовые права беженцев охватывают не только безопасность, но и доступ к медицинской помощи, продовольствию и жилью.

Масштабы гуманитарного кризиса оказались столь значительными, что существующие механизмы реагирования не были полностью готовы к столь резкому увеличению числа перемещенных лиц. Тем не менее международные организации, в частности Human Right Watch¹, отмечали, что усилия по оказанию помощи в целом носили оперативный характер, а государства НАТО продемонстрировали готовность принять часть пострадавшего населения. В этой связи особая ответственность ложится на международное сообщество за координацию гуманитарной поддержки и обеспечение условий для защиты лиц, вынужденно покинувших свои дома.

Отдельное значение имеет вопрос документирования личности беженцев. В соответствии с международными нормами лица, получившие данный статус, имеют право на получение удостоверений личности и проездных документов. Для косовских албанцев это имело особую актуальность, поскольку в ходе конфликта многие из них утратили документы, подтверждающих их личность и место проживания. Зачастую в результате целенаправленных действий, сопровождавших их вынужденное перемещение. Одним из фундаментальных прав человека также является право на возвращение в своё жилище. Косовские албанцы сохраняют это право, однако ни одно государство не может принуждать их к возвращению в Косово до тех пор, пока сохраняется обоснованный риск преследования. Массовое и систематическое изгнание косовских албанцев из их домов является нарушением норм гуманитарного права. Насильственное перемещение гражданских лиц запрещено, за исключением случаев, когда оно необходимо для их безопасности или связано с неотвратимыми военными обстоятельствами. Косовские албанцы, оставшиеся на территории Косово, имеют право на защиту в рамках международного гуманитарного права, которое касается гражданского населения. Они не должны подвергаться насилию, терроризироваться, страдать от голода или быть лишены средств к существованию.

¹ Human Rights Watch была признана нежелательной и в соответствии с распоряжениями Минюста России от 8 апреля 2022 г. исключена на территории РФ из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций.

Одним из наиболее громких актов насилия, произошедших в Косово после завершения вооружённого конфликта, стало массовое убийство сербских граждан, имевшее место в июне 1999 года возле села Старо Грацко, расположенного в центральной части края. В тот период в деревне, население которой составляло около 300 человек, проживали лишь две албанские семьи, в то время как соседние поселения уже были преимущественно албанскими или многонациональными. Известно, что перед трагедией местные жители обращались к британским военным с просьбой об обеспечении безопасности во время сельскохозяйственных работ. Руководство Союзной Республики Югославия обвинило международные силы в неспособности защитить граждан и заявило о возможности повторного ввода югославской армии в регион. Несмотря на тяжесть преступления, ни исполнители, ни организаторы данного нападения, как и других актов насилия в отношении сербов в Косово, не понесли наказания [12].

После завершения военной операции 1999 года, в ходе которой, включая бомбардировки, погибло около 2,5 тысяч человек, было подписано Кумановское соглашение. Документ предусматривал вывод сербских сил безопасности с территории Косово и передачу управления краем международным силам. На фоне ухода сербских подразделений началось масштабное вытеснение сербского населения, сопровождавшееся активизацией албанских вооружённых формирований, осуществлявших нападения, насильственные выселения и убийства. В результате этих событий около 250 тысяч сербов были вынуждены покинуть Косово и Метохию, несколько тысяч погибли, а приблизительно 1300 человек числятся пропавшими без вести [13]. В рамках деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии проявлялась тенденция к выборочному и предвзятому подходу в отношении сербского населения, проживавшего на территориях бывшей Югославии. Подобная практика ставила под сомнение универсальность принципа недопустимости военных преступлений и необходимость преследования за них вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности правонарушителей. Все участники конфликта должны были обладать равным правом на справедливое судебное разбирательство. Однако анализ практики Трибунала показывает наличие значительных различий в применении юридических норм и механизмов в отношении сербской стороны по сравнению с другими конфликтующими сторонами [13].

В соответствии с данными, предоставленными властями СРЮ, в результате операции число погибших мирных граждан превысило 1 700 человек, среди которых почти 400 детей. Около 10 000 человек получили тяжёлые ранения. По информации ООН, 821 человек числился пропавшим без вести, большинство из которых составляли сербы [14]. Независимая комиссия, созданная 6 августа 1999 года по инициативе премьер-министра Швеции Х.Й. Перссона для расследования военных преступлений, совершённых руководством НАТО против Союзной Республики Югославия, пришла к выводу, что военное вмешательство НАТО было незаконным, поскольку альянс не получил предварительного согласования от Совета Безопасности ООН [15]. Операция союзников оправдывалась утверждением, что все дипломатические средства урегулирования конфликта были исчерпаны, и трактовалась как гуманитарная интервенция. Однако это рассматривается как явное нарушение принципов международного трибунала. Из этого можно сделать вывод, что принципы МГП так или иначе нарушаются.

Одной из основных проблем стало влияние информационного фактора, который так или иначе вносил в конфликт свои пропагандистские нарративы. Обе стороны стремились представить свою позицию как оправдание своих действий, при этом часть опубликованных материалов вызывала сомнения. А ограниченный доступ в зоны боевых действий, административные препятствия, а также сложности с получением разрешений на въезд существенно сужали возможности журналистов для независимой работы. При этом сама профессиональная деятельность в условиях вооруженного противостояния была сопряжена с высоким риском, что подтверждается гибелью ряда корреспондентов в период конфликта [16]. Недостаток проверенной информации во многом компенсировался использованием материалов, предоставляемых участниками противостояния. В результате это нередко приводило к тому, что средства массовой информации фактически транслировали позиции одной из сторон, утрачивая необходимую степень критического анализа, иными словами, занимались пропагандой. Характерной особенностью косовского конфликта стало и активное использование интернет-пространства, которое впервые приобрело значение инструмента информационного воздействия. Интернет-ресурсы служили каналами распространения изображений и сообщений о предполагаемых актах насилия, однако значительная часть этих материалов впоследствии оказалась недоступной для проверки. Отсутствие сведений об их происхождении, а также невозможность установить личность изображенных лиц ставят под сомнения их достоверность.

Показательным примером являются материалы, связанные с событиями в населенных пунктах Рачак и Рогово, которые получили широкое распространение в информационном пространстве ОАК (УСК) и использовались в политической аргументации НАТО [17]. Однако были зафиксированы случаи, когда удары НАТО приводили к гибели мирных жителей и разрушению гражданской инфраструктуры, что противоречит принципам МГП. Как утверждают ТАСС: «Президент Сербии Александар Вучич подчеркивал, что агрессия НАТО против Сербии 1999 года показала, что для альянса не существует морали и ценностей, о которых они так много говорят. Он указывал на то, что действия блока были “ошибочными и, прежде всего, противоправными, аморальными”» [18]. Также в материалах ТАСС говорится, что «по данным НАТО, за время операции авиация стран альянса совершила 38 тыс. боевых вылетов, целью свыше 10 тыс. из них было нанесение бомбовых ударов» [18].

Конфликт в Косово демонстрирует сложное взаимодействие международного права, политических интересов и медиариторики, которые часто оказываются в противоречии друг с другом. Несмотря на то, что юридическая оценка событий в Косово не подтвердила наличие геноцида, пропагандистские и медийные кампании с обеих сторон активно использовали этот термин. С сербской и югославской стороны АОК изображалась как террористическая организация, состоящая из радикалов, исламистов и наркоторговцев. Военную операцию в Косово подавали как антитеррористическую миссию по защите территориальной целостности страны, с акцентом на жертвах среди сербов и преступлениях АОК, что должно было оправдать применение силы и повлиять на восприятие конфликта мировым сообществом. Представители косовских албанцев и поддерживающие их акторы нередко характеризовали действия сербских сил как направление на уничтожение

албанского населения, используя для этого риторику, апеллирующую к понятию геноцида [19]. В частности, в публичном дискурсе появлялся термин «балканская Сребреница», что усиливало эмоциональное восприятие происходящего и способствовало мобилизации международного внимания. Подобные параллели использовались в качестве аргумента в пользу необходимости внешнего вмешательства, в том числе в форме военной операции.

Косовский конфликт стал одним из примеров, когда обоснование международного вмешательства во многом складывалось под влияние медиапространства. Значительное место в информационной повестке занимали сообщения о событиях в Рачаке, которые интерпретировались как свидетельство масштабного насилия со стороны сербских сил и способствовали усилению давления на НАТО [20]. Вместе с тем уже после завершения конфликта ряд исследователей обратили внимание на недостаточную проверенность отдельных сведений и ограниченность независимых расследований в момент их распространения, что ставит вопрос о степени их достоверности. Параллельно сербские государственные СМИ формировали альтернативную картину произошедшего, представляя действия западных стран как нарушение норм МГП и посягательство на государственный суверенитет Югославии. В результате столкновения противоположных интерпретаций происходило размывание смыслового содержания ключевых понятий, включая такие категории, как «геноцид» и «гуманитарная интервенция». Это, в свою очередь, снижает их точность в научном и правовом употреблении и усложняет применение норм международного гуманитарного права при оценке подобных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lenta.ru. «Мы проиграли страну» Бомбежки Белграда и распад Югославии. Почему началась война в Косово и как она изменила Балканы? URL: https://lenta.ru/articles/2023/02/28/kosovo_25_let/ (дата обращения: 16.04.2025).
2. Коммерсантъ. Операция «Союзная сила». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2436942> (дата обращения 16.05.2025).
3. ТАСС. Годовщина агрессии НАТО. Как начались бомбардировки Югославии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10972795> (дата обращения 16.04.2025).
4. ООН. Женевские конвенции и протоколы к ним 1977 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1946.shtml (дата обращения 16.04.2025).
5. Биккузина Л. Г., Аминов И. Р. К вопросу о статусе военнопленных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №5-2.
6. ООН. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения 16.04.2025).
7. В Косово помянули жертв «Речакской резни». URL: <https://www.aa.com.tr/ru> (дата обращения 16.04.2025).
8. РИА Новости. История процесса над Слободаном Милошевичем. URL: <https://ria.ru/20060315/44360206.html> (дата обращения 16.04.2025).
9. ООН. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Доклады, представляемые государствами-участниками в соответствии со статьей 9 Конвенции. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g09/454/81/pdf/g0945481.pdf> (дата обращения 16.04.2025).
10. Шенгелия М.М. Этническая чистка (международно-правовые вопросы). Московский журнал международного права. URL: <file:875-1509-1-SM.pdf> (дата обращения 16.04.2025).

- 11.ООН. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения 16.04.2025).
- 12.BBC News. Europe Massacre victims laid to rest. 28 июля 1999 URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/405692.stm> (дата обращения 08.05.2025).
13. Петрониевич Г. Правоприменительные практики решений МУС в отношении бывшей Югославии // Наука. Культура. Общество. 2020. №2.
- 14.Косик В. Итог компании НАТО в Югославии в цифрах.
- 15.Баркова Е. В. Агрессия США в контексте международного права // Вестник магистратуры. 2017. №1-3 (64).
- 16.Галямшин А. Р., Скороход Г. Ю., Панкратов А. А., Военная пропаганда: анализ механизмов использования пропаганды в войне, ее цель и эффективность. 2023.
17. The New York Times. CRISIS IN THE BALKANS: HORROR BY DESIGN – The Ravaging of Kosovo, A special report.; How Serb Forces Purged One Million Albanians. May 29, 1999. URL: <https://www.nytimes.com/1999/05/29/world/crisis-balkans-horror-design-ravaging-kosovo-special-report-serb-forces-purged.html> (дата обращения 08.05.2025).
- 18.ТАСС. С момента начала агрессии НАТО против Югославии исполняется 25 лет. 24 марта 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20338367> (дата обращения 08.05.2025).
- 19.The New York Times. Opinion. Crisis in Kosovo. Jan. 20, 1999. URL: <https://www.nytimes.com/1999/01/20/opinion/crisis-in-kosovo.html> (дата обращения 08.05.2025).
20. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы «Столетие». «Операция Рачак». Как был подготовлен предлог для уже спланированной НАТО бомбардировки Югославии. 31.12.2013. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/operacija_rachak_815.htm (дата обращения 08.05.2025).

РАЗДЕЛ VII. ТРЕНДЫ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 327.82

КИТАЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ СОЮЗНИКОВ США: СТРАТЕГИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

CHINA AND THE TRANSFORMATION OF U.S. ALLIES: STRATEGIC AMBIGUITY IN SOUTH KOREA

А. В. Барановская,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

A. V. Baranouskaya,

Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: alexbaranovskaya14@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует трансформацию поведения союзников США в условиях усиливающегося соперничества с КНР. На примере Республики Корея выявлено, что традиционные подходы: балансирование, присоединение и хеджирование, все чаще сталкиваются с ограничениями и начинают утрачивать свою состоятельность при объяснении внешнеполитического курса государств. Автор приходит к выводу, что стратегия неопределённости в контексте Южной Кореи, является наиболее удачной концепцией для описания текущей внешнеполитической стратегии РК.

Abstract. The article analyzes the transformation of US allies' behavior in the context of intensifying rivalry with China. Using the example of the Republic of Korea, it is revealed that traditional approaches: balancing, aligning, and hedging are increasingly facing limitations and are beginning to lose their validity in explaining states' foreign policy. The author concludes that the strategy of ambiguity, in the context of South Korea, is the most appropriate concept for describing the country's current foreign policy strategy.

Ключевые слова: Американо-Китайское соперничество, Американо-Южнокорейский союз, Китайско-Южнокорейские отношения, Республика Корея, Американо-Корейские отношения, стратегическая неопределённость, стратегическая автономия, система союзов США, политика альянсов, администрация Юн Сок Ёля

Key words: U.S.-China rivalry, US-Rok alliance, Sino-Rok relations, South Korea, US-Korea relations, strategic ambiguity, strategic autonomy, U.S. alliance system, alliance politics, Yoon Suk-Yeol administration

Современная система международных отношений характеризуется турбулентностью и меняющимся миропорядком, где нарастает конкуренция между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. Китайско-американский антагонизм приобретает признаки системного соперничества и оказывает глубокое воздействие на поведение третьих стран. В наибольшей степени данное давление проявляется в отношении союзников США, вынужденных одновременно учитывать требования безопасности, исходящие от Вашингтона, и экономические интересы, тесно связанные с Пекином.

Республика Корея (РК) представляет собой один из наиболее показательных примеров подобной двойственной зависимости, поскольку, с одной стороны, она опирается на союз с США как ключевой элемент своей безопасности, особенно в контексте угрозы со стороны КНДР, а с другой стороны, Китай остаётся её крупнейшим торговым партнёром и крайне важным элементом экономического роста.

В этих условиях формируется особая модель внешнеполитического поведения, которую традиционно описывают через концепции балансирования, присоединения и хеджирования. Тем не менее современная динамика американо-китайского соперничества раскрывает недостаточность данных категорий. Поведение Сеула всё в большей степени приобретает черты, выходящие за рамки указанных моделей и отражающие сознательное стремление избегать окончательной стратегической определённости.

Целью настоящей статьи является анализ трансформации поведения союзников США под влиянием Китая на примере Республики Корея, а также обоснование концепции стратегии неопределённости как самостоятельной модели внешнеполитического поведения в условиях системной конкуренции великих держав.

Анализ основан на синтезе современных теоретических подходов и эмпирических исследований, посвящённых динамике американо-китайского соперничества и трансформации союзнических отношений в Восточной Азии.

Используемый подход сочетает: теоретический анализ (неореализм, теория альянсов, концепция хеджирования), сравнительно-эмпирический анализ внешней политики РК и элементы мета-анализа современных исследований.

Это позволяет выявить не только наблюдаемые изменения в политике Сеула, но и более широкие структурные тенденции.

В рамках неореалистической традиции, представленной работами Кеннета Уолтца [1], поведение государств объясняется стремлением к обеспечению безопасности через балансирование против наиболее значимой угрозы. Развивая данный подход, Стивен Уолт предложил концепцию баланса угроз, учитывающую не только распределение силы, но и восприятие намерений. В теории Уолта государства традиционно рассматриваются как склонные либо к балансированию, либо к присоединению [2][3].

В условиях глобализации и взаимозависимости получила развитие концепция хеджирования. Одной из первых эту концепцию в контексте Юго-Восточной Азии, применила Эвелин Гох [4]. Концепция хеджирования предполагает одновременное сочетание элементов сотрудничества и сдерживания.

Однако современные исследования показывают, что даже хеджирование недостаточно точно описывает поведение таких государств, как Республика Корея. Ключевая проблема заключается в том, что все указанные модели сохраняют логику выбора, тогда как на практике наблюдается стремление избегать окончательного выбора [5].

В этом контексте целесообразно выделить стратегию неопределённости как самостоятельную модель, включающую:

- отказ от жёсткой привязки к одному центру силы;
- сохранение максимальной гибкости;
- сознательное варьирование политических сигналов;
- минимизацию рисков втягивания в конфронтацию.

Важным концептуальным дополнением является корейская формула «안보는 미국, 경제는 중국» или же 안미경중 (安美經中), что в переводе с корейского языка означает «безопасность через США, экономика через Китай», отражающая институционализированную двойственность стратегии РК [6]. Данная двойственность сопровождает Южную Корею уже не первый президентский срок и до сих пор выступает одной из особенностей политического курса государства, от которой страна, исходя из недавнего заявления президента РК Ли Джэ Мёна (이재명), не готова, а точнее будет отметить, не может отказаться [7].

Следовательно стратегия неопределённости отличается от хеджирования тем, что не просто комбинирует инструменты, но институционализирует неопределённость как устойчивую стратегию.

В ответ на подобную двойственность со стороны Сеула политика Китая в отношении союзников США выстраивается по принципу предотвращения прямой конфронтации при одновременном системном воздействии на их стратегический выбор. Основной задачей Пекина является не разрушение союзов США, а изменение поведения союзников.

В арсенале средств, задействуемых Пекином для достижения этой цели, можно выделить несколько ключевых инструментов, образующих единый механизм. Прежде всего, это инструменты экономического давления, включающие практику неформальных санкций, наиболее репрезентативно обозначившуюся в ответ на развертывание американской системы ПРО THAAD в Республике Корея. Данный инструментариум дополняется механизмами технологического и инвестиционного влияния, позволяющими Китаю формировать долгосрочные структурные зависимости союзников США. Наряду с этим задействуются каналы дипломатических сигналов, посредством которых до национальных правительств доводятся «красные линии», а также тактика выборочной эскалации, предполагающая точечное обострение ситуации для демонстрации цены сохранения лояльности Вашингтону. В совокупности эти меры образуют систему «умного» принуждения, направленную не на разрыв альянсов, а на модификацию поведения их участников в пользу китайских интересов.

Особое значение имеет стратегия “soft wedging” (мягкого клина), направленная на предотвращение углубления координации между США и их союзниками [8]. В отличие от классических форм давления, она ориентирована на использование внутренних разногласий, усиление стратегической неопределённости, повышение стоимости союзнической консолидации. Реализуя данный подход, Китай выступает не только как полюс силы, но и как актор, трансформирующий саму логику союзнических отношений.

В полной мере действие этих механизмов раскрывается в стратегическом положении Республики Корея, где формируется структурное противоречие: безопасность — через союз с США; экономика — через тесную взаимозависимость с Китаем. Это формирует так называемую “sandwich dilemma” — ситуацию, в которой любое однозначное выравнивание связано с высокими издержками [6].

Эмпирически стратегия неопределённости проявляется в:

- осторожном участии в антикитайских инициативах США (участие в Chip 4, где Сеул, столкнувшись с давлением США с требованием присоединиться к этой инициативе в 2022–2023 гг., выработал стратегию, которую можно охарактеризовать

как «участие при условии неучастия» (участие в формате без фактической антикитайской направленности) [9];

- затягивании решений по чувствительным вопросам (участие РК в стратегии США в ИТР; сохранение позиции «в стороне» с 2017 по 2020 гг., официальное заявление о создании собственной стратегии лишь в 2022 г. [10][11]);

- вариативном поведении в международных организациях (голосование в Совете Безопасности ООН в сентябре 2025 года по вопросу о восстановлении санкций против Ирана; РК воздержалась от голосования, тогда как США, Франция и Великобритания голосовали против снятия санкций с Ирана, а Россия и Китай — за [12]);

- избирательной поддержке норм и ценностей (резолюция ООН о правах человека в КНДР; при либеральной администрации Мун Чжэ Ина (2017–2022): РК отсутствовала в списке соавторов резолюции (2019–2021 гг.), но с приходом к власти Юн Сок Ёля (2022–2025): РК вернулась к практике соавторства резолюции США, демонстрируя солидарность с Вашингтоном [13]).

Еще одним показательным примером может служить кризис вокруг ТНААД, в результате которого была провозглашена именная «политика трёх нет» (по additional TNAAD, no missile defense integration, no trilateral alliance), являющаяся примером попытки снижения напряженности с Китаем.

Следует отметить, однако, что такие меры как стратегия неопределенности позволяли РК получать преимущества от обеих сторон одновременно, но в настоящее время конкуренция начинает всё больше снижать ее эффективность. Отсутствие ощутимых результатов нашло своё отражение в работах современных исследователей, где произошел переход от стратегии неопределенности к более выраженной стратегии выравнивания с США, особенно в эпоху администрации Юн Сок Ёля [14][15].

Трансформация внешнеполитического курса Южной Кореи обусловлена следующими основополагающими причинами. Одна из них заключается в росте угрозы со стороны Китая, а именно его диаметрально противоположное восприятие в Сеуле не только в качестве ключевого экономического партнера, но и как источника стратегических рисков.

Второй причиной изменения внешнеполитического курса Республики Корея служит нарастание давления со стороны США, требующих от союзников большей ясности в условиях углубления конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем. Нельзя обойти стороной и фактор КНДР, который, на сегодняшний день, представляет собой наглядный пример усиления зависимости РК от американских гарантий безопасности, тем самым увеличивая влияние союзнической дисциплины.

Ещё одной причиной снижения результативности бывшего политического курса Южной Кореи выступает рост антикитайских настроений в корейском обществе и последующая за ним поляризация, которая существенно снижает маневры для осуществления многовекторной политики [16].

Наконец, технологическое соперничество в области полупроводников и контроля за критическими цепочками поставок переводит конкуренцию между великими державами на уровень, где нейтральность становится невозможной.

Итак, существование всех названных факторов делает необходимым выделение ряда ключевых изменений в позиционировании Республики Корея. Укрепление сотрудничества в треугольнике США–Япония–РК, выходящего за

рамки противодействия северокорейской угрозе и приобретающего все большую геополитическую риторику. Сеул проявляет более активное участие в осуществлении Индо-Тихоокеанской стратегии, которая отражается в проведении совместных военных учениях, синхронизации действий в техногенной сфере и общности подходов к вопросам региональной безопасности. Примечательно то, что формируется новая повестка внешнеполитической идентичности страны, представляющая собой образ «глобального ключевого государства» (global pivotal state). Так, Южная Корея держит курс на выход за пределы региональной роли и принятие на себя дополнительной ответственности в роли союзника США.

В этом контексте важно отметить, что настоящее развитие внешней политики не является окончательным и сопряжено с различными ограничениями. Экономическая зависимость от Китая, представленная высоким уровнем интеграции корейских производственных цепочек с китайским рынком, не исключенным значением двусторонней торговли и чрезвычайно важной ролью китайского сегмента для работы ведущих корейских корпораций, продолжает препятствовать процессам выравнивания на стороне Соединенных Штатов. В связи с этими изменениями внешнеполитическая траектория Республики Корея развивается в условиях нарастающей напряженности, где союзнические обязательства склоняют Южную Корею к возрастанию партнерского единства с Вашингтоном, а экономическая зависимость обязывает её сохранять пространства для выстраивания конструктивного диалога с Пекином. Здесь мы можем видеть свойственную корейской стратегии двойственность.

Однако важно отметить, что данная двойственность не является уникальным свойством Республики Корея. Наоборот, она демонстрирует более глубокие системные процессы, присущие эпохе противостояния великих держав. Где традиционные формы союзнического взаимодействия уступают место более сложным конфигурациям. Рассматриваемые процессы имеют более широкие последствия для международной системы: снижение предсказуемости союзов, увеличение автономии средних держав, гибридизация стратегий поведения и ослабление блоковой бинарной логики. Союзы начинают приобретать всё более гибкий, многоуровневый и ситуационный характер.

В этой связи следует обозначить, что Китай сегодня всё труднее воспринимать лишь как оппонента Соединённых Штатов. Его роль выходит за рамки простой конкуренции: речь идёт о силе, которая постепенно меняет саму логику глобального взаимодействия. Одно лишь присутствие Пекина в качестве самостоятельного центра на международной арене меняет конфигурацию союзов, которые становятся менее жёсткими и более подвижными. Ещё в начале 2000-х годов международная система сохраняла относительно устойчивую иерархию, и, американо-китайские отношения не могли даже походить на равновеликие, но в настоящее время мы уже отчётливо можем говорить об отношениях между двумя крупнейшими экономическими державами. В то же время углубление связей между двумя государствами сопровождается возникновением противоречий, которые в свою очередь проецируются на других акторов международных отношений.

На этом фоне поведение союзников Вашингтона претерпевает заметную эволюцию. Конкуренция между двумя крупнейшими экономиками мира вынуждает партнёров США искать более сложные модели позиционирования. Южная Корея здесь выступает показательным примером государства, чья политика постепенно

претерпевает изменения и переходит от классического балансирования к более многоуровневой линии поведения, которая может быть охарактеризована как стратегическая неопределённость.

Характерной чертой этого подхода остаётся не столько колебание между полюсами силы, сколько умышленное сохранение пространства для маневрирования. Так, Сеул продолжает одновременно извлекать выгоды из сотрудничества с американскими структурами безопасности и поддерживать экономическую взаимосвязь с Китаем.

Однако такая гибкость не может продолжаться вечно. Усиление технологического и военно-политического давления, включая ограничения в сфере полупроводников и цепочек поставок, постепенно сокращает поле выбора. В целом на современном этапе мы обозреваем то, как, даже наиболее адаптивные и, казалось бы, универсальные стратегии начинают сталкиваться с ограничениями в виде внешних рамок, которые более невозможно не учитывать.

В результате возникает ситуация, где стремление сохранить неопределённость становится всё более затратным, а сама неопределённость — всё менее устойчивой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Waltz K. N. *Theory of International Politics* // N.Y.: McGraw Hill. 1979
2. Walt S. M. *Alliance Formation and the Balance of World Power* // 1985. Т. 9. № 4
3. Walt S. M. *The Origins of Alliances* // Cornell University Press. 1987
4. Goh E. *Meeting the China challenge: The US in Southeast Asian regional security strategies*. 2005.
5. Thi Y., Pham. *South Korea and the Indo-Pacific strategy: From strategic ambiguity to strategic autonomy* // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2023. Т. 9. № 3. С. 471–487
6. Sung A. *The fate of South Korea's strategic ambiguity to the US and China*// Korea Chair-University of Brussels Policy Brief. 2020
7. 설승은, 임형섭, 황윤기. *李대통령 "한국, 과거처럼 '안미경중' 취할 수 없는 상태"*// 연합뉴스 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250826036400001> (дата обращения: 24.03.2026).
8. Shuqi W., Li M. *Soft Wedging: China's Strategic Response to the Japan-South Korea Entente under US-Led Trilateral Security Cooperation* // *European Journal of International Security*. 2025. С. 1–22
9. 裴洛西亞洲行下一站赴韓 南韓入 Chip 4 聯盟壓力再增 – INSIDE. URL: <https://www.inside.com.tw/article/28492-chip4-pelosi-ic>. (дата обращения: 24.03.2026).
10. *Strategy for a free, peaceful, and prosperous Indo-Pacific region* URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133. (дата обращения: 24.03.2026).
11. Lee H. A. *Yoon unveils S. Korea's strategy for free, peaceful, prosperous Indo-Pacific*. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221111009400315>. (дата обращения: 24.03.2026).
12. *UN Security Council rejects bid to continue Iran sanctions relief* [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/09/1165891>. (дата обращения: 24.03.2026).
13. Ji D. G. S., *Korea. US co-sponsor NK human rights resolution as China, Russia dissent*. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10620340>. (дата обращения: 24.03.2026).
14. Friso M. S., Stevens. *Continuity and change in Yoon Suk Yeol's positioning of South Korea as a strong, proactive, and global middle power* // *International Politics*. 2025
15. Zhou Z. *The U.S.-ROK Alliance from the Perspective of Alliance Dilemma – Taking the Government of Yoon Seok-youl as an Example* // *World Journal of Social Science Research*. 2025. Т. 12. № 1.
16. Song E. *Rising Anti-China Sentiment Supports South Korea's Alignment with the US*. URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/rising-anti-china-sentiment-supports-south-koreas-alignment-with-the-us>. (дата обращения: 24.03.2026).

**КОММУНИКАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ
КОМПАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА**

**COMMUNICATION SUPPORT OF A COMMERCIAL COMPANY:
THEORETICAL ASPECTS OF ANALYSIS**

Л.И. Евсеева,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

Lidiya I. Evseeva,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: evseeva_li@spbstu.ru

А.Г. Танова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

Anna G. Tanova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: tanova_ag@spbstu.ru

А.А. Максимова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.A. Maksimova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: maksimova.aa@edu.spbstu.ru

А.С. Климушев,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

A.S. Klimushev,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: klimushev.as@edu.spbstu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу коммуникационного сопровождения коммерческой компании. Авторы подчеркивают необходимость применения для бизнеса коммуникационного сопровождения с целью продвижения товаров, повышения узнаваемости на рынке, поддержания коммуникации с аудиторией и формирования лояльности со стороны потребителей. В современном мире, где конкуренция между организациями достаточно высока, распространение информации о деятельности компании и установление партнерских деловых отношений приобретают особое значение. В работе рассматриваются теоретико-методологические основания коммуникационного как практическая реализация идей двустороннего взаимодействия и непрерывного диалога. В статье выделяются признаки и цели коммуникационного сопровождения. Авторы пришли к выводу, что понятие «коммуникационное сопровождение» имеет под собой широкую базу теоретических исследований в области коммуникаций, маркетинга, брендинга, менеджмента.

Abstract. This article analyzes the communications support of a commercial company. The authors emphasize the need for business communications support to promote products, increase market awareness, maintain connections with audiences, and build customer loyalty. In today's highly competitive world, disseminating information about a company's activities and establishing business partnerships are particularly important. The paper examines the theoretical and methodological foundations of communications as a practical implementation of the ideas of two-way interaction and continuous dialogue. The article highlights the characteristics and goals of communications support. The authors conclude that the concept of "communications support" is based on a broad foundation of theoretical research in the fields of communications, marketing, branding, and management.

Ключевые слова: Коммуникационное сопровождение, PR-сопровождение, коммуникация, цели коммуникационного сопровождения, связи с общественностью, коммерческая компания

Key words: Communication support, PR support, communication, objectives of communication support, public relations, commercial company

Современные тенденции, свойственные цифровой экономики, многовекторные изменения характера взаимодействия акторов в производственно-трудовой и социальной деятельности, становятся вызовами, влияющими не только на эффективность коммуникационного взаимодействия, но на совокупную деятельность компании. Для успешной деятельности любой компании необходимо грамотно использовать каналы и инструменты коммуникации с общественностью.

В современном бизнес-пространстве коммуникационное сопровождение представляет собой целостную систему взаимосвязанных действий и стратегических решений, направленных на выстраивание эффективного информационного взаимодействия между компанией и всеми заинтересованными сторонами, включая потребителей, персонал, деловых партнеров, инвесторов и широкую общественность.

Компании должны активно использовать современные коммуникационные технологии и инструменты, чтобы информировать об итогах производственной деятельности в диапазоне производимой продукции и результатах социальной ответственности [1]. Различные аспекты коммуникационного сопровождения и продвижения компаний на рынок активно обсуждаются в публикационном пространстве [2–5].

Термин «коммуникационное сопровождение» возник и получил распространение в сфере связей с общественностью и интегрированных маркетинговых коммуникаций сравнительно недавно. Некоторые специалисты рассматривают его как эволюцию понятия «информационное сопровождение», но отражая тенденцию смещения акцента с односторонней трансляции информации на двустороннюю коммуникацию. Коммуникационное сопровождение подразумевает больший акцент на взаимодействие и обратную связь, чем просто информационное обеспечение деятельности компании.

Методологической основой понимания «коммуникационного сопровождения» является концепция Джеймса Грюнига – автора модели двусторонней симметричной коммуникации. Дж. Грюниг утверждал, что эффективное взаимодействие требует не только передачи сообщений, но и учета обратной связи. В его работах коммуникационное сопровождение трактуется как этап PR-кампании, где организация адаптирует стратегию, основываясь на мнении аудитории [6]. Цель двусторонней симметричной модели коммуникации заключается в формировании или изменении общественного мнения, поддержании репутации/имиджа организации в глазах общественности, также она способствует достижению консенсуса между всеми акторами коммуникации. Опираясь на данную модель коммуникационных отношений, организация взаимодействует как со

стейкхолдерами, так и с целевыми аудиториями, поддерживая «баланс собственного интереса и заботы об интересах других». «Симметричный» PR обеспечивает не только этичность, но и эффективность взаимных контактов, поэтому является морально более предпочтительным по сравнению с любыми другими «несимметричными» стратегиями [6].

В этом контексте, коммуникационное сопровождение деятельности организации – не просто инструмент передачи данных, а сложный механизм, обеспечивающий диалог между организацией и ее аудиторией, формирующий доверие и минимизирующий риски коммуникационных разрывов.

Сегодня такая модель достаточно эффективна, хотя стоит отметить, что принципы двусторонней относительно симметричной коммуникации являются неким «идеалом», к которому стремятся коммуникаторы со стороны организации. Достижению «идеала» препятствуют условия цифровой среды:

- недостаток информации или излишний поток информации;
- недоверие к источникам информации;
- стремительное развитие и использование технологий искусственного интеллекта;
- нехватка ресурсов и др.

Термин «коммуникационное сопровождение» имеет под собой широкую базу теоретических исследований в области коммуникаций, маркетинга, брендинга, менеджмента.

Российская школа связей с общественностью внесла вклад в разработку механизмов и технологий коммуникационного сопровождения. В частности, Д.П. Гавра рассматривает коммуникацию как «социальный процесс, выстраивая теоретические модели взаимодействия организации и аудитории» [7]. Ряд авторов, анализируя практические аспекты сопровождения, подчеркивают важность планирования коммуникационных кампаний, анализ целевых групп, выбор каналов и инструментов коммуникаций, выработку ключевых сообщений, необходимость формирования имиджа, активная работа со СМИ и др. [8]. Также важен вклад отечественных исследователей в понимание необходимости анализа обратной связи, учета общественного мнения, проблемы доверия [9–10], профессионализма персонала [11] и др.

Коммуникационное сопровождение тесно связано с бренд-менеджментом организации. В работах по брендингу указывается, что ценность бренда создается через каждую коммуникацию с потребителем – от визуальной айдентики до тональности сообщений [12]. Теория брендинга дает инструменты для формирования эмоциональной связи с аудиторией, что дополняет классические PR-задачи информирования рациональными аргументами.

В рамках теоретического осмысления понятия «коммуникационное сопровождение» особую значимость приобретает концептуальный подход В.Ф. Кузнецова. Понятие «коммуникационное сопровождение» В.Ф. Кузнецов характеризует как «технологии управления коммуникациями субъекта PR с его целевыми общественностями, ... как совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач субъекта управления в определенное время и в определенном месте» [13, с. 57]. То есть в этом случае автор акцентирует внимание на системной природе коммуникационного

сопровождения. Системность заключается в последовательности определенных действий, направленных на эффективную реализацию целей и задач компании.

А.Н. Чумиков, один из ведущих российских исследователей в области PR, определяет коммуникационное сопровождение как процесс, направленный на «гармонизацию отношений между организацией и ее окружением» через непрерывный диалог [14]. По его мнению, коммуникационное сопровождение встраивается в интегрированные маркетинговые коммуникации, дополняя классические PR-инструменты интерактивными методами, такими как обратная связь и вовлечение аудитории.

Это созвучно идеям С. Блэка, классика PR-школы, который видел в PR «искусство достижения гармонии через обмен достоверной информацией» [15].

Определенную роль на анализ сущностных аспектов «коммуникационного сопровождения» оказали теории деловых и организационных коммуникаций, рассматривающие общие закономерности коммуникации в организациях, а также умение эффективно использовать «общение» как одну из компетенций специалистов [16]. На данные аспекты обратил внимание и Э. Райс. Он отмечал, что коммуникационные усилия зависят от коммуникативной компетентности персонала, правильного выбора стиля общения с различными аудиториями, а также от налаженных внутренних коммуникаций внутри самой организации [17].

Организация не сможет качественно выстроить внешнее сопровождение, если внутри неё нет единого понимания коммуникационной политики. В этом случае, понятие коммуникационного сопровождения опирается на междисциплинарные элементы: стратегический менеджмент (ориентация на цели и конкурентоспособность), маркетинг (работа с целевыми рынками и каналами), теория массовых коммуникаций (построение эффективных сообщений, модели коммуникации), PR-технологии (взаимодействие с общественностью, формирование имиджа) [18] и бренд-менеджмент.

Коммуникационное сопровождение включает в себя распространение информации о компании, ее товарах и услугах, с целью формирования её благоприятного имиджа. С этой точки зрения феномен «коммуникационное сопровождение» трактуется как «совокупность коммуникационных действий PR-специалиста ... направленных на формирование благоприятного имиджа субъекта/объекта, включающих в себя распространение инициированной, оптимизированной и селективной информации о действительности, товарах и услугах компании» [19].

Теоретико-методологическим основанием, влияющим на понятие коммуникационного сопровождения, являются труды классиков менеджмента в лице П. Друкера и М. Портера, которые подчеркивали центральную роль коммуникации с потребителем в деятельности организации, установление коммуникации с клиентом, изучение его потребностей и донесение ценности продукта. Так, работы П. Друкера обосновывают необходимость постоянной работы с целевой аудиторией как фундаментальной функции организации. Автор отмечал, что «целью любого предприятия является создание потребителя, а предприятие имеет только две основные функции – маркетинг и инновации» [20].

Майкл Портер в концепции конкурентного преимущества указывает на необходимость доносить до рынка уникальное ценностное предложение компании [21]. Его модель ценностной цепочки подразумевает поддержку основных видов

деятельности (в т. ч. маркетинг и сбыт) коммуникационными активностями, что перекликается с задачами коммуникационного сопровождения – поддерживать основные процессы бизнеса через информационно-коммуникационное обеспечение.

Многочисленные исследования в области маркетинговых коммуникаций заложили методологию планирования и интеграции различных средств коммуникационного сопровождения и продвижения. В этом плане, практика маркетинга важна для выбора эффективных коммуникационных каналов, инструментов и контента. На базе этих теорий понятие коммуникационного сопровождения включает интегрированный подход – «одновременное использование рекламы, PR, прямого маркетинга, цифровых коммуникаций...» [22]. Методология медиапланирования, разработки рекламной кампании, оценки эффективности коммуникаций (ROI, бренд-метрики) – все это вошло в методологическую базу коммуникационного сопровождения.

Коммуникационное сопровождение имеет следующие признаки:

- имеет четкую цель;
- ограничено во времени;
- влияет на общественное мнение;
- способствует поддержанию репутации;
- имеет долгосрочный результат.

Таблица

Цели коммуникационного сопровождения

	<i>Цели коммуникационного сопровождения</i>
1	Повышение уровня узнаваемости компании.
2	Формирование привлекательности образа компании как работодателя.
3	Формирование и поддержание положительного имиджа компании и ее репутации.
4	Обеспечение регулярного и растущего присутствия компании в информационном поле.
5	Информационная привлекательность.
6	GR-деятельность.
7	Укрепление партнерских отношений компании со стейкхолдерами.
8	Формирование лояльности аудитории.
9	Защита интересов компании.

Таким образом, понятие коммуникационного сопровождения опирается на междисциплинарный фундамент: стратегический менеджмент (ориентация на цели и конкурентоспособность), маркетинг (работа с целевыми рынками и каналами), теория массовых коммуникаций (построение эффективных сообщений, модели коммуникации), PR-технологии (взаимодействие с общественностью, формирование имиджа) и бренд-менеджмент. В совокупности эти теоретические основы формируют целостный подход, рамках которого коммуникационное сопровождение выступает как стратегическая функция, обеспечивающая коммуникационную поддержку всех направлений деятельности организации [17]. Исторически коммуникационное сопровождение выросло из классических PR – и информационных– и управленческих– практик и маркетинга, пройдя путь от разрозненных информационных поводов к целостной, интегрированной коммуникационной стратегии сопровождения организации.

Коммуникационное сопровождение рассматривается как практическая реализация идей двустороннего взаимодействия и непрерывного диалога, что отражается в современных подходах к построению отношений между организацией и ее аудиторией. Однако достижение этих целей невозможно без использования современных инструментов, которые обеспечивают не только передачу информации, но и ее адаптацию под запросы аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евсеева Л.И., Гаоди Лю., Цзинюань Г., Ань Б.Л. Контент как инструмент коммуникационного продвижения // Международные отношения в глобальном измерении. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург, Политех-Пресс. 2023. С. 174–182.
2. Коммуникация в социальных средах: теория и практика / Л. И. Евсеева, Е. Г. Поздеева, А. С. Сафонова [и др.]. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 146 с. ISBN 978-5-91155-314-2. EDN NHIFJR.
3. Евсеев В.В., Матвеевская А.С. SMM-деятельность по продвижению компании в индустрии туризма. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2020. С. 137–141.
4. Сафонова А.С. Трансформация коммуникаций: роль и значение новых медиа. PR и рекламы в современном обществе. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под ред. И.Р. Тростинской. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 152–157.
5. Волкова Л.М., Голубев А.А., Евсеев В.В. Коммуникации, безопасность в гражданской авиации // Технологии PR и рекламы в современном обществе Материалы XII научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 36–38.
6. Grunig J.E., Hunt T. Managing public relations, 1984. 576 pp.
7. Гавра Д. П. Информационная логистика в коммуникациях региона // Территория новых возможностей. 2016. №1 (32) С. 113–118.
8. Синяева И.М., Жильцова О.Н., Жильцов Д.А. Реклама и связи с общественностью. М.: Юрайт, 2020. 328 с.
9. Поздеева Е.Г. Доверие как фактор успешного продвижения наукоемкого продукта на рынке // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Печатается по решению Совета по издательской деятельности Ученого совета Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 161–171.
10. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г. Проблема доверия к смарт-технологиям в цифровом обществе // Социология науки и технологий. 2022. Том 13. № 4. С. 131-145. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-131-145
11. Евсеев В.В., Матвеевская А.С., Погодина В.Л. Электронные технологии профессионального общения в научной среде. Философия науки: история и современность. Монография. Под редакцией И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С.167–178.
12. Домнин В.Н. Брендинг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 493 с.
13. Кузнецов В.Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии: Учебник для студентов вузов М.: Аспект Пресс. 2007. 302 с
14. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2006. 552 с.
15. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М.: Феникс, 1998. 240 с.
16. Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А. Деловые коммуникации. М.: Юрайт-Издат, 2013. 415 с.
17. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за умы. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
18. Танова А.Г. Роль PR в управлении персоналом организации. Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции / Ответственный за выпуск: О.Д. Шипунова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 194–195.
19. Багдасарян Д.А. Коммуникационное сопровождение компаний малого бизнеса: особенности и тенденции // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. 2021. С. 22–28.
20. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 400 с.
21. Портер М.Е. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.
22. Голубкова Е.Н. Интегрированные маркетинговые коммуникации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 354 с.

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РОЛЬ КРУПНЕЙШИХ КОМПАНИЙ
В ЕЕ РАЗВИТИИ**

**THE CURRENT STATE OF THE OIL INDUSTRY OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE ROLE OF THE LARGEST COMPANIES
IN ITS DEVELOPMENT**

С.В. Кади,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

S.V. Kadi,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: svetlanakadi@gmail.com

О. Ю. Ваганова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

O. U. Vaganova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: olgavanova8899@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние нефтяной отрасли Российской Федерации и анализируется роль крупнейших интегрированных компаний в ее развитии. Отмечается системообразующее значение нефтегазового сектора для экономики страны, его влияние на формирование доходной части федерального бюджета и смежные отрасли промышленности. Особое внимание уделяется динамике добычи, региональной структуре нефтедобычи и положению игроков рынка. Проведен анализ показателей добычи ведущими нефтяными компаниями за 2022-2024 гг. Рассматриваются факторы, определяющие траекторию развития отрасли: изменения мировой энергетической конъюнктуры, санкционное давление, технологическое развитие и дифференциация положения крупных и малых предприятий. В результате исследования сделан вывод, что российская нефтяная отрасль, демонстрируя адаптивность к внешним шокам, сохраняет устойчивые позиции на мировом рынке и обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития благодаря активности крупнейших компаний.

Abstract. This article examines the current state of the Russian oil industry and analyzes the role of major integrated companies in its development. It highlights the oil and gas sector's systemic importance to the country's economy, its impact on federal budget revenues, and related industries. Particular attention is paid to production dynamics, the regional structure of oil production, and the position of market players. An analysis of production indicators of leading oil companies for 2022-2024 was conducted. The factors determining the industry's development trajectory are examined, including changes in the global energy environment, sanctions pressure, technological development, and differences between large and small enterprises. It is concluded that the Russian oil industry, demonstrating adaptability to external shocks, maintains a stable position in the global market and has significant potential for further development thanks to the activities of large companies.

Ключевые слова: Нефтяная отрасль, нефтяные компании, топливно-энергетический комплекс, энергетический рынок Российской Федерации

Key words: Oil industry, oil companies, fuel and energy complex, energy market of the Russian Federation

Нефтяная отрасль Российской Федерации на протяжении десятилетий остается системообразующим элементом национальной экономики, обеспечивая не только внутренние топливно-энергетические потребности, но и формируя значительную часть доходной базы федерального бюджета. Нефтегазовый сектор является ключевым звеном топливно-энергетического комплекса, благодаря чему Россия удерживает позиции одного из лидеров мирового рынка углеводородов [1, 2].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления структурных изменений, произошедших в отрасли после 2022 года, когда санкционное давление со стороны западных стран достигло беспрецедентного уровня, а мировая энергетическая конъюнктура претерпела значительные изменения [3].

Целью данной работы является анализ современного состояния нефтяной отрасли РФ, а также оценка роли крупнейших компаний, участвующих в обеспечении ее устойчивости в новых экономических и геополитических реалиях.

Нефтегазовый сектор продолжает играть ключевую роль в экономике Российской Федерации. По данным Министерства финансов РФ, нефтегазовые доходы в 2024 году составили 11 131,1 млрд рублей, что существенно превышает показатели предыдущих лет и свидетельствует о восстановлении отрасли после экономических потрясений [4]. Доходы от налога на добычу полезных ископаемых (по нефти достигли 10 111,0 млрд рублей, формируя основу для реализации социально-экономических программ развития страны [там же 4].

По данным *Росстата*, доля нефтегазового сектора в ВВП России в 2023–2024 годах сохраняется на стабильном уровне [5]. При этом, как указывают эксперты, нефтяная отрасль обеспечивает не только экспортные поступления, но и формирует спрос на сопутствующие товары отечественного производства, стимулируя развитие промышленности [там же 5]. Однако исследования Н. В. Зубаревич показывают, что в 2022–2024 годах регионы с доминированием добывающей промышленности столкнулись с трудностями, хотя спад в нефтяных регионах (прежде всего в Ханты-Мансийском АО) оказался слабее, чем в угледобывающих территориях, что свидетельствует о сравнительно высокой устойчивости нефтяного сектора к внешним шокам [6].

Добыча нефти в России в 2024 году сохранилась на уровне около 516 млн тонн. По данным экспертов, в 2025 году объем добычи составил около 512 млн тонн, что несколько ниже показателей предыдущего года и связано с участием РФ в соглашении ОПЕК+, предусматривающем ограничение добычи для стабилизации мирового рынка. Несмотря на это, Россия обеспечивает около 10% мировой добычи нефти [там же 2, 6, 7].

Основные регионы нефтедобычи остаются неизменными. Наибольший объем добычи приходится на Западную Сибирь. Лидирующее положение занимает Ханты-Мансийский автономный округ (Югра), где сосредоточено около 40% российской добычи и расположено одно из крупнейших месторождений страны (Самотлорское) [8]. Существенную роль также играют Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Оренбургская область, Сахалин, а также новые центры добычи в Восточной Сибири и Тимано-Печорской провинции [там же 4].

Все же, как отмечает ООО «ИНТЭК – Западная Сибирь», центр нефтедобычи ХМАО-Югра демонстрирует снижение коэффициента извлечения нефти, ресурсная база стареет, что требует активного внедрения новых технологий повышения нефтеотдачи пластов [9].

Характерной особенностью современного этапа является дифференциация положения крупных и малых нефтяных компаний. Согласно данным ассоциации «АссоНефть», малые компании (добывающие менее 100 тыс. тонн нефти в год) с 2022 года сократили добычу более чем на 22%, а количество таких организаций уменьшилось со 132 до 124 [там же 1]. Основной причиной является чрезмерная налоговая нагрузка, достигающая 80–88% в выручке. Так как у компаний могут отсутствовать свободные денежные средства, необходимые для финансирования геологоразведки, текущего обслуживания скважин и обеспечения стабильного уровня добычи [там же 4].

В отличие от этого, опыт Татарстана демонстрирует эффективность поддержки малого нефтяного бизнеса: здесь малые компании обеспечивают около 20% нефтедобычи республики. Специализированные программы позволили поддержать уровень добычи на месторождениях, нерентабельных для «Татнефти», и создать плеяду эффективных малых предприятий.

Ведущие российские нефтяные компании, являясь вертикально-интегрированными структурами, осуществляют полный цикл от геологоразведки до реализации нефтепродуктов (см. Таблица 1). Их деятельность демонстрирует высокую устойчивость и концентрацию добычи. По прогнозам МЭА, мировой спрос на нефть достигнет плато к 2027–2030 годам на уровне 105,4 млн баррелей в сутки [10, 11, 12, 13].

Таблица 1

Показатели добычи нефти крупнейшими компаниями в 2022–2024 гг. (млн. тонн)

№	Компания	2022	2023	2024
1	ПАО «НК «Роснефть»	191	193,6	184
2	ПАО «Лукойл»	85	78,61	80,4
3	ПАО «Газпром нефть»	67,9	72,4	75,95
4	ОАО «Сургутнефтегаз»	59,6	56,4	53,7
5	ПАО «Татнефть»	29,1	28,45	27,283

Наибольший объем добычи стабильно принадлежит ПАО «НК «Роснефть» (см. Рисунок 1). По данным отчета за 9 месяцев 2024 года, выручка компании выросла на 15,6% (до более 7,6 трлн руб.), а капитальные затраты увеличились на 15,7% (до 1 трлн руб.). Удельные расходы на добычу сохраняются на конкурентном уровне 2,8 доллара на баррель. Долгосрочным проектом компании является «Восток Ойл» с ресурсной базой свыше 6 млрд тонн малосернистой нефти. В 2022–2023 годах компания открыла новые месторождения, включая Мадачагское в Печорском море [там же 10].

Второе место занимает ПАО «Лукойл», демонстрируя колебания добычи, в то время как ПАО «Газпром нефть» показывает устойчивый постепенный рост объемов [там же 10, 12]. ОАО «Сургутнефтегаз» и ПАО «Татнефть» вносят значительный вклад, однако их показатели добычи снижаются, что может быть связано как с объективными факторами старения месторождений, так и с общей конъюнктурой [там же 11, 13]. ПАО «Роснефть», не вошедшая в таблицу лидеров по объему,

завершила 2024 год с показателем добычи 6,092 млн тонн (снижение на 5% в рамках соглашений ОПЕК+), но при этом увеличила чистую прибыль в 1,4 раза [там же 4].

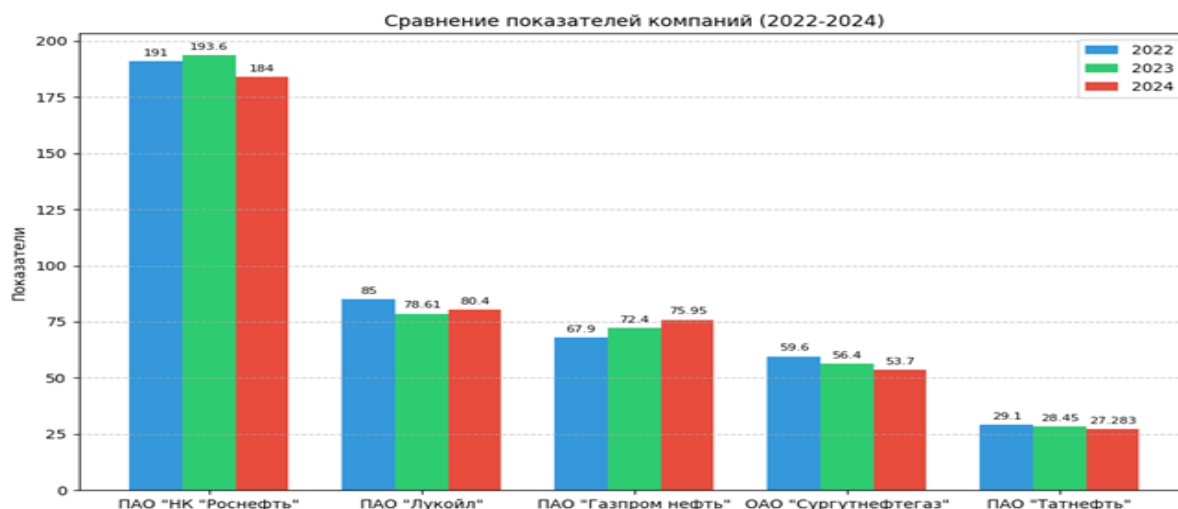

Рис. 1. Показатели добычи нефти 2022–2024

Необходимо отметить, что с 2022 года отрасль функционирует в условиях эмбарго на поставки, ценового потолка и технологических ограничений [14]. На геологическую разведку правительством было выделено 320 миллиардов рублей, что обеспечило рост запасов на уровне годовой добычи [15]. Результатом стала радикальная переориентация экспортных потоков. То есть доля поставок в недружественные страны упала с 65% до 14%. Основными покупателями стали Китай и Индия (около 85% морских поставок к ноябрю 2024 года). Российская нефть стала продаваться намного выгоднее. Разница в цене с мировым эталоном Brent сократилась с почти 30 долларов в 2023 году до 10,4 доллара к концу сентября 2024 года [там же 12].

Таким образом Российская нефтяная отрасль сохраняет устойчивость и высокую адаптивность несмотря на санкционное давление. Крупнейшие компании выступают основой этого процесса, обеспечивая внедрение технологий и стабильность бюджетных доходов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большие проблемы малой нефти: добыча компаний упала на 22% // MASHNEWS. – 11 декабря 2024. – URL: <https://mashnews.ru/bolshie-problemyi-maloj-nefti-dobyicha-kompanij-upala-na-22.html> (дата обращения: 18.03.2026).
2. Долженко, Д.А. Актуальные проблемы добычи нефти и газа в России / Д.А. Долженко, У.А. Селина // Всероссийский форум студентов и учащихся – 2023. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. – С. 20-25.
3. Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть». – URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/ (дата обращения: 18.03.2026).
4. Независимые нефтяные компании снизили добычу нефти более чем на 22% с 2022 г. – URL: <https://neftegaz.ru/> (дата обращения: 18.03.2026).
5. Доля нефтегазового сектора в ВВП. – URL: <https://cbonds.ru/indexes/94028/> (дата обращения: 18.03.2026).

6. Зубаревич, Н.В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. 2024 №1. С. 34–47.
7. Нефть – «кремень»: как инвестиции противостоят санкциям и меняют отрасль // ФедералПресс. – 19 марта 2025. – URL: <https://fedpress.ru/article/3369435> (дата обращения: 18.03.2026).
8. Абдрахимов, Р. И. Фациальный анализ и детальная корреляция продуктивного объекта БВ8 Самотлорского месторождения для уточнения ресурсной базы / Р. И. Абдрахимов, Н. П. Задорожная, Т. П. Популлова // Деловой журнал Neftegaz.RU. – 2025. – № 11(168). – С. 72-77.
9. Зубкова, Е. Ю. Югра в контексте позднесоветской модернизации: региональная история в общенациональной перспективе / Е. Ю. Зубкова // Уральский исторический вестник. – 2024. – № 1 (82). – С. 72-81.
10. Добыча // Официальный сайт ПАО «Лукойл» – URL: <https://lukoil.ru/Business/Upstream/DevelopmentAndProduction> (дата обращения: 18.03.2026).
11. Отчетность // Официальный сайт ОАО «Сургутнефтегаз». – URL: https://www.surgutneftegas.ru/investors/essential_information/reporting/ (дата обращения: 18.03.2026).
12. Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». – URL: <https://ir.gazprom-neft.ru/reports-and-results/> (дата обращения: 18.03.2026).
13. Разведка и добыча // Официальный сайт ПАО «Татнефть». – URL: https://www.tatneft.ru/business_directions/exploration_and_production (дата обращения: 18.03.2026).
14. Санкции Запада вызвали структурные изменения в нефтяной отрасли. – URL: <https://www.angi.ru/news/2918065-Эксперт%3A%20Санкции%20Запада%20вызвали%20структурные%20изменения%20в%20нефтяной%20отрасли/> (дата обращения: 18.03.2026).
15. Геологоразведка в России. – URL: <https://miningworld.ru/ru/media/news/2025/july/02/geologorazvedka-v-rossii/> (дата обращения: 18.03.2026).

**ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ БРЕНДУ
«СДЕЛАНО В РОССИИ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**YOUTH ATTITUDE TOWARDS THE NATIONAL BRAND
"MADE IN RUSSIA": A SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Е.Г. Поздеева,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

Elena G. Pozdeeva,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: elepozd@mail.ru

В.В. Евсеев,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

V. Evseev,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: evseev_vv@spbstu.ru

Е.И. Тучкевич,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

Eugenia I. Tuchkevich,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: tuchkevich_ei@spbstu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современных теоретических подходов к определению понятия «национальный бренд», авторы выявляют смысловые основы бренда, описывают инструменты управления национальным имиджем и технологии построения взаимодействия в международных коммуникациях. Актуализируется исследование национального бренда и имиджа страны в качестве инструментов политики «мягкой силы», способствующих повышению привлекательности отдельных территорий и регионов в рамках международных проектов. Цель данной статьи определяется анализом национального бренда как результата комплексной технологии создания положительного имиджа страны в международных коммуникациях. В задачи статьи входит анализ характеристик многомерной модели национального бренда на примере бренда «Сделано в России» и выявление отношения российской молодежи к этому бренду на основе применения метода анализа документов.

Abstract. This article analyzes modern theoretical approaches to defining the concept of "national brand." The authors identify the brand's semantic foundations, describe tools for managing national image, and technologies for building interactions in international communications. It advances the study of national brands and country image as tools of "soft power" policy, helping to enhance the attractiveness of individual territories and regions in international projects. The purpose of this article is to analyze the national brand as a result of a comprehensive technology for creating a positive image of the country in international communications. The article's objectives include analyzing the characteristics of a multidimensional national brand model using the "Made in Russia" brand as an example and identifying Russian youth attitudes toward this brand through document analysis.

Ключевые слова: Национальный бренд, имидж, брендинг, «сделано в России», молодежь, «мягкая сила», социологический анализ

Key words: National brand, image, branding, "made in Russia", youth, "soft power", sociological analysis

В условиях роста интеграционных траекторий, «перезагрузки» политико-экономических и культурно-коммуникационных параметров сотрудничества и взаимосвязей, государства и регионы мира демонстрируют собственную архитектуру мироустройства, оказывающую влияние на развитие международных отношений [1]. Имидж страны в настоящее время превращается в один из ключевых факторов международных отношений, выступает важным аргументом принятия политических решений, играет значимую роль в мировой политике [2]. В сложных конкурирующих условиях государства стремятся развивать свои национальные бренды, чтобы расширять сотрудничество на глобальном уровне, используя для этого потенциал нематериальных активов. «Национальный бренд и сильный имидж страны рассматриваются как факторы конкурентоспособности государства, образующие систему символических связей с глубинной структурой на уровне архетипов, ценностей и символов» [2, с. 466].

Для национального брендинга актуализируется задача сочетать в себе стратегии развития территории и те ценности, которые данная территория (страна) готова предложить общественности, целевым аудиториям [3].

Публичная дипломатия, выступающая как инструмент стратегических усилий национальных государств по продвижению своих интересов, стремится повлиять на отношение общества к формированию и осуществлению внешней политики страны путем использования широкого спектра средств и инструментов, включая идеи, практики, ценности, культуру, искусство, масс медиа, а также кулинарные традиции, музыку, транспорт, туризм [4-5] и др.

В публичной политике национальный брендинг выступает в роли инструмента «мягкой силы» влияния, который может быть использован как для укрепления экономического и политического влияния страны, так и для повышения ее культурного престижа.

В политической плоскости национальный брендинг способствует построению развивающейся и привлекательной для рынка стратегии продвижения. В последнее время наблюдается активизация исследований национального бренда в контексте территориального брендинга и коммуникаций [6].

Затрагивая проблему связи имиджа и бренда, следует отметить, что национальный бренд может анализироваться в рамках реализации государственной имиджевой стратегии страны [7]. Такой же позиции придерживается Л. Клемонс: бренд рассматривается как имидж, который «продается» общественности как товар [8, с. 95]. А.Н. Чумиков определяет бренд как «графический и смысловой образ субъекта, получившего высокую степень известности, лояльности и ... эмоционального доверия», а брендинг, как «организованный процесс создания имиджа» [9, с. 14].

Анализ проблем брендинга позволил сформировать собственное научное течение. Д. Аакер стал основоположником теории брендинга, он определил бренд как имя и/или символ, позволяющий отличить услуги и товары одного производителя от услуг и товаров конкурентов [10]. Похожее определение бренда

формулируют Ф. Котлер и Ж.-Н. Капферер. М. Ньюмейер делает акцент на значимости массовости восприятия бренда. У каждого человека формируется собственное представление и мнение о каком-либо бренде, и в том случае, если довольно широкий круг потребителей имеет схожее восприятие, можно говорить о том, что бренд сформирован [11].

На современном этапе изучения бренд имеет еще более усложненную структуру: от набора определенных образов, которые возникают у потребителей, до формирования некоего определенного стереотипа и ценностей, которые с ним связаны.

Внимание к сущности и роли национального бренда возникло среди ученых благодаря разработкам С. Анхольта, он и ввел в научный оборот термин «национальный бренд» [12]. Автор, анализируя содержание понятия, актуализирует свойство национального бренда создавать ценность продукта, маркируя его с помощью формулировки «*Сделано в стране X*», которая пробуждает позитивные ассоциации со страной и таким образом выполняет функцию добавленной ценности.

Трактовка бренда, предложенная С. Анхольтом, понимаемая как сумма восприятий людей по отношению к определенной стране, предполагает оценку его по шести направлениям государственной деятельности: «население, экспорт, туризм, государственное управление, инвестиции и иммиграция, культура и наследие» [12, р. 118]. Подход С. Анхольта позволяет развивать стратегии усиления национального бренда, опираясь на эти выделенные направления. Среди них ведущее место принадлежит развитию экспортной политики государства, расширению туристической отрасли и продвижению культурного наследия, а фундаментом выступает проводимая государственная политика, инвестирование в человечески капитал [13].

Построение национального бренда связано с концепцией «мягкой силы», получившей популярность благодаря работам Дж. Най. Автор выделял ключевые элементы мягкой силы – это язык и культура страны, именно они оказывают ключевое воздействие на гармоничное развитие международных отношений, эффективные деловые связи и всю мировую политику.

Цель развития бренда заключается в формировании среды, применительно к которой будут разрабатываться и интегрироваться коммуникационные и маркетинговые стратегии и реализовываться интересы различных акторов. При этом имидж страны должен усиливать эффект рекламной активности компаний по продвижению своих продуктов на рынки. В публичных дискуссиях ПМЭФ (июнь 2023), посвященных концепции национального бренда, обращалось внимание на три ключевых характеристик бренда: наличие патента, экологичность, применение промышленного дизайна.

В качестве системы основных смыслов бренда были выделены следующие утверждения: национальный бренд – это «элемент имиджа России за рубежом», «инструмент поддержки экспортеров», «знак качества продукции», «принадлежность к клубу избранных», «часть маркетинга». Была выделена ведущая смысловая основа бренда «*Сделано в РФ*», которой стал смысл бренда как знака качества. Создание и поддержка клубной системы, как востребованный тренд также была в центре внимания. Важными чертами такой системы являются: возможность объединения тех, кто будет развивать этот бренд, действие условия добровольного

вступления, корпоративная заинтересованность и креативная направленность деятельности [14, р. 424].

В поисках инструментов управления национальным имиджем разрабатываются различные количественные подходы к его оценке. Одним из развивающихся направлений является взвешивание позиций стран с помощью составления международных рейтингов. Начиная с 2010 года на основе разработок был сформирован композитный индекс «мягкой силы». Композитный индекс «мягкой силы» включает в себя критерии измерения в сфере государственного управления, культуры, образования, дипломатии, бизнес и инноваций [14, pp. 424-425].

Учитывая, что в динамическом мире базовые составляющие «мягкой силы» постоянно изменяются, количественные оценки существенно дополняются качественными измерениями. Для этого используются оценки, полученные экспертным методом, доля которых по сравнению с количественными оценками определяется соотношением 30/70. Эксперты оценивают коммерческие бренды и бренды национальной кухни, символические инструменты «мягкой силы», имеющиеся достижения в сфере культуры, архитектуры и искусства, авиаперевозчиков, глобальное лидерство. Таким образом, инструменты мягкой силы направлены на убеждение и формирование системы ценностей и норм, символически связанных с определенной страной. «Внедрение инновационных каналов коммуникации, развитие гражданских инициатив и формирование глобальной концепции, отражающей уникальные ценности России, могут значительно повысить узнаваемость нового национального бренда и повысить доверие к нему как внутри страны, так и за ее пределами» [15, с. 194].

Для более углубленного понимания отношения молодежи к национальному бренду России был проведен анализ содержания выполненных студентами эссе, темой написания которого являлось отношение к бренду *«Сделано в России»*. В качестве пожелания для эссе было рекомендовано акцентировать внимание на ассоциациях, ожиданиях и собственном мнении о том, как следует эффективно управлять национальным брендом. В исследовании приняли участие 52 человека – студенты направления «Реклама и связи с общественностью», специализация которых позволяет давать характеристику и высказывать основанное на знаниях и наблюдениях мнение по данной проблеме.

Содержательный анализ эссе показал, что национальный бренд воспринимается студентами как «лицо страны», «визитная карточка», «программа развития экономики», «товарный знак», «образ страны». Студенты считают, что национальный бренд отражает коллективное восприятие национального характера и ценностей, поэтому важным является описательный портрет характеристик. В числе базовых характеристик, определяющих сущность национального бренда, студенты выделяют следующие:

- качество,
- надежность,
- уникальность,
- конкурентоспособность на мировом рынке,
- значение маркировки в совокупности с культурой и образом жизни.

Наряду с характеристиками студенты выводят комплексы параметров, отражающие механизм реализации и коммуникационного действия бренда. В числе таких выделенных комплексов предлагались следующие:

- «экономика и мягкая сила»,
- «развитие экономики и поддержка бизнеса»,
- «традиции и современные достижения»,
- «государственная политика и вовлечение бизнеса» [14, р. 427].

При встрече бренда «Сделано в России» молодежь в большинстве испытывает позитивные чувства – гордость, доверие, поддержку, уважение, интерес и любопытство. Правда, встречались мнения участников исследования, которые отмечали, что сегодня данный бренд отягощен негативными стереотипными коннотациями, апеллирующими к неудачам отечественного автопрома, низкому качеству промышленных товаров, снижению темпов развития и отсутствию разнообразия. В этой связи, согласно позиции респондентов, следует уделить особое внимание информационной работе, а также комплексной разработке и продвижению национального бренда.

Особое разнообразие оценок было отмечено при анализе ожиданий по отношению к бренду «Сделано в России». Лидируют ожидания высокого качества, надежности и уникальности товаров, маркированных этим знаком. Также молодежь хочет видеть присутствие характеристик безопасности и экологичности, вклад дизайна, высокотехнологичных и инновационных решений наряду с традициями, оригинальность, соответствие высоким (международным) стандартам, долговечность. Для молодежи имеет значение известность бренда, важна цена и должна быть отражена культура. Бренд, по мнению студентов, должен транслировать культурное разнообразие России, красивую природу и талантливых людей, живущих в этой стране [14, р. 428].

Рассуждая о том, каким должен быть национальный бренд России многие студенты акцентируют внимание на наличии «новой идеи», на «новых разработках» и «комплексном подходе». Бренд, по их мнению, должен быть символом качества, ценностей, традиций и новаторских технологий. Бренд должен «раскрывать национальную идентичность», «быть открытым», «доступным» и «привлекательным для широкой аудитории». Молодежь ценит в национальном бренде высокий уровень разнообразия, его разносторонность и отражение ресурсного аспекта – вклада людей. Это, по мнению студентов, возможно на основе применения эффективного маркетинга и коммуникаций, поддержки разработок государством и развития национального самосознания потребителей.

В предложениях молодежи звучали идеи «важности создания единой платформы для продвижения российских брендов», повышение «роли государства в этом процессе», осознание необходимости сделать акцент на «росте качества товаров и услуг и трансляции этого тренда на мировом рынке», на «повышении престижа местных товаропроизводителей». Многие студенты считают, что развитию национального бренда России будет способствовать рост и совершенствование туристической сферы [14, р. 428]. В представленных эссе отчетливо звучали идеи «опираться на исследование общественного мнения», «вести борьбу со стереотипами», «активную коммуникационную политику», используя разнообразные медиаплатформы, форматы выставок и международных форумов, обмен опытом и высокими технологиями, «повышать качество образования» и «развивать комфортную гражданскую сферу».

В целом, следует отметить, что выраженные оценки и мнения молодежи отличались позитивным настроем, готовностью поддерживать и развивать

национальный бренд. Предложения респондентов демонстрируют высокую требовательность по отношению к разработке и реализации концепции национального бренда, понимание собственной ответственности и ожидание комплекса предпринимаемых усилий, чтобы удовлетворить ожидания высокого качества, уникальности, надежности и высокой технологичности продуктов, представляющих национальный бренд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семерная А.Ю., Матвеевская А.С. Тренды и практики социально-политических процессов в условиях глобализации // Актуальные проблемы современной политической науки. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2022. С. 206–211.
2. Евсеева Л.И., Поздеева Е.Г., Тучкевич Е.И. Национальный бренд: концептуальный анализ. Международные отношения в глобальном измерении. СПб.: Политех-Пресс. 2024. С. 464–469.
3. Li J., Pogodin S., Vasilyeva E.: Digitalization Strategy in the BRICS Countries: Towards the Partnership. In: XIV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2021". Lecture Notes in Networks and Systems. vol 246. Springer, Cham. (2022) https://doi.org/10.1007/978-3-030-81619-3_82
4. Матвеевская А.С., Евсеев В.В., Погодин С.Н. Международный туризм как фактор продвижения внешнеполитических интересов государства. Монография. СПб.: Политех-пресс, 2023. 128 с.
5. Матвеевская А.С. Туризм как политический межгосударственный диалог // Наука Красноярья. 2017. Т.6. № 4. С. 58–68.
6. Погодин С.Н. Элементы и процесс формирования "культурной дипломатии" // Россия в глобальном мире. 2021. №20(43). С. 120–127.
7. Fan Y. Branding the nation: Towards a better understanding. Brunel Business School Research Papers. Retrieved 2010. March 30. URL: <http://bura.brunel.ac.uk/handle/2438/3496> (Accessed on November 30, 2025).
8. Clemons L.: Branding Texas: Performing Culture in the Lone Star State. Austin: University of Texas Press, 2008.
9. Чумиков А.Н. Имидж – репутация – бренд: традиционные подходы и новые технологии. М.; Берлин, 2015. 106 с.
10. Aaker D.: Creating strong brands. Moscow Grebennikov Publishing House. 2010.
11. Newmeyer M.: Brand Disruption. How to build a bridge between business strategy and creativity. Moscow Williams. 2006.
12. Anholt S. Place Branding: has It All Been a Big Misunderstanding? Place Branding and Public Diplomacy. 2024. № 20 (1), pp. 4–6. Available from: [doi:10.1057/s41254-024-00369-y](https://doi.org/10.1057/s41254-024-00369-y).
13. Pogodina V., Yakovleva S., Matveevskaya A., Evseev V.: Geo-Branding as a Tool for Realizing Russia's Interests in the International Arena. In: Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. pp. 396–407. Springer Geography. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_35
14. Evseeva L., Pozdeeva E., Shipunova O., Matveevskaya A. National Brand in the System of International Relations. In: Bolgov, R., *et al.* Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023). TIPG 2022. Springer Geography. Springer, Cham. 2024. pp 421–432. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2_35
15. Малышко Ю.А. Обзор программы по продвижению российской продукции за рубежом под национальным брендом «Сделано в России» // Общество: политика, экономика, право. 2025. №10. С. 191–195. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.10.22>.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
ДЛЯ УЧАСТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТУРИСТСКИХ ПРОЕКТАХ**

**INSTITUTIONAL CONSTRAINTS ON THE PARTICIPATION OF RUSSIAN
REGIONS IN INTERNATIONAL ECO-TOURISM PROJECTS**

Е.А. Трачук,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

E. A. Trachuk,

Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: notesbones@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональных ограничений, препятствующих участию регионов Российской Федерации в международных экологических туристических проектах. Актуальность исследования обусловлена высоким природно-ресурсным потенциалом России и одновременно крайне низкой вовлеченностью регионов в международное экотуристское сотрудничество. Цель работы выявление и систематизация институциональных барьеров, сдерживающих интеграцию субъектов РФ в международные экотуристские инициативы. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой метод и анализ нормативных документов. В статье обосновывается, что ключевыми институциональными ограничениями выступают: отсутствие легальной дефиниции «экологический туризм» в профильном федеральном законодательстве, что порождает понятийную асимметрию с международными стандартами; противоречия между природоохранным и градостроительным законодательством, затрудняющие развитие туристской инфраструктуры на особо охраняемых природных территориях; политизация экологической повестки и связанные с ней ограничения международного сотрудничества.

Abstract. This article analyses the institutional constraints hindering the participation of regions of the Russian Federation in international ecotourism projects. The relevance of this study stems from Russia's high natural resource potential and, at the same time, the extremely low level of regional involvement in international ecotourism cooperation. The aim of the study is to identify and systematize the institutional barriers hindering the integration of the constituent entities of the Russian Federation into international ecotourism initiatives. The methodological basis of the study consists of the comparative legal method and the analysis of regulatory documents. The article argues that the key institutional constraints are: the absence of a legal definition of 'ecotourism' in relevant federal legislation, which creates a conceptual asymmetry with international standards; contradictions between environmental protection and urban planning legislation, which hinder the development of tourism infrastructure in specially protected natural areas; and the politicization of the environmental agenda and the associated restrictions on international cooperation.

Ключевые слова: институциональные барьеры, экологический туризм, регионы России, международное сотрудничество, особо охраняемые природные территории (ООПТ), правовая дефиниция

Key words: institutional barriers, ecotourism, regions of Russia, international cooperation, specially protected natural areas (SPNAs), legal definition

Рост влияния туризма, в том числе и экологического, на регионы Российской Федерации в настоящее время трудно переоценить. Увеличение въездного туристского потока способствует формированию позитивного образа России на международной арене и повышению ее инвестиционной привлекательности.

Данный фактор оказывает благоприятное воздействие на развитие международного сотрудничества и выступают факторами экономического роста. Кроме того, развитие туристской отрасли напрямую связано с модернизацией инфраструктуры сферы услуг, что влечет за собой повышение качества жизни местного населения и рост общего благосостояния в регионах [1]. Таким образом, туризм не только обеспечивает интеграцию российских регионов в систему международного разделения труда, но и служит проводником глобальных трендов, таких как принципы устойчивого развития и концепция «зеленой» экономики.

Не стоит забывать и о том, что в контексте концепции устойчивого развития туризм рассматривается как инструмент сохранения национального культурного и природного достояния. Концентрация туристских потоков на маршрутах, включающих значимые природные объекты и культурные памятники (как материальные, так и нематериальные), аккумулирует общественное внимание к данным ресурсам. Данный механизм формирует экономические и социальные стимулы для сохранения традиций, защиты культурной идентичности и поддержания природного разнообразия [2].

Однако несмотря на высокий природный потенциал России для внедрения практик экологического туризма, до сих пор констатируется крайне низкий уровень реализации проектов в данной сфере, граничащий с фактическим отсутствием системного участия российских регионов. Так, например, эмпирической базой для оценки масштабов развития экологического туризма в регионах России выступают материалы Всероссийского конкурса по развитию экологического туризма, в рамках которого было представлено около 200 проектных инициатив из 70 субъектов Федерации. Средний показатель составляет 2–3 проекта на один регион, однако за этой средней величиной скрывается значительная территориальная дифференциация. В группе регионов-лидеров (Архангельская область, Республика Карелия, Приморский край) реализуется от 5 до 10 проектов, тогда как в большинстве субъектов РФ их количество не превышает 1–2 [3]. Столь выраженная асимметрия свидетельствует о высокой неравномерности развития экологического туризма, в основе которой лежат не только природно-ресурсные и инфраструктурные предпосылки, но и, что принципиально важно для настоящего исследования, институциональные факторы, включая региональную нормативную базу, сложившиеся административные практики и возможности для международного сотрудничества.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость выявления факторов, сдерживающих интеграционные процессы. В связи с этим целью настоящей статьи является выявление и анализ институциональных ограничений, препятствующих полноценному вовлечению регионов Российской Федерации в международные экотуристские инициативы.

Для достижения поставленной цели в работе используется сравнительно-правовой метод и анализ нормативных документов.

Для целей настоящего исследования необходимо уточнить содержание ключевого понятия. Термин «экологический туризм» (экотуризм), введенный Г. Цебаллосом-Ласкурейном в 1980-х гг., первоначально определялся как путешествие по ненарушенным природным территориям с познавательными и рекреационными целями [4]. В современной международной практике сложилось расширительное толкование, включающее триединство задач: охрана природы

(IUCN [5]), экономическая выгода для сохранения среды (UNWTO [6]) и социально-экономическое развитие местных сообществ [7].

В российском правовом поле ситуация иная. Несмотря на использование термина в ряде федеральных законов, его легальная дефиниция отсутствует. Существует термин «Туризм на особо охраняемых природных территориях» (в трактовке ФЗ № 33-ФЗ) [8], но с термином «экологический туризм» (в классическом международном и проектном российском понимании) они не являются синонимами. Первое понятие представляет собой административно-правовую категорию, обозначающую вид разрешенной деятельности в границах территорий с особым режимом охраны. Второе понятие является более широким и содержательным, включающим принципы устойчивости, сохранения биоразнообразия и социально-экономического развития местных сообществ.

В рамках данного исследования категория «институт» трактуется как совокупность формальных норм (законодательные акты, регламенты), специализированных учреждений и организаций, а также устоявшихся общественных отношений, регулирующих социально-экономическую деятельность в определенной сфере. Применительно к сфере международного экологического туризма институциональные факторы представляют собой комплекс правил, законов, административных процедур, а также укоренившихся обычаев и культурных ценностей, которые определяют характер сотрудничества между участниками (региональные власти, федеральные структуры, международные партнеры, местные сообщества) [2]. Для целей настоящего исследования особый интерес представляет способность институциональной среды создавать благоприятные или, напротив, ограничительные условия для развития отраслей.

В целях систематизации изложения и обеспечения методологической стройности исследования представляется целесообразным классифицировать институциональные ограничения по следующим категориям: нормативно-правовые, административные, экономические, инфраструктурные и международно-политические. При этом обоснованным представляется акцентирование внимания на двух из них – нормативно-правовых и международно-политических. Данный выбор обусловлен тем, что административные, экономические и инфраструктурные барьеры, хотя и имеют определенную специфику применительно к экологическому туризму, в значительной степени характерны и для туристской отрасли в целом, не являясь исключительными прерогативами ее экологического сегмента.

В условиях современной геополитической напряженности экологическая проблематика, традиционно считавшаяся нейтральной сферой для международного сотрудничества, все чаще подвергается политизации. Для российских регионов, стремящихся к участию в международных экотуристских проектах, это создает ряд существенных препятствий.

Во-первых, санкционное давление и ответные меры привели к фактическому прекращению приграничного сотрудничества с европейскими странами, которые были ключевыми партнерами в сфере экотуризма для регионов Северо-Запада. Как отмечается в материалах Совета Федерации, ранее на основании международных соглашений о создании и функционировании особо охраняемых природных территорий, примыкающих к государственной границе, было создано 7 трансграничных территорий [9]. Во-вторых, политизация экологической повестки проявляется в усилении контроля за международными контактами регионов и

ужесточении требований к получению иностранного финансирования. Это существенно ограничивает возможности регионов по привлечению грантовых средств и участию в международных программах, что особенно критично для экотуризма, традиционно зависящего от донорской поддержки на начальных этапах развития инфраструктуры [10]. То есть, политизация экологической повестки выступает значимым внешним барьером, ограничивающим интеграцию российских регионов в систему международного экотуристского сотрудничества.

Кроме того, отсутствие законодательного определения экологического туризма в профильном федеральном законе является одним из ключевых институциональных барьеров, препятствующих как развитию отрасли в целом, так и участию регионов в международных проектах. Как отмечается в публикациях, «отсутствие чёткого законодательного определения экотуризма» ведет к тому, что «до сих пор не разработаны единые критерии отнесения туристических проектов к экологическим», что «затрудняет формирование эффективной системы регулирования, контроля и оценки воздействия туризма на природные территории» [11]. Без четких критериев невозможно корректное позиционирование российских регионов на международном туристском рынке.

Проблема признается на высшем уровне законотворческой власти. Председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике Елена Перминова, выступая на XI Невском международном экологическом конгрессе, подчеркнула: «Для дальнейшего развития экотуризма в России, помимо принимаемых важных проектных мер, необходимо заложить правовой фундамент» [12]. При этом сенаторами был подготовлен соответствующий законопроект, который уже поддержан Минприроды России, что свидетельствует о признании актуальности данной проблемы на уровне федеральных органов власти [13]. Для международного сотрудничества отсутствие четкой дефиниции создает дополнительные сложности: зарубежные партнеры, ожидают от российских регионов соответствия определенным критериям экологичности, которые в российском правовом поле либо отсутствуют, либо размыты. Это порождает неопределенность в переговорных процессах и снижает доверие к региональным инициативам.

Противоречия между природоохранным и градостроительным законодательством создают существенные препятствия для развития туристской инфраструктуры на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) и землях лесного фонда, которые являются основным ресурсом для экологического туризма. Так, например, процедуры получения разрешительной документации для строительства инфраструктуры на особо охраняемых природных территориях сложны и длительны [14]. Проекты требуют согласования в профильных ведомствах и строгого контроля со стороны природоохранных органов, что отпугивает потенциальных инвесторов, включая международных. Проблема придает то обстоятельство, что, как отмечает депутат Государственной Думы Ольга Алимова, в законодательстве прослеживается тенденция к ослаблению природоохранных ограничений в интересах коммерческого строительства. В частности, критике подвергаются поправки к закону о виноделии, позволяющие на сельхозземлях строить гостиницы, рестораны и развлекательные комплексы под видом «винодельческого туризма», что создает прецедент для аналогичных подходов на ООПТ [10].

Заместитель председателя Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Татьяна Сахарова отмечает, что для развития экологического туризма на ООПТ федерального значения уже приняты ключевые законы, создающие правовые механизмы инвестиционной деятельности при строгом соблюдении природоохранных норм [15]. Однако остается открытым вопрос о соотношении федеральных и региональных полномочий, а также о единых стандартах экологической безопасности для объектов туристской инфраструктуры. Для международных экологически туристских проектов указанные коллизии создают следующие проблемы:

- иностранные инвесторы не могут с уверенностью прогнозировать риски и сроки реализации проектов;
- международные стандарты устойчивого туризма требуют минимизации воздействия на природу, в то время как российское законодательство либо излишне жестко ограничивает любую деятельность, либо, напротив, допускает коммерческую застройку без достаточных экологических гарантий;
- управление ООПТ федерального значения относится к компетенции федерального центра, в то время как развитие прилегающей инфраструктуры к региональным властям, что усложняет координацию для международных проектов, предполагающих комплексный подход.

Представленные категории ограничений в совокупности формируют институциональную среду, существенно затрудняющую участие российских регионов в международных экологических туристических проектах. Как показывает анализ, данные барьеры имеют не только объективный, но во многом институционально-конструируемый характер, что открывает возможности для их преодоления путем целенаправленной правотворческой и административной работы как на федеральном, так и на региональном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зенкина Е. В. Экологический туризм: понятие, принципы, классификация / Е. В. Зенкина, Е. С. Белова // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12, № 4 (82). С. 112–124. DOI: 10.24411/1995-042X-2018–10410.
2. Гурьева Е. В. Региональный туризм в Российской Федерации: влияние институциональных факторов на его развитие // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 2. С. 75–85.
3. Более 80% регионов РФ участвуют во Всероссийском конкурсе по развитию экотуризма. // Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/boleee-80-regionov-rf-uchastvuuyut-vo-vserossiyskom-konkurse-po-razvitiyu-ekoturizma> (дата обращения: 21.03.2026).
4. Лукичев А. Б. Краткий очерк истории экотуризма // Российский журнал экотуризма. No5. 2013. С. 36–37.
5. Ecotourism and Sustainable Development in Bio-sphere Reserves: Experiences and prospects. Quebec, Canada MAB/UNESCO, 2002. 45 p.
6. UN General Assembly: Ecotourism key to eradicating poverty and protecting environment. 2012 // UNWTO. URL: <https://www.unwto.org/archive/global/press-release/2013-01-03/un-general-assembly-ecotourism-key-eradicating-poverty-and-protecting-envir> (дата обращения: 17.03.2026).
7. Модельный закон «Об экологическом туризме»: принят на XXXIII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 03.12.2009. // Исполком СНГ: официальный сайт. URL: <https://cis.minsk.by/> (дата обращения: 18.03.2026).
8. Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "Об особо охраняемых природных территориях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) (дата обращения: 15. 03. 2026).

9. Сенаторы выступили за уточнение понятия «экологический туризм» в российском законодательстве. // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://portal1.asdg.ru/sections/trud/novosti.php?ELEMENT_ID=389120&SECTION_ID= (дата обращения: 19.03.2026).
10. Алимова О. Н. О законодательных рисках при развитии туристической инфраструктуры на особо охраняемых природных территориях // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/> (дата обращения: 21.03.2026).
11. Тенденции и достижения в российском туризме: / Областной Опер. URL: <https://regionorel.ru/news/tendencii-i-dostizhenia-v-rossijskom-turizme/> (дата обращения: 21.03.2026).
12. Сенатор Перминова предложила прописать в законе понятие экотуризма. / ECOportal.su. URL: <https://ecoportal.su/news/view/129083.html> (дата обращения: 21.03.2026).
13. Проект федерального закона № 970499–7. // Система обеспечения законодательной деятельности / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7> (дата обращения: 14.03.2026).
14. Что вызывает дискуссии в Стратегии ООПТ до 2036 года – обсудили в Госудме: // Международный форум «Экология». URL: http://www.forumeco.ru/conf2026/press-center/news/LN/CHto_vyzyvaet_dis_kussii_v_Strategii_OOPT_do_20236_goda_obsudili_v_Gosudme/ (дата обращения: 21.03.2026).
15. Сахарова Т. А. Развитие экологического туризма на ООПТ: правовые механизмы и инвестиционная деятельность / Т. А. Сахарова // Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию: стенограмма заседания. // Совет Федерации: официальный сайт. URL: <https://vmeste-rf.tv/programs/205/tatyana-sakharova-nmek-2025-razvitie-ekologicheskogo-turizma/> (дата обращения: 21.03.2026).
16. Dzhandzhugazova E. A. et al. Ecotourism development in Russia: analysis of best regional practices. *Ekoloji*. 2019. T. 28. № 107. С. 411–415.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДО-КИТАЙСКОГО ПОГРАНИЧНОГО
КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БПЛА**

**TRANSFORMATION OF THE INDO-CHINESE BORDER CONFLICT
IN THE CONTEXT OF UAV DEVELOPMENT**

П.В. Филатова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)

P.V. Filatova,

State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: filatovap657@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию влияния развития беспилотных летательных систем (БПЛА) на динамику индокитайского пограничного конфликта. В статье рассматриваются истоки традиционного подхода к конфликту, анализируется роль дронов в мониторинге и разведке, а также потенциальном боевом применении, рассматриваются риски и новые точки напряженности, формирующиеся в условиях применения беспилотников. Уделено внимание существующим ограничениям и сформулированы перспективы дальнейшей эскалации технологического соперничества между Индией и Китаем.

Abstract. This article is devoted to the study of the impact of the development of unmanned aerial systems (UAVs) on the dynamics of the Indo-Chinese border conflict. The article examines the origins and traditional approach to conflict, analyzes the role of drones in monitoring and reconnaissance, as well as potential combat use, examines the risks and new points of tension that are emerging in the context of the use of drones. Attention is paid to the existing limitations and the prospects for further escalation of technological rivalry between India and China are formulated.

Ключевые слова: Индо-Китайский конфликт, Кашмирский конфликт, БПЛА, дроны

Key words: Indo-Chinese conflict, Kashmir conflict, UAVS, drones

Индокитайский пограничный конфликт, являющийся частью более обширного, Кашмирского конфликта, охватывает территорию высокогорных районов Аксайчин и Аруначал-Прадеш. Однако несмотря на то, что ключевые столкновения между державами произошли в 1962 г. и 1967 г., корни данного территориального конфликта залегают в периоде, когда границу между странами пытались определить разгу несколькими линиями [1].

Линия Джонсона-Ардага является проектом границы региона Кашмир и была предложена правительству Британской Индии в 1897 году. Данная линия была сформирована на основе опросов, проведенных на кашмирских территориях в 1865 году [2]. Линия Макартни-Макдональда предполагает границу спорного района Аксайчин и была предложена правительством Британской Индии Китаю в 1899 году через посла, но ответ от китайской стороны так получен и не был, и впоследствии Британская Индия вернулась к первоначально предлагаемой границе, проходящей по линии Джонсона-Ардага [3]. Также существует линия, проходящая вдоль диапозона горного хребта Каракорум. Все три варианта рассматривались британцами в качестве вариантов границ, но предпочтительность каждого из них варьировалась в зависимости от изменения стратегических интересов в Индии.

В конце концов именно линия Джонсона-Ардага оказалась некой «передовой шкалой», которая становилась границей с расширяющей территории Российской Империей, а отсутствие ответа Китая по поводу установления границы по более традиционной и консервативной линии Макартни-Макдонольда привело к тому, что была принята в качестве границы самая первая из предложенных линий в районе Аксайчин, которую впоследствии и унаследовала независимая Индия.

Ни граница 1897 г., ни предложение 1914 г. никогда не были признаны Китаем официально, однако, вновь образовавшаяся в 1947 г. Республика Индия и изменивший многовековой уклад Китай, на территории которого в 1949 г. образовалась молодая КНР, отложили решение пограничного вопроса на фоне тенденции укрепления взаимоотношений между молодыми республиками. Со временем замороженный конфликт вместо доверительных взаимоотношений молодых государств способствовал нарастанию противоречий, недоверия и непониманию мотивов и действий друг друга, что в итоге вылилось в открытое вооруженное столкновение в 1962 году.

Болезненность темы границы между Китаем и Индией с 1960-х гг. выразилась во взаимных подозрениях стран в намерении захватить всю спорную территорию, а не разделить ее по соглашению. Любая активность в приграничной зоне, будь то передислокация войск, учения, строительство инфраструктуры трактуются как подготовка к агрессии и вторжению и немедленно вызывают ответную реакцию. К тому же, как уже было отмечено выше, Китай ни разу официально не признал ни одну из предложенных границ, а сама граница и по сей день не делимитирована и не демаркирована. Поскольку нет общего мнения, то и представления Китая и Индии о том, где конкретно располагается и проходит граница, расходятся, что приводит к весьма реальным, а не потенциальным или прогнозируемым стычкам патрулей пограничников.

Все пограничные столкновения обходятся без жертв, исключая инцидент 1975 года, когда в перестрелке погибли четверо солдат Индии. Такой относительно миролюбивый формат противостояния удается поддерживать благодаря существованию между пограничниками «негласного кодекса», который предполагает взаимный отказ от использования огнестрельного оружия и применение вместо него физической силы и подручных средств.

К сожалению, несмотря на всевозможную политику умиротворения, исходящую от солдат, непосредственно находящихся на «передовой линии», неминуемы были новые жертвы, а их отсутствие было лишь вопросом времени. В 2020 году произошла эскалация конфликта. Поводом послужила гибель 20 индийских военнослужащих в результате столкновения между солдатами Китая и Индии в долине реки Галван, располагающейся в Ладакхе. Гибель 20 человек повлекла переброс в Ладакх индийской стороной тяжелой артиллерии и техники, а также увеличение численности войск в регионе – до 50 тысяч с каждой стороны [4]. Дипломатические переговоры позволили снизить градус напряженности, и в 2021 году начался отток военных сил из спорных районов [5].

Данные действия не возымели должного эффекта, и в 2022 году на границе вспыхнули новые столкновения, которые привели к акту демонстрации сил со стороны Индии, а именно – испытанию новой баллистической ракеты. Китай в ответ направил в акваторию Бенгальского залива корабль-разведчик [6].

Август 2023 года ознаменовался новыми переговорами, по итогам которых обе державы пообещали сохранять перемирие на Линии фактического контроля между странами. Юридически именно Линия фактического контроля, то есть, границы стран де-факто, признана в соглашениях между Китаем и Индией. В ходе обсуждений также была подсвечена необходимость скорейшего решения территориальных вопросов и поддержание диалогов через военные и дипломатические каналы [7]. По состоянию на 2026 год Пекин и Нью-Дели придерживаются оговоренного формата дипломатических сношений и поддержания связи, однако, конфликт по вопросам территорий по-прежнему актуален [8], а развитие современных видов вооружений выявило новый аспект противостояния – нарушение воздушного суверенитета.

Технологическое развитие совершенствует виды вооружения. Если 100 лет назад речь в воздушном пространстве шла исключительно об авиации, то в 1942 году мир узнал о таком оружии как баллистическая ракета, вслед получили развитие межконтинентальные ракеты, высокоточные ракетные комплексы... Сейчас же главным технологическим прорывом в ведении военных действий выступают беспилотные авиационные системы (БАС) и летательные аппараты (БПЛА), и пограничный конфликт Индии и Китая не стал исключением.

С 2017 года активными участниками конфронтации стали БПЛА [9], разработка и применение которых формируют новые механизмы обеспечения безопасности и в то же время создают новые точки конфликтов в уже существующих областях напряжения. БПЛА по природе своей многофункциональны: они являются инструментом разведки, контроля границ и выступают высокоточным и эффективным оружием в случае осуществления боевых действий. С появлением новых методов и способов сторонам пришлось менять тактику и стратегию в разрешении вопросов территорий, а Аксайчин и Аруначал-Прадеш не стали исключением.

Обе державы инвестируют в развитие данного технологического сектора. У Индии имеются свои разработки, но, в отличие от Китая, у них высока зависимость от импортных компонентов для устройств и целиковых БПЛА. Так, в 2022 году Индия закупала IAI Searcher и IAI Heron израильского производства конкретно под цели слежения на границе с Китаем [10], а в 2023 году для патрулирования границы были обозначены намерения использовать часть купленных у США разведывательно-ударных аппаратов MQ-9B [11].

Китай в свою очередь обходится собственными мощностями, за счет чего меньше информации об использовании их техники и подробностей об ее характеристиках. Так, за период с 2017 по 2026 год не было ни одного случая неудачного выполнения боевой задачи, в результате которого китайский дрон попал бы к индийским военнослужащим или потерпел крушение на территории Индии. Единственный источник информации о китайских БПЛА, помимо того, чем делятся официальные источники КНР: разведывательные данные и данные со спутниковых систем. Именно на спутниковых снимках было зафиксировано развертывание нескольких боевых стелс-беспилотников GJ-11 Sharp Sword на активной военно-гражданской авиабазе в Тибете [12].

Помимо очевидных «нейтральных» плюсов, которые получает каждая из сторон от использования БПЛА в виде снижения усилий в вопросах контроля передислокации войск в области Линии фактического контроля, фиксации

нарушений и непрерывного наблюдения в труднодоступных горных районах, резко возрастает риск обострения отношений в регионе, связанный сразу с несколькими факторами.

Во-первых, БПЛА создают инциденты нарушения воздушного пространства государств. Один из наиболее ранних, если не первый из зафиксированных случаев в рассматриваемом регионе произошел 7 декабря 2017 года, когда индийский беспилотник пересек воздушную границу Китая и «потерпел крушение». Пекин провел проверку в формате «свой-чужой» и, определив происхождение данного БПЛА, выдвинул в сторону Индии обвинения в нарушении территориального суверенитета [13].

Во-вторых, высокий потенциал применения БПЛА в бою подстегивает Китай активно развивать беспилотные технологии, включая ударные дроны, подобно китайской модели Wing Loong II, представленной в 2015 году и испытанной в 2017 [14], которая представляет прямую угрозу для индийских танков Т-72 и Т-90, которые как раз сосредоточены вдоль границ с Китаем [15]. Подобное развитие одной из сторон непременно ведет к ответным действиям, что лишь усугубляет технологическое противостояние между державами и увеличивает инвестиции в совершенствование БПЛА и средства противодействия им.

И, в-третьих, самое неблагоприятное в аспекте развития БПЛА в приграничных территориях, это очевидное снижение уровня границы начала конфликта. Потенциальное отсутствие человеческих жертв в случае уничтожения беспилотника отодвигает «порог» военных действий: уничтожение летательного аппарата имеет менее серьезные политические последствия, чем потеря пилотируемого самолета с неминуемыми человеческими жертвами.

В вопросах применения БПЛА в военно-разведывательных целях играют роль и рельеф местности, и имеющиеся у государств средства противовоздушной обороны (ПВО) и радиоэлектронной борьбы (РЭБ), и технологические ограничения в виде ограниченности радиуса действия и зависимости от качества связи и управления, но эти сложности не отменяют привлекательности применения беспилотников в качестве инструмента обеспечения безопасности и не снижают количество бортов на службе у каждого из государств. Подобная тенденция ведет к возникновению новых точек конфликтов по вопросам о праве использования воздушных пространств над спорными территориями и вытекающих инцидентах на границе со взаимными обвинениями. Сложные системы управления, необходимые для корректного использования БПЛА создают потенциальную уязвимость в киберпространстве, что создает дополнительный вектор существующего конфликта. К тому же, использование беспилотников в приграничных территориях затрагивает вопросы соблюдения международного права и правил ведения боевых действий, а самое главное, активное развитие БПЛА обеими сторонами может привести к повышению темпов гонки вооружений, что лишь увеличит напряженность в регионе и его милитаризацию.

Технологический прогресс породил БПЛА, которые стали новой эрой оружия, используемого в конфликтах, и применение беспилотников является важным элементом индокитайского пограничного конфликта. Неоспорим тот факт, что использование технологичных дронов в целях мониторинга снижает количество человеческих жертв в моменте, меняет способы разведки, контроля и потенциального применения силы, однако, они также имеют ряд ограничений,

связанных с географическими и технологическими факторами, но самое главное, что с их введением в активное пользование резко меняются правила игры для всех участников. Они заставляют пересматривать «правила игры», добавляют сложности в и так напряженную ситуацию, а также создают новые угрозы, которые накладываются на уже существующие конфликтные точки, что не способствует разрешению спора, а лишь усугубляет ситуацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Китайско-индийские пограничные конфликты 30.10.2024 // Коммерсантъ: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7267250> (дата обращения: 17.03.2026).
2. Ильинский А.А. Индийско-китайский территориальный спор: история, современность и перспективы // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 105—117. DOI: 10.48647/ИССА.2024.91.25.011.
3. Красулина К.А. Роль исторических факторов в территориальных спорах между Индией и Китаем // Уральский федеральный университет: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85395/1/978-5-7996-2422-4_087.pdf (дата обращения: 17.03.2026).
4. Стороны разошлись от места столкновения. Что известно о конфликте на границе КНР и Индии 12.12.2022 // Газета.RU: URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/12/12/15931393.shtml?updated> (дата обращения: 17.03.2026).
5. Куприянов А.В. Столкновения на индийско-китайской границе 18.06.2020 // ИМЭМО РАН: URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/stolknoveniya-na-indiysko-kitayskoy-granitse> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Китай и Индия делят горы, море и киберпространство 14.12.2022 // Коммерсантъ: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5721466> (дата обращения: 17.03.2026).
7. Китай и Индия обязались поддерживать мир на спорных приграничных территориях 16.08.2023 // Интерфакс: URL: <https://www.interfax.ru/world/916451> (дата обращения: 17.03.2026).
8. Китай предостерег Индию от провокационных действий на границе 15.03.2024 // ТАСС: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20243921> (дата обращения: 17.03.2026).
9. Индия, Китай: конфликт вокруг спорных приграничных территорий // Новый дипломатический словарь: URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 17.03.2026).
10. В Индии собрались размещать дроны и системы слежения на границе с Китаем 16.10.2022 // Интерфакс: URL: <https://www.interfax.ru/world/868058> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Индия намерена использовать купленные у Вашингтона БПЛА на границе с Китаем 23.06.2023 // Зеркало: URL: <https://zerkalo.az/indiya-namerena-ispolzovat-kuplennye-u-vashingtona-bpla-na-granitse-s-kitaem/> (дата обращения: 20.03.2026).
12. Китайский "Острый меч": сверхсекретные дроны-невидимки заметили у границы с Индией 11.10.2025 // ТСН: URL: <https://tsn.ua/ru/svit/kitayskiy-ostriy-mech-sverhsekretnye-drony-nevidimki-zametili-u-granitsy-s-indiey-2932238.html> (дата обращения: 17.03.2026).
13. Индийский беспилотник пересек воздушную границу Китая 07.12.2017 // Военное обозрение: URL: <https://topwar.ru/131388-indiyskiy-bespilotnik-peresek-vozdushnuyu-granicu-kitaya.html> (дата обращения: 17.03.2026).
14. БПЛА Wing Loong 2 30.01.2019 // Социальный Медиа: URL: <https://zeir.ru/bpla-wing-loong-2> (дата обращения: 17.03.2026).
15. Основной угрозой для танков Т-72 и Т-90 ВС Индии в Ладакхе названы китайские дроны 03.11.2020 // Военное обозрение: URL: <https://topwar.ru/176727-kak-kitajskie-drony-ugrozhajut-indijskim-tankam-v-gorah-ladakha.html> (дата обращения: 17.03.2026).

**ОБРАЗ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА В РОССИИ
В XV – НАЧАЛЕ XX ВЕКАХ**

**IMAGE OF THE TURKISH SULTAN IN RUSSIA
IN THE 15th – EARLY 20th CENTURIES**

О.С. Шишигина,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

O.S. Shishigina,

St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: st119933@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции образа турецкого султана в российском общественном сознании, дипломатической практике и культуре от установления первых контактов между Московским государством и Османской империей в XV веке до начала XX века. На основе анализа летописных повестей, публицистики, дипломатической переписки, записок путешественников и сатирических изданий выявлена трансформация восприятия османского правителя. На протяжении долгого времени турецкий султан имел образ могущественного завоевателя, правителя, который являлся угрозой для всего православного мира, и существовал как «сакральный соперник» для России. Особое внимание уделяется изменению образа в XVIII–XIX веках, когда на фоне военных побед России и кризиса Османской империи султан начинает восприниматься как слабый правитель и «больной человек Европы», чей образ нередко использовался в русской сатире. В статье показано, как внешнеполитические и культурные факторы влияли на формирование стереотипов и представлений о власти в соседней империи.

Abstract The article examines the evolution of the image of the Turkish Sultan in Russian public consciousness, diplomatic practice, and culture from the establishment of the first contacts between the Muscovite state and the Ottoman Empire in the 15th century to the early 20th century. Based on the analysis of chronicle tales, political journalism, diplomatic correspondence, travelers' notes, and satirical publications, the transformation in the perception of the Ottoman ruler is revealed. For a long time, the Sultan had the image of a powerful conqueror who posed a threat to the entire Orthodox world and existed as a "sacral rival." Special attention is paid to the change of this image in the 18th–19th centuries, when, against the backdrop of Russia's military victories and the crisis of the Ottoman Empire, the Sultan began to be perceived as a weak ruler and the "Sick Man of Europe," whose image was often used in Russian satire. The article shows how foreign policy and cultural factors influenced the formation of stereotypes and ideas about power in the neighboring empire.

Ключевые слова: Османская империя, Россия, Русско-Турецкие отношения, Турецкий султан, дипломатия, внешняя политика, образ правителя

Key words: Ottoman empire, Russia, Russian-Turkish relations, Turkish sultan, diplomacy, foreign policy, image of the ruler

Вторая половина XV века стала периодом расширения дипломатических контактов европейских стран с Османской империей, в том числе активизировалась деятельность официальных османских представителей в страны Западной и Восточной Европы. Были установлены и прямые межгосударственные контакты между Стамбулом и Москвой. [1] Первые официальные контакты между государствами способствовали взаимному узнаванию и началу формирования более четкого представления о соседях, в том числе об их правителях. Два государства были разделены обширными территориями, другими государственными образованиями и разной религией.

До и на протяжении XV века Российское государство не было достаточно влиятельным, однако следило за деятельностью султанов и самой Османской империи, вокруг которой уже сложился образ могущественной империи. Русские цари ставили перед собой цель заполучить территорию этой сильной империи, включая Стамбул. Завоевав в 1453 г. Константинополь, Мехмед II Фатих начал захватывать северное побережье Черного моря. Захват турками Константинополя, который сохранял образ центра христианского мира, являлся крупнейшим торговым и культурным центром, способствовало формированию в христианском мире вокруг турецкого султана образа жестокого, кровожадного правителя, который представляет угрозу для христианского мира. Историческим памятником является «Повесть о взятии Царьграда», которая рассказывает о осаде Константинополя. Русский автор Нестор Искандер был взят в плен и долгие годы прослужил турецком войске. Султан Мехмед II представлен в этом произведении как «безбожный, проклятый, неверный и коварный султан» [2]. Однако, в основном, взятие Константинополя в повести представлено в рамках религиозных символов и борьбы между христианством и исламом.

Османские султаны все внимание сосредоточили на Европе и не придавали России никакого значения: судьбу России, о которой они говорили пренебрежительно, они оставили на усмотрение крымских ханов. Тем временем Россия тоже становилась все более мощным государством и в 1552 г. завоевала Казанское ханство, а затем в 1556 г. — Астраханское ханство. Россия внимательно следила за процессами и борьбой, происходившими в Османской империи. В Москве была создана структура, занимающаяся внешними связями, и самый важный отдел в ней занимался Османской империей. В этот период Россия старалась выстраивать дружественные отношения с султанами и не привлекать к себе слишком большого внимания. Особенно удачно проводил эту политику Иван Грозный. Впервые Османская империя заметила в России будущего врага при завоевании в 1556 г. Астраханского ханства. [3]

Удачные военные кампании турецких султанов в XV и XVII веках превращали их в том числе в пример для подражания для правителей Московского государства. Взяв за основу «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера, Иван Пересветов в середине XVI написал «Большую челобитню», которая представляет собой другой образ турецкого правителя нежели повесть Нестора Искандера. Истинные причины падения Константинополя и рост мощи Османской империи Иван Пересветов видит в том, что в Византии не была подавлена боярская оппозиция, а войско было не укреплено. В этом произведении Пересветов, обращаясь к молодому Ивану IV, восхвалял султана Мехмеда Завоевателя, про которого он писал: «Неверный царь, да Богу угодно учинил». По мнению автора, политика султана значительно отличалась от политики византийского императора и самого Ивана IV, которые позволяли боярам богатеть и обладать значительным влиянием в управлении государством.[4] Согласно Пересветову, чтобы избежать судьбы Византийской империи, Ивану IV необходимо было следовать примеру Мехмеда Завоевателя. Таким образом, «Большая челобитня» является уникальной в своем использовании турецкого султана в качестве примера для подражания для русского царя.

С конца XV века антитурецкая тема активно начинает появляться в произведениях общественно-политической мысли. Литературный памятник

легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном представляет образ турецкого султана в Русском государстве в XVI-XVII веках. Переписка не принадлежит к числу дипломатических посланий Ивана Грозного и представляет собой вымышленное произведение, которое относится к XVII веку. В ней содержится целый ряд легендарных элементов и сходство с мотивами устного народного творчества, однако сюжет и манера изложения этого произведения во многом строится на документах Посольского приказа XVI века. Существует мнение, что именно служащий посольского приказа является автором переписки [5]. В частности, автор переписки заимствует из документов приказа использование образных титулов, которые использовали турецкие султаны. Однако, в переписке султан называет царя своим «ясельничим», иногда даже своим слугою [5]. Эта черта турецких султанов действительно находила отражение в истории. Так, например, в 1600 году причиной дипломатических осложнений между Османской и Австрийской империями стало то, что турецкий султан в письме не должным образом обратился к императору Австрии. Вместо «вы» он написал «ты» и вместо «император» — «король». Эти вопросы периодически находил отражение в текстах договоров. Позднее, в договор с Россией, подписанном в 1681 году, была включена статья, согласно которой при обращении к русскому царю надо перечислять все его титулы [2].

Далее, в переписке султан представлен грозным правителем, который показывает свою силу, отмечая, что ему повинуются все государства, и только русский царь противится. Примечательно, что автор литературного произведения не называет конкретного султана, а представляет общий образ турецкого правителя. Предполагается, что грамота, которая была положена в основу произведения, была написана Сагиб-Гиреем, крымским ханом. В самом произведении соединены черты турецкого султана и крымского хана. Крымские ханы, которые являлись вассалами султанов и довольно часто вели переписку с русскими государями и воспринимались как единая угроза вместе с Османской империей. Произведение имеет патриотическую направленность, а царь Иван Грозный представлен как мудрый и сильный правитель. Турецкий султан представляется врагом, который грозит войной и разорением казны.

Дипломатическая переписка XVII века Москвы и Стамбула имела протокольную специфику, которая заключалась в том с османской стороны в переписке с царем участвовал не только глава государства, но и везирь. В 1640–1656 гг. с русским царем переписывался также переводчик Диван-и Хумаюн. Это явление дипломатии, демонстрирует важное свойство русско-турецких отношений XVII в. И более раннего времени — их протокольную и процедурную асимметрию. Приблизительно такое же неравенство наблюдается во взаимоотношениях Российского государства с Крымом (ведение переписки на татарском языке, неравноценные формы обращения и приветствия и т. д.). В течение XVII в. Из Турции в Россию прибыло 11 посольств во главе с послами и посланниками и 3 гонца от первых лиц империи (всего 14 миссий), из России в Турцию — 16 посольств во главе с послами и посланниками и 15 миссий гонцов от царя (всего 31 миссия) [6]. Кроме того, в Османской Империи правом отправления гонцов к царю, помимо первых лиц государства, обладали паши пограничных с Россией провинций и крепостей империи. В России же право отправления дипломатических представителей любого ранга принадлежало только царю (исключение из этого правила было сделано для Б. Хмельницкого в 1654 г.), и все они отправлялись из Москвы.

Для России XVII века турецкий султан был не просто завоевателем, а сакральным соперником. В XVII веке османский султан воспринимался Россией как воплощение могущественной, но чуждой имперской власти, чей авторитет подкреплялся не только военно-политическим доминированием, но и глубокой символической легитимностью. Такой образ султана и Османской империи стал одним из ключевых факторов, формировавших антиосманский нарратив в русской политике и идеологии.

Первые известия о военном и политическом ослаблении Османов приходили в Московское государство еще в конце XVI века. Посланник Федора Иоанновича Г. А. Нащекин писал, что «в Турции ныне все изменилось: султан и паши мыслят единственно о корысти; нет ни устройства, ни правды в государстве. Султан обирает чиновников, чиновники обирают народ; везде грабеж и смертоубийства». Однако традиционное московское представление о силе султана Османской империи сохранялось. Так, например, в 1641 году Земский собор, специально созванный Михаилом Федоровичем, посоветовал царю вернуть Османам Азов, захваченный за несколько лет до того донскими казаками. Российские авторы данного периода были далеки от мысли о том, что Османская империя вступила в полосу необратимого упадка, и отмечали лишь нехарактерную для европейских государств внутреннюю политику султанов.

Только после поражений, понесенных от Российской империи в конце XVIII века, кризис Османской империи начал восприниматься в российском обществе как долговременное и необратимое явление. П. А. Левашев занимал пост поверенного в делах в Константинополе, в последствие был арестован турками. В написанной им книге «Плен и страдания россиян у турок» П. А. Левашев подчеркивает, что «османское государство уже совсем не то, каково оно было во времена славных султанов Солимана, Баязета и Махомета второго». Подобно Ивану Пересветову, автор ставит в пример султанов XV–XVI веков в сравнении с султанской властью XVIII века. Кроме того, на протяжении XVIII века в Российской империи можно проследить постепенную европеизацию представителей элиты. Значительный интерес и перевод западноевропейской литературы способствовало распространению европейского взгляда на Османскую империю, в духе ориентализма. Османская империя представлялась как чуждая страна на европейском континенте.

Поражения, понесённые от Российской империи в конце XVIII века, и кризис в Османской империи в 1800-х годах способствовали доминированию мнения о том, что «Оттоманская империя явно отжила век свой» («Вестник Европы»). В отрывке под заглавием «О Нынешнем состоянии Турецкого государства», опубликованном в «Вестнике Европы» в 1816 году, султаны уподоблялись «бездушной фигуре, движимой скрытными пружинами», все слова и движения которых были заранее предписаны и «каждой поступок которых в самых даже маловажных обстоятельствах должен быть сообразен с предначертанными правилами». Управляясь «уставами, советом, духовенством и янычарами», султан был «невольником, какому нет на свете подобного» [4]. Султан представлялся перед читателями слабой фигурой, чья власть достаточно нестабильна, что идёт в разрез с представлениями о турецком правителе более раннего периода, когда образ султана воспринимался как образ сильного заклятого врага Российского государства.

Эпоха Танзимата в Османской империи также вызывала особый интерес среди российских авторов. Российская критика вестернизации Османской империи все

более усиливалась. Российские дипломаты и путешественники середины 19 века замечали изменения, которые касались внешнего вида османов, в том числе султанского дворца. Поразительные изменения в одежде и поведении, начатые при Махмуде II и продолженные его сыном, символизировали исчезновение чисто восточного стиля. По словам Матвея Гамазова, российского представителя в международной комиссии по делимитации османо-персидской границы в 1849–1852 гг., «пёстрые восточные одежды уступили место европейским тёмным кафтанам и узким панталонам, чалма заменилась фескою, размеры бород уменьшились, чепраки и сёдла утратили много своей роскоши». За исключением лёгких и изящных каиков на Босфоре, отделанных бархатом и приводимых, «всё остальное измельчало, выдохлось, полиняло» [7]. В.В. Григорьев писал о церемонии вступления на престол Абдул-Меджида I как о «поезде султана, который слишком мало имел торжественности». Таким образом, многие российские авторы воспринимали вестернизацию в Османской империи как показатель утраты былого величия султанской власти.

С начала XX века начинает доминировать представление об Османской империи как о «безнадежно больном человеке Европы», приобретая при этом выраженные черты иронического восприятия. Данный вывод можно сделать на основе отечественных сатирических изданий периода 1908-1918 гг. В начале XX века русские сатирические журналы, такие как «Шут» и особенно «Сатирикон», часто обращались к образу турецкого султана. В условиях цензуры сатирики часто маскировали критику российских властей под насмешки над турецким султаном. Журналы отражали взгляды городской либеральной интеллигенции и образованных слоёв буржуазии.

В одной из серий карикатур раскрывается тема изменения быта султана, который менялся под прозападническим младотурецким контролем. На одной из карикатур правитель представлен в окружении европейских учительниц, которые олицетворяют активное присутствие западных держав в стране [8]. В фельетоне «Товарищ по перу» правитель представлен жалким бедняком. «Турецкий султан обеднел до такой степени, что стал работать в мелкой турецкой прессе» [9]. Абдул-Хамид II часто изображается худощавым, испуганным, маленьким, жалостным и изнеможенным. Таким правитель предстает перед неизбежными переменами, младотурками и западными странами. [10] К тому моменту султан был отстранен от реального управления, а его фигура стала лишь атрибутом церемониала, что отражается в его образе, представленном в журналах. Символы старости и несостоятельности режима в образе султана, кроме того, можно отнести к былому противостоянию двух империй, которое вместе со старым режимом изживает себя.

В заключение, в русском сознании султан прочно ассоциировался с угрозой православному миру, особенно после падения Константинополя в 1453 году. Такие произведения, как «Повесть о взятии Царьграда», создавали образ «безбожного и коварного» правителя, ставшего символом исламской экспансии. Вместе с тем, султан предстал и в качестве примера для русских царей как сильный и мудрый монарх, например, в произведении Ивана Пересветова. XVII век стал периодом трансформации этих образов, однако представления о султанине закрепляются достаточно прочно и даже в XVIII веке, когда Османская империя уже в значительной степени потеряла своё былое могущество, в русском сознании образ султана все так

же сохраняет черты превосходства и «сакрального противника», чья власть подкреплялась символической легитимностью. После поражений Турции в войнах XVIII–XIX вв. султан стал ассоциироваться с «больным человеком Европы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Еремеев, Д. Е. История Турции в средние века и новое время: учеб. пособие / Д. Е. Еремеев, М. С. Мейер. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 247 с.
2. Кемалоглу, И. Турки глазами русских = Rusların gözüyle türkler / И. Кемалоглу. – Стамбул, 2015. – 220 с. – Текст на тур. яз.
3. История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры; пер. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. – М.: Вост. лит., 2006.
4. Таки, В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: монография / В. Таки. – М., 2017. – 320 с.
5. Каган, М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. / М. Д. Каган; Академия наук СССР. – М., [б. г.]. – 26 с.
6. Мейер, М. С. Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640-1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений / М. С. Мейер, С. Ф. Фаизов. – М.: Гуманитарий, 2008. – 167 с.
7. Таки, В. Зеркало друг для друга / В. Таки // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 2. – С. 104–118.
8. Сатирик. – 1908. – № 20. – С. 16
9. Филиппова, Т. А. «Больной человек» в эпоху войн и революций: образ Турции в русской журнальной сатире, 1908-1918 / Т. А. Филиппова. – М.: Институт российской истории РАН: Институт востоковедения РАН, 2016. – 304 с.
10. Шут. – 1908. – № 31. – С. 15

**ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ**

**WOMEN LEADERS IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS:
INSTITUTIONAL BARRIERS**

А. Д. Черепанова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)

A. D. Cherepanova,

St. Petersburg State University,
(Saint- Petersburg, Russia)

E-mail: st105882@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу недопредставленности женщин на руководящих позициях в международных организациях как системного институционального феномена. На основе интеграции системного подхода и феминистского институционализма предлагается многоуровневая модель, позволяющая связать макроструктурные параметры международной системы с практиками воспроизводства гендерного дисбаланса. Демонстрируется, что барьеры доступа к лидерству формируются на этапах выдвижения, институционального распределения ролей и повседневных практик оценки. Делается вывод о необходимости комплексной трансформации институциональных механизмов для достижения обеспечения эффективного управления.

Abstract. The article analyzes the underrepresentation of women in leadership positions in international organizations as a systemic institutional phenomenon. Based on the integration of a systemic approach and feminist institutionalism, a multilevel model is proposed that allows linking the macrostructural parameters of the international system with the practices of reproducing gender imbalance. It is demonstrated that barriers to access to leadership are formed at the stages of nomination, institutional role allocation, and everyday assessment practices. The conclusion is drawn about the need for a comprehensive transformation of institutional mechanisms to achieve effective governance.

Ключевые слова: международные организации, гендерное неравенство, феминистский институционализм, институциональные барьеры

Key words: international organizations, gender inequality, feminist institutionalism, institutional barriers

Несмотря на десятилетия институциональных реформ и формальную приверженность принципам гендерного равенства, международные организации продолжают демонстрировать устойчивую неопределенность женщин на высших уровнях принятия решений. Данная ситуация может интерпретироваться через призму «дефицита кандидатов» или недостаточного карьерного продвижения женщин, однако подобные объяснения не позволяют в полной мере раскрыть системный характер наблюдаемых диспропорций. Настоящая статья исходит из предположения, что гендерное неравенство в международных организациях является не эпизодическим отклонением, а устойчивым институциональным свойством, воспроизводимым на разных уровнях международной системы. Цель работы состоит в выявлении и концептуализации механизмов этого воспроизводства.

Данные о представленности женщин в международных организациях демонстрируют устойчивость разрыва в политическом и институциональном лидерстве. По состоянию на 2024 г., только 27 стран возглавляют женщины, а в 107 странах никогда не было женщины-главы государства. На глобальном

парламентском уровне женщины занимают 27% мест в национальных парламентах, и ожидается, что гендерный паритет на уровне кабинета министров не будет достигнут до 2077 г. [1]. В частности, в системе ООН с 1945 г. только 8 женщин и 48 мужчин когда-либо были официальными кандидатами на пост Генерального секретаря – пост, который не занимала ни одна женщина за восемь десятилетий существования организации. В настоящее время женщины возглавляют 46% многосторонних организаций, однако их присутствие резко сокращается в местах, где сосредоточены реальные полномочия по принятию решений: женщины занимают в среднем 29% мест в руководящих органах и 23% постоянных представителей при ООН. Отметим также, что 72 страны никогда не назначали женщину постоянным представителем при ООН, а с 1947 г. двадцать Генеральных ассамблей прошли без участия хотя бы одной женщины в этой роли [2]. С точки зрения выбранной теоретической рамки, данная асимметрия интерпретируется не как результат индивидуальных карьерных траекторий, а как проявление устойчивых институциональных закономерностей, требующих анализа на нескольких уровнях.

Для достижения поставленной цели были выбраны два теоретических подхода, сочетание которых позволяет рассматривать описанный дисбаланс как результат взаимодействия структурных и институциональных факторов. Речь идет о системном подходе М. Каплана и феминистского институционализма. В логике первой концепции международные организации выступают элементами более широкой международной системы, функционирующей на основе распределения власти, правил взаимодействия и механизмов согласования интересов [3]. В этом контексте доступ к руководящим позициям определяется не только профессиональными характеристиками кандидатов, но и геополитическими соображениями, в связи с чем недоиспользование женского потенциала может быть интерпретировано как эффект структурных параметров системы. Феминистский институционализм, с другой стороны, дополняет предыдущий подход, смещая фокус на уровень конкретных институтов, позволяя выявить, каким образом формальные процедуры и неформальные нормы закрепляют гендерные иерархии. В отличие от предположения о нейтральности институтов, эта концепция рассматривает их как активных производителей норм и гендерной структуры [4]. Интеграция двух подходов формирует многоуровневую модель, в которой макроструктурные ограничения трансформируются в конкретные институциональные практики, воспроизводящие неравенство на повседневном уровне.

На макроуровне гендерный дисбаланс проявляется, прежде всего, через механизмы межгосударственного взаимодействия, определяющие доступ к руководящим позициям. Один из наиболее значительных структурных барьеров заключается в процедурах выдвижения кандидатур и назначения, используемых для руководящих должностей в международных организациях. Исследование руководителей 129 международных организаций показало, что женщины часто отсутствуют в списках кандидатов, что подчеркивает необходимость сосредоточения усилий по реформированию процессов предшествующих выдвижению кандидатур, а не только механизмов самих решений о назначении [5]. Как отметила Мария Ноэль Леони, соучредитель GQUAL (организации по продвижению женского лидерства во внешней политике), выбор кандидата часто функционирует скорее как система обмена мнениями, чем процесс отбора на основе заслуг, что делает непрозрачные процедуры ключевым механизмом воспроизведения неравенства. Так, с позиции

системного подхода процедуры выдвижения кандидатур отражают логику межгосударственного взаимодействия, в рамках которой назначения часто становятся результатом политических договоренностей [6]. В этой системе женщины нередко оказываются исключенными уже на ранних этапах отбора. Феминистский институционализм позволяет уточнить работу данного механизма, показывая, что непрозрачность процедур сочетается с действием неформальных сетей и практик покровительства, ограничивающих доступ женщин к номинации.

К числу ключевых макроструктурных факторов относится также ограниченность политической воли государств. Прогресс в достижении гендерного паритета в руководстве международных организаций не был ни линейным, ни равномерно распределенным. Хотя разрыв сократился, и за десятилетие с 2015 по 2024 г. представительство женщин увеличилось с 32,5% до 44%, улучшение произошло лишь в подгруппе учреждений, и темпы изменений остаются медленными [6]. Там, где происходил подлинный прогресс, он был результатом стратегически обдуманных политических решений, а не органичной эволюции: четкие цели, систематические измерения и механизмы подотчетности были постоянными движущими силами изменений. Отсутствие политической воли у государств-членов остается одним из самых серьезных препятствий на пути системных изменений [1]. Более того, растущая поляризация и негативная реакция на нормы гендерного равенства – на национальном и международном уровнях, – угрожает если не аннулировать, то нивелировать достигнутые результаты, особенно по мере того, как международные институты подвергаются все большему давлению в отношении их легитимности и финансирования. Международные организации, которые усваивают язык гендерного равенства, не трансформируя при этом лежащие в его основе структуры, воспроизводят то, что описывается как форма символического включения, т. е. видимость без власти.

На мезоуровне институциональных структур дисбаланс проявляется в ограничении карьерного продвижения женщин на более высокие уровни организационной иерархии, для чего нередко используется метафора «стеклянного потолка», отражающего невидимые, но мощные барьеры. В контексте международных организаций этот потолок исторически усиливался за счет сосредоточения женщин на должностях с более низким статусом, в так называемых «женских профилях», таких как образование, социальное обеспечение, здравоохранение [7]. Со «стеклянным потолком» связана концепция «стеклянного обрыва» – феномена, при котором женщины получают доступ к руководящим должностям в периоды столкновения организации с кризисами, что делает такие роли более рискованными и менее желанными для кандидатов-мужчин из-за сопряжения с низкой вероятностью успеха [8].

Показательным в этом отношении является пример Всемирной торговой организации, где долгое время руководство оставалось исключительно мужским, а назначение в 2021 г. Нгози Оконджо-Ивеалы на пост стало первым прецедентом женского лидерства в истории организации. Однако данный прорыв произошел в условиях институционального кризиса: на фоне блокирования Апелляционного органа, пандемии, усиления торговых конфликтов и кризиса многосторонней торговой системы. Кроме того, исследования, посвященные выборам, проведенным в ВОЗ, МВФ и Юнеско, показали, что женщины, которые успешно преодолевали «стеклянный потолок» в международных организациях, исторически делали это

в периоды рецессий и кризисов, которые служили легитимации женщин в качестве подходящих кандидатов или делали должности менее привлекательными для мужчин [8]. Хотя такой способ и представляет собой один из путей к получению лидерской позиции, он также показывает, что доступ женщин в институты остается скорее условным, чем структурно гарантированным. Отметим, что в рамках предложенной теоретической модели «стеклянный обрыв» интерпретируется как условная инклюзия, не затрагивающая базовые правила системы, и, следовательно, не обеспечивающая устойчивой трансформации институциональных практик.

На микроуровне ключевую роль играют гендерные стереотипы и скрытая предвзятость, влияющие на оценку компетенций и лидерского потенциала. Индекс гендерных социальных норм ПРООН за 2023 г., основанный на данных из 80 стран, охватывающих 85% мирового населения, показал, что почти половина всех людей считают, что мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины, а 40% считают, что мужчины больше подходят на роль корпоративных руководителей [9]. Эти широко распространенные, часто бессознательные, убеждения формируют решения о найме, оценке эффективности, и, соответственно, карьерном продвижении. Бессознательная гендерная предвзятость представляет собой серьезную проблему для женщин, стремящихся к руководящим должностям, потому что их способности, опыт и стили лидерства оцениваются по мужскому образцу того, как выглядит лидерство, даже в организациях, формально приверженных гендерному равенству [10]. Отметим, что эти предубеждения присущи не только коллегам-мужчинам: они могут исходить и от самих женщин, иллюстрируя, насколько глубоко укоренившимися становятся гендерные социокультурные нормы и практики. Гендерная социализация усугубляет эту динамику ввиду того, что социальные процессы формируют культурное представление о том, кто является лидером, задолго до того, как женщины попадают в среду международной организации. Ожидания передаются через семейные структуры, образовательные учреждения, средства массовой информации и др., что оставляет международные организации незащищенными от фундаментальных социальных сил, фактически воспроизводя и усиливая внешние символы и нормы мужского лидерства. Так, феминистский институционализм позволяет рассматривать данные механизмы как часть институциональной логики, а не только в качестве индивидуальных предубеждений, тем самым связывая микроуровень с более широкими структурными условиями.

Следующим наиболее стойким барьером является дискурс меритократии, функционирующий как ключевой механизм легитимации существующего порядка. Сторонники этой точки зрения утверждают, что гендерные различия в руководстве отражают различия в квалификации или достижениях, а не системную дискриминацию [2]. С точки зрения институционального подхода, он не отражает нейтральную оценку заслуг, а закрепляет сложившиеся критерии, благоприятствующие уже представленным группам. Отсутствие женщин на руководящих должностях не может быть объяснено нехваткой квалифицированных кадров, недостаток заключается не столько в способностях женщин, сколько в процессах, используемых для выявления и оценки заслуг. В результате «меритократия» идеологически функционирует так, чтобы натурализовать дисбаланс и сопротивляться структурным реформам, представляя их как компромисс качества, а не исправление системных предубеждений.

Гендерный дисбаланс поддерживается также через внешние по отношению к организациям социальные структуры, включая неравномерное распределение обязанностей по уходу и социальное воспроизводство, что ограничивает возможности женщин участвовать в карьерных траекториях, характерных для международных организаций. Женщины, занимающие лидерские позиции, сталкиваются с ожиданиями соответствия строгим профессиональным критериям, одновременно выполняя непропорционально большую долю обязанностей по уходу. Так, во время пандемии COVID-19 женщины тратили на домашнюю работу в среднем на 15 часов в неделю больше, чем мужчины, и в этот период увеличился гендерный разрыв в оплате труда, и замедлилось продвижение женщин в мировом здравоохранении на руководящие должности [11]. Отсутствие единообразного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, финансируемого государством, забота о детях и пожилых членах семьи, часто ненормированный график работы, служат серьезным препятствием для карьерного роста и участия женщин в интенсивной работе международных организаций. Традиционное общественное ожидание того, что женщины по-прежнему несут основную ответственность за заботу о семье, создает так называемый структурный конфликт между требованиями международного руководства и домашними ролями, непропорциональная часть которых отводится женщинам [9]. В рамках многоуровневого анализа данные ограничения рассматриваются как связующее звено между социальной и институциональной сферами.

Еще один набор институциональных барьеров, которые можно отнести к межуровневым, связан с неравным доступом к неформальным структурам, способствующим карьерному росту. К ним относятся доступ к наставничеству, включение в профессиональные сети, через которые распространяются возможности, информация и поддержка. Женщины в организациях сообщают о трудностях с поиском подходящих наставников, учитывая, что высшее руководство преимущественно состоит из мужчин, что ограничивает видимость потенциала женщин и сокращает неформальную поддержку, имеющую решающее значение для назначения [12]. Гендерные предубеждения при приеме на работу и продвижении по службе в сочетании с неравным доступом к ответственным должностям ограничивают способность женщин набираться опыта, признанного необходимым условием для лидерства. В международных организациях это проявляется в концентрации женщин на административных и/или «мягких» программных должностях, а не политических, стратегических и исполнительных, которые формируют дальнейший карьерный путь. Этот барьер демонстрирует, как неформальные институты воспроизводят формальное неравенство и закрепляют его в организационной структуре.

Аргумент в пользу устранения институциональных барьеров на пути к лидерству женщин в международных организациях основывается не только на соображениях справедливости, но и на эффективности. Вовлечение женщин в процессы разработки и принятия решений – фактор качества и легитимности управления. На национальном уровне можно проследить, как привлечение большего числа женщин приводит к совершенствованию законодательства в области здравоохранения, образования, детства и материнства, ликвидации насилия. Гендерный паритет признается не просто как цель управления, но и как международно-правовое обязательство, основанное на праве на равенство и отсутствии дискриминации. Знаковой в этом отношении является статья 8 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин об

обеспечении равных условий представительства своего правительства на международном уровне и участия в работе международных организаций [13]. Таким образом, вопрос представительства приобретает не только политическое, но и правовое измерение, усиливая требования к институциональным изменениям.

Проведенный анализ показывает, что недопредставленность женщин в международных организациях является результатом взаимосвязанных механизмов, действующих на разных уровнях. Системный подход позволяет выявить структурные ограничения, обусловленные логикой международной системы, тогда как феминистский институционализм раскрывает конкретные практики, через которые эти ограничения реализуются. Таким образом, гендерный дисбаланс следует рассматривать как институционально встроенное свойство международных организаций, а не как временное отклонение. Его преодоление требует не отдельных реформ, а комплексной трансформации правил, норм, практик, определяющих функционирование международных институтов. В теоретическом плане это указывает на необходимость интеграции гендерного анализа в исследование международных организаций как ключевого измерения их институциональной динамики, без которого невозможно объяснение процессов принятия решений и структуры распределения власти в глобальном управлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Why so few women are in political leadership, and five actions to boost women's political participation [Electronic resource] // UN WOMEN. – 10.09.2024. – URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/explainer/2024/09/five-actions-to-boost-womens-political-participation> (date of access 04.04.2026).
2. A New Report Examines Women's Access to Positions of Power in the UN and the Multilateral System Since 1945 [Electronic resource] // GWL Voices. – 29.01.2026. – URL: <https://www.gwlvoices.org/actions/a-new-report-examines-women-s-access-to-positions-of-power-in-the-un-and-the-multilateral-system-since-1945> (date of access 04.04.2026).
3. Kaplan M.A. System and Process in International Politics. – New York : John Wiley&Sons.Ink. – 1957. – P. 283.
4. Thomson J. The Women, Peace, and Security Agenda and Feminist Institutionalism: A Research Agenda // *International Studies Review*. – 2019. – Vol. 21. – P. 598–613.
5. Sokolova M. V., DiCaprio A., Collinson N. B., Quirante Z. Beating the Odds: Women's Leadership in International Organizations // *Politics & Gender*. – 2023. – № 19 (4). – P. 1087–1109.
6. The Tipping Point: Why Women's Leadership in International Decision-Making Spaces Can't Wait [Electronic resource] // GQUAL. – 14.03.2025. – URL: <https://gqualcampaign.org/the-tipping-point-why-womens-leadership-in-international-decision-making-spaces-cant-wait/> (date of access 04.04.2026).
7. Haack K., Karns M. P., Murray J.-P. The United Nations at Seventy-Five: Where Are the Women in The United Nations Now? // *Ethics & International Affairs*. – 2020. – № 34 (3). – P. 361–371.
8. Haack K. Women, Organizational Crisis, and Access to Leadership in International Organizations // *Journal of Women Politics & Policy*. – 2016. – № 38 (2). – P. 175–198.
9. Sun Weiqing. Breaking the Glass Ceiling: The Rise of Women Leaders in International Organizations [Electronic resource] // Weiqing Sun. – 26.02.2024. – URL: <https://www.idobserver.org/english/2024/02/26/herleadership/> (date of access 04.04.2026).
10. Madsen S. R., Andrade M. S. Unconscious Gender Bias: Implications for Women's Leadership Development // *Journal of Leadership Studies*. – 2018. – № 12 (1). – P. 62–67.
11. Smith S. G., Sinkford J. C. Gender equality in the 21st century: Overcoming barriers to women's leadership in global health // *Journal of Dental Education*. – 2022. – № 86 (9). – P. 1144–1173.
12. Kulkarni A., Mishra M. Aspects of Women's Leadership in the Organization: Systematic Literature Review // *South Asian Journal of Human Resources Management*. – 2021. – № 9 (1). – P. 9–32.
13. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (adopted 18 December 1979 by United Nations General Assembly resolution 34/180) [Electronic resource] // United Nations. – URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women> (date of access 04.04.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ I. МИР ВОКРУГ НАС: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	6
<i>Быстрова А. М., Копань А. А.</i> Реализация свободы слова в электронных СМИ Китая, Сингапура, Мьянмы и Таиланда	6
<i>Июкша Е. О., Кучумова Е. В.</i> Влияние социальных медиа на восприятие российско-казахстанских отношений в молодежной среде	13
<i>Карандаков М. С.</i> Литиевый треугольник Латинской Америки: ресурсная база и национальные стратегии освоения	18
<i>Момотова Т. А., Цивилева М. В.</i> Промышленные кластеры в едином экономическом пространстве ЕАЭС: основы сравнительного анализа	24
<i>Петухова Ю. А., Кузнецов Т. Д.</i> Использование элементов массовой культуры в политике США по нормализации военных действий на Ближнем Востоке в 2026 году	29
<i>Радченко А. А.</i> Эволюция мотивов украинской миграции в ЕС (2022–2026)	35
<i>Рыбакова В. Е.</i> Организация российского бизнеса в Турции после 2022 года	42
РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ	48
<i>Гудалов Н. Н.</i> Человеческая природа и культура у Фукидида: некоторые уроки для теории международных отношений	48
<i>Куцин А. А.</i> Теория Липсета – Роккана в контексте трансформации партийной системы Франции	53
<i>Скиблюк И. А.</i> Теоретические аспекты деглобализации: роль России в процессе ресуверенизации	58
<i>Шульчин Р. Д.</i> Теоретическое ядро российских международных отношений в условиях нового мирового порядка	65
РАЗДЕЛ III. МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ	71
<i>Власенко П. А.</i> Ормузский пролив как фактор пространственной уязвимости энергетического импорта Вьетнама	71
<i>Возный Н. Ю.</i> Роль международных организаций в урегулировании современных гуманитарных вызовов: особый правовой статус международного комитета Красного Креста	78
<i>Довгаленко А. А.</i> Экономические форумы как инструмент экономической дипломатии государств БРИКС	83
<i>Коломиец М. В.</i> Освещение вопроса реституции культурных ценностей в средствах массовой информации федеративной республики	87
<i>Колоскова Е. А.</i> Международный туризм как инструмент «мягкой силы»	92
<i>Макаревич П. А.</i> Эволюция архитектуры управления интернетом от технического режима к фрагментации	97
РАЗДЕЛ IV. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	103
<i>Живилова А. Г.</i> Германия как «мотор» европейской солидарности: роль Берлина в принятии и реализации директивы ЕС о временной защите	103
<i>Зеленева И. В.</i> Перспективы сотрудничества российского Дальнего Востока и Белоруссии	109

<i>Кох З. И., Ботева Е. М.</i> Российско-китайское стратегическое партнерство в развитии большой Евразии	115
<i>Меркулова М. С.</i> Российско-китайское сотрудничество в рамках «Один пояс, один путь»: эволюция, проекты и вызовы	119
<i>Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В.</i> Сотрудничество государств в противодействии терроризму: региональный аспект	125
<i>Му Ясюань</i> Форум Китай – CELAC как инструмент противодействия американской «доктрине Монро 2.0.»	131
<i>Ронжина П. А.</i> Транс-евразийский пояс развития: инвестиции, потенциал и геоэкономические вызовы мегапроекта	136
<i>Степанова Д. А.</i> Политический путь АНК: союзники, наследие и современные кризисы	141
РАЗДЕЛ V. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ...	148
<i>Боголюбова Н. М.</i> Гастрономическая дипломатия Санкт-Петербурга	148
<i>Николаева Ю. В.</i> Культурные связи России после начала специальной военной операции: новые возможности и перспективы	152
<i>Пантюхина В. Д.</i> Культурная дипломатия как современный инструмент стратегической стабильности между Россией и Республикой Корея	159
<i>Петухова Ю. А.</i> Морфология русской сказки и ее отражение в гуманитарных связях внешней политики Российской Федерации на современном этапе	165
<i>Семак В. М.</i> Национальные модели публичной дипломатии: сравнительный анализ концептуальных подходов США, РФ и КНР	170
<i>Фарниева А. Т.</i> Ливанская идентичность в творчестве Джебрана Халиля Джебрана и Амина Ар-Рейхани	176
РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	181
<i>Возный Н. Ю.</i> Несправедливость в международном праве: вызовы суверенитету и многополярность	181
<i>Гринблат В. С.</i> Государственность Курдистана: институты и власть	186
<i>Кузнецова А. В., Пиштаева К. К.</i> Инициатива «Один пояс, один путь» как политико-правовой институт современного Китая	191
<i>Ловцова К. Р.</i> Нарушение международного гуманитарного права в контексте сербско-косовского кризиса и роль информационной войны	196
РАЗДЕЛ VII. ТРЕНДЫ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	204
<i>Барановская А. В.</i> Китай и трансформация поведения союзников США: стратегия неопределённости в Республике Корея	204
<i>Евсеева Л. И., Танова А. Г., Максимова А. А., Климушев А. С.</i> Коммуникационное сопровождение коммерческой компании: теоретические аспекты анализа	210
<i>Кади С. В., Ваганова О. Ю.</i> Современное состояние нефтяной отрасли Российской Федерации и роль крупнейших компаний в ее развитии	216
<i>Поздеева Е. Г., Евсеев В. В., Тучкевич Е. И.</i> Отношение молодежи к национальному бренду «сделано в России»: социологический анализ	221
<i>Трачук Е. А.</i> Институциональные ограничения для участия регионов России в международных экологических туристических проектах	227
<i>Филатова П. В.</i> Трансформация Индо-Китайского пограничного конфликта в контексте развития БПЛА	233
<i>Шишигина О. С.</i> Образ турецкого султана в России в XV – начале XX веках	238
<i>Черепанова А. Д.</i> Женщины-лидеры в международных организациях: институциональные барьеры	244

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Подписано в печать 21.04.2026. Формат 60×84/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500. Заказ 2319.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного ответственным редактором,
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.